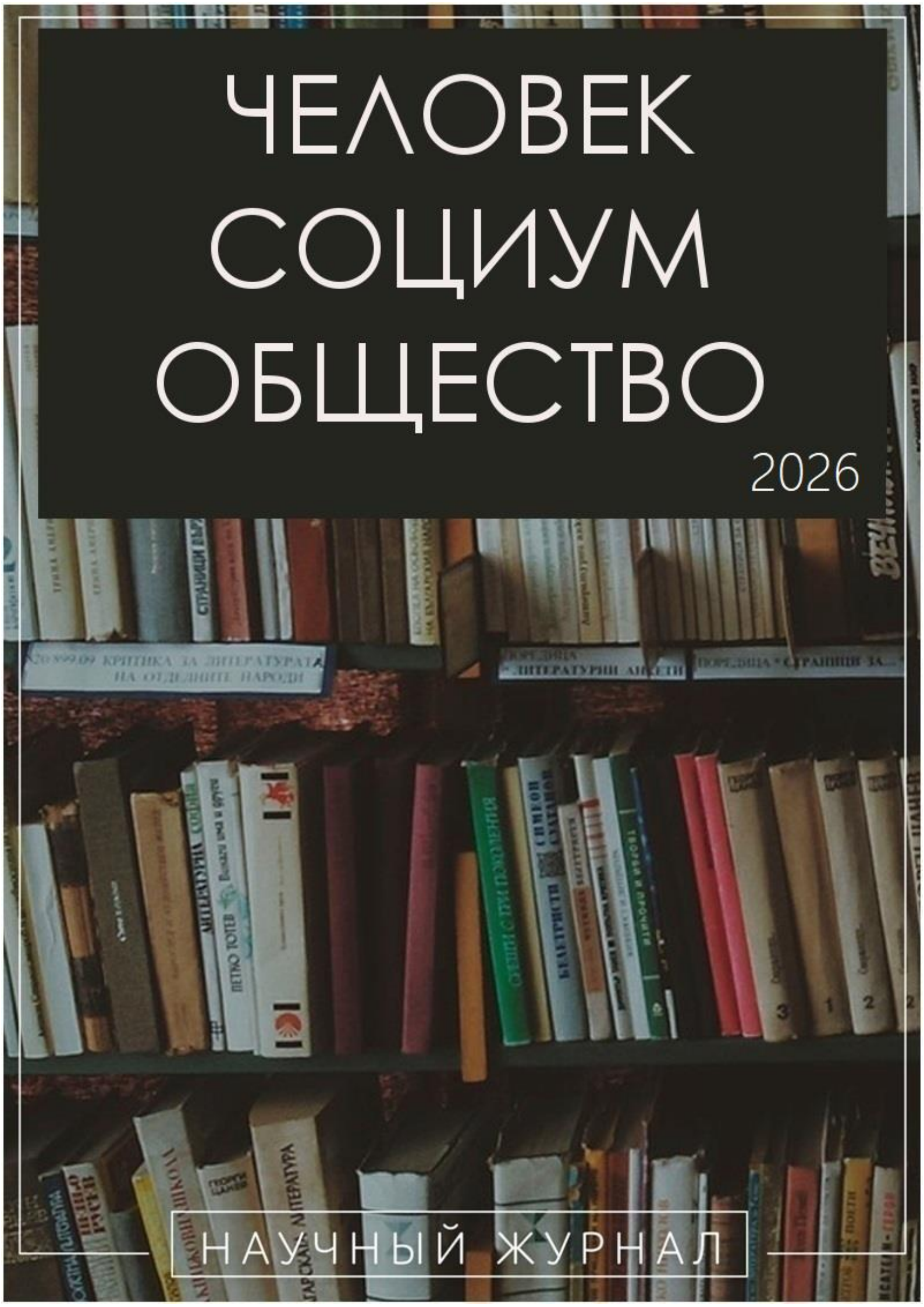
ЧЕЛОВЕК СОЦИУМ ОБЩЕСТВО

2026



НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выпуск 8-2026

31.05.2026 УДК 378.001 г. Москва

Международный гуманитарный журнал "Человек. Социум. Общество" рассчитан на молодых ученых, студентов и аспирантов. Публикуются статьи по педагогике, психологии и социологии. Специализация журнала позволяет размещать результаты исследований междисциплинарного характера. Все материалы проходят проверку на плагиат и рецензируются. Редакция оставляет за собой право отклонения статей, не соответствующих требованиям предоставления материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей. Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи. При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна.
Международный Центр «Искусство и образование» http://www.art-in-school.ru/ e-mail: jornal-gum@yandex.ru

Главный редактор:

Жаркова Алена Анатольевна —доктор педагогических наук, кандидат философских наук, профессор, профессор РАО, Московский государственный институт культуры (Москва)

Редакционная коллегия:

М. П. Нечаев — доктор педагогических наук, профессор, Академия социального управления (Москва)

А. Ю. Огородников — доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (Москва)

С. М. Куницына — кандидат педагогических наук, доцент, Академия социального управления (Москва)

Г. П. Иванова — доктор педагогических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Москва)

Г. С. Голошумова — доктор педагогических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет (Москва)

А. Д. Жарков — доктор педагогических наук, профессор, Московский государственный институт культуры (Москва)

Московский государственный институт культуры

Л. П. Шиповская — доктор философских наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (Москва)

А. В. Молчанова — кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный социальный университет (Москва)

Е. В. Суровцева – кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

А. В. Неверов – кандидат социологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (Москва)

Е. А. Журавлева — кандидат педагогических наук, доцент, Московский государственный институт культуры (Москва)

М. Р. Резаков — кандидат политических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)

И. В. Кудринская — кандидат педагогических наук, доцент, Московский городской педагогический университет (Москва)

Е. В. Летов — кандидат философских наук, Московский государственный институт культуры (Москва)

А. П. Сухоносов — кандидат психологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет (Москва)

С. В. Трушкова — кандидат психологических наук, доцент, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)

Редакционный совет:

О. А. Иванова — доктор педагогических наук, профессор, Московский городской педагогический университет (Москва)

В. М. Поставнев – кандидат психологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет (Москва)

С. Л. Фролова — доктор педагогических наук, профессор, Академия социального управления (Москва)

И. В. Афанасьев – кандидат юридических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва)

А. Н. Анищенко – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией «Стратегическое развитие агропромышленного комплекса» Институт проблем рынка РАН (Москва)

В. В. Чурин – кандидат философских наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва)

В. А. Есаков – доктор культурологии, профессор, Московский государственный институт культуры (Москва)

С. А. Уталиев – доктор философских наук, профессор, Казахско-Русский Международный университет (КРМУ) (Актобе)

З. М. Мухамедова — доктор философских наук, профессор, Ташкентский государственный стоматологический институт (Ташкент)

Д. Х. Исламова – доктор философии, профессор, Ташкентский государственный технический университет (Ташкент)

С. С. Байсарина — кандидат педагогических наук, профессор РАЕ, Евразийский национальный университет имени Л.Н.Гумилева (Нур-Султан)

Н. В. Обелюнас — кандидат филологических наук, доцент, Кемеровский государственный университет (Кемерово)

С. С. Жубакова — кандидат педагогических наук, доцент, Евразийский Национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Нур-Султан)

И. В. Воробьёва — кандидат культурологии, доцент, Белорусский государственный университет (Минск)

А. А. Бейсембаева — кандидат педагогических наук, профессор, Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (Алматы)

Х. Б. Норбутаев — кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой начального образовании Термезский государственный университет (Термез)

Г. М. Сыдыкова — кандидат психологических наук, доцент, Кыргызский Национального университета имени Жусупа Баласагына (Бишкек)

Подписано в печать 31.05.2026г. Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л. 2 | Тираж 100

Содержание

РАЗДЕЛ 1: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

1. **АНДРЕЕВА КСЕНИЯ ОЛЕГОВНА, МАДАЛИЕВА З.Б**
   ОСОБЕННОСТИ ВООБРАЖЕНИЯ У ДЕТЕЙ С РАС …….....8
2. **ПОТАПОВ ФЕДОР СЕРГЕЕВИЧ**
   РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ РАЗВИТИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВЫНОСЛИВОСТИ ЛЫЖНИКОВ-ГОНЩИКОВ МЕТОДОМ СОПРЯЖЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ПАРАМЕТРОВ СОРЕВНОВАТЕЛЬНЫХ ТРАСС …….....14
3. **КУНЦ АНАСТАСИЯ ВЛАДИСЛАВОВНА**
   ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ К УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ 9 КЛАССА НА УРОКАХ ФИЗИКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМЫ В.Ф. ШАТАЛОВА …….....25
4. **ЛЕСНИКОВА ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА, СИМЕОНИДИ ЗОЯ ЛЕОНИДОВНА**
   ВЛИЯНИЕ ЗАНЯТИЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ НА ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ СТУДЕНТОВ …….....……...32
5. **РОМАНОВ АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ, БОЛДЫШЕВА НАТАЛЬЯ ОЛЕГОВНА**
   ФАКТОРЫ АКАДЕМИЧЕСКОГО МОШЕННИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ …….....….39
6. **ПОТАПОВ ФЕДОР СЕРГЕЕВИЧ**
   СКАНДИНАВСКАЯ ХОДЬБА В СПОРТИВНОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ: СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ..……....51
7. **КОНДЖОРЯН АРТУР АЛЬБЕРТОВИЧ, МАЛКОВА ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА**
   СССР И ТАИЛАНД: ПОЛВЕКА ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1941-1991)…….…...57
8. **ЗАЩУК ЭМИЛИЯ ИГОРЕВНА**
   ВЗАИМОСВЯЗЬ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ ……..……..……63
9. **ЖУРБА ДЕНИС ВИТАЛЬЕВИЧ**
   АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ И ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ АНАЛИТИКА ФИЛОСОФИИ ПРОКАЖЁННОГО КОРОЛЯ ИЕРУСАЛИМСКОГО БАЛДУИНА IV …….…….77
10. **ГРЯЗНЫХ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ**
    АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ ЛИЧНОСТИ …….....84
11. **КИСЕЛЕВА АЛИСА НИКОЛАЕВНА, СТЕПАНОВА ОЛЬГА ПАВЛОВНА**
    ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛОЖНОЙ ПТСР-СИМПТОМАТИКИ У ЛИЦ С ТРАВМОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ …….…….…...90
12. **ШЕЛЯКИНА АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА**
    РАЗВИТИЕ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВЫНУЖДЕННОЙ ДЕВИАНТНОЙ АДАПТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛЬМА «МИЗЕРИ») ……..….99

13. **ШЕЛЯКИНА АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА**
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖЕРТВЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭКРАНИЗАЦИИ РОМАНА С. КИНГА «МИЗЕРИ»)……..105

14. **РАСУЛОВА ФИДАН ФИЗУЛИ КЫЗЫ, ТРОХОВА СОФЬЯ СЕРГЕЕВНА**
ГЕНЕЗИС И ПОЭТИКА АНТИУТОПИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Е. И. ЗАМЯТИНА «МЫ»..... ..111

15. **РАСУЛОВА ФИДАН ФИЗУЛИ КЫЗЫ, ТРОХОВА СОФЬЯ СЕРГЕЕВНА**
ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПОЭТИКА АКМЕИЗМА: ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ К ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ А. АХМАТОВОЙ «ТАК БЕСПОМОЩНО ГРУДЬ ХОЛОДЕЛА…»)..... .118

16. **ЗАБОЛОТСКАЯ Н.Н.**
СТРАТЕГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ ДЕБЮТНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОЕКТОВ В РЕГИОНАЛЬНОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ: ОТ ТЕОРИИ ПОЛЯ П. БУРДЬЁ ДО МЕТРИК МЕДИАЭФФЕКТИВНОСТИ ……..…...125

17. **СОБЕННИКОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА, АБОРИН ВЛАДИСЛАВ СЕРГЕЕВИЧ, АКИМОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ**
СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ЛИТЕРАТУРНОМУ ОБЗОРУ ……...…...136

18. **МАГЛАТЮК Т.В., ГОЛОВЧЕНКО М.Ю.**
СРАВНЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УТРЕННЕЙ ЗАРЯДКИ И ВЕЧЕРНЕЙ РАСТЯЖКИ В РЕГУЛЯЦИИ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ.…….……...148

19. **ВИКТОРОВА АНАСТАСИЯ АНДРЕЕВНА**
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА МАТЕРИАЛАХ РАССКАЗОВ У.С. МОЭМА) ……..….....157

20. **ПАВЛОВА МАРИЯ ПАВЛОВНА, ДУДКИНА АНАСТАСИЯ ИГОРЕВНА**
ОСОБЕННОСТИ НЕЙРОПЕРЕВОДА «-ING» ФОРМ И ОБОРОТОВ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК ……...……...164

21. **МАСЛОВ А.Н.**
РОЛЬ ЛИЧНОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНО УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ-МУЗЫКАНТОВ В ВУЗЕ ….……...…….....174

22. **ЖУРБА ДЕНИС ВИТАЛЬЕВИЧ**
ЭТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ ОБСЦЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ДУХОВНО - МАТЕРИАЛЬНОМ БЫТИЕ ……...……..……....179

РАЗДЕЛ 2. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

23. **ПОЛОНСКИЙ ИВАН АНДРЕЕВИЧ**
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВОВЛЕЧЕНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЭКСТРЕМИСТСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ……...190

24. **ПОЛОНСКИЙ ИВАН АНДРЕЕВИЧ**
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: КВАЛИФИКАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ …….....…...197

25. **ЕГОРОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ, ИГНАТЬЕВА ИРИНА ЛЕОНИДОВНА**
ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ, РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО СТ. 258 УК РФ ПРИ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКАХ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ОСОБО ОХРАНЯЕМЫМ ВИДАМ.....204

26. **ЧЖАН ЮЙМЭН**
ИССЛЕДОВАНИЕ КИТАЙСКО - РОССИЙСКИХ СПОРТИВНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ОБМЕНОВ В РАМКАХ «ПОЯСА И ПУТИ»…….....212

27. **ЕРЕМЕНКО ДАНИЛ ДМИТРИЕВИЧ**
РАЗРАБОТКА КОММУНИКАЦИОННОЙ ПРОГРАММЫ ПО ПОВЫШЕНИЮ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ МЕДИАОРГАНИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ОНЛАЙН ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЦЕЛЛЮЛОЗА»……..……230

28. **СОРОКИНА АНАСТАСИЯ АЛЕКСЕЕВНА, ВИННИЧЕНКО АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ**
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ……..238

29. **ЧУКАВИН ИЛЬЯ ЮРЬЕВИЧ**
ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ КОМПАНИИ НА ОСНОВЕ МЕТОДА АНАЛИЗА ИЕРАРХИЙ И МЕТОДА ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК……..245

30. **ГАНСА НАТАЛИЯ ВИТАЛЬЕВНА, ЮШИНА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА**
МЕХАНИЗМЫ И СПОСОБЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА НА ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТРУКТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ……..….....255

31. **ВОЛКОВА ЛЮБОВЬ АЛЕКСАНДРОВНА**
ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ)……. ……..261

32. **ЛАЗУТИНА ВИКТОРИЯ ВЛАДИМИРОВНА, ПАНИН СЕРГЕЙ ИГОРЕВИЧ**
АНАЛИЗ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ.…….……...268

33. **ШАЛЬНЕВА Е.В., ШЕХОВЦЕВА ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА**
ДИСТАНЦИОННЫЙ ОТКАЗ ОТ НАСЛЕДСТВА: ПРЕДЕЛЫ ДОПУСТИМОСТИ И МОДЕЛИ ПРАВОВОГО

РЕГУЛИРОВАНИЯ.……...…….……...274

34. **КАМАКИНА ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА, ШЕНЬКО РАДОМИР СЕРГЕЕВИЧ, ФЕСЕНКО ОЛЕСЯ ПАВЛОВНА**
МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ВЛИЯНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ НА КАЧЕСТВО ДЕЛОВОГО ТУРИЗМА.…….…….....279

35. **ЧУВИЛИНА ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА, ФИЛИМОНЦЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА**
РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ПЛАНОВО-ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ И РЫНОЧНОЙ БАНКОВСКИМИ СИСТЕМАМИ.…….……..……...…..286

36. **ЖИДКОВА АНГЕЛИНА ВИТАЛЬЕВНА, ГАБРИЛЯН РОМАН РУСЛАНОВИЧ**
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ КОРРУПЦИЯ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ КАК УГРОЗА КАДРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ.…….…….....293

37. **ЮХА ДАНИИЛ СЕРГЕЕВИЧ, КОНДРИН ИГОРЬ ДЕНИСОВИ, ГАБРИЛЯН РОМАН РУСЛАНОВИЧ**
ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ (YOUTUBE, TELEGRAM, DISCROD) КАК КАНАЛЫ ИНФИЛЬТРАЦИИ ДЕСТРУКТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ: МЕТОДИКИ ВЫЯВЛЕНИЯ УГРОЗ.…….....302

38. **ДРЯЕВА АМИНА АЛАНОВНА, ГАЗЗАЕВА МАДИНА ТОТРБЕКОВНА**
НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.…….……..……..…….....311

39. **САНГУРОВА ОЛЬГА ОЛЕГОВНА, МОГУТИН РОМАН ИВАНОВИЧ**
ТАКТИКА ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СОВРЕМЕННЫЕ НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ.…….....320

40. **БАЙБОРОДОВА АРИНА ГРИГОРЬЕВНА, ВИННИЧЕНКО АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ**
ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ ОТ ПРЕДМЕТОВ ХОЗЯЙСТВЕННО-БЫТОВОГО НАЗНАЧЕНИЯ.…….…….....327

41. **ВОЛКОВА АЛЕКСАНДРА РОМАНОВНА**
КОММЕРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ.……..…….…….....335

42. **ФИЛОНОВА ВЕРОНИКА АЛЕКСЕЕВНА**
АЛИБИ. ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЛОЖНОГО АЛИБИ…….342

43. **БИГВАВА М.Г., ФИЛИМОНЦЕВА Е.М.**
РАЗВИТЫЕ И РАЗВИВАЮЩИЕСЯ БАНКОВСКИЕ СИСТЕМЫ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ, УРОВНИ УСТОЙЧИВОСТИ И ТРАЕКТОРИИ ТРАНСФОРМАЦИИ.…….…….…..…...349

44. **ТЕРТЫШНИКОВА Е.А., БОЧКОВА Т.А**
ДЕФИЦИТ КАДРОВ ПРИ НИЗКОЙ БЕЗРАБОТИЦЕ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ.……..…….....357

45.**ЯНШИН ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ**
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА.....363

46.**САБИРЗЯНОВ РУСТАМ ИЛЬДУСОВИЧ**
ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА СТРУКТУРЫ КАДРОВОГО СОСТАВА ФГКУ «СИБИРСКИЙ СПАСАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР МЧС РОССИИ»……..371

47.**БАШТОВОЙ СЕРГЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ, БЕРСЕНЕВА АННА АНДРЕЕВНА**
УСЛОВНЫЕ ЗАВЕЩАНИЯ В ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВЕ: ОСОБЕННОСТИ ТОЛКОВАНИЯ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ.....379

48.**МУСАТОВ МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ**
ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ - РАЗВИТИЕ МЕДИАЦИИ И СУДЕБНОГО ПРИМИРЕНИЯ ……..……....388

49.**ЧАЙКО КРИСТИНА ВИКТОРОВНА**
ДОСУДЕБНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПОРОВ: ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ПРЕДЕЛЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ПРЕТЕНЗИОННОЙ ПРОЦЕДУРЫ …….……...……..……....396

50. **ГОРОХОВ ИВАН СЕРГЕЕВИЧ**
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ……...…….....402

51.**БЕНЧУК ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА**
ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛЬНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ МЕЖПАРЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕИ СНГ В СФЕРЕ ПОГРАНИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ……...……..…….....406

РАЗДЕЛ 1: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Андреева Ксения Олеговна
Andreeva Ksenia Olegovna
магистрант
Казахский национальный университет имени аль-Фараби
e-mail: Lila66974@gmail.com

научный руководитель
Мадалиева З.Б.
Madalieva Z.B.
профессор, доктор психологических.наук
Казахский национальный университет имени аль-Фараби

ОСОБЕННОСТИ ВООБРАЖЕНИЯ У ДЕТЕЙ С РАС

FEATURES OF IMAGINATION IN CHILDREN WITH ASD

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о развитии, функционировании и особенностях процесса воображения при расстройствах аутистического спектра. Рассматриваются различные ресурсы и статьи и приводится их анализ.

Abstract. This article examines the development, functioning, and characteristics of the imagination process in autism spectrum disorders. Various resources and articles are reviewed and analyzed.

Ключевые слова: аутизм, воображение, исследование, мышление, теория, психические функции, психические процессы.

Keywords: autism, imagination, research, thinking, theory, mental functions, mental processes

На фоне повышения интереса к психологии и педагогике, а также необходимости разработки новых методов лечения и воспитания детей с РАС, тема исследований в этой области остается весьма актуальной и востребованной как в современном обществе, так и в практической работе с детьми. Понимание тонкостей механизмов воображения может помочь разработать более качественные подходы к обучению и социальной адаптации нейроотличных детей. Исследование особенностей взаимодействия детей с РАС может открыть новые горизонты в их внутреннем мире и помочь родителям и педагогам создать более благоприятную среду для их развития.

В первую очередь следует отметить, что воображение играет решающую роль в когнитивном и эмоциональном развитии ребенка. Воображение- форма психического

отражения мира, которая проявляется у детей в довольно раннем возрасте, выражаясь как способность создавать различные образы, манипулировать ими, изменять их, генерировать идеи и представления. Важность воображения в рамках нейротипичного мыслительного процесса сложно переоценить, поскольку оно тесно взаимосвязано с мышлением, памятью, процессами планирования и т.д. К воображению приписывают огромное количество функций из самых разных отделов психики, такие как регулирование эмоциональных состояний, представление действительности и решение задач в гипотетических образах, регуляция познавательных процессов, планирование деятельности и полная оценка замыслов, их правильности, тонкостей процесса реализации [1, с.576]. Л.С.Выготский в своих работах даже допускал, что возможно, мышление и воображение неразрывно связаны. Мы считаем важным подчеркнуть аспекты связи и различий этих понятий, поскольку при расстройствах аутистического спектра их дифференциация играет чуть ли не первостепенную роль. Связано это с тем, что многие ученые, выводя “аутистическую триаду” говорят о нарушениях процесса воображения, а иногда и о его отсутствии, в то время как у других ученых, расстройства воображения даже не упоминаются, что и побудило на создание данной статьи.

Для разбора этого вопроса сначала следует разобраться в понятии воображение и тонкостях работы этого процесса. По сути, мышление и воображение по своей природе схожи, оба они возникают в сознательном поле в проблемной ситуации и мотивируются различными потребностями личности, основывая свою работу на опережающем отражении, которое формирует решение задачи, исходя из имеющихся данных, либо путем воображения, либо мышления. При этом воображение используется при нехватке информации и неполноте знания. Так, можно предположить, что наличие более полной информации о ситуации способствует увеличению активности именно процесса мышления и опережающего отражения. Главный вывод, который можно сделать в том, что в вопросе мышления и воображения нет их полного разделения, они скорее являются разными вариантами, формами, по своей сути одного и того же. Что для нас важно понять- мышление в своей глубине может обеспечить полноценное функционирование человека и хорошее оперирование понятиями, их анализ и преобразование, в особенности близко к воображению находится наглядно-образное мышление, которое может наиболее полно воссоздать образ предмета из его фактических характеристик, содержащих, в том числе виденье сразу с нескольких точек

зрения. Но воображение имеет несколько функций, к которым будет крайне сложно дойти через мышление, а в некоторых случаях и невозможно. Именно воображение отвечает за предвосхищение новых ситуаций и более качественное проецирование будущего через систему образов, которые и являются “единицами” воображения (для мышления же “единицами” будут понятия), через них же рождается и понятие “креативности”, возможности генерирования новых образов на базе старых. Для этого аспекта воображения существует отдельный набор тестов, которые могут помочь измерить человеческую креативность и способность к творческому мышлению, например, тест Торренса или Гилфорда, хотя следует упомянуть, что универсальной метрики для этого не существует, а имеющиеся могут подвергаться некоторой критике. Еще важность воображения раскрывается в явлении эмпатии, которое базируется во многом на образах. Именно творческая сторона реальности принадлежит воображению, мышление без воображения становится более репродуктивным.

Относительно других мыслительных процессов, воображение частично базируется на памяти, используя энграммы (“следы памяти”) для синтеза новых представлений. Но эти процессы отличаются разной направленностью в работе с образами. Память стремится воссоздать образ максимально приближенный к реальности, а воображение будет пытаться его максимально преобразовать. Также основой для воображения является и процесс восприятия, но с ним связь воображения более сложная, поскольку оно не только базируется на восприятии, но и не редко участвует в нем при “достраивании” образа воспринимаемого объекта, той его части, которая, например, не воспринимается напрямую.

Отдельным аспектом в вопросе воображения является эмоциональная сфера, которая функционирует с воображением в тесной взаимосвязи, которую рассмотрел Л.С.Выготский в работе “Психология искусства”. Воображение может выступать как часть компенсаторного механизма для эмоциональной разрядки, учитывая “закон реальности чувств”, который по сути означает что все эмоциональные переживания, даже вызванные фантазией, не являющиеся реальными, проживаются на совершенно реальной эмоциональной основе. Так, при нейротипичном функционировании, человек может переработать излишнее эмоциональное напряжение и компенсировать свои неудовлетворенные потребности. [2],

В итоге, хоть и воображение невозможно полностью объективно измерить, но оно

связано и частично выражается в других процессах психики, в которых, при отсутствии или искажении воображения, по закону системности, тоже должны происходить изменения.

Относительно вопроса воображения при расстройствах аутистического спектра, то считается, что для людей с такими расстройствами характерно искаженное развитие воображения, которое характеризуется двумя крайностями- паталогическое фантазирование и чрезмерно скудные представления. Во-первых, на данном этапе мы уже можем сделать вывод, что как таковое отсутствие воображения для аутизма не характерно, ведь от этого процесса зависит обромное количество других психических функций. Отсутствие воображение задело бы многие другие психические процессы и было бы крайне заметно еще на этапе восприятия, искажая его и преобразовывая. Основное слово о нарушении воображения при РАС было высказано в триаде Лорны Винг, называемой иначе как триада Винг-Гулд. Она была разработана в 1979 году для диагностики раннего детского аутизма и, в вольном переводе в статьях на русском языке трактуется как триада нарушений, свойственных детям с ранним детским аутизмом, в триаду входят качественные ухудшения в трех сферах: социального взаимодействия, вербальной и невербальной коммуникации, воображения. При этом во многих статьях воображение в этой триаде трактуется буквально, как нарушения самого психического процесса, что не совсем верно. Другие русскоязычные источники трактуют “нарушения в сфере воображения” как ограниченный репертуар интересов и видов активности, что так же не является синонимичным. По сути в этом вопросе правильнее бы было называть эти нарушения не “нарушениями воображения”, а стереотипностью действий (стереотипиями). Сама же Лорна Винг в своей триаде нарушений (Triad of Impairments) указывала немного иные параметры, которые, в более точном переводе звучат как: социальные отношения (social relationships), социальная коммуникация (social communication), социальное понимание (social understanding). При том “социальное понимание” также трактовалось другими учеными как “социальное воображение” (social imagination), но и в первом и во втором случае объяснялось скорее, как ригидность интересов и поведения, на наш взгляд, не имеющая ничего общего с нарушениями процесса воображения. Упоминается, что слабый уровень воображения выражается именно в узком спектре поведенческих привычек, ограниченных интересах (только к одному направлению) и многократному повторению одних и тех же фраз [3].

Согласно некоторым практическим исследованиям мы можем сделать вывод, что основная проблема системы воображения при РАС это часто ее позднее развитие по сравнению со сверстниками, но не искажение и не отсутствие. Воображение, по своей сути формируется при наличии достаточного опыта, впечатлений и представлений о реальности, но, по нашим гипотезам, этот процесс в случае расстройств аутистического спектра может проходить с заметными трудностями по причине сенсорных нарушений. [4] Согласно теории, наличие сенсорных нарушений (гиперсензитивности или гипосензитивности) мешает познавательным процессам ребенка, отделяя его от реальности, заставляя человека искать иные способы компенсации и существования. Если придерживаться теории, что аутизм развивается на фоне сенсорных нарушений, то механизм, связанный с воображением, складывается следующим образом: Рождается ребенок, у которого через время начинают отмечать сенсорные особенности, через некоторое время врачи ставят ребенку аутизм. Из-за сенсорных особенностей появляются так же и проблемы в адаптации к окружающей среде, ведь и недостаточная чувствительность, и ее избыток мешают познавательной деятельности ребенка, замедляя ее. В итоге, гипотетически складывается такая ситуация, что из-за замедления познавательной деятельности воображение развивается чуть медленнее, нежели при нейротипичном развитии и больше играет роль адаптационного механизма и, возможно, становится менее произвольным и более направленным поскольку большая часть мыслительной активности психики уходит на обработку сенсорной информации и адаптацию к ней.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что воображение при аутизме не нарушено, а имеет иное назначение, не просто как способ творческого развития и предвосхищения будущих ситуаций, как в случае нейротипичного развития, а как дополнительная структура, ответственная за стабилизацию часто перегруженной психики. Но, учитывая то, что организм может нормально функционировать без воображения, то оно развивается чуть позднее, и работает менее активно. Дополнительно нам кажется важным указать, что при свойственной аутизму ригидности воображение может принимать более пассивную форму, поскольку часто работает в сторону синтеза новых впечатлений и идей, что, при определенной степени расстройств аутистического спектра становится лишней нагрузкой на сенсорную и эмоциональную систему.

Литература:

1. Воображение // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907.

2. Выготский Л. С. Психология искусства. Анализ эстетической реакции. М.: Лабиринт, 1998.

3. Wing L, Gould J. Severe impairments of social interaction and associated abnormalities in children: epidemiology and classification. J Autism Dev Disord. 1979 Mar;9(1):11-29. doi: 10.1007/BF01531288. PMID: 155684.

4. Н.Г. Насонова // (2017). Особенности воображения детей с расстройствами аутистического спектра. Humanitarium. 55-57. 10.21661/r-114644.

5. Рыбаченко А. Б. Теоретические основы воображения, его виды и функции / А. Б. Рыбаченко, М. Ф. Барба, Е. В. Харсекина. — Текст: непосредственный // Образование и воспитание. — 2016. — № 5 (10). — С. 79-83. — URL: https://moluch.ru/th/4/archive/48/1643.

6. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте / Л.С. Выготский. – М.: Просвещение, 1991. – 93 с. Выготский Л. С., Лекции по психологии. СПб., 2003

7. Кузенко, С. С. Триада нарушений социализации, коммуникации и воображения как основа для исследований в области аутизма // Российский психологический журнал. — 2007. — Т. 4, № 4. — С. 87–90. — DOI: 10.21702/rpj.2007.4.10.

8. Русакова, Г. В. Детский аутизм: особенности проявления, основные положения при организации терапии // The Newman in Foreign Policy. — 2022. — № 64 (108). — С. 42–44. — URL: CyberLeninka (дата обращения: 12.05.2026).

9. Козунова, Г. Л., Новиков, А. Ю., Чернышев, Б. В. Профиль интеллекта и личностные особенности у взрослых пациентов с высокофункциональным аутизмом // Национальный психологический журнал. — 2023. — Т. 18, № 1. — С. 18–31. — DOI: 10.11621/npj.2023.0102.

Потапов Федор Сергеевич
Potapov Fedor Sergeevich
ассистент кафедры теории и методики лыжных видов спорта
ФГБОУ ВО «Российский университет спорта «ГЦОЛИФК»
e-mail: fpotapoch@mail.ru

РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ РАЗВИТИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВЫНОСЛИВОСТИ ЛЫЖНИКОВ-ГОНЩИКОВ МЕТОДОМ СОПРЯЖЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ПАРАМЕТРОВ СОРЕВНОВАТЕЛЬНЫХ ТРАСС

DEVELOPMENT OF A METHOD FOR DEVELOPING SPECIAL ENDURANCE IN RACING SKIERS BY THE METHOD OF CONJUGATED IMPACT BASED ON THE ANALYSIS OF COMPETITION TRACK PARAMETERS

Аннотация. В научной статье представлены материалы по разработке и научному обоснованию экспериментальной методики развития специальной выносливости лыжников-гонщиков 15–16 лет на этапе спортивной специализации, интегрирующую метод сопряженного воздействия (далее – МСВ) с параметрами сертифицированных лыжных трасс. Проведён статистический анализ профиля сертифицированной трассы МАСОУ «Зоркий» в сравнении со среднероссийскими показателями; систематизированы биоэнергетические механизмы, активируемые на подъёмах категорий А, В, С; на основе положений В.М. Дьячкова, И. В. Гавердовского, Ю.В. Верхошанского и др. авторами спроектированы специализированные комплексы упражнений «Имитация лыжных ходов» и «Лыжероллеры-внедорожники» (далее сответсвенно «ИЛХ», «ЛВ»). Разработанные комплексы ИЛХ №1–2 и ЛВ №1–3 дифференцированы по зонам интенсивности, длине отрезков и механизмам энергообеспечения; их применение структурировано в рамках подготовительного периода годичного макроцикла. Полученные результаты формируют доказательную базу для дальнейшей экспериментальной проверки эффективности методики.

Abstract. The scientific article presents materials on the development and scientific substantiation of an experimental technique for the development of special endurance of ski racers aged 15-16 years at the stage of sports specialization, integrating the method of coupled exposure (hereinafter referred to as MCV) with the parameters of certified ski trails. Methods. A statistical analysis of the profile of the certified route of the MASOU «Zorky» was carried out in comparison with the average Russian indicators; bioenergetic mechanisms activated on ascents of categories A, B, C were systematized; based on the provisions of V.M. Dyachkov, I. V. Gaverdovsky, Yu.V. Verkhoshansky designed specialized sets of exercises "Imitation of ski moves" and «Off-road ski scooters» (hereinafter referred to as «ILH», «LV»). The developed ILH complexes № 1-2 and LV № 1-3 are differentiated by intensity zones, segment lengths, and energy supply mechanisms.; Their application is structured within the preparatory period of the annual macrocycle. The results obtained from the evidence base for further experimental verification of the effectiveness of the technique.

Ключевые слова: лыжные гонки, метод сопряженного воздействия, специальная выносливость, сертифицированные трассы, профиль трассы, энергообеспечение, лыжероллеры-внедорожники.

Keywords: cross-country skiing, coupled impact method, special endurance, certified trails, trail profile, energy supply, off-road ski scooters.

Введение. Современная система спортивной подготовки в лыжных гонках предъявляет высокие требования к уровню развития специальной выносливости занимающегося, показываемой в соревновательной деятельности в условиях сильнопересечённого рельефа. Ключевым фактором, определяющим соревновательный результат, выступает способность организма лыжника-гонщика поддерживать наилучшую кинематическую структуру лыжных ходов на фоне нарастающего утомления при преодолении подъёмов различной крутизны.

Многочисленными исследованиями показано, что именно характер рельефа трассы определяет физиологическую напряжённость нагрузки, динамику частоты сердечных сокращений (ЧСС), уровень лактата и в конечном счёте – адаптационный ответ кардиореспираторной системы и систем энергообеспечения [2, 11].

Согласно данным федерального статистического наблюдения № 1-ФК за 2022 год, в Российской Федерации лишь 11,4% (319 из 2805) лыжных трасс в 25 субъектах имеют действующие сертификаты гомологации, а дефицит стационарных пересечённых и сильнопересечённых трасс ограничивает возможность моделирования соревновательных нагрузок в учебно-тренировочном процессе [1].

Учебно-тренировочные занятия на несертифицированных трассах снижают специфичность адаптации, что проявляется в ошибках технико-тактического выполнения двигательных действий, недостаточной мобилизации функциональных резервов и, как следствие, дисбалансе физиологических реакций на соревновательные воздействия [11]. В этих условиях особую значимость приобретает методическая особенность подбора тренировочных средств, позволяющих компенсировать отсутствие необходимого рельефа за счёт направленного конструирования нагрузки.

Фундаментальные труды Т.И. Раменской, А.Г. Баталова, В.Г. Никитушкина создали прочную физиологическую и педагогическую базу для понимания энергообеспечения лыжника-гонщика. В частности, установлено, что преодоление подъёмов с градиентом свыше 8% стимулирует переход организма из аэробного в аэробно-анаэробный режим, сопровождающийся ростом ЧСС до 90–95% от индивидуального максимума и накоплением лактата более 4 ммоль/л [11]. Показано, что в соревнованиях уровня FIS соотношение длины подъёмов, спусков и равнинных участков составляет в среднем 60,2%, 21,9% и 17,9% соответственно [2]. Эти данные определяют необходимость моделирования параметров лыжных трасс и нагрузок,

адекватных целевой соревновательной деятельности.

Существенным теоретическим базисом, недостаточно адаптированным к циклическим видам спорта, остаётся метод сопряжённого воздействия (МСВ), концептуально обоснованный в работах В.М. Дьячкова, И. В. Гавердовского, Ю.В. Верхошанского и др. авторов [3, 4, 5, 6, 7, 12, 14].

Под МСВ понимается целенаправленное сочетание развития физических качеств и совершенствования техники двигательных действий за счёт изменения условий выполнения соревновательного упражнения при сохранении его динамической и кинематической структуры [3, 4 ,5]. Несмотря на высокую значимость применения данного метода, определено, что он преимущественно изучался в игровых, скоростно-силовых, некоторых циклических видах спорта и единоборствах, где утомление носит прерывистый характер.

Прямой перенос данных принципов в лыжные гонки без учёта фактора длительного циклического утомления и специфики рельефа ведёт к методической неопределённости и снижению ожидаемого тренировочного эффекта [8].

Таким образом, существует объективный научно-методический пробел, заключающийся в отсутствии целостной тренировочной методики, которая, с одной стороны, адаптирует положения МСВ через измеримые параметры рельефа сертифицированных трасс, а с другой – последовательно выстраивает систему специально-подготовительных упражнений, направленных на сопряжённое развитие компонентов специальной выносливости и сохранение технического мастерства в условиях нарастающего утомления.

Цель настоящей статьи – разработать и представить научное обоснование экспериментальной методики развития специальной выносливости лыжников-гонщиков 15–16 лет методом сопряжённого воздействия, опирающейся на объективные параметры гомологированных трасс и закономерности биоэнергетического обеспечения мышечной деятельности.

Методы и организация исследования. Исследование носило аналитико-проектировочный характер и включало три взаимосвязанных блока.

Блок анализа трасс базировался на обработке технических характеристик гомологации лыжного стадиона МАСОУ «Зоркий» (Московская область), а также на сопоставлении полученных данных со средними значениями сертифицированных трасс

Российской Федерации, представленными в профильных базах Федерации лыжных гонок России. Рассчитывались следующие параметры круга: длина, категории и протяжённость подъёмов (A, B, C), общая длина спусков, трудность (d, м/км) и гармоничность трассы (g = ΣLп / ΣLсп). Отклонения выражали в процентах от среднероссийского уровня, что позволяло оценить степень соответствия моделируемой трассы соревновательным условиям.

Блок теоретического синтеза объединил анализ научно-методической литературы, посвящённой зонам интенсивности циклической нагрузки, биоэнергетическим источникам мышечной деятельности и роли рельефа в избирательной активации окислительной, гликолитической и фосфагенной систем.

На основе работ В.Г. Никитушкина (унифицированная классификация зон интенсивности для юных спортсменов) и Т.И. Раменской (привязка источников энергообеспечения к крутизне подъёмов) были сформулированы критерии для дозирования нагрузки в проектируемых комплексах [8, 11, 13].

Блок методического конструирования реализовывался в рамках формирующего педагогического эксперимента, проведённого в подготовительном периоде 2023 года на базе СШОР «Истина». В эксперименте участвовали две экспериментальные и одна контрольная группы лыжников-гонщиков 15–16 лет (I спортивный разряд).

Конструирование комплексов упражнений осуществлялось путём применения ключевых положений МСВ: усложнение условий выполнения соревновательного движения (естественное отягощение за счёт подъёма собственного веса на подъёмах, дополнительное отягощение за счёт использования грунтовых лыжероллеров-внедорожников) при жёстком визуальном контроле кинематической стабильности техники. Разработанные комплексы были интегрированы в структуру недельных микроциклов обще-подготовительного и специально-подготовительного этапов.

Результаты исследования. Статистический анализ профиля сертифицированной трассы «Зоркий» выявил существенные отклонения от усреднённых российских характеристик лыжных трасс, превращающие данный объект в адекватную модель соревновательной деятельности для международного уровня (Таблица 1).

Таблица 1. Технических характеристик лыжных трасс МАСОУ «Зоркий» и средние данные по России [109].

Исследуемые показатели		Спринтерские дисциплины		Отклонение в%	Дистанционные дисциплины		Отклонение в%
		Средние данные по России	Данные по лыжному стадиону «Зоркий»		Средние данные по России	Данные по лыжному стадиону «Зоркий»	
Длина круга (км)		1,38±0,18	1,4	1,45	3,98±1,46	5	25,63
Категория подъемов	A	0,10±0,31	1	90,00	1,05±0,68	2	90,48
	B	1,28±0,76	2	56,25	3,13±1,42	2	36,10
	C	0,31±0,47	1	69,00	0,94±0,93	1	6,38
Категория подъемов	Общая длина, км	0,24±0,14	0,463	92,92	1,02±0,55	1,089	6,76
	% от общей длины подъемов от длины круга	17,79±9,96	33,07	85,89	25,68±9,56	21,78	15,19
Общая длина спусков, км		0,28±0,15	0,6	114,29	1,03±0,47	1,338	29,90
% от общей длины спусков от длины круга		19,79±10,61	42,86	116,57	26,26±8,17	26,76	1,90
TC (м)		36,51±9,28	40	9,56	123,66±47,32	199	60,93
HD (м)		22,90±7,61	17	25,76	47,14±15,52	34	27,87
MC (м)		19,28±8,61	14	27,39	35,66±12,16	33	7,46
Трудность трассы (d), м/1км		26,41±5,90	28,57	8,18	31,34±6,21	39,80	26,99
Гармоничность трассы (g), Σ Lп / Σ Lсп		1,00±0,65	0,77	23,00	1,07±0,51	0,81	24,30

Для спринтерских дисциплин доля подъёмов составила 33,07% от длины круга, что на 85,89% превышает средний по стране показатель; доля спусков достигла 42,86% (отклонение +116,57%). Критерий трудности трассы (d=28,57 м/км) оказался на 8,18% выше, а гармоничность g=0,77 (отклонение –23%) отражает преобладание спусковых сегментов, что характерно для скоростных соревновательных профилей.

В дистанционных дисциплинах ключевым является резкое возрастание

абсолютного перепада высот: суммарный набор высоты составил 199 м против 123,66 м в среднем по России (+60,93%), а показатель d достиг 39,80 м/км (+26,99%), что уверенно переводит круг в категорию сильнопересечённых. При этом доля спусков (26,76%) практически совпала со средним значением, что создаёт благоприятные условия для фаз пассивного восстановления при высоких нагрузках.

Данная особенность обеспечивает избирательное воздействие на все основные механизмы энергообеспечения: затяжные подъёмы категорий А и В активируют окислительную систему, короткие подъёмы В и С – гликолитическую, а перепады спусков с резкими выходами – алактатную.

Синтез литературных данных позволил обосновать схему выбора доминирующего источника энергообеспечения в зависимости от категории преодолеваемого подъёма. Подъёмы категории С (крутизна до 8%) требуют преимущественно окислительного механизма при ЧСС до 85% от максимума; подъёмы В (8–14%) – смешанного гликолитически-окислительного (ЧСС 85–92%); подъёмы категории А (свыше 14%) – гликолитического и фосфагенного в фазе стартового ускорения. Именно такой градиент и был заложен в интенсивность разработанных комплексов (70–92% ЧССмакс.) с варьированием длины «рабочих» отрезков (50–400 м).

Методика организована как сквозной принцип построения основной части учебно-тренировочного занятия. Она включает две группы специально-подготовительных комплексов – «Имитация лыжных ходов» (ИЛХ, комплексы №1 и №2) и «Лыжероллеры-внедорожники» (ЛВ, комплексы №1–3), последовательно сменяющих друг друга в рамках макроцикла.

Комплексы ИЛХ направлены на развитие специальной силовой и скоростно-силовой выносливости в условиях естественного отягощения массой собственного тела, возрастающего с крутизной подъёма. Комплекс ИЛХ №1 (общеподготовительный этап, июнь – середина июля) использовался дважды в недельном микроцикле и характеризовался умеренной интенсивностью (70–85% ЧССмакс.), 3–6 сериями по 12–24 повторения в занятии, активным отдыхом при ЧСС 65–70% от максимума. Указанный комплекс направлен на повышение ёмкости окислительной системы и адаптацию опорно-двигательного аппарата к предстоящим нагрузкам.

Комплекс ИЛХ №2 (специально-подготовительный этап, середина июля –

ноябрь) отличался ростом числа серий до 5–9, интенсивности до 70–92% ЧССмакс. и количества повторений до 15–27, с акцентом на развитие мощности гликолитической системы. Техническое совершенствование в обоих комплексах контролировалось по критерию стабильности базовых кинематических звеньев.

Комплексы ЛВ дополняли и усиливали сопряжённое воздействие за счёт дополнительного механического отягощения, создаваемого грунтовыми лыжероллерами внедорожниками. Комплекс ЛВ №1 (июнь – середина июля) носил втягивающий характер и воздействовал на окислительную систему: одна продолжительная серия, три повторения, интенсивность 85% ЧССмакс. на всех категориях подъёмов.

Комплекс ЛВ №2 (середина июля – сентябрь) представлял собой основное развивающее средство: 5–8 серий, 18–24 повторения, интенсивность 70–92% ЧССмакс. на подъёмах А и В, что целенаправленно воздействовало на гликолитический механизм.

Комплекс ЛВ №3 (октябрь – ноябрь) обеспечивал выход на пик скоростно-силовых возможностей: 1–2 серии, но с интенсивностью до 92% ЧССмакс., короткими (от 15 с) и максимально ёмкими ускорениями, направленными на фосфагенный механизм.

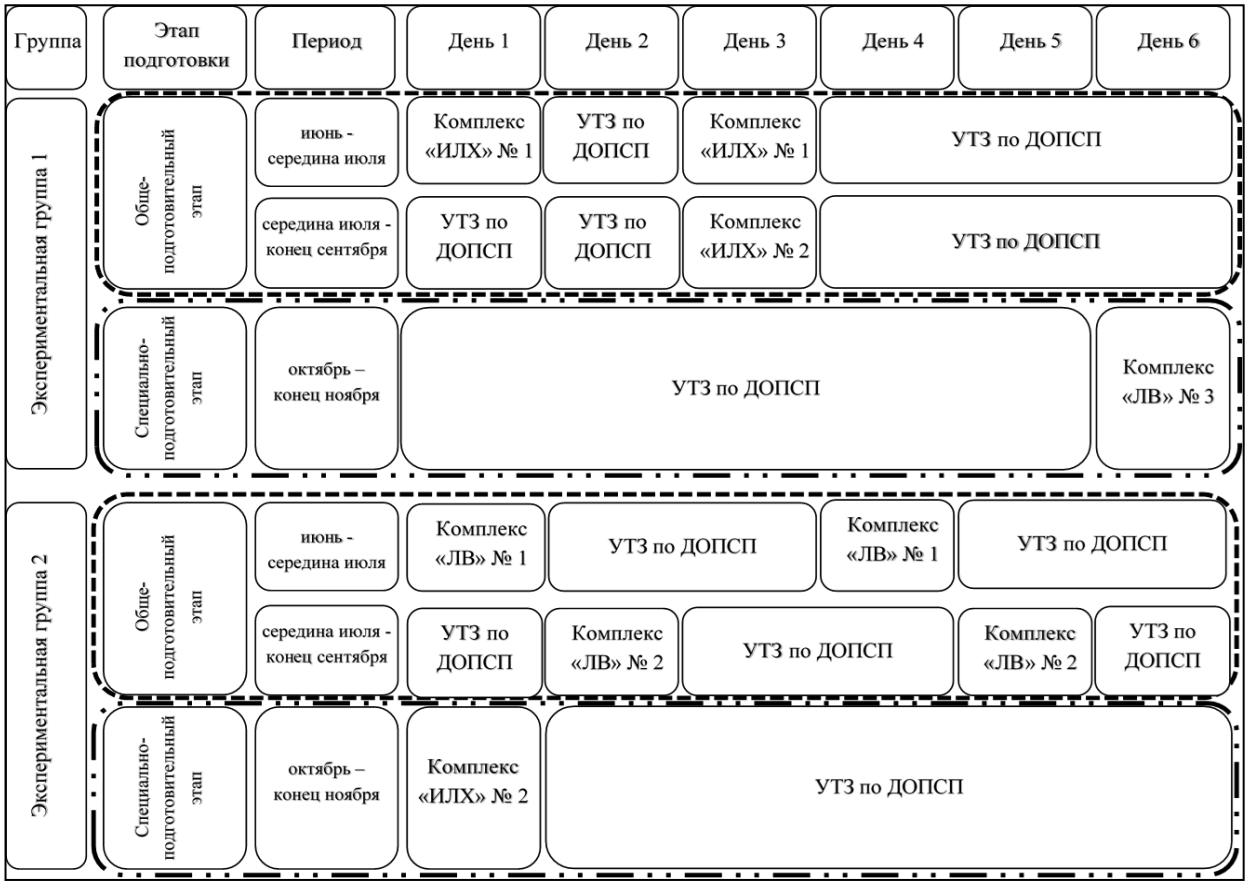
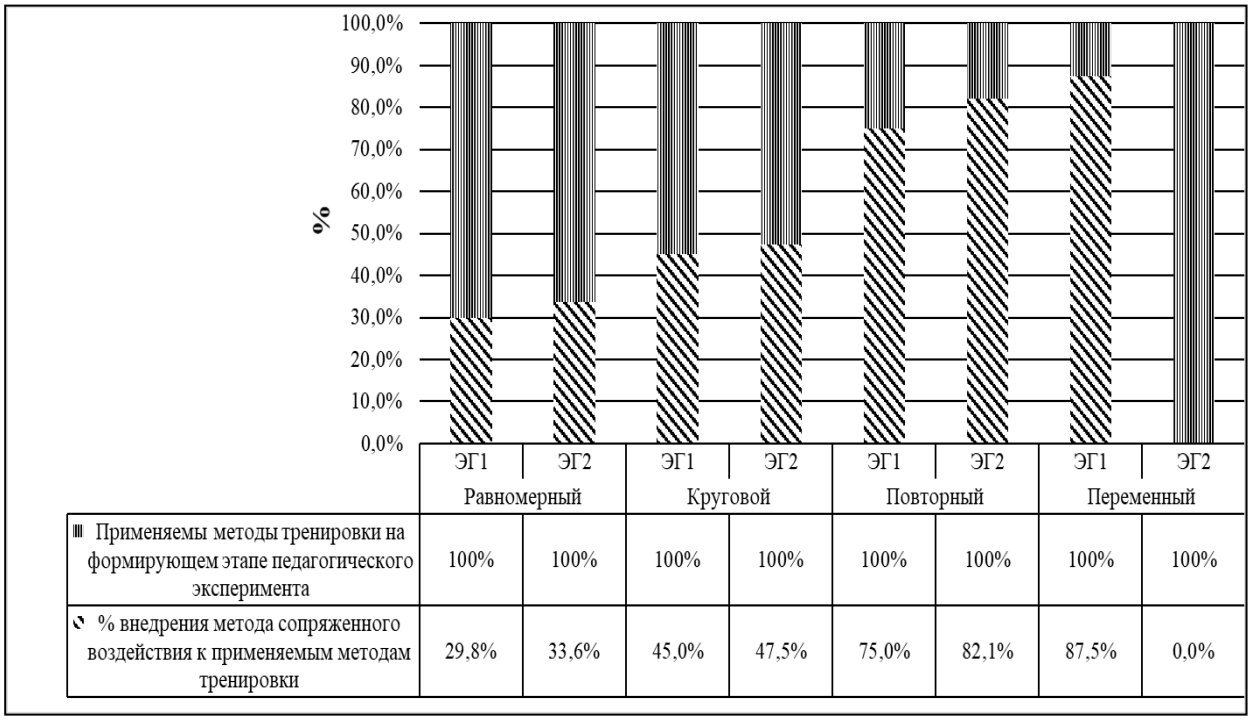


Рисунок 1. Схема распределения комплексов ИЛХ и ЛВ в недельном микроцикле

общеподготовительного и специально-подготовительного этапов

Частота применения МСВ в структуре общепринятых методов тренировки (равномерный, переменный, повторный, круговой) визуализирована на рисунке 2.



Применяемы методы тренировки на формирующем этапе педагогического эксперимента	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%
% внедрения метода сопряженного воздействия к применяемым методам тренировки	29,8%	33,6%	45,0%	47,5%	75,0%	82,1%	87,5%	0,0%

Рисунок 2. Процентное соотношение внедрения метода сопряженного воздействия в учебно-тренировочный процесс лыжников-гонщиков

На общеподготовительном этапе МСВ выступал вспомогательным компонентом, на специально-подготовительном — системообразующим, что соответствует принципу динамического соответствия нагрузок.

Обсуждение результатов исследования. Результатом настоящей работы является впервые предложенная экспериментальная методика сопряжённого развития специальной выносливости лыжников-гонщиков, в которой ключевые положения В.М. Дьячкова, И. В. Гавердовского, Ю.В. Верхошанского и др [3, 4, 5, 6, 7, 12, 14] авторов определили основные аспекты применения МСВ в лыжных гонках, а именно управляемыми характеристиками рельефа сертифицированной трассы. В отличие от общепринятых подходов, где специальная выносливость развивается преимущественно за счёт циклических нагрузок большого объема на разнообразном рельефе без явной привязки к сохраняемой структуре движения, предлагаемая методика увязывает в едином аспекте тренировки совершенствование техники и энергетических систем через контролируемое усложнение внешних условий.

Полученные данные о профиле трассы «Зоркий» подтверждают её высокий

моделирующий потенциал. Отклонения доли подъёмов в спринте на +85,89% и показателя d в дистанционных дисциплинах на +26,99% означают, что спортсмен регулярно сталкивается с нагрузками, по плотности подъёмов превосходящими большинство российских трасс и сопоставимыми с этапами Кубка мира. Этот факт чрезвычайно важен, так как согласно исследованиям Т.И. Раменской, именно повторяющееся воздействие подъёмов крутизной свыше 8% стимулирует устойчивый переход к смешанному энергообеспечению с накоплением лактата более 4 ммоль/л [2]. Сочетание таких подъёмов с затяжными спусками (g=0,77–0,81) создаёт физиологически оправданный ритм «нагрузка – пассивное восстановление», характерный для соревновательной деятельности.

Дифференцированный подход к назначению комплексов ИЛХ и ЛВ по этапам макроцикла логически обоснован в трудах В.Г. Никитушкина [9]. Начало подготовительного периода с менее интенсивного, но объёмного комплекса ИЛХ №1 (ЧСС 70–85%) позволяет увеличить функциональную ёмкость окислительной системы и подготовить опорно-двигательный аппарат, а последующий переход к более жёстким режимам (до 92% ЧССмакс.) с включением механического отягощения на лыжероллерах внедорожниках гарантирует, что гликолитическая и фосфагенная системы стимулируются на уже подготовленном аэробном базисе. В исследованиях, посвящённых применению лыжероллеров-внедорожников, отмечается их уникальная способность воспроизводить сопротивление качению, близкое к снежному покрову, что в сочетании с сильнопересечённым рельефом создаёт нагрузку, практически идентичную соревновательной [10]. Добавление критерия стабильности техники в качестве ограничения исключает грубые искажения двигательного стереотипа, что являлось одной из главных проблем при простом использовании отягощений.

Следует подчеркнуть, что, в отличие от большинства существующих методических рекомендаций, где МСВ декларируется обобщённо, нами разработаны детальные таблицы параметров (количество серий, продолжительность отрезков, ЧСС работы и восстановления) для каждого комплекса, что обеспечивает воспроизводимость учебно-тренировочного процесса. Визуализированная схема распределения комплексов в микроцикле наглядно демонстрирует практическую реализуемость метода.

Заключение. Проведённый анализ профиля сертифицированной лыжной трассы

МАСОУ «Зоркий» доказал её соответствие международным соревновательным условиям по плотности подъёмов и гармоничности, что позволило использовать данную трассу как полигон для моделирования целевой нагрузки. На основе синтеза концепций МСВ, биоэнергетики мышечной деятельности и классификации зон интенсивности спроектирована экспериментальная методика, включающая комплексы упражнений ИЛХ и ЛВ с чётко регламентированными параметрами объёма, интенсивности, интервалов отдыха и критериями техники. Принципиальная новизна подхода заключается в том, что сопряжённое развитие специальной выносливости и технического мастерства осуществляется не эпизодически, а непрерывно на протяжении всего подготовительного периода, подчиняясь объективным характеристикам рельефа.

Литература:

1. Приказ Росстата от 23.06.2023 N 303 "Об утверждении формы федерального статистического наблюдения с указаниями по ее заполнению для организации Министерством спорта Российской Федерации федерального статистического наблюдения в сфере физической культуры и спорта" [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451632/ (дата обращения 5.05.2026)

2. Баталов А. Г. Целевое моделирование спортивной подготовки высококвалифицированных спортсменов в зимних циклических видах спорта с переменными условиями состязаний //Фундаментальные и прикладные исследования физической культуры, спорта, олимпизма: традиции и инновации. – 2017. – С. 323-327.

3. Верхошанский, Ю. В. Горизонты научной теории и методологии спортивной тренировки / Ю. В. Верхошанский // Теория и практика физической культуры. – 1998. – № 7. – С. 41–54.

4. Гавердовский, Ю. К. Обучение спортивным упражнениям. Биомеханика. Методология. Дидактика / Ю. К. Гавердовский. – М.: Физкультура и спорт, 2007. – 912 с.

5. Дьячков, В. М. Совершенствование технического мастерства спортсменов / В. М. Дьячков. – М.: Физкультура и спорт, 1972. – 184 с.

6. Кузнецов, В. С. Колодницкий А.. Физическая культура (спорт) // М.: КноРус. – 2002. – 224 с.

7. Матвеев, Л. П. Теория и методика физической культуры: учебник / Л. П. Матвеев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Физкультура и спорт: СпортАкадемПресс, 2008. – 542 с.

8. Набатникова, М. Я. Проблема совершенствования специальной выносливости спортсмена при циклической работе субмаксимальной и большой мощности: автореф. дис. … д-ра пед. наук: 13.00.04 / М. Я. Набатникова. – М., 1974. – 52 с.

9. Никитушкин, В. Г. Спорт высших достижений: теория и методика: учебное пособие / В. Г. Никитушкин. – М.: Спорт, 2017. – 207 с.

10. Никитушкин, В.Г. Основы научно-методической деятельности в области физической культуры и спорта: учебник / В.Г. Никитушкин. — Москва: Советский спорт, 2017. — 280 с.

11. Раменская Т. И. Биоэнергетическое моделирование соревновательной деятельности сильнейших лыжников-гонщиков на XVIII зимних олимпийских играх //Теория и практика физической культуры. -М. – 2000. – №. 2. – С. 43-50.

12. Ратов, И. П. Концепция «искусственная управляющая среда», её основные положения и перспективы использования / И. П. Ратов // Научные труды ВНИИФКа за 1995 г. – М., 1996. – С. 129–148.

13. Селуянов, В. Н. Физиологические механизмы и методы определения аэробного и анаэробного порогов / В. Н. Селуянов, Е. Б. Мякинченко, Д. Г. Холодняк, С. М. Обухов // Теория и практика физической культуры. – 1991. – № 10. – С. 10–18.

14. Холодов Ж. К. Теория и методика физического воспитания и спорта: учебное пособие для вузов / Ж. К. Холодов, В. С. Кузнецов. - М.: Академия, 2008. - 479 с.

Кунц Анастасия Владиславовна
Koontz Anastasia Vladislavovna
магистрант
кафедра педагогики, факультет психологии
ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»
e-mail: anastasiyakunc@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ К УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ 9 КЛАССА НА УРОКАХ ФИЗИКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМЫ В.Ф. ШАТАЛОВА

DEVELOPING MOTIVATION FOR LEARNING AMONG YEAR 9 PUPILS IN PHYSICS LESSONS USING V.F. SHATALOV'S SYSTEM

Аннотация. Физика как фундаментальная естественнонаучная дисциплина вносит существенный вклад в развитие научной грамотности школьников и понимание закономерностей окружающего мира. В условиях реализации обновлённых федеральных государственных образовательных стандартов и ускоренного научно-технологического прогресса возникает острая потребность в постоянном совершенствовании методик преподавания, способных обеспечить не только усвоение знаний, но и глубокое осмысление материала.

Система В.Ф. Шаталова представляет собой инновационную педагогическую технологию, ориентированную на стимулирование познавательного интереса, развитие самостоятельности и ответственности за собственные результаты. Её основа - принципы сотрудничества, взаимопомощи и максимального вовлечения школьников в учебный процесс. В современных реалиях эта система способна эффективно решать задачу формирования мотивации на уроках физики в 9 классе, создавая атмосферу совместной творческой работы, увлечённости предметом и развития навыков, необходимых для дальнейшего обучения в вузе.

Abstract. As a fundamental natural science discipline, physics makes a significant contribution to the development of scientific literacy among school pupils and their understanding of the laws governing the world around them. Against the backdrop of the implementation of updated federal state educational standards and rapid scientific and technological progress, there is an urgent need for the continuous improvement of teaching methods capable of ensuring not only the acquisition of knowledge but also a deep understanding of the subject matter.

V.F. Shatalov's system represents an innovative pedagogical technology aimed at stimulating cognitive interest, developing independence and responsibility for one's own results. It is based on the principles of cooperation, mutual assistance and the maximum involvement of pupils in the learning process. In today's context, this system is capable of effectively addressing the challenge of fostering motivation in Year 9 physics lessons, creating an atmosphere of collaborative creative work, enthusiasm for the subject, and the development of skills necessary for further study at university.

Ключевые слова: учебная мотивация, система Шаталова, физика в 9 классе, познавательный интерес, самостоятельность учащихся, опорные сигналы, развивающее обучение, мотивация достижения

Keywords: learning motivation, Shatalov's system, physics in Year 9, cognitive interest, student independence, reference signals, developmental teaching, achievement motivation

Подростковый возраст - один из самых сложных, важных и переломных периодов с точки зрения развития личности. Этот возрастной этап считается третьим миром, существующим между детством и взрослостью.

Ранний подростковый возраст - это период между 15 и 17 годами, и он не всегда признавался как особая стадия развития личности. Не случайно некоторые ученые считают подростковый возраст довольно поздним этапом обретения человечности [1].

Большое значение для подростков имеет процесс развития самосознания и динамика самостоятельного контроля образа «Я». Судя по имеющимся данным, весь период подросткового возраста начинается с относительно неорганизованного и расплывчатого «Я». Затем они проходят через фазу «ролевого моратория», которая может варьироваться от человека к человеку и от одного вида деятельности к другому. Социально-психологическое и личностное самоопределение выходит за рамки школьного возраста и завершается в среднем между 18 и 21 годом.

В.В. Давыдов, А.К. Маркова и Е.А. Шумилин утверждают, что уровень развития «социально-психологической и личностной автономии» выходит за рамки школьного возраста. А.К. Маркова считает, что уровень развития «Я» связан с развитием других личностных характеристик, которые также связаны с развитием «Я».

Старшие классы школы - это годы, когда развиваются мнения и убеждения, формируется мировоззрение и созревают когнитивные, эмоциональные и личностные предпосылки. В этот период не только увеличивается объем знаний, но и значительно расширяется кругозор старшеклассников. Различные факты необходимо свести к нескольким принципам. Хотя конкретный уровень знаний, теоретической компетентности и интересов у разных людей сильно различается, определенные изменения в этом направлении можно наблюдать у всех. Таким образом, возникает устойчивая потребность в раскрытии смысла жизни, в рассмотрении перспектив своего существования и развития всего человечества [2].

Согласно Л.И. Божович, Л.С. Выготскому, центральным новообразованием подросткового возраста является самосознание, характеризующееся появлением у подростков способности и потребности осознавать себя как людей, обладающих

собственными уникальными качествами, отличными от других людей [3].

Возраст учащихся средней школы - это возраст, когда формируются их собственные взгляды и установки, когда они пытаются определить свою судьбу. В то же время в этот период проявляется независимость молодых людей. Если молодые люди ищут проявление своей независимости в поведении и поступках, то старшеклассники рассматривают свои взгляды, оценки и мнения как наиболее важные области независимости [4].

А.К. Маркова рассматривает подростковый возраст как период, когда формируется мировоззрение. Формируется абстрактно-логическое и теоретическое мышление, достигается психологическая независимость и приближается социальная зрелость. Учеба становится более ценной, чем раньше, и все больше времени уделяется самообразованию. Приобретение знаний связано с планированием будущего. Молодые люди ищут себя в различных ролях, и их ожидания связаны с их собственными способностями [5].

Принцип учета возрастных характеристик учащихся является ключевым в образовательной практике. Преподаватели, руководствуясь этим принципом, скрупулезно планируют учебную нагрузку. Важно учитывать возрастных особенностей учеников для эффективной организации образовательного процесса и стремится внедрять новаторские подходы в обучение и воспитание для улучшения его результативности.

По мнению Д. Б. Эльконина, детство подразделяется на этапы, каждый из которых обладает уникальными психофизическими характеристиками. Границы этих этапов носят условный характер, поскольку в этой области наблюдается значительное разнообразие [6].

В фокусе нашего исследования оказался период старших классов, который отличается выборочностью в поведении. Подростки находятся на стыке возрастных категорий. Мы сосредоточили внимание на изучении подросткового периода, отличающегося выборочностью в интересах. Этот этап в жизни подростка является временем перемен: он уже покинул детство, но еще не полностью вошел в юношеский возраст. Переходное состояние непостоянно и порождает множество противоречий и сложностей. Прежние мотивы для учебы теряют свою силу, а новые цели еще не определены.

Образовательная нагрузка растет, увеличивается число предметов и учителей, что ведет к повышению ожиданий от учащихся. Такие условия нередко приводят к тому, что подросток постепенно отстраняется от учёбы и теряет интерес к школьным занятиям.

В этом возрасте ребята отличаются очень высокой увлечённостью. Многие из них с головой уходят во внеклассную жизнь: спорт, творчество, музыку, компьютерные игры или другие хобби. Эти занятия настолько захватывают, что времени на домашние задания и подготовку к урокам остаётся всё меньше. В итоге это может серьёзно отразиться на успеваемости и общем развитии.

Именно в 9 классе подростки начинают особенно часто задавать вопросы «Почему?» и «Зачем?». Они уже не готовы безоговорочно принимать всё, что говорит учитель, и требуют понятных объяснений и доказательств. Их интересует не просто факт, а его смысл и реальная ценность. С одной стороны, это говорит о пробудившейся любознательности и желании разобраться, а с другой - создаёт определённые трудности: теоретический материал они часто пытаются сразу «примерить» к своим практическим интересам и жизненным задачам, из-за чего чистая теория может казаться им сухой и ненужной.

По словам Л. С. Выготского, для подростков очень характерно стремление к идеалу. Идеал для них - это яркий образ, которому хочется подражать и внешне, и внутренне. Чаще всего таким образцом становится герой фильма, книги или игры, реже - реальный человек из окружения.

Даже становясь старше, подросток ещё во многом остаётся в мире фантазий и иллюзий. Эта погружённость иногда приводит к отрыву от реальности, чувству одиночества и отчуждению от окружающих [7].

На эмоциональном и волевом уровне подростки проявляют себя очень ярко и бурно. Малейшая критика или замечание может вызвать резкую негативную реакцию. Для этого возраста типичны раздражительность, недоверие и слабый самоконтроль. У каждого это выражается по-своему, поэтому поведение часто бывает неровным и непредсказуемым.

В то же время, если занятие по-настоящему захватывает и приносит сильные положительные эмоции, подросток готов отдавать ему массу времени и сил. Самостоятельность в этом возрасте уже хорошо развита: на уроке ученик чаще пытается

разобраться сам, а не просто списать с доски. Ему важно понять не только «как делать», но и «почему именно так».

Дружба в подростковые годы обычно носит глубокий и долговременный характер - порой такие отношения сохраняются на всю жизнь. Коллектив, в котором находится школьник, приобретает огромное значение, а мнение друзей часто становится для него важнее, чем слова взрослых.

В этот период у подростков складываются довольно устойчивые моральные ценности, собственные суждения и убеждения, которые уже мало зависят от случайных влияний. Если же нормы и правила, принятые в компании сверстников, расходятся с мнением взрослых, молодые люди, как правило, выбирают сторону друзей.

У подростков постепенно формируется своя, особая система правил и «неписаных законов», которым они могут следовать очень упорно, даже не боясь осуждения или наказания со стороны старших. Возможно, именно поэтому некоторые «моральные нормы», присущие школьникам, остаются неизменными из года в год.

Эти нормы у школьников сохраняются из года в год и практически не поддаются влиянию учителей. Характерные черты для подросткового возраста: выборочность в поведении; увлеченность; самостоятельность; сильное влияние общественного мнения и коллектива; слабость в контроле над собой; подражательность; замкнутость; затруднения в применении теоретических знаний на практике; подвижность и другие.

Принимая во внимание указанные особенности, можно заключить, что уровень стабильности и концентрации внимания у подростков на учебе может быть весьма непостоянным. Поэтому при организации образовательного процесса важно учитывать этот факт. Необходимо планировать занятия таким образом, чтобы подростки были заинтересованы в учебном материале и могли сосредоточиться на нем. Это можно достичь, привлекая учеников к процессу обучения и показывая им результаты. Важно обеспечить правильную и позитивную мотивацию, быть готовым идти навстречу ребенку.

Методы мотивации учащихся 9 класса к обучению. Одна из главных задач учителя - помочь девятиклассникам сформировать устойчивую внутреннюю мотивацию к учёбе. Именно от неё во многом зависит, насколько успешно ребята будут осваивать программу и развивать свои способности.

Рассмотрим основные группы методов, которые особенно эффективно работают

с подростками этого возраста.

Постановка целей и задач.

В 9 классе подростки уже начинают понимать ценность долгосрочных целей. Когда ученик видит перед собой ясную, достижимую и лично значимую цель, его желание учиться заметно возрастает. Задача учителя - помочь ребятам научиться ставить реалистичные цели и постепенно двигаться к ним, воспитывая при этом ответственность за собственный результат [8].

Поощрение и позитивное подкрепление успехов.

Подростки очень нуждаются в признании своих достижений. Своевременная похвала, благодарственные письма, сертификаты или небольшие призы хорошо работают и помогают укреплять внутреннюю мотивацию. Главное - чтобы система поощрений была гибкой и учитывала индивидуальные особенности каждого ученика. Создание здоровой конкурентной среды.

Соревновательный элемент часто пробуждает интерес и даёт сильный эмоциональный заряд. Участвуя в состязаниях, ребята испытывают азарт и радость от победы. Однако важно организовывать соревнования грамотно: избегать излишнего давления и негативных переживаний при поражении. Особенно полезны командные формы - они развивают ответственность и умение работать вместе [9].

Дифференцированный и индивидуальный подход.

Каждый девятиклассник - уникальная личность со своим темпераментом, уровнем подготовки и сильными сторонами. Когда учитель учитывает эти особенности и предлагает задания разного уровня сложности, ученики чувствуют себя более уверенно и вовлечённо. Такой подход заметно повышает личную мотивацию к обучению [10].

Создание благоприятной эмоциональной атмосферы.

Тёплые, доверительные отношения в классе - один из самых сильных мотиваторов. Когда ученик чувствует поддержку со стороны учителя и одноклассников, ему гораздо легче включаться в работу. Полезно регулярно проводить мероприятия на сплочение коллектива, а также использовать помощь школьного психолога для лучшего понимания личностных особенностей ребят [11].

Интерактивные технологии и современные формы обучения.

Сегодняшние подростки лучше всего воспринимают материал через активные и

интересные формы работы. Игровые методы, проектная деятельность, деловые игры, квесты и ситуационное моделирование развивают творческое и критическое мышление, исследовательские навыки и заметно повышают желание узнавать новое [12]. Примеры таких методов: совместная работа над групповыми проектами, участие в школьных и межшкольных научных конференциях, проведение тематических квестов и деловых игр.

Литература:

1. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2002. – 512 с.

2. Маркова А.К. Формирование учебной мотивации: книга для учителя. М.: Просвещение, 2000. 192 с.

3. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Педагогика, 1968. 321 с.

4. Мерлин, В. С. Лекции по психологии мотивов человека. – Пермь, 1971. – 120 с.

5. Маркова А.К. Формирование мотивации учения. Книга для учителя. М.: Просвещение, 2000. 103 с.

6. Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 6–20.

7. Выготский Л.С. Педология подростка // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Детская психология / под ред. Д.Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984. С. 6–242.

8. Щукина Г.И. Активизация познавательной деятельности учащихся в учебном процессе. - Москва: Просвещение, 1979 - 101 с.

9. Ильин Е.П. Психофизиология состояний человека. - 2005. - С. 109

10. О. В. Коршунова, С. В. Огородникова. Методологические подходы к обучению и воспитанию в сельской школе. - 2018. - С. 188.

11. Фельдштейн Д.И. Возрастная и педагогическая психология: учеб. -метод. пособие. - Москва: Владос, 2002. - 232 с.

12. Полат Е.С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. - Москва: Academia, 2010. - 12 с.

Лесникова Галина Николаевна
Lesnikova Galina Nikolaevna
кандидат психолонгических наук, доцент
Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Симеониди Зоя Леонидовна
Simeonidi Zoya Leonidovna
студент
Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

ВЛИЯНИЕ ЗАНЯТИЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ НА ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ СТУДЕНТОВ

THE INFLUENCE OF PHYSICAL EDUCATION CLASSES ON THE EMOTIONAL STATE OF STUDENTS

Аннотация. В статье представлен теоретический анализ влияния систематических занятий физической культурой на эмоциональное состояние студенческой молодежи. Рассматривается актуальность проблемы психоэмоционального неблагополучия студентов в условиях современного высшего образования. На основе анализа отечественных и зарубежных источников систематизированы основные психофизиологические и психологические механизмы воздействия физической активности на аффективную сферу: нейробиохимический, нейрофизиологический, когнитивно-поведенческий и социально-психологический. Делается вывод о том, что физическая культура в вузе должна рассматриваться не только как учебная дисциплина, формирующая физические кондиции, но и как эффективная, немедикаментозная технология поддержания ментального здоровья и психологической адаптации студентов.

Abstract. The article presents a theoretical analysis of the influence of systematic physical education classes on the emotional state of students. The article considers the relevance of the problem of students' psycho-emotional distress in the context of modern higher education. Based on the analysis of domestic and foreign sources, the main psychophysiological and psychological mechanisms of the impact of physical activity on the affective sphere are systematized: neurobiochemical, neurophysiological, cognitive-behavioral and socio-psychological. It is concluded that physical education in higher education institutions should be considered not only as an academic discipline that forms physical conditions, but also as an effective, non-drug technology for maintaining mental health and psychological adaptation of students.

Ключевые слова: физическая активность, механизм, эмоциональное состояние, стресс, тревожность, психологическое состояние, спорт.

Keywords: physical activity, mechanism, emotional state, stress, anxiety, psychological state, sport.

Современный этап развития высшего образования характеризуется высокой интенсивностью учебного процесса, возрастанием информационных нагрузок и необходимостью одновременной социально-профессиональной адаптации. Данные факторы являются мощными стрессорами, что подтверждается многочисленными исследованиями, фиксирующими высокий уровень тревожности, эмоционального выгорания и депрессивных симптомов среди студенческой молодежи [1]. В этом контексте поиск доступных и эффективных способов поддержания психоэмоционального баланса становится актуальной научно-практической задачей.

Систематическая физическая активность, подкрепленная междисциплинарными научными данными, является одним из таких методов. Если ранее основное внимание уделялось ее роли в совершенствовании физических данных и предотвращении телесных недугов, то в последние десятилетия этот аспект значительно расширился. Современные изыскания в области психофизиологии, клинической психологии, нейронаук и поведенческой медицины позволяют рассматривать физическую культуру как действенный инструмент для целенаправленного воздействия на когнитивные функции и эмоционально-аффективную сферу [2]. Это понятие включает в себя не только спортивные занятия, но и разнообразные формы движения, такие как танцы, йога, фитнес, а также пешие прогулки на свежем воздухе. Физическая культура формирует у обучающихся навыки саморегуляции, настойчивости в достижении целей и дисциплинированности, что, в свою очередь, оказывает положительный эффект на их психоэмоциональное благополучие.

Влияние физических упражнений на психическое состояние человека является многогранным и реализуется через комплекс взаимосвязанных механизмов.

В первую очередь следует упомянуть нейробиохимический механизм воздействия, ведь на сегодняшний день он является одним из наиболее детально изученных. Регулярные физические нагрузки, как аэробного (с участием кислорода), так и анаэробного (без участия кислорода) характера, запускают ряд позитивных изменений в биохимии мозга:

1. Умеренная и интенсивная физическая активность стимулирует высвобождение эндорфинов – нейропептидов, обладающих морфиноподобным действием. Они взаимодействуют с опиоидными рецепторами в лимбической системе

и других областях мозга, вызывая состояние эйфории, снижая болевое восприятие и сглаживает негативные эмоциональные переживания [3].

Как показывают данные, опубликованные в издании «International Journal of Mental Health Promotion», между систематическими занятиями физическими упражнениями и уровнем самооценки личности прослеживается прямая зависимость. Данная связь обусловлена совокупностью факторов. Во-первых, мышечная активность стимулирует секрецию эндорфинов, которые отвечают за появление ощущения радости и эмоционального подъёма, что, в свою очередь, способствует росту уверенности в собственных силах. Во-вторых, регулярные нагрузки неизбежно ведут к положительным изменениям внешних физических показателей, а улучшение того, как человек выглядит, закономерно усиливает его чувство самоуверенности. В-третьих, занятия спортом воспитывают в человеке дисциплинированность и навыки самоконтроля. Студенты и вообще люди, которые придерживаются активного образа жизни и соблюдают определённый режим, как правило, отличаются более адекватной и устойчивой самооценкой по сравнению с теми, кто ведёт малоподвижный образ жизни.

2. Физические упражнения способствуют повышению синтеза и изменения обмена ведущих нейромедиаторов: серотонина (связанного с настроением, аппетитом, сном; его дефицит ассоциируется с депрессией), дофамина (отвечающего за мотивацию, удовольствие и когнитивные функции) и норадреналина (влияющего на внимание, бдительность и реакцию на стресс). Это приводит к улучшению эмоционального фона и повышению психической устойчивости.

3. Хронический стресс поддерживается повышенной секрецией кортизола. Систематические занятия физической культурой способствуют нормализации этого процесса, снижая базальный уровень кортизола и смягчая его реактивный выброс в ответ на стрессоры. Таким образом детерминантом в процессе купирования тревожности выступает именно физическая активность.

Физическая активность также нормализует работу центральной и вегетативной нервной системы через следующие механизмы:

1. Аэробные упражнения повышают уровень BDNF (нейротрофический фактор мозга – это белок, который играет ключевую роль в работе мозга**)**, способствуя выживаемости нейронов, росту новых клеток и усилению памяти и адаптации нервной

системы к новым условиям. Это, в свою очередь, улучшает когнитивные функции и повышает стрессоустойчивость мозга и сопротивляемость депрессии [4].

2. Постоянные физические нагрузки, особенно ритмичные, помогают нашему телу лучше противостоять стрессу. Они активируют парасимпатическую нервную систему, которая отвечает за расслабление, и снижают активность симпатической системы, связанной с реакцией «бей или беги». Это приводит к более здоровому сердечному ритму и быстрому возвращению в спокойное состояние после пережитого напряжения.

Наиболее выраженные реакции со стороны психологических и поведенческих механизмов прослеживаются при условии системной интеграции активного физического развития в повседневную жизнедеятельность человека. К ним можно отнести:

1. Занятия спортом действуют как мощный активатор поведения, отвлекая и переключая внимание от тревожных мыслей. Замкнутый круг негативные мыслей сменяется фокусом на текущих двигательных задачах, мышечных реакциях тела, тем самым создавая временную, но осознанную психологическую паузу.

2. Когда человек начинает заниматься спортом или просто регулярно выполнять физические упражнения, он постепенно вырабатывает в себе дисциплину и становится лучше в том, что делает. Допустим, получается отжаться больше раз, чем в прошлом месяце, или пробежать дистанцию быстрее. Такие, казалось бы, небольшие достижения на самом деле сильно влияют на то, как человек себя воспринимает. Появляется вера в свои силы, способность ставить цели и добиваться их. И эта уверенность не остается только в спортзале она переносится и на учебу, и на повседневные дела. Вместо того чтобы опускать руки при первых трудностях, появляется настрой справляться с проблемами, а не избегать их.

3. Кроме того, физическая нагрузка помогает безопасно выплеснуть негативные эмоции. После напряженного учебного дня, когда накопилось раздражение, тревога или злость, хорошая тренировка дает возможность сбросить это напряжение. Общество не осуждает такое поведение, наоборот, это считается нормой – побегать, позаниматься, чтобы отвлечься и успокоиться. Так спорт проникая в жизнь индивида становится своего рода здоровым способом справиться с переживаниями.

Отдельно стоит поговорить про социальную сторону занятий физкультурой. Дело

в том, что в вузе практически все занятия проходят в группе, будь то обычная пара физкультуры, секция по волейболу или командные тренировки. Это создает совершенно иную атмосферу, чем когда занимаешься в одиночестве. Появляется общение, взаимодействие с другими людьми, общие цели и переживания. А это, в свою очередь, влияет на эмоциональное состояние не меньше, чем сама физическая нагрузка. Погружение в подобную среду влечет за собой целый комплекс изменений в эмоциональной и поведенческой сферах. Во-первых, у занимающихся значительно снижается субъективное ощущение одиночества и оторванности от социума, поскольку совместная деятельность объединяет их с людьми, разделяющими схожие интересы к двигательной активности. Во-вторых, коллектив становится источником эмоциональной, информационной и инструментальной поддержки, которую студенты получают как от своих сверстников, так и от тренерско-преподавательского состава. Данный вид поддержки, как убедительно демонстрируют исследования, является одним из решающих факторов, ослабляющих негативное влияние психоэмоциональных перегрузок. В-третьих, участие в групповых занятиях позволяет удовлетворять глубинные потребности личности, описанные в концепции самодетерминации: потребность быть самостоятельным (автономия), ощущать свою результативность (компетентность) и чувствовать принадлежность к общности (связанность). Научные данные, в том числе приведенные в источнике [5], свидетельствуют о том, что полнота удовлетворения этих базовых нужд напрямую коррелирует с повышением уровня субъективного благополучия и психологического здоровья человека.

Основываясь на результатах теоретического исследования, можно сделать вывод, что позитивное влияние регулярных физических упражнений на психологическое и эмоциональное состояние студентов далеко не случайно и не является единичным случаем. Это вполне закономерный итог того, как на организм и психику человека одновременно воздействуют разные факторы: нейробиохимические, физиологические, поведенческие и социально-психологические. Все они тесно связаны между собой и действуют в комплексе.

Когда человек регулярно занимается физическими упражнениями, его настроение начинает подчиняться естественной регуляции. Регулярное выполнение физических упражнений даёт возможность заметно снизить проявления тревожности и стресса, стабилизировать общее эмоциональное состояние и активизировать позитивные

переживания, среди них можно выделить прилив энергии, появление интереса к окружающей действительности и даже элементы творческого вдохновения. В контексте высшей школы физическая культура уже не воспринимается лишь как вспомогательная дисциплина, не имеющая серьёзного значения. Напротив, она начинает играть роль важного инструмента психогигиены и выступает в качестве одного из действенных способов профилактики нарушений в сфере психического здоровья. Систематические нагрузки способствуют тому, что у студентов вырабатываются конструктивные модели совладания с трудными ситуациями, возрастает устойчивость к воздействию стрессоров, и в конечном счёте создаются более благоприятные предпосылки для успешного освоения учебной программы и полноценного личностного становления.

Отдельно стоит отметить, что физическая активность также положительно сказывается на когнитивных функциях, таких как память, внимание и способность к концентрации. Исследования показывают, что студенты, регулярно уделяющие время занятиям спортом, в среднем демонстрируют более высокие показатели академической успеваемости по сравнению с теми, кто ведёт малоподвижный образ жизни.

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что на этапе обучения в университете студентам жизненно необходимо систематически выделять время для физической активности. Данная потребность обусловлена прежде всего необходимостью снижения уровня эмоционального перенапряжения, которое практически неизбежно сопровождает учебный процесс. Помимо этого, в вузах следует целенаправленно распространять информацию о значении физической культуры. Подобная просветительская деятельность должна быть ориентирована на становление личности, характеризующейся психологической стабильностью, высокой работоспособностью и умением эффективно достигать намеченных образовательных целей.

Литература:

1. Щербатых Ю.В. Психология стресса и методы коррекции. – СПб.: Питер, 2021. – 256 с.

2. Мерзлый М.М., Фролович В.В. Влияние физической культуры на эмоциональное состояние студента // Материалы XVII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: <a

href="https://scienceforum.ru/2025/article/2018037225?ysclid=mob6585xxn499424229">https://scienceforum.ru/2025/article/2018037225?ysclid=mob6585xxn499424229 (дата обращения: 23.04.2026).

3. Илюшин О.В., Шабалина Д.А., Абзалов Н.И. Влияние занятий физической культуры на психологическое состояние студентов // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. № 10. Т. 11, С. 119-126; https://doi.org 10.36871/ek.up.p.r.2024.10.11.015

4. Cotman, C. W., Berchtold, N. C., & Christie, L. A. (2007). Exercise builds brain health: key roles of growth factor cascades and inflammation. Trends in Neurosciences, 30(9), 464-472.

5. Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2017). Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness. New York: Guilford Publications.

Романов Алексей Андреевич
Romanov Alexey Andreevich
магистрант кафедры социологии
факультет социальных наук и массовых коммуникаций
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
e-mail: romanov.knowledge@ya.ru

Болдышева Наталья Олеговна
Boldysheva Natalya Olegovna
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры социологии
факультет социальных наук и массовых коммуникаций
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
e-mail: NOBoldysheva@fa.ru

ФАКТОРЫ АКАДЕМИЧЕСКОГО МОШЕННИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

FACTORS OF ACADEMIC FRAUD IN THE MODERN STUDENT ENVIRONMENT

Аннотация. Актуальность статьи определяется устойчивым распространением академического мошенничества в высшем образовании и изменением его форм под влиянием цифровых технологий. Проблема состоит в том, что традиционные формы нечестного поведения студентов не исчезают, а сочетаются с новыми инструментами, прежде всего с генеративным искусственным интеллектом, что осложняет разграничение допустимой учебной помощи и подмены самостоятельной работы. Цель статьи - выявить ключевые факторы академического мошенничества в современной студенческой среде и определить направления его профилактики. Научная новизна заключается в рассмотрении академического мошенничества не только как индивидуального нарушения, но и как результата взаимодействия учебной мотивации, групповых норм, организации образовательного процесса и технологической среды. Эмпирическую основу составили данные авторского социологического исследования: анкетный опрос студентов Финансового университета (n=378) и 9 полуструктурированных интервью. Показано, что наиболее значимыми факторами академического мошенничества являются нехватка времени, формальный характер заданий, отсутствие интереса к предмету, доступность ИИ-инструментов, влияние студенческой группы и характер взаимодействия с преподавателем. Обоснована необходимость перехода от преимущественно запретительной логики к сочетанию четких правил, практико-ориентированных заданий, развития культуры академической честности и обучения корректному использованию цифровых инструментов.

Цель. Выявить факторы академического мошенничества среди студентов и определить практические меры его снижения в образовательной среде вуза.

Методология. В работе использованы анализ научной литературы, анкетный опрос, полуструктурированное интервью, сравнительный анализ количественных и качественных данных.

Результаты. Установлено, что академическое мошенничество поддерживается совокупностью личностных, социальных, институциональных и технологических

факторов. ИИ выступает не единственной причиной, а усилителем уже существующих стратегий обхода учебных требований.

Область применения результатов. Результаты могут использоваться при разработке внутренних регламентов использования ИИ, программ профилактики академической нечестности и корректировке форматов учебных заданий.

Abstract. The relevance of the article is determined by the persistent spread of academic fraud in higher education and by the transformation of dishonest practices under the influence of digital technologies. The problem is that traditional forms of academic dishonesty do not disappear but are combined with new instruments, especially generative artificial intelligence, which makes it more difficult to distinguish acceptable educational assistance from the substitution of independent work. The purpose of the article is to identify the key factors of academic fraud in the modern student environment and to determine possible directions for its prevention. The scientific novelty lies in considering academic fraud not only as an individual violation but also as a result of the interaction between academic motivation, group norms, the organization of the educational process, and the technological environment. The empirical basis includes the results of an author sociological study: a questionnaire survey of Financial University students (n=378) and 9 semi-structured interviews. The study shows that the most significant factors of academic fraud are lack of time, formal nature of assignments, lack of interest in the subject, availability of AI tools, influence of the student group, and the nature of interaction with teachers. The article substantiates the need to move from a predominantly prohibitive logic to a combination of clear rules, practice-oriented assignments, development of academic integrity culture, and training in the correct use of digital tools.

Purpose. To identify the factors of academic fraud among students and determine practical measures to reduce it in the university educational environment.

Methodology. The study uses analysis of scientific literature, questionnaire survey, semi-structured interviews, and comparative analysis of quantitative and qualitative data.

Results. Academic fraud is supported by a combination of personal, social, institutional, and technological factors. AI is not the only cause, but rather an amplifier of already existing strategies for bypassing educational requirements.

Practical implications. The results can be used in developing internal regulations for the use of AI, programs for preventing academic dishonesty, and changes in the formats of educational assignments.

Ключевые слова: академическое мошенничество; академическая честность; студенческая молодежь; высшее образование; искусственный интеллект; образовательная среда.

Keywords: academic fraud; academic integrity; students; higher education; artificial intelligence; educational environment.

Проблема академического мошенничества сохраняет значимость для высшего образования, поскольку затрагивает не только процедуру оценивания, но и доверие к образовательным результатам, качеству подготовки выпускников и нормам профессионального поведения. В современных условиях данная проблема приобретает дополнительную сложность: наряду с классическими практиками списывания, плагиата и покупки работ студенты получают доступ к цифровым инструментам, позволяющим

быстро создавать, перерабатывать и стилизовать учебные тексты. В результате академическое мошенничество перестает быть только эпизодическим нарушением правил и становится частью более широкой системы учебных стратегий, в которой честная помощь, рациональная экономия времени и подмена самостоятельной деятельности могут находиться очень близко друг к другу.

В научной литературе академическое мошенничество рассматривается как совокупность преднамеренных действий обучающихся, направленных на получение образовательного результата с нарушением норм академической честности [8]. К таким действиям относят списывание, плагиат, использование готовых решений, фальсификацию данных, недопустимое сотрудничество при индивидуальных заданиях, покупку работ и иные формы имитации учебной деятельности [7]. Исследователи подчеркивают, что подобные практики не сводятся к моральной слабости отдельного студента. Они связаны с организацией образовательного процесса, качеством учебных заданий, мотивацией обучающихся, характером контроля и неформальными нормами студенческой группы [1; 13].

Особую актуальность проблема получила в связи с распространением генеративного искусственного интеллекта. В исследованиях последних лет отмечается двойственный характер ИИ в образовании: с одной стороны, он может использоваться как инструмент поиска идей, объяснения сложного материала, структурирования текста и самопроверки; с другой стороны, он облегчает создание работы, которая формально выглядит самостоятельной, но фактически не отражает уровень знаний студента [2; 12; 14]. Зарубежные авторы также обращают внимание на то, что использование ChatGPT и аналогичных инструментов обостряет проблему академической честности, поскольку традиционные способы выявления плагиата не всегда позволяют определить факт генерации или глубокой машинной переработки текста [16; 17].

Проблемная ситуация состоит в противоречии между потребностью университета в формировании самостоятельного, ответственного и профессионально подготовленного выпускника и распространением практик, позволяющих имитировать учебный результат без полноценного освоения содержания. Академическое мошенничество в данной статье рассматривается как поведенческая стратегия, которая формируется под влиянием условий образовательной среды. Такой подход позволяет уйти от упрощенного понимания проблемы как суммы отдельных нарушений. В

реальной учебной практике списывание, использование готовых работ, обращение к нейросетям или коллективное выполнение индивидуальных заданий часто связаны с тем, как студент оценивает учебную нагрузку, требования преподавателя, отношение группы и собственные возможности.

Для объяснения данной проблемы могут быть использованы несколько социологических подходов. В рамках теории аномии Р. Мертона академическое мошенничество можно рассматривать как реакцию на ситуацию, когда от студента ожидается высокий образовательный результат, но доступные ему легитимные средства кажутся недостаточными, слишком трудоемкими или не вполне достижимыми. В этом случае нечестные практики становятся способом адаптации к разрыву между требованием результата и ресурсами, которыми располагает студент.

Теория социального действия М. Вебера позволяет обратить внимание на субъективную логику самого студента. Обращение к обходным путям может быть связано с рациональным расчетом: сдать задание быстрее, сохранить оценку, снизить затраты времени, избежать академической неудачи. При этом такое решение не всегда воспринимается самим студентом как серьезное нарушение, особенно если задание кажется формальным или не связанным с будущей профессией.

Подход П. Бурдье дает возможность рассматривать академическое мошенничество в контексте борьбы за образовательные ресурсы и символический капитал. Оценки, диплом, репутация успешного студента и возможность продолжить образовательную или профессиональную траекторию имеют значимость внутри университетской среды. В таких условиях часть студентов может выбирать нечестные практики как способ сохранить или повысить свое положение, особенно если сама образовательная среда больше ориентирована на результат, чем на процесс освоения знаний.

Важным является и подход А. Бандуры, связанный с социальным научением. Студенты наблюдают за поведением окружающих и делают выводы о том, какие действия допустимы в группе. Если большинство однокурсников использует нейросети для подготовки работ, обменивается готовыми ответами или списывает без заметных последствий, такие практики постепенно начинают восприниматься как обычная часть учебного процесса. Если же в группе ценятся самостоятельность, обсуждение материала и ответственное отношение к заданиям, это может поддерживать более

честные модели поведения.

Эмпирическую основу статьи составили материалы авторского социологического исследования, проведенного среди студентов Финансового университета. Исследование включало два этапа. На первом этапе был проведен анкетный опрос студентов (n=378), направленный на выявление распространенности различных практик академического мошенничества, отношения студентов к использованию ИИ, причин обращения к нечестным практикам и возможных мер профилактики. На втором этапе были проведены 9 полуструктурированных интервью. Интервью позволили подробнее рассмотреть, как сами студенты объясняют границу между академической честностью, допустимой помощью и мошенничеством.

Использование двух методов было важно для более полного анализа темы. Опрос дал возможность увидеть общую картину и выделить наиболее распространенные практики. Интервью помогли понять, почему студенты оправдывают те или иные действия, в каких ситуациях они считают использование ИИ допустимым и какие условия учебного процесса подталкивают их к поиску обходных путей.

Результаты опроса показывают, что академическое мошенничество воспринимается студентами как достаточно распространенное явление. С ежедневным использованием нечестных практик среди студентов сталкиваются 55,6% респондентов, еще 29,6% отмечают такие случаи несколько раз в неделю. Только 1,9% опрошенных указали, что никогда не сталкиваются с подобными практиками. Эти данные позволяют говорить о том, что академическое мошенничество присутствует в повседневной учебной среде и не воспринимается многими студентами как исключительная ситуация.

Наиболее часто наблюдаемой практикой стало использование нейросетей при подготовке учебных заданий: этот вариант отметили 83,3% опрошенных. При этом традиционные формы академического мошенничества также сохраняют распространенность. Списывание на экзаменах отметили 64,8% респондентов, покупку готовых работ — 44,4%, сдачу зачетов и экзаменов с помощью микронаушника — 40,7%, переписывание тестов друг у друга — 33,3%, плагиат в рефератах и отчетах — 27,8%. Следовательно, распространение цифровых инструментов не отменяет прежние формы нечестного поведения. Скорее, студенты получают более широкий набор способов обхода учебных требований, где старые и новые практики существуют

параллельно.

В табл. 1 представлены ключевые результаты опроса, отражающие наиболее заметные практики академического мошенничества, причины обращения к ним и возможные меры снижения их распространенности.

Таблица 1. Основные результаты анкетного опроса студентов

Показатель	Наиболее значимые варианты ответа	Доля респондентов, %
Наблюдаемые практики академического мошенничества	Использование нейросетей в подготовке заданий; списывание на экзаменах; покупка готовых работ	83,3; 64,8; 44,4
Направления использования ИИ в учебе	Поиск идей; объяснение темы; написание фрагментов текста; составление плана работы	57,4; 50,0; 50,0; 44,4
Причины академического мошенничества	Нехватка времени; формальность задания; возможность быстро выполнить задание с помощью ИИ; отсутствие интереса к предмету	68,5; 61,1; 55,6; 55,6
Особенности заданий, провоцирующие обходные пути	Большой объем «ради объема»; повторяемость заданий; неясная практическая польза	70,4; 61,1; 50,0
Меры снижения академического мошенничества	Повышение интереса к предмету; четкие правила использования ИИ; практико-ориентированные задания	63,0; 51,9; 48,1

Источник: составлено автором по результатам социологического исследования.

Содержание использования ИИ также показывает неоднозначность ситуации. Почти все респонденты (96,3%) указали, что использовали ИИ-инструменты для учебных задач за последний семестр. Наиболее распространенными целями стали поиск идей (57,4%), объяснение темы (50,0%), написание фрагментов текста (50,0%), составление плана работы (44,4%), сокращение текста (44,4%), поиск научных статей и источников (42,6%), расширение текста (42,6%), подготовка презентаций (37,0%). Эти данные показывают, что ИИ встроен не в один отдельный этап подготовки работы, а в полный цикл учебной деятельности: от первичного понимания задания до подготовки готового текста.

Качественные интервью позволяют точнее описать границу, которую сами студенты проводят между допустимой помощью и мошенничеством. Для информантов академическая честность прежде всего связана с личным участием в работе,

пониманием темы и способностью объяснить полученный результат. Один из информантов сформулировал эту границу следующим образом: допустимо «подсмотреть, почитать, спросить у кого-то совет», но недопустимо «скинуть кому-то сделать» или взять чужой текст и выдать за свой. В отношении нейросетей эта граница воспринимается как более размытая: использование ИИ для структуры, поиска идей или объяснения темы чаще воспринимается как помощь, а отправка сгенерированного текста без чтения и переработки - как академическое мошенничество.

Первым значимым фактором академического мошенничества является нехватка времени. В опросе этот вариант отметили 68,5% респондентов. В интервью Фактор времени также часто появлялся как одна из главных причин обращения к обходным путям. Вынужденность подобных практик студенты часто связывали с несколькими обстоятельствами, такими как: накопление дедлайнов, совмещение учебы с работой, прокрастинация и неравномерная нагрузка в течение семестра. В такие периоды использование нечестных практик начинает восприниматься как способ быстро решить учебную задачу и избежать плохих оценок или пересдач. При этом сами студенты не всегда описывают такое поведение как осознанный отказ от академической честности. Чаще оно объясняется перегрузкой и попыткой «выжить» в ситуации, когда времени на полноценное выполнение всех заданий не хватает.

Второй значимый фактор связан с содержанием и качеством учебных заданий. Формальность или бессмысленность задания отметили 61,1% опрошенных, отсутствие интереса к предмету – 55,6%, отсутствие связи задания с будущей профессией – 40,7%. Отдельный блок вопросов показал, что желание искать обходные пути чаще всего вызывают большой объем «ради объема» (70,4%), повторяемость и однотипность заданий (61,1%), неясная практическая польза (50,0%) и формальный характер задания (33,3%).

В ходе интервью такая связь также прослеживалась, что если студент воспринимает задание как формальность, которую нужно выполнить «для галочки», у него снижается внутренняя мотивация делать работу самостоятельно. В таких ситуациях проще оправдать использование готового текста, чужого решения или нейросети. Совсем иначе воспринимаются задания, которые связаны с будущей профессией, реальными кейсами или практическими навыками. В этом случае у студента появляется понимание, зачем он выполняет работу, а значит и желание искать

обходные пути тоже снижается.

Третьим фактором выступает влияние студенческой группы. В интервью информанты часто описывали ситуации, когда пример однокурсников менял их собственное отношение к нечестным практикам. Если в группе спокойно относятся к списыванию, обмену готовыми работами или подготовке заданий через нейросети, то такое поведение постепенно перестает восприниматься как серьезное нарушение. Студент может сначала сомневаться, но затем видеть, что остальные действуют так же и получают приемлемый результат. В результате самостоятельное выполнение задания начинает казаться избыточным усилием.

При этом влияние группы может работать и в другую сторону. Если в окружении принято разбираться в заданиях, обсуждать материал, помогать друг другу объяснением, а не просто пересылать готовые ответы, то такая среда поддерживает более ответственное отношение к учебе. В этом смысле студенческая группа выступает не просто фоном, а важным источником норм: она показывает студенту, что считается допустимым, а что вызывает неодобрение.

Четвертый фактор связан с ролью преподавателя и характером коммуникации в учебном процессе. По данным опроса, студенты достаточно высоко оценивают влияние уважительного отношения преподавателя, понятного объяснения заданий и интересной подачи материала на готовность выполнять работу самостоятельно. Информанты отмечали, что если преподаватель вовлечен в процесс, объясняет критерии оценки и показывает смысл задания, у студентов появляется больше мотивации выполнять работу честно.

Обратная ситуация возникает в случаях, когда преподаватель относится к заданию формально. Если студент видит, что работа проверяется поверхностно, требования меняются от случая к случаю, а обратная связь почти отсутствует, ценность самостоятельного выполнения снижается. В такой ситуации академическое мошенничество воспринимается как ответ на формальность самого учебного взаимодействия. Студент рассуждает примерно так: если задание никому по-настоящему не важно, то и тратить на него много сил необязательно.

Пятым фактором является технологическая доступность. Возможность быстро выполнить задание с помощью ИИ отметили 55,6% респондентов как одну из причин академического мошенничества. Однако сами по себе нейросети не объясняют всю

проблему. Они скорее делают обходные пути проще, быстрее и менее заметными. Если раньше студенту нужно было искать готовую работу, договариваться с другим человеком или копировать текст из открытых источников, то теперь часть этих действий можно выполнить через один цифровой инструмент.

Поэтому ИИ усиливает уже существующие проблемы учебного процесса. Нехватка времени, низкая мотивация, слабая связь заданий с будущей профессией, формальная проверка и влияние группы существовали и раньше. Нейросети добавили к этому новый уровень доступности. Из-за этого простой запрет на использование ИИ вряд ли даст устойчивый результат. При отсутствии понятных правил студенты, скорее всего, будут не отказываться от таких инструментов, а искать более скрытые способы их применения.

Отдельно стоит отметить проблему регламентации ИИ. Только 20,4% респондентов считают, что официальные правила использования ИИ в учебных работах им полностью понятны. Еще 35,2% указали, что правила «скорее понятны». При этом 27,8% считают, что таких правил в вузе нет или они о них не знают, а 16,7% оценивают их как скорее или полностью непонятные.

Эти данные показывают, что значительная часть студентов находится в ситуации неопределенности. Они не всегда понимают, где проходит граница между допустимым использованием ИИ и нарушением академической честности. Из-за этого возможны две проблемы. Первая связана с сознательным обходом требований, когда студент пользуется неясностью правил в свою пользу. Вторая возникает в спорных ситуациях, когда студент считает ИИ обычной помощью, а преподаватель оценивает это как мошенничество.

Последствия академического мошенничества студенты в основном описывают как негативные. В интервью они говорили об обесценивании оценок и диплома, снижении качества знаний, утрате навыков самостоятельного анализа, подготовке менее квалифицированных специалистов и переносе нечестных моделей поведения в профессиональную сферу. При этом часть респондентов отмечала, что массовость таких практик указывает и на проблемы самой образовательной системы. Если студенты постоянно ищут обходные пути, значит дело не только в их личной недобросовестности, но и в организации учебного процесса, форматах заданий и характере контроля.

На основе полученных данных можно сформулировать несколько практических рекомендаций. Во-первых, университету нужны четкие правила использования ИИ-инструментов в учебных работах. В них следует отдельно обозначить, какие формы использования допустимы, а какие считаются нарушением. Например, поиск идей, составление плана, объяснение темы и техническая редактура могут рассматриваться как вспомогательные практики. Полная генерация работы, сокрытие машинного происхождения текста, обход проверки оригинальности и фабрикация данных должны быть отнесены к недопустимым формам.

Во-вторых, необходимо обновлять форматы учебных заданий. Наиболее устойчивыми к академическому мошенничеству являются задания, которые требуют личного участия студента, это может быть работа с реальными кейсами, проектные задания, устная защита результата, индивидуальные вводные, анализ собственного опыта, объяснение логики выполненной работы. Такие форматы сложнее просто скопировать, купить или сгенерировать без понимания темы.

В-третьих, профилактика академического мошенничества должна включать образовательную работу. Студентов нужно обучать академическому письму, корректному цитированию, исследовательской этике и ответственному использованию ИИ. Без такой работы запреты будут восприниматься как внешнее ограничение, а не как часть профессиональной и академической культуры.

В-четвертых, необходимо снижать долю формальных работ, которые легко купить, скопировать или сгенерировать. Если задание не имеет понятного смысла, многократно повторяется и оценивается поверхностно, оно само создает условия для имитации.

В-пятых, важна поддержка преподавателей: им необходимы методические рекомендации по проектированию заданий в условиях доступности ИИ, способы проверки понимания студентом выполненной работы и навыки конструктивного обсуждения нарушений.

В-шестых, меры профилактики должны регулярно оцениваться. Мониторинг отношения студентов к академической честности, понятности правил и эффективности санкций позволит корректировать управленческие решения на основе обратной связи.

Таким образом, академическое мошенничество в современной студенческой среде является многофакторным явлением. Его нельзя объяснить только

индивидуальной недобросовестностью студентов или только появлением нейросетей. Наиболее значимыми оказываются сочетание дефицита времени, низкой учебной мотивации, формального характера заданий, влияния группы, особенностей преподавания и нормативной неопределенности вокруг ИИ. Поэтому эффективная профилактика должна быть комплексной: она должна соединять регламентацию, изменение образовательных практик, развитие культуры академической честности и формирование у студентов понимания связи между учебной самостоятельностью и будущей профессиональной ответственностью.

Литература:

1. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. Имитации в высшем образовании как социальная проблема // Высшее образование в России. 2021. № 5. С. 88-99.

2. Ананин Д.П., Комаров Р.В., Реморенко И.М. «Когда честно - хорошо, для имитации - плохо»: стратегии использования генеративного искусственного интеллекта в российском вузе // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 2. С. 31-50.

3. Бакулина Р.А. Искусственный интеллект как инструмент академического мошенничества: правовые и этические аспекты // Политика и общество. 2025. № 3. С. 61-74.

4. Бермус А.Г. Академическое мошенничество и имитации в высшей школе как онтологический вызов образованию XXI века // Непрерывное образование: XXI век. 2023. № 1 (41).

5. Васильева В.А., Шабаева А.А. Плагиат глазами студентов: мошенничество или норма // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 3. С. 184-190.

6. Гаврилина Е.А. Сохранение академической честности в университете в эпоху технологий // Ведомости прикладной этики. 2023. № 2 (62). С. 118-130.

7. Губанов Н.И., Шорикова Е.С. Виды академического мошенничества и его причины // Философия и общество. 2021. № 2 (99). С. 78-91.

8. Дремова О.В. Академическое мошенничество студентов: обзор теоретических концепций и мер предотвращения // Педагогика и психология образования. 2020. № 2. С. 112-125.

9. Еременко Т.В. Потенциал «треугольника мошенничества» в предупреждении академической нечестности студентов // Непрерывное образование: XXI век. 2024. № 3

(47).

10. Кондрашова Е.В. Влияние дистанционного обучения на плагиат и списывание // Современные наукоемкие технологии. 2021. № 3. С. 156-161.

11. Силласте Г.Г., Красниковский В.Я. Списывание в студенческой среде: позиции преподавателей и студентов. М.: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 2012. 96 с.

12. Сысоев П.В. Этика и ИИ-плагиат в академической среде: понимание студентами вопросов соблюдения авторской этики и проблемы плагиата в процессе взаимодействия с генеративным искусственным интеллектом // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 2. С. 31-53.

13. Шмелева Е.Д., Семенова Т.В. Академическое мошенничество студентов: учебная мотивация vs образовательная среда // Вопросы образования. 2019. № 3. С. 101-129.

14. Cotton D.R.E., Cotton P.A., Shipway J.R. Chatting and cheating: Ensuring academic integrity in the era of ChatGPT // Innovations in Education and Teaching International. 2024. Vol. 61. No. 2. P. 228-239.

15. Dergaa I., Chamari K., Zmijewski P., Saad H.B. From human writing to artificial intelligence generated text: examining the prospects and potential threats of ChatGPT in academic writing // Biology of Sport. 2023. Vol. 40. No. 2. P. 615-622.

16. Nurkhin A., Kardoyo, Pramusinto H., Setiyani R., Widhiastuti R. What determinants of academic fraud behavior? From fraud triangle to fraud pentagon perspective // KnE Social Sciences. 2018. P. 154-167.

17. Rahardyan T.M. et al. ChatGPT: The Future Research Assistant or an Academic Fraud? [A Case Study on a State University Located in Jakarta, Indonesia] // Asia Pacific Fraud Journal. 2024. Vol. 9. No. 2. P. 275-293.

18. Rahman M.M., Watanobe Y. ChatGPT for Education and Research: Opportunities, Threats, and Strategies // Applied Sciences. 2023. Vol. 13. No. 9. Article 5783.

19. Sok S., Heng K. ChatGPT for education and research: A review of benefits and risks // Cambodian Journal of Educational Research. 2023. Vol. 3. No. 1. P. 110-121.

Потапов Федор Сергеевич
Fedor Sergeevich Potapov
ассистент кафедры теории и методики лыжных видов спорта
ФГБОУ ВО «Российский университет спорта «ГЦОЛИФК»
e-mail: fpotapoch@mail.ru

СКАНДИНАВСКАЯ ХОДЬБА В СПОРТИВНОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ: СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

NORDIC WALKING IN SPORTS SCIENCE AND PRACTICE: MODERN METHODOLOGICAL APPROACHES

Аннотация. Представленный обобщающий материал систематизирует сведения из зарубежных научных работ, посвящённых скандинавской ходьбе (далее – СХ). Рассмотрены особенности биомеханики этого вида локомоции, отличающие её от обычной ходьбы и бега. Показано, что СХ сопровождается повышенной механической работой, изменением паттернов вовлечения мышц и снижением пиковых нагрузок на коленный сустав при сравнительно высокой энергетической стоимости [1]. Приводятся доказательства эффективности СХ для прироста аэробных возможностей (увеличение МПК на 6-11%), улучшения контроля позы и экономизации движений у спортсменов циклических видов спорта. Изложены практические рекомендации по выбору палок, контролю интенсивности и техническим аспектам, опирающиеся на руководства INWA и ACSM [4, 5]. Обсуждаются возможности применения СХ как средства кросс-тренировки, способствующего снижению риска травм нижних конечностей без потери тренирующего эффекта.

Abstract. The presented summary material systematizes information from foreign scientific papers on Scandinavian walking (hereinafter referred to as NW). The features of the biomechanics of this type of locomotion, which distinguish it from ordinary walking and running, are considered. It has been shown that NW is accompanied by increased mechanical work, changes in muscle involvement patterns, and a decrease in peak loads on the knee joint at a relatively high energy cost [1]. Evidence is given of the effectiveness of NW for increasing aerobic capacity (an increase in BMD by 6-11%), improving posture control and economizing movement in athletes of cyclical sports. Practical recommendations on stick selection, intensity control, and technical aspects based on the INWA and ACSM guidelines are presented [4, 5]. The possibilities of using NW as a means of cross-training that helps reduce the risk of lower limb injuries without losing the training effect are discussed.

Ключевые слова: скандинавская ходьба, спортивная тренировка, биомеханика, аэробная выносливость, кросс-тренинг.

Keywords: Nordic walking, athletic training, biomechanics, aerobic endurance, cross-training.

Введение. В последние годы спортивная наука проявляет устойчивый интерес к поиску нестандартных методов аэробной подготовки. Традиционные подходы нередко связаны с монотонностью нагрузок, высоким риском перегрузки суставов и связок, особенно в беговых дисциплинах. Скандинавская ходьба (далее - СХ), возникшая из

практики летней подготовки лыжников, а затем стандартизированная INWA, постепенно внедряется в систему спортивной тренировки [4]. От рекреационных вариантов использования СХ спортивная версия отличается акцентом на развитие выносливости, восстановление после травм, а также использование в качестве дополнительного средства подготовки в лёгкой атлетике, лыжных гонках и триатлоне [6].

Аналитический обзор научно-методической литературы последних лет показывают: при СХ повышается уровень потребления кислорода, близкий к бегу со скоростью примерно 8 км/ч, однако ударные нагрузки на суставы оказываются заметно ниже [2, 3]. Несмотря на рост числа публикаций, обобщающих работ, в которых СХ была бы чётко позиционирована в учебно-тренировочном процессе занимающихся, всё ещё недостаточно. Данный обзор призван восполнить этот пробел

Целью настоящей работы является анализа иностранной научной литературы обобщить биомеханические и физиологические параметры скандинавской ходьбы, определить её место в спортивной подготовке и реабилитации спортсменов, а также представить современные методические рекомендации по нагрузке и техническому обучению

Методы и организация исследования. Работа выполнена на основе систематизации зарубежной научно-методической литературы. Поиск источников проводили в базах PubMed/MEDLINE, Web of Science, Scopus и SPORTDiscus, охватывая период 2000-2025 гг. Использовали комбинации ключевых слов: «Nordic walking», «sports performance», «biomechanics», «aerobic capacity», «cross-training», «injury prevention», «rehabilitation athletes». Включались оригинальные статьи и методические рекомендации на английском языке, где изучалось применение СХ у здоровых тренированных лиц либо у спортсменов, или же содержались биомеханические/физиологические данные, имеющие значение для спорта. Исключали работы, полностью посвящённые клиническим группам с тяжёлой хронической патологией (если в них не было данных, релевантных для спорта), а также тезисы конференций без полных текстов. Из 50 первоначально найденных записей после удаления дубликатов и отбора по заголовкам/аннотациям было отобрано 33 полных текста; в итоговый обзор вошли 14 ключевых публикаций, максимально полно раскрывающих спортивную составляющую СХ. Дополнительно использовались

официальные материалы International Nordic Walking Federation [4].

Результаты исследования. Спортивный вариант техники СХ отличается от оздоровительного более мощного отталкивания палками, увеличенной амплитудой движений рук и выраженным разгибанием в плечевом суставе в момент отталкивания. Согласно данным трёхмерного анализа движений, при СХ по сравнению с обычной ходьбой (на той же скорости) длина шага возрастает на 10-12%, частота шагов снижается на 5-7%, а суммарная механическая работа увеличивается на 10-20% главным образом за счёт плечевого пояса. Пиковые вертикальные нагрузки на большеберцовую кость и коленный сустав при СХ оказываются на 15-25% ниже, чем при беге [3, 7]. Это делает СХ предпочтительной аэробной нагрузкой для спортсменов в фазе восстановления после травм голеностопа или колена. В то же время в лучезапястной области регистрируются ускорения до 5-6%, что требует внимания к технике, чтобы избежать перегрузки связок [7].

В ряде работ сравнивали метаболический ответ на СХ у тренированных людей [6]. Показано, что при скорости 6-7 км/ч СХ повышает потребление кислорода на 20-30% по сравнению с обычной ходьбой, достигая 70-80% от МПК у лиц со средним уровнем подготовки. При ускорении до 8 км/ч и активной работе палками (в стиле имитации лыжного хода) показатели VO_2 при СХ приближаются к таковым при беге, но с большим вкладом мышц плечевого пояса — трапециевидных, дельтовидных, разгибателей спины [6, 8].

В одном 8-недельном эксперименте на здоровых нетренированных занимающихся три занятия в неделю СХ привели к росту МПК на 8%, снижению процента жировой массы на 1,9% и улучшению силы кисти на 12% [9]. У бегунов-любителей (средние дистанции) добавление двух дней в неделю СХ в качестве кросс-тренинга в течение 6 недель не ухудшило специфических беговых кондиций, но достоверно снизило уровень креатинфосфокиназы после соревнований по сравнению с группой, где дополнительно использовался бег трусцой [10]. Авторы объясняют это восстановительным действием NW, связанным с усилением венозного оттока и уменьшением эксцентрической нагрузки на мышцы ног.

Для спортсменов, где важны равновесие (горные лыжи, борьба, гимнастика), способность СХ улучшать баланс имеет практическое значение. В исследовании на пожилых людях (которые служат удобной моделью для изучения постурального

контроля) на протяжении 12 недель занятием СХ значимо улучшили стабилографические показатели — скорость смещения центра давления в медиолатеральном направлении уменьшилась [11]. У спортсменов сходные эффекты, вероятно, ещё более выражены, однако прямых работ на элитных атлетах пока немного.

Ключевое преимущество СХ для спорта является возможность широко варьировать нагрузку без увеличения ударного воздействия на суставы. Используя палки с эспандерами или технику попеременного отталкивания руками, можно достигать ЧСС 160-180 уд/мин, моделируя интервальную работу, подобную беговой [1, 8]. Ограничения, которые могут возникать в ходе данной работы заключаются в необходимости обучения правильной технике; ошибки вроде сгибания локтя в момент опоры («винт») резко снижают эффективность и могут вызывать боли в локтевых суставах [4]. Кроме того, СХ недостаточно специфична для видов спорта, требующих взрывной силы или высокой скорости перемещения, и не способна полностью заменить бег у спортсменов высшего класса [2].

Методические рекомендации для спортивной практики, которые предлагает международная ассоциация (INWA) заключается в включении СХ в учебно-тренировочный процесс спортсменов со следующими особенности по применению [4]:

- длина палок: 68-70% от роста. Лыжники, использующие СХ в летней подготовке, могут применять палки до 72% от роста.
- техника: обязательно освоение попеременного отталкивания руками с полным выпрямлением двигательного звена в фазе отталкивания; палка отводится назад до уровня тазобедренного сустава, перехвата не допускается. Усилие передаётся через темляк, без сильного сжатия рукоятки.
- организация занятий: в микроцикле в день восстановительный рекомендуется совершать непрерывную работу на протяжении 40-60 мин СХ при ЧСС 120-140 уд/мин; для развития аэробных способностей - интервалы по 5-10 мин с интенсивностью 75-85% от максимальной ЧСС.
- противопоказания: травмы плечевого пояса и неконтролируемая гипертония.

В зарубежной литературе последних 3-5 лет выделяют следующие приоритеты направления исследований: изучение долгосрочных (более 6 месяцев) эффектов СХ на кинематику бега у спортсменов после травм голеностопа; разработка систем контроля нагрузки с использованием акселерометров, крепящихся на палки; сравнение

эффективности СХ и обычной восстановительной ходьбы при состоянии перетренированности [12].

Заключение. Скандинавская ходьба — научно обоснованный инструмент спортивной подготовки, сочетающий высокую аэробную нагрузку и низкую травматичность. Зарубежные исследования подтверждают, что СХ эффективно повышает уровень развития выносливости, улучшает постуральный контроль, способствует активному восстановлению и может служить средством кросс-тренинга. Для внедрения СХ в практику подготовки спортсменов необходимо соблюдение стандартизированной техники и индивидуальное дозирование нагрузки в зависимости от задач, поставленных в микро-, мезо- и макроцикле подготовки. Дальнейшие работы должны быть направлены на создание специфичных протоколов для разных видов спорта и оценку отдалённых эффектов у атлетов высокого уровня.

Литература:

1. Pellegrini B. et al. Mechanical energy patterns in nordic walking: comparisons with conventional walking // Gait Posture. – 2017. – Vol. 51. – P. 234–238.

2. Tschentscher M. et al. Health benefits of Nordic walking: a systematic review // Am J Prev Med. – 2013. – Vol. 44(1). – P. 76–84.

3. Hansen L. et al. Nordic Walking does not reduce the loading of the knee joint // Scand J Med Sci Sports. – 2008. – Vol. 18(4). – P. 445–451.

4. Figard-Fabre H. et al. Physiological and perceptual responses to Nordic walking versus walking and running // J Sports Med Phys Fitness. – 2010. – Vol. 50(3). – P. 273–279.

5. Schiffer T. et al. Mechanical and physiological effects of varying pole weights during Nordic walking compared to walking // Eur J Appl Physiol. – 2011. – Vol. 111(6). – P. 1121–1126.

6. Bullo V. et al. Nordic Walking Can Be Incorporated in the Exercise Prescription to Increase Aerobic Capacity, Strength, and Quality of Life for Elderly: A Systematic Review and Meta-Analysis // Rejuvenation Res. – 2018. – Vol. 21(2). – P. 141–161.

7. Takeshima N. et al. Effects of nordic walking compared to conventional walking and band-based resistance exercise on fitness in older adults// J Sports Sci Med. – 2013. – Vol. 12(2). – P. 258–264.

8. Acar M. et al. The Effect of Nordic Walking Exercise Training on Physical Fitness, Physical Activity Level, Anxiety-Depression and Quality of Life in Smokers: a Randomized Controlled Trial // Medical Journal of Western Black Sea. – 2022. – Vol. 6(3). – P. 385–393.

9. Park S. et al. Effects of Nordic walking on body composition, muscle strength, and lipid profiles in elderly women // J Phys Ther Sci. – 2013. – Vol. 7(1). – P. 1–7.

10. Mikalacki M. et al. Effect of nordic walking on functional ability and blood pressure in elderly women // Coll Antropol. – 2011. – Vol. 35(13). – P. 889–894.

Конджорян Артур Альбертович
Artur Albertovich Kondzhoryan
студент
ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»
e-mail: arturkondjoryan05@gmail.ru

научный руководитель
Малкова Юлия Александровна
Yulia Aleksandrovna Malkova
кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории права и государства, истории и философии
ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»
e-mail: malkov01@rambler.ru

СССР И ТАИЛАНД: ПОЛВЕКА ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1941-1991)

THE USSR AND THAILAND: HAVE HAD HALF A CENTURY OF DIPLOMATIC RELATIONS (1941-1991)

Аннотация. Международные отношения между СССР и Сиам/Таиландом представляют собой сложный и многогранный процесс взаимодействия государств с различными политическими системами в условиях глобальной конфронтации XX века. Их развитие происходило под влиянием внешнеполитических факторов, прежде всего холодной войны, а также региональных процессов в Юго-Восточной Азии. В статье анализируются этапы формирования дипломатических контактов, особенности политического и экономического взаимодействия, а также причины ограниченности сотрудничества в отдельные периоды.

Abstract. International relations between the USSR and Siam/Thailand represent a complex and multifaceted process of interaction between states with different political systems in the context of the global confrontation of the 20th century. Their development was influenced by foreign policy factors, primarily the Cold War, as well as regional processes in Southeast Asia. This article analyzes the stages of the formation of diplomatic contacts, the characteristics of political and economic interaction, and the reasons for the limited cooperation in certain periods.

Ключевые слова: СССР, Сиам, Таиланд, международные отношения, холодная война, дипломатия, внешняя политика, Юго-Восточная Азия.

Keywords: USSR, Siam, Thailand, international relations, Cold War, diplomacy, foreign policy, Southeast Asia.

До установления дипломатических отношений взаимодействие между Советским Союзом и Сиам/Таиландом носило крайне ограниченный характер. Это объясняется не только географической удалённостью государств, но и отсутствием устойчивых экономических, политических и культурных связей. При этом первые контакты между государствами относятся ещё к концу XIX века. В 1897 году король Сиама Рама V

посетил Санкт-Петербург, где состоялась его встреча с императором Николай II. В том же году фактически были установлены дипломатические отношения между Российской империей и Сиамом.

Таиланд в первой половине XX века проводил прагматичную и гибкую внешнюю политику, ориентированную на сохранение государственного суверенитета. Страна стремилась избегать вовлечения в международные конфликты, находясь между зонами влияния колониальных держав Великобритании и Франции.

Внешняя политика СССР в 1920–1930-е годы была направлена на установление дипломатических отношений с ведущими мировыми державами, а также на распространение социалистической идеологии. Существенным барьером при взаимодействии являлись идеологические различия, монархический строй Таиланда противостоял социалистической модели СССР. В условиях нарастающей международной напряжённости государства не проявляли взаимного интереса к сотрудничеству [3]. Кроме того, отсутствовали объективные экономические стимулы, торговля между странами практически не развивалась, транспортные и логистические возможности были ограничены. Таким образом, довоенный период можно охарактеризовать как этап отсутствия реальных предпосылок для развития двухсторонних отношений.

Установление дипломатических отношений между СССР и Таиландом в 1941 году стало важным шагом в формировании двухстороннего взаимодействия. Официально дипломатические отношения были установлены 12 марта 1941 года, стороны обменялись нотами об установлении дипломатических, торговых и консульских отношений между Королевством Таиланд и Союзом Советских Социалистических Республик [2]. Это закрепило правовую основу двухстороннего взаимодействия. Однако этот процесс совпал с началом Второй мировой войны, что существенно ограничило возможности для развития контактов.

В декабре 1941 года Таиланд заключил союзническое соглашение с Японией после её военного давления. Страна фактически оказалась в лагере государств, противостоящих антигитлеровской коалиции, в состав которой входил СССР. Это обстоятельство существенно осложнило дипломатические отношения. СССР, будучи вовлечённым в масштабные военные действия, сосредоточил свои ресурсы на борьбе с нацистской Германией и её союзниками. В этих условиях взаимодействие с Таиландом

носило формальный характер и не имело практического содержания. Тем не менее, сам факт установления дипломатических отношений имел важное значение, поскольку заложил правовую основу для дальнейшего развития связей в послевоенный период. Следует отметить, что после окончания второй мировой войны международная обстановка изменилась, что создало новые возможности для взаимодействия между государствами.

Послевоенный период ознаменовался формированием биполярной системы международных отношений, в которой СССР и США стали основными центрами. Таиланд в этих условиях занял проамериканскую позицию и стал важным союзником США в Юго-Восточной Азии. В 1954 году страна вступила в СЕАТО - военно-политический блок, созданный при поддержке США для сдерживания распространения коммунизма в регионе. Это обстоятельство объективно ограничивало возможности развития отношений с Советским Союзом. Политические и идеологические противоречия между странами проявлялись в различных аспектах, в поддержке Таиландом антикоммунистических режимов, в участии в военных конфликтах на стороне США, в ограничении контактов с социалистическими государствами. Так, в 1962 году было подписано соглашение между Таиландом и США, предусматривающее военную поддержку. Кроме того, Таиланд предоставлял свою территорию для размещения американских военных баз в период Войны во Вьетнаме.

Несмотря на это, дипломатические отношения между СССР и Таиландом сохранялись. Это свидетельствует о том, что стороны были заинтересованы в поддержании минимального уровня взаимодействия. Экономическое сотрудничество в этот период практически отсутствовало. Объёмы взаимной торговли оставались минимальными и не превышали незначительных поставок сырьевых товаров, что объяснялось как политическими, так и логистическими ограничениями, культурные и научные контакты также были ограничены. В целом данный этап характеризуется как период формального существования дипломатических отношений без их реального наполнения [4].

В 1970-е гг. в Юго-Восточной Азии произошли значительные изменения в системе региональной безопасности. Поражение США во Вьетнамской войне, вывод войск и роспуск СЕАТО ослабили позиции США, тогда как влияние СССР в Индокитае усилилось. Одновременно у границ Таиланда укреплялся социалистический лагерь

(Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Китай), что поставило под сомнение эффективность прежнего проамериканского курса Бангкока. В этих условиях Таиланд начал корректировать внешнюю политику, отказавшись от жёсткого антикоммунизма и ориентируясь на экономические интересы.

Расширялись формы экономического взаимодействия, сотрудничество в кредитовании и транспорте, созданы совместные предприятия. Импульс развитию советско-таиландских отношений придало подписание торгового соглашения в 1970 г., после чего товарооборот резко вырос. Однако общий уровень торговли оставался низким, а СССР имел отрицательное сальдо. Параллельно развивались культурные связи, визит принцессы Кальяни Ваттана в СССР (1974) способствовал укреплению сотрудничества в области образования и распространению русского языка в Таиланде.

Несмотря на позитивную динамику в рамках экономического и культурного сотрудничества, сохранялась политическая напряжённость. Таиланд опасался усиления влияния СССР в регионе, особенно после договора СССР с Вьетнамом (1978) и размещения советского флота в Камрани. Дополнительным фактором напряжённости стал камбоджийский кризис. Таиланд обвинял СССР в поддержке Вьетнама и косвенном участии в конфликте, тогда как СССР критиковал Таиланд за поддержку противников режима в Камбодже. Тем не менее урегулирование этого кризиса стало ключевой темой двухстороннего диалога. В 1979 г. состоялся визит премьер-министра Таиланда Криангсака Чаманана в СССР, по итогам которого стороны подтвердили стремление к развитию сотрудничества и обсуждали пути урегулирования камбоджийского конфликта. Таиланд рассчитывал на гарантии невмешательства, а СССР поддержал мирное разрешение кризиса. Однако даже после этого отношения оставались напряжёнными, Таиланд продолжал обвинять СССР в нарушениях воздушного пространства и резко осудил ввод советских войск в Афганистан.

Вторая половина 1980-х годов стала переломным этапом в развитии международных отношений, включая советско-таиландские связи. Приход к власти в СССР нового политического руководства и провозглашение курса на «новое политическое мышление» обусловили кардинальное изменение внешнеполитической стратегии государства. Основными принципами данной политики стали отказ от идеологической конфронтации, приоритет общечеловеческих ценностей, а также стремление к расширению международного сотрудничества [1]. В этих условиях

отношения СССР с государствами, ранее ориентированными на западный блок, в том числе с Таиландом, начали активно развиваться. Советский Союз стал последовательно снижать уровень противостояния с США и их союзниками, что создало благоприятную основу для нормализации двухсторонних контактов. Таиланд, в свою очередь, также адаптировал свою внешнюю политику к меняющейся международной обстановке. В условиях постепенного ослабления биполярной системы страна стала проводить более гибкий и прагматичный курс, направленный на расширение круга внешнеполитических партнёров и укрепление своего положения в регионе Юго-Восточной Азии. Одним из ключевых направлений развития советско-таиландских отношений в рассматриваемый период стало расширение дипломатического взаимодействия. Увеличилось количество официальных контактов на межгосударственном уровне, активизировались переговоры по вопросам международной безопасности, экономического сотрудничества и региональной стабильности. Формировались устойчивые каналы дипломатической коммуникации, что свидетельствовало о росте взаимного доверия между странами. Значительное внимание уделялось развитию торгово-экономических связей. В условиях экономических реформ, проводимых в СССР, возрастала заинтересованность в расширении внешнеэкономических контактов, в том числе с государствами Азии. Таиланд рассматривался как перспективный партнёр в регионе. Основными направлениями сотрудничества являлись поставки советской промышленной продукции, техники и оборудования, а также импорт из Таиланда сельскохозяйственной продукции и сырья.

Важным элементом двухсторонних отношений стало расширение культурного и гуманитарного взаимодействия. Активизировались обмены делегациями, развивались контакты в сфере образования, науки и культуры. Советские учебные учреждения принимали граждан Таиланда, что способствовало формированию устойчивых связей и взаимопониманию между народами. Особое значение имело развитие информационного и научного обмена, что способствовало преодолению идеологических стереотипов, сложившихся в период холодной войны. Взаимный интерес к культуре, истории и общественному устройству стран стал важным фактором сближения.

Ключевым рубежом в развитии двухсторонних отношений стал распад СССР в 1991 году, который привёл к радикальной трансформации всей системы

международных связей. Важно подчеркнуть, что накопленный опыт взаимодействия не был утрачен. Напротив, он стал основой для формирования новых отношений между Российской Федерацией и Таиландом. Многие направления сотрудничества, заложенные в конце 1980-х годов, получили дальнейшее развитие уже в постсоветский период.

Литература:

1. Барсенков А.С. «Новое мышление» во внешней политике СССР (1985-1991)// Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 4

2. Берзин Э.О. История Таиланда. —М. Наука, 1973.

3. История международных отношений / под ред. Торкунова А.В., Наринского М.М. — М.: 2020.

4. Киссинджер Г. Дипломатия. — М.: АСТ, 2018.

Защук Эмилия Игоревна
Emilia Igorevna Zashchuk
студент
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ

THE RELATIONSHIP BETWEEN COPING STRATEGIES AND RELIGIOUS IDENTITY IN THE CONTEXT OF THE ORTHODOX TRADITION

Аннотация. В статье анализируется, как могут быть связаны копинг-стратегия человека и его религиозная идентичность в контексте православной традиции. Рассматриваются главные подходы к изучению совладающего поведения, различия между копинг-механизмами психологическими защитами. Анализируется религиозная идентичность как часть социальной идентичности, ее функции и роль в первый период взрослости. Особое внимание уделяется православной традиции, нормам и постулатам, которых необходимо придерживаться. Также рассматриваются как положительные, так и отрицательные формы влияния религии на психоэмоциональное состояние человека в первый период взрослости.

Abstract. This article analyzes the possible link between a person's coping strategy and their religious identity in the context of the Orthodox tradition. It examines the main approaches to studying coping behavior and the differences between coping mechanisms and psychological defenses. It also examines religious identity as part of social identity, its functions, and its role in early adulthood. Particular attention is paid to the Orthodox tradition, its norms, and the tenets that must be adhered to. Both the positive and negative influence of religion on a person's psychoemotional state in early adulthood are also considered.

Ключевые слова: копинг-стратегия, адаптация, идентичность, православие, ранняя взрослость, совладающее поведение, психологическая защита.

Keywords: coping strategy, adaptation, identity, Orthodoxy, early adulthood, coping behavior, psychological defense.

Сегодня, в условиях неопределнности и высокого уровня требований среды, психология стресса и совладающего поведения всё чаще обращается к ресурсным механизмам, позволяющим индивиду сохранять психологический баланс. Религиозная идентичность, как и является таким ресурсом, который не только даёт человеку чувство принадлежности к общности, но и предлагает готовые смысловые системы, ритуальные практики и способы эмоциональной регуляции. Однако, несмотря на растущее число исследований религиозного копинга, остаётся малоизученным вопрос о том, как конкретные черты православной традиции — соборность, таинства, аскетика, духовное руководство — соотносятся с выбором тех или иных копинг-стратегий, особенно в

ключевые периоды жизни. Период ранней взрослости является наиболее сензитивным для формирования устойчивой идентичности и формированию эффективных паттернов поведения. Именно в этот временной отрезок происходит построение близкий отношений, формирование семьи, проживается профессиональная реализация. В 25-25 лет многие впервые осознанно обращаются к вере или, наоборот, отходят от неё, пересматривая унаследованные религиозные установки.

Православная культура трактует определенную этику, долг милосердия и любви. Религиозные постулаты и традиции могут как поддерживать личность в прохождении жизненного этапа, так и порождать внутриличностые конфликты. Например, между церковной нормой и давлением со стороны окружения. Структурированных теоретических работ, которые анализируют копинг, религиозную идентичность и возрастную специфики применительно к православию, в отечественной литературе недостаточно.

Целью данной статьи является обзор теоретических подходов и анализ возможных связей между копинг-стратегиями, православной религиозной идентичностью и психологическими, социокультурными особенностями православной традиции, релевантные для решения задач ранней взрослости.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать основные концепции копинга. Разделить понятия совладающее поведение и психологическая защита.

2. Рассмотреть религиозную идентичность как разновидность социальной идентичности, выделив её структуру, функции и факторы устойчивости.

3. Описать ключевые элементы православной традиции (ценностно-смысловая рамка, брак и семья, духовное руководство, аскетика, трудовая этика) и их потенциальное влияние на совладание.

4. Обозначить как адаптивные ресурсы православия для ранней взрослости, так и возможные риски (религиозный перфекционизм, зависимость от авторитета, номинальная религиозность).

Теоретико-методологическую основу работы составляют транзактная теория стресса и копинга Р. Лазаруса, различия копинг-механизмов и защит по Ф.Е. Василюку, теория социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тёрнера, а также психосоциальная модель развития Э. Эриксона (стадия «близость vs изоляция») и стадиальная модель

веры Дж. Фаулера. Кроме того, привлекаются положения православной антропологии (синергия, соборность, теозис) и официальные документы Русской Православной Церкви. Научная и практическая значимость статьи заключается в систематизации теоретического материала, который может послужить основой для эмпирических исследований религиозного копинга в православной выборке, а также для разработки рекомендаций психологам и пастырям, работающим с молодыми взрослыми. Понимание того, как православная идентичность усиливает или ограничивает адаптивные стратегии совладания, позволит выстраивать более точные программы психологической помощи, учитывающие религиозный контекст клиента.

В заключение введения следует отметить, что данная работа носит обзорно-теоретический характер и не претендует на исчерпывающее решение всех затронутых вопросов. Её основная задача — предложить непротиворечивую рамку для последующего эмпирического изучения взаимосвязи копинг-стратегий и православной религиозной идентичности у молодых взрослых.

Психологическая адаптация личности представляет собой динамический процесс взаимодействия индивида с окружающей средой, направленный на установления соответствия между внутренним состоянием человека и внешними условиями в ситуациях, субъективно оцениваемых как стрессовые и кризисные. Основные регулирующие механизмы, обеспечивающие поведение в стрессовой ситуации – это психологические защиты и совладающее поведение.

В данной работе рассматриваются термины «копинг», «совладание» и «совладающее поведение» как синонимические определения. Понятие «coping» (от англ. to cope with – справляться с чем-либо) начало широко рассматриваться с 1960-х годов благодаря проведению исследования, которое было направлено на изучение способов поведения личности в стрессовых ситуациях в рамках теории стресса. Согласно данному подходу копинг представляет собой механизм, позволяющий преодолеть стресс. Помимо этого, копинг рассматривается в контексте адаптации, как деятельность человека, направленная на сохранение баланса между требованиями среды и ресурсами человека. Стресс наступает в тот момент, когда уровень ресурса человека не соответствует требованиям среды.

Ричард Лазарус разработал теорию стресса и копинга, согласно которой стресс – это транзакция, которая возникает вследствие недостаточности ресурса: среда

чрезмерно требует, человек не способен ответить на требование достаточностью ресурса. В условиях внешней среды, превышающих ресурс, включаются два процесса медиата: когнитивное оценивание и копинг [4, С.152].

Согласно транзактной теории Ричарда Лазаруса, копинг – это когнитивные и поведенческие усилия, направленные на управление ситуацией, её изменение, обретение устойчивости или снижение ее влияние на психоэмоциональное состояние человека (защитные стратегии, избегание, игнорирование) [4, С.152]. Совладание предполагает привлечение новых ресурсов, которое включает влияние не только на ситуацию, но на личностные эмоциональные процессы. Другими словами, копинг может быть либо проблемно-ориентированным и эмоционально-ориентированным. Также, возможно совмещение двух стратегий поведения, когда человек через преодоление негативных эмоций приходит к рациональному мышлению, благодаря которому достигается осмысленность и целенаправленность в действиях.

В психологии существует подход, разделяющий копинг-механизмы и психологические защиты. Татьяна Леонидовна Крюкова рассматривает копинг-поведение как целенаправленные процессы, которые позволяют человеку справиться со стрессом способами, которые характерны личностным особенностям человека и ситуации [3, С.26].

Защитный механизм рассматривается как неосознанная автоматическая внутренняя стратегия, из-за которой человек воспринимает травмирующую информацию в искаженном, фальсифицированном виде или игнорируется. Процесс психологической защиты был открыт Зигмундом Фрейдом, при которой «Я» не допускает конфликта между «Ид» (бессознательными желаниями) и «Супер-Эго» (внутренними моральными нормами) для избежания тревоги и стресса.

В психологии совладания разграничиваются копинг-механизмы и защитные механизмы. Данные различия подробно рассматривал советский психолог Фёдор Ефимович Василюк [2, С.83]. Он предложил 5 основных аспектов, по которым эти два понятия различаются:

1. Цель. Основная цель защитного механизмы – это устранение и предотвращение неудовольствия. Цель совладания – приспособление к действительности, которое позволяет удовлетворять потребности.

2. Характер протекания. Защитные механизмы не осознаваемы и ригидны, а совладание – это целенаправленный, осознаваемый и гибкий процесс.

3. Дифференцированность. Защитные формы поведения не учитывают целостность ситуации и имеют одинаковую форму при разных жизненных сценариях. Совладание учитывает реальность ситуации и позволяет пожертвовать частным ради будущих целей и перспектив.

4. Отношение к помощи в процессе переживания. При работе защитного механизма человеку сложно, а иногда даже невозможно принимать помощь, а в некоторых случаях возможен перенос ответственности на другого человека. При совладании наблюдается активный поиск решения, принятие помощи, усиление ресурсов.

5. Результаты и функции. Защитные механизмы часто развивают невроз, но в то же время они способны спасти человека при психологически травмирующей ситуации. Совладание обеспечивает структурное и контролируемое удовлетворение потребностей, а ведет к накоплению опыта.

К основным параметрам измерения копинга относятся:

1. Направленность стратегии.

– Проблемно-ориентированное (фокусировка на задаче, посик решения).

– Эмоционально-ориентированное (рефлексия, анализ и регуляция эмоций, утешение).

– Смысло-ориентированное (поиск смысла, переосмысление трудностей).

2. Подход или избегание.

– Подход: активная работа с проблемой

– Избегание: уход, отрицание, отвлечение, поведенческая разрядка.

3. Стили или стратегии.

– Стили (привычный стиль поведения).

– Стратегии (анализ ситуации и подбор вариантов поведения).

4. Таксономии и «семейства» копинга.

– Иерархии и семейства (например, решение проблемы, поддержка, избегание, когнитивная перестройка и т. д.).

5. Модальность реализации

– Когнитивная (переоценка, планирование, ментальная симуляция).

– Эмоциональная (выражение/сдерживание, принятие).

– Поведенческая (активные действия, поиск информации).

6. Проактивность и превенция: проактивный или предвосхищающий копинг, превентивные стратегии, обучение стресс-менеджменту.

7. Социальное измерение: поиск эмоциональной или инструментальной поддержки, получение или оказание поддержки.

8. Оценка контролируемости и «соответствие ситуации»

– Первичная/вторичная оценка стресса, контролируемость/изменяемость.

– Адаптивность стратегии зависит от требований ситуации.

9. Гибкость и репертуар

– Вариативность стратегий, мобильность, уместность выбора.

– Индексы гибкости копинга и эмоциональной регуляции.

10. Ресурсная обеспеченность

– Теория сохранения ресурсов (COR): личные, социальные, материальные ресурсы.

– Личностные ресурсы: жизнестойкость, чувство когерентности, самоэффективность, оптимизм.

11. Адаптивность/результативность

– Критерии: психическое и физическое здоровье, благополучие, функционирование, продуктивность, выгорание.

– Учет «цены» стратегии (например, эмоциональное подавление снижает выраженность аффекта, но повышает физиологическую нагрузку).

Рассмотренные аспекты копинга отражают, что выбор совладающей стратегии редко трактуется только индивидуально-психологическими особенностями человека. Важную роль играют те смысловые системы, ценности и групповые принадлежности, которые личность получает в процессе социализации. Именно здесь ключевое значение приобретает феномен религиозной идентичности.

Православная традиция предлагает готовые способы интерпретации стрессовых событий (например, как испытание, промысел или наказание), что напрямую влияет на первичную и вторичную когнитивную оценку угрозы — центральный механизм в

модели Лазаруса.

Религиозный социум является сильнейшим источником эмоциональной и социальной поддержки, что соответствует параметру «социальное измерение» копинга.

Такие православные практики как молитва, исповедь, причастие могут быть отнесены как к эмоционально-ориентированным, так и к смысло-ориентированным стратегиям совладания. Сама религиозная идентичность является одним из личностных ресурсов — наряду с жизнестойкостью, самоэффективностью и оптимизмом — который, согласно теории сохранения ресурсов, помогает предотвратить потерю других ресурсов или компенсировать её.

Таким образом, для более глубокого понимания того, как именно религиозная идентичность может влиять на копинг-поведение (и наоборот), необходимо систематизировать теоретические подходы к её структуре, функциям и психологическим механизмам. Православная культура выступает не просто дополнением к жизни, а является основным элементом совладающей системы личности, особенно в ситуациях экзистенциальной неопределённости или кризиса.

Применительно к стрессу особый интерес представляет религиозная идентичность, которая может выступать как копинг-ресурс. Религия является одним из основных инструментов групповой принадлежности, который оказывает влияние на приобретение паттернов поведения, установок и обретения благополучия. Осознание религиозной идентичности как вида социальной идентичности играет большую роль для анализа межгрупповых отношений, копинга, морального выбора и общественной интеграции.

Для более детального изучения необходимо систематизировать теоретические подходы и эмпирические данные о месте религиозной идентичности в структуре социальной идентичности, ее функциях, предикторах и последствиях.

Генри Тэджфел и Джонатан Тёрнер разработали теорию социальной идентичности и самокатегоризации: религия может выступать как социальная категория, задающая нормы, границы «мы—они» и социальное сравнение.

Подход религии как социальной идентичности: интеграция принадлежности, верований, практик и моральных норм; эффекты для здоровья и межгруппового поведения.

Мотивационные модели идентичности: потребности в

принадлежности/самоуважении/непротиворечивости/самоэффективности, через которые религиозная идентичность повышает устойчивость «Я».

Диспозиционно-процессуальный взгляд: религиозная идентичность как домен общего формирования идентичности (статусы/процессы исследования и обязательств).

Многомерность религии: верование, поведение, принадлежность, привязанность и центральность религии в Я-концепции.

Религия как система смысла и копинга: функции объяснения, ценностей и контроля, связывающие индивидуальные и групповые уровни.

Религиозная идентичность является видом социальной идентичности, которая состоит из когнитивных (членство в религиозной группе), аффективных (позитивная значимость принадлежности) и поведенческих (соблюдение норм, ритуалов) компонентов. Она также связана с персональной идентичностью человека через систему смыслов, ценностей, установок и целей.

Структура и устойчивость религиозной идентичности зависят от центральности религии для «Я», воцерковленности/практик, контекста большинства/меньшинства и возраста. В условиях неопределенности усиливается групповая религиозная самокатегоризация.

Функции: смыслообразование, регуляция поведения, социальная поддержка, психологический ресурс при стрессе; возможны амбивалентные эффекты для межгрупповых установок в зависимости от типа религиозной мотивации и норм группы.

Динамика: в подростковом и юношеском возрасте религиозная идентичность варьирует от диффузии до достигнутой, что связано с благополучием, про-социальностью и устойчивостью к рискам.

Межгрупповые последствия неоднозначны: усиление внутригруппной солидарности может сопровождаться как толерантностью, так и эксклюзией аутгрупп при высокой нормативной закрытости.

В российском контексте религиозная идентичность функционирует как компонент многомерной социальной идентичности, ассоциированный с благополучием и ценностными ориентациями; выраженность и функции варьируют по регионам и возрасту.

Оптимальна интеграция двух перспектив:

a) социально-идентификационной (принадлежность, прототипы, нормы),

b) личностно-развивающей (статусы/процессы идентичности).

Рекомендуются многоуровневые модели (индивид – группа – контекст), учет центральности религии и статуса группы (большинство/меньшинство), смешанные методы.

Религиозная идентичность является системным элементом социальной идентичности, который, будучи высокоцентральным и позитивно интегрированным, помогает смыслу, поддержке и благополучию, но при определенных нормативных и межгрупповых условиях может усиливать границы «мы-они». Ее анализ требует учета мотивационных процессов, контекстуальных модераторов и развития в жизненном цикле.

Для глубокого анализа взаимосвязи религиозной идентичности и копинг-стратегий необходимо выявить психологические и социокультурные особенности православной религиозной традиции, релевантные задачи ранней взрослости (первого периода взрослости): формирование интимной близости и устойчивой идентичности, профессионализация, создание семьи и родительства. На основе классических моделей развития [9], смысловой регуляции [5] и исследований религиозного копинга, а также положений православной антропологии и официальных документов Русской Православной Церкви, описывается влияние церковной жизни, таинств, нравственных норм и общинных практик на психологическое благополучие, саморегуляцию и ценностно-смысловую систему молодых взрослых [7].

Итак, религиозная идентичность представляет собой многомерный конструкт, включающий когнитивные, аффективные и поведенческие компоненты, выполняющий функции смыслообразования, регуляции поведения и психологической поддержки в стрессовых ситуациях. Однако было бы ошибочно полагать, что эти функции реализуются одинаково на всех этапах жизненного пути. Влияние религиозной идентичности на совладающее поведение и общее благополучие опосредовано возрастными задачами, уровнем рефлексии и характером социального окружения. Наиболее значимым и вместе с тем уязвимым периодом для становления религиозной идентичности, её проверки «на прочность» и интеграции в систему личностных смыслов является первый период взрослости — ранняя взрослость (примерно от 20 до 35–40 лет). Именно в этом возрасте, по Эриксону, человек разрешает кризис «близость

против изоляции», а по Фаулеру — переходит от конвенциональной веры к индивидуально-рефлексивной. Кроме того, именно на раннюю взрослость приходятся ключевые жизненные решения: выбор спутника жизни, создание семьи, рождение детей, профессиональное самоопределение и начало карьеры. Всё это — сферы, где религиозные нормы и ценности (особенно в православной традиции) дают чёткие ориентиры, но одновременно могут провоцировать внутренние конфликты при столкновении с секулярными практиками и ценностями. Поэтому, прежде чем переходить к эмпирическому анализу взаимосвязи копинг-стратегий и религиозной идентичности, необходимо детально рассмотреть те особенности православной традиции, которые релевантны именно для ранней взрослости. К ним относятся: ценностно-смысловая рамка отношений, брака и родительства; практики духовного руководства и покаяния; аскетические упражнения (пост, молитвенное правило), развивающие саморегуляцию; а также православное понимание труда и профессиональной этики.

Для анализа копинга важно учитывать возрастные задачи, особенно в период ранней взрослости, когда формируется устойчивая идентичность. В первый период взрослости (ранняя взрослость) входит группы людей от 20 до 35–40 лет. Для данного периода характерны задачи, связанные с построением близких отношений, выбора жизненного и профессионального пути, основания семьи и ответственного родительства [9].

Для значимой доли молодых взрослых в странах с православной культурной традицией религиозная принадлежность выступает источником идентичности, моральных ориентиров, социальных связей и копинг-ресурсов, даже при сравнительно невысокой регулярности участия в богослужениях [7].

Актуальность темы обусловлена необходимостью понимания того, как православная традиция поддерживает или усложняет прохождение ключевых задач взрослости в современном постсекулярном и цифровом контексте.

Теоретико-методологические основания:

1. Психосоциальное развитие: стадия «близость или изоляция» (ранняя взрослость) и переходы идентичности [10].

2. Стадии развития веры: переход от конвенциональной (синтетической) религиозности к рефлексивно-индивидуализированной вере, характерный именно для ранней взрослости.

3. Смысловая регуляция и жизненные проекты: религиозные ценности структурируют личностные смыслы, цели и саморегуляцию [10].

4. Религиозный копинг: использование молитвы, ритуалов, общины и духовного руководства как адаптивных стратегий совладания со стрессом.

5. Православная антропология: идея богоподобия человека, теозиса (обожения), синергии свободы и благодати; соборность как форма общинного бытия [8].

Ключевые особенности православной традиции, релевантные ранней взрослости:

1. Ценностно-смысловая рамка: нравственность и добродетель формируют устойчивые поведенческие стандарты в сферах отношений, труда и досуга [1]. Литургический год, посты и праздники задают ритм, способствующий структурированию времени и целей [8].

2. Брак, семья, родительство: таинство брака и подготовка к нему поддерживают формирование зрелой интимности, семейной идентичности и распределение ролей, акцентируя взаимную ответственность супругов и открытость детям. Нормативные ожидания верности и ответственности снижают толерантность к рисковому поведению и могут позитивно коррелировать с долгосрочным благополучием пары.

3. Духовное руководство и покаянная практика: регулярная исповедь, участие в Евхаристии и общение с духовником поддерживают рефлексию, развитие совести и моральной саморегуляции. Опыт общины (соборность) расширяет социальный капитал и референтную группу для молодых взрослых.

4. Аскетика и саморегуляция: пост, молитвенные правила и воздержание развивают самоконтроль, стрессоустойчивость и способность к отсрочке вознаграждения, что связано с успешностью в профессиональной и семейной сферах.

5.Труд и профессиональная этика понимается как служение ближнему и Богу. Подчеркиваются честность, ответственность, недопустимость недобросовестных практик. Это способствует формированию репутационного капитала и устойчивой профессиональной идентичности.

Влияние на прохождение ключевых задач ранней взрослости:

1. Интимность и близость: церковная община и подготовка к браку создают безопасную социальную среду для построения долгосрочных привязанностей; литургическая и приходская жизнь укрепляет чувство принадлежности и социальной поддержки.

2. Индивидуация веры: переход от усвоенных извне норм к осмысленному личному выбору (критическое принятие/углубление веры), включая самостоятельное выстраивание отношений с духовником и меру воцерковленности [5].

3. Ценностная консолидация и жизненные проекты: религиозные смыслы помогают увязывать карьерные цели с этическими ограничениями и социальной ответственностью.

4. Копинг и благополучие: участие в таинствах, молитве и волонтерстве служит источником переживания смысла, надежды и социального признания; снижает риск отчуждения и изоляции.

Риски и зоны напряжения:

1. Когнитивно-нормативные конфликты: несоответствие церковных норм и секулярных практик (добрачные отношения, репродуктивная этика, карьерные компромиссы) может усиливать внутренние конфликты и межпоколенческие напряжения.

2. Религиозный перфекционизм и скрупулезность: гиперконтроль и страх ошибки, маскирующиеся под «ревность», повышают риск тревоги и ригидности; важно различать зрелую совестность и невротические паттерны.

3. Зависимость от авторитета: неправильно выстроенные отношения «послушания» при дефиците личной ответственности могут затруднять индивидуацию и принятие решений в браке и профессии.

4. Номинальная религиозность: массовая самоидентификация при нерегулярной практике создает разрыв между декларируемыми и реализуемыми ценностями, что снижает ресурсный потенциал традиции.

Психологам необходимо учитывать религиозную идентичность клиента как источник смыслов и копинг-ресурсов; работать на стыке ценностей клиента и его жизненных задач; при необходимости координировать подход с пастырем/духовником клиента (с согласия клиента). А церковным служителям необходимо развивать программы подготовки к браку и молодёжного наставничества, навыки разрешения

конфликтов и финансовой грамотности; поддерживать рефлексивность и личную ответственность верующих в принятии решений.

Православная традиция помогает обрести содержательную ценностно-смысловую рамку, социальный капитал и ресурсы саморегуляции, поддерживающие прохождение ключевых задач ранней взрослости. Она способствует укреплению семейной стабильности, моральной ответственности и устойчивых жизненных проектов. Современные тенденции способствуют развитию зоны напряжения, которые требуют эффективной осознанной рефлексии, поддержки и сопровождения. На пересечении психологической науки и церковного пастырства возможно формирование интегративных практик поддержки молодых взрослых, сочетающих свободу и ответственность, веру и компетентность.

Проведённый теоретический анализ позволяет утверждать, что религиозная идентичность является не просто дополнительной характеристикой личности, а активным смыслообразующим и регулятивным ресурсом, способным существенно влиять на выбор копинг-стратегий в стрессовых ситуациях. Опираясь на транзактную модель стресса Р. Лазаруса и разграничение копинг-механизмов и психологических защит (по Ф.Е. Василюку), можно видеть, что религиозная идентичность, особенно в её православном варианте, предоставляет человеку как когнитивные схемы переоценки трудностей, так и конкретные поведенческие практики (молитва, исповедь, участие в таинствах), а также социальную поддержку общины. В свою очередь, эффективность использования этих ресурсов во многом зависит от возрастного контекста.

Для периода ранней взрослости (20–35 лет), когда решаются задачи построения близости, семьи и профессиональной самореализации, православная традиция предлагает ценностно-смысловую рамку, развитые формы саморегуляции (аскетика, посты) и институты духовного руководства. В то же время современный постсекулярный контекст порождает зоны напряжения: конфликт церковных норм с секулярными практиками, риск религиозного перфекционизма, зависимость от авторитета или формальная идентичность без реальной воцерковлённости.

Следовательно, связь между копинг-стратегий и православной идентичности не является линейной. Она зависит от таких факторов, как возраст, глубина личной веры человека и характер религиозно-социальной жизни. Эмпирические исследования могут отразить, какие именно аспекты православной традиции усиливают адаптивные

стратегии совладания, а при каких условиях те же элементы могут превращаться в дезадаптивные защиты.

В психологической практике важно учитывать религиозную идентичность клиента как сильный ресурс, а для пастырей — поддерживать рефлексивность и личную ответственность верующих, помогая им интегрировать веру с решением реальных жизненных задач ранней взрослости.

Литература:

1. Братусь Б.С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988. 301 с. URL: https://studfile.net/preview/400999/ (дата обращения: 12.05.2026).

2. Василюк Ф.Е. Типология переживания различных критических ситуаций // Психологический журнал. 1995. Т. 16. №5. С. 83–95. URL: https://studfile.net/preview/9203046/ (дата обращения: 12.05.2026).

3. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. Совладающее поведение Современное состояние и перспективы// Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 474 с. URL: https://lib.ipran.ru/upload/papers/paper_18806170.pdf (дата обращения: 12.05.2026).

4. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс / Под ред. Л. Леви. Л.: Медицина, 1970. С. 152–178. URL: https://lib.mgppu.ru/OpacUnicode/index.php?url=/notices/index/IdNotice:487072/Source:default (дата обращения: 12.05.2026).

5. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд. М.: Смысл, 2003; доп. изд. 2019. 487 с. URL: https://www.klex.ru/37f (дата обращения: 12.05.2026).

6. Русская Православная Церковь. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Приняты Юбилейным Архиерейским Собором РПЦ, 2000. URL: https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/ (дата обращения: 12.05.2026).

7. Шмеман А. Евхаристия: Таинство Царства. М.: [церковное изд-во], 2004. 312 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/evharistija-tainstvo-tsarstva/ (дата обращения: 12.05.2026).

8. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Лениздат, 1993. 592 с. URL: https://www.klex.ru/6ea (дата обращения: 12.05.2026).

9. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с. URL: https://www.klex.ru/a1e (дата обращения: 12.05.2026).

Журба Денис Витальевич
Zhurba Denis Vitalievich
студент
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»
e-mail: zurbadenis64@gmail.com

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ И ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ АНАЛИТИКА ФИЛОСОФИИ ПРОКАЖЁННОГО КОРОЛЯ ИЕРУСАЛИМСКОГО БАЛДУИНА IV

AXIOLOGICAL AND ONTOLOGICAL ANALYTICS OF THE PHILOSOPHY OF KING BALDWIN IV OF JERUSALEM

Аннотация. В данной статье автор пытается раскрыть и понять, что подразумевает под собой история и путь короля Иерусалима Балдуина IV и также его философию, с точки зрения исторической ценности в понятии великих деятелей эпохи Средневековья и Крестовых походов. То есть полное объяснение его, как не просто исторической личности, а как фигуру, олицетворяющую понятие мужества и мудрости.

Abstract. In this article, the author attempts to reveal and understand the history and path of King Baludin IV of Jerusalem, as well as his philosophy, from the perspective of his historical significance as a great figure of the Middle Ages and the Crusades. The goal is to provide a comprehensive explanation of him as not just a historical figure, but as a symbol of courage and wisdom.

Ключевые слова: духовность, материя, Иерусалим, мужество, философия, Крестовые походы, мудрость.

Keywords: spirituality, matter, Jerusalem, courage, philosophy, and the Crusades.

Актуальность темы научной статьи заключается в том, что в современном временно - историческом промежутке должен быть достойный пример, который будет одним своим обликом физической субстанции тела олицетворять понятие мужественности и достоинства, а также величия, как личности, так и правителя.

В историческую временную эпоху Средневековья было довольно - таки достаточно, если так можно выразиться, даже в избытке(изобилии) людей и исторических личностей, что по-настоящему олицетворяли самими собой и своими поступками мужество [3], с точки зрения духовной материи эктоплазматической субстанции души. Но довольно мало примеров, которые заключали бы в себе не только само понятие черты характера «мужество», но и честь, величие и мудрость [7], ведь это сами по себе очень сложные черты эмоционально - психической картины человека как обычного, так и той или иной исторической личности в разные исторические эпохи нашей великой истории становления как высшего духовно - материального существа в

духовно - материальном бытие во время эволюционного прогресса и самого фактора данного процесса. Под проблемой, мы имеем ввиду, что сама фигура Балдуина IV загадочна и в какой - то мере не понятная, но при этом, она нуждается в полном освещении самой себя в понятии абсолютизма, ибо данная личность является одной из величайших (если даже не самой) личностью эпохи Средневековья в период Крестовых походов.

Метод исследования заключается в анализе исторической литературы и записей о временном промежутке Крестовых походов, и также научно - методических пособий о истории Иерусалима. Также, будут рассмотрены книги о философии во время правления Балдуина IV.

Сам факт чувственности человека есть проявление реализации функционирования эктоплазматической субстанции души человека, ибо благодаря самому фактору наличия чувственности, сам человек может созерцать само духовно - материальное бытие, что окружает его самого на протяжении самого факта существования его в данном ему самому духовно - материальному бытие, что может он сам созерцать при помощи самого фактора реализации интерпретации его эктоплазматической субстанции души через физическую субстанцию тело, с помощью законов логики, то есть сам факт понятия трансцендентального созерцания, ибо сам человек видит данное ему личное духовно - материальное бытие так, как он сам его воспринимает и ощущает в своём разуме через эмпирическое познание, то есть познание через опыт.

Если говорить о понятии чувственности человека не только с точки зрения самого созерцания, то необходимо выразить, что само понятие «чувственность» имеет многогранный характер, ибо через данный фактор само духовно - материальное существо способно не только созерцать окружающее его духовно - материальное бытие, но и ощущать и чувствовать его самого с помощью того, что сама чувственность человеческая воссоединяет внутри себя именно ощущение, как ощущение духовной материи[3], так и физической материи. Сам человек всегда ощущает само духовно - материальное бытие именно физически, то есть через материально - физическую субстанцию тела, ибо именно ощутить и воспринять данный мир, в котором живёт и существует человек он может с помощью, как это уже было сказано, с помощью физической субстанции тела, но вопрос лишь в одном: «Насколько данная материя,

через которую субстанция души интерпретирует саму себя в духовно - материальное бытие, чувствительно к нему самому?». Физическая субстанция тела человека, само по себе, крайне чувствительно к окружающему его самому миру, ибо эволюционный процесс пути человеческого восхождения, как существа высшего, был направлен не столь на физическую материю, а столь на саму духовную материю, ведь благодаря самой духовной материи сам человек и отличается от того или иного другого духовно - материального существа, что живёт или же существует в самой духовно - материальной субстанции «Земля», поскольку если провести сам факт сравнения самого человека с другим (любым) существом, то заметить и подчеркнуть для себя самих должны мы, что как бы окружающие нас существа ни были нас лучше в развитии и реализации функционала своей физической материи, даже при этом, сам человек куда выше и сильнее за счёт того, что в каждом человеке есть душа, а в каждом другом существе есть духовность, ибо без духовности самой нет жизни и существования, сама духовность, исходя из нашего суждения, что был приведён как пример для сравнения развития двух разных материй, что представляют собой синтез из тезиса и антитезиса, есть сам предикат к существованию, ибо само существование материи физической есть лишь границы для полной реализации духовности, но при этом без этих границ самой материи физической, не существовало бы самого человеческого духовно - материального бытия в понятии абсолютизма. То есть, сам факт воссоединения двух материй, является противоречием, именно с точки зрения существования и жизни на планете «Земля».

Поскольку материи представляют собой противоречие они должны рождать синтез, именно такой синтез физической и духовной материи и представляет собой король Иерусалима Балдуин IV, ибо именно данный синтез выражает история его жизненного пути, столь короткого, но в тоже время невероятно длинным для него самого. Балдуин IV родился в 1161 году в семье короля Иерусалима Амори I и его жены Агнес Де Куртене, с самого детства обучался верховой езде, боевому искусству в полном его проявлении, от обучения орудовать мечом до стрельбы из лука и охоты. Во время обучения один из приближенных короля заметил, что мальчик не чувствует боли от нанесения ударов деревянным оружием и не только от этого, он в целом не мог чувствовать боль. Именно в этот момент и стало известно о болезни наследника престола, Балдуин IV с юношества страдал от проказы (лепры), долгое время это

скрывали и пытались лечить данную болезнь, но при этом на тот момент времени уже начали распространятся слухи о страшной болезни наследника в округах королевского дворца. Когда об этом стало известно, мальчика хотели предать обряду «Погребения заживо», этот обряд совершали над всеми людьми, что были поражены проказой (лепрой), он представлял собой то, что больного хоронили заживо, обматывали его в те или иные лохмотья и вешали на шею колокольчик, чтобы окружающие слышали приближение прокажённого, то есть это обряд означал, что человек обречён на страдания в одиночестве и в полной изоляции от социума и общества. Такая судьба могла настигнуть и Балдуина IV, но за мальчика вступили рыцари «Ордена Святого Лазаря», которые заявили, что проказа (лепра) не является крайне заразной и поклялись защищать мальчика до конца его жизни с оружием в руках. В 1174 году, после смерти отца Балдуина Амори I, он в 13 лет встал на престол Иерусалима[3], после спустя три года в 1177 году, будучи в 16 - летнем возрасте одержал победу над превосходящей армией сарацин, под предводительством Салахаддина Аюби, при этом его болезнь невероятно быстро прогрессировала, однако он сел верхом на лошадь и повёл армию крестоносцев за собой в сражение, когда сражение было окончено, Балдуина полу живого вынесли с поле битвы, после поражения Салахаддин проникся к нему восхищением и уважением, как к правителю.

С каждым годом болезнь усиливалась в невероятно быстром эквиваленте времени, его левая кисть застыла в одном положении, он весь покрылся язвами, светлый взор глаз помутнел, на самом теле не осталось живого места, Балдуин IV гнил заживо буквально на глазах у своих советников. Под конец своей жизни он практически ослеп, голосовые связки перестали функционировать, почти не мог ходить самостоятельно, с очень большим трудом мог писать пером на пергаменте, но ни взирая на это, он никогда не был во дворце и в своих покоях во время Крестовых походов, когда его советники умоляли его остаться, он отказывал им, в середине своей жизни, его привязывали к седлу кожаными верёвками, чтобы тот не упал с неё, во время долгих путей, под конец, что на советы и те или иные собрания в королевском дворце, что в Крестовые походы[7], его выносили на кровати, так как стоять самостоятельно он более не мог. Балдуин IV говорил: «Мне было шестнадцать, когда я одержал победу над Саладином, тогда я думал, что буду жить вечно, теперь понимаю, что не доживу и до тридцати. Мы не в силах, продумывать не перёд. Король, может требовать повиновения, отец послушания,

но запомни, кто бы ни был государем, владыкой, ты один в ответе, за свою душу. Когда тебя призовёт Господь, ты не сможешь сказать, что слепо исполнял приказ, не задумываясь о последствиях, о чести, о доблести, запомни это.». Эти слова Балдуин IV сказал Балиану, когда тот пришёл в его королевские покои в первый раз. Балдуин IV умер в 24 года 16 марта 1184 года, за весь столь не долгий эквивалент времени своего нахождения на престоле, он смог сделать из Иерусалима великое государство во всех своих проявлениях, под конец своей жизни, он носил железную маску, дабы скрывать от взора подданных своих ужас тот, что осталось от лица его, ибо от него самого практически ничего не осталось.

Философия[3] и весь жизненный путь Балдуина IV являлся очень тяжёлым, его жизнь, есть заточение эктоплазматической души его в физической субстанции тела, что иногда медленно, а иногда быстро, пожирала его что снаружи, что изнутри его самого, его материи постоянно находились в ожесточённой борьбе друг с другом, ибо он постепенно, с каждым днём тяжёлой жизни его приближался к уходу из духовно - материального бытия, сама его болезнь была нечто большим, чем просто проказа (лепра), это было самым настоящим мучением, что не давало душе его полноценно интерпретировать саму себя в духовно - материальное бытие, его жизненный путь показывает, что духовная материя имеет более большое значение, чем физическая материя, ибо единственное, что не давало ему уйти из духовно - материального бытия, была его душа.

Из истории Балдуина IV Иерусалимского, рассматривая её с через призму философской мысли, следует сделать следующие выводы:

Во - первых, из его монолога с Балианом, следует понимать, что мораль и нравственность не есть абстрактное понятие для всех, то есть, она не должна быть едина для всего общества в понятии абсолютизма, ибо если мораль и нравственность для всех является единым негласным законом (номинальным), тогда какой смысл в том, что каждое духовно - материальное существо (человек) представляет из себя индивидуальную сущность постольку, поскольку у самого человека есть разные взгляды, принципы, мысли, те или иные действия, а главное, для всех та или иная ситуация или же жизненное обстоятельство, будет обладать разным характером, с точки зрения индивидуальной интерпретации единого духовно - материального бытия в свой разум и сознание. Однако, в обществе есть общепринятые понятие о морали и

нравственности и именно данные понятия должны быть для всех, а не все устои и понятия морали и нравственности, ибо в понимании человека окружающих его ситуаций в бытие является первостепенным, поскольку человеческий фактор имеет такую функцию, как судить человека за тот или иной поступок, банально не разобравшись в ней досконально, так как у каждого поступка, абсолютна всегда есть факт перво - причинности, который стал предикатом к совершению того или иного поступка тем или иным духовно - материальным существом (под духовно - материальным существом в данном суждении о факторе перво - причинности, мы имеем ввиду всех существ, что есть на планете «Земля»), ведь нам, людям, свойственно судить не только о нас самих, а также и о животных и насекомых, например: Мы судим или же даже ненавидим пауков, вопрос лишь в этом: «За что?». В основном, из - за их материи или же потому, что данные существа представляют опасность. Но ведь «общая мораль» велит нам, что мы не должны судить кого - либо за его материю физическую (внешний облик или же внешность). Также, если они представляют потенциальную опасность, но при этом, сами люди, представляют друг для друга ту или иную опасность, либо моральную (духовную), либо физическую (материальную), в целом, потенциальную опасность для самого человека представляет вся его жизнь, то есть духовно - материальное бытие, но при этом, на саму жизнь сам человек не может ненависть в полной мере. Данный пример является абстрактным, но при этом он показателен, именно поэтому мораль и нравственность является номинальной понятием, ибо мы её соблюдаем и при даже факторе её соблюдения, есть фактор нигилизма самой морали, который будет актуален и был актуален по сегодняшний день истории человечества.

Во - вторых, как это было сказано в данной статье, у самого Балдуина IV очень быстро развивалась проказа (лепра), что тот умер в 24 года, но при этом, даже когда-то не мог ходить, он ходил в Крестовые походы, идеально правил Иерусалимом, поскольку был мудрым правителем. Его история демонстрирует и доказывает, что физическая субстанция тела является лишь предикатом к существованию, поскольку данный предикат служит лишь для интерпретации эктоплазматической субстанции души в духовно - материальное бытие, при этом, жизнь и правление Балдуина IV доказала, что человеческая духовная материя намного важнее и сильнее, чем физическая материя, ибо только благодаря самой духовной материи, сама физическая материя может жить или же существовать в духовно - материальном бытие, при этом, сама духовность[3]

человека не ощущаема, с точки зрения взора глаз человеческих и того, что сам человек не может ощутить её физически.

Таким образом, исходя из истории Балдуина IV «прокажённого», можно сказать, что мораль и нравственность являются индивидуальными понятиями и они не могут быть для всех духовно - материальных одинаковыми априори в духовно - материальном бытие человека. Также, аналитика жизненного пути Бладуина IV показывает, что материя является противоречащим фактором духовной материи, то есть, тезис и антитезис, но в воссоединении друг друга они образуют синтез, то есть сам факт существования и жизни того или иного духовно - материального существа, при этом, следует из его истории понимать, что субстанция души и сама человеческая духовность является наиболее важным предикатом к образования и реализацию жизни и существования нашего духовно - материального мироздания.

Литература:

1. Ж. Бордонов «Копья Иерусалима» - М.: Издательство «Прибой», 1993г. URL: https://4etalka.ru/proza-main/istoricheskaya_proza/293266/fulltext.htm?ysclid=mp924si9rc586743556 (дата обращения: 12.05.2026).

2. Ж. Бельцони «Тибо, или Потерянный Крест» - М.: Издательство «Эксмо», 2012г. URL: https://magbook.net/read/12219?ysclid=mp925l6u4x921923788 (дата обращения: 12.05.2026).

3. Толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой - М.: Издательство «Азъ», 1994г. URL: https://roslib.rudn.ru/book/tolkovyj-slovar-russkogo-yazyka (дата обращения: 12.05.2026).

4. З. Коссак «Царство Небесное. Король-крестоносец» - М.: Издательство «Пресском ООО», 2005г. URL: https://bookmix.ru/book.phtml?id=378118&ysclid=mp9282f9qn514393801 (дата обращения: 12.05.2026).

5. И. Можейко «1185» - М.: Издательство «Время», 2013г. URL: https://mybook.ru/author/igor-vsevolodovich-mozhejko/1185-god/read/?ysclid=mp928tnftm545094894 (дата обращения: 12.05.2026).

6. С. Пик «Crusader King: A Novel of Baldwin IV and the Crusades» - М.: Издательство «TAN Books», 2004г. URL: https://books.google.ru/books?id=OV2uCgAAQBAJ&redir_esc=y (дата обращения: 12.05.2026).

7. Большой толковый словарь (под редакцией С.А. Кузнецова) - М.: Издательство «Норинт», 1998г. URL: https://djvu.online/file/h38T2vpZl163x (дата обращения: 12.05.2026).

Грязных Дмитрий Владимирович
Gryaznykh Dmitry Vladimirovich
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»
e-mail: d.v.griaznykh@utmn.ru

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ ЛИЧНОСТИ

AMBIVALENCE OF DIGITALIZATION: ECONOMIC EFFICIENCY OF PRODUCTION AND SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL RISKS OF THE PERSONALITY

Аннотация. В статье анализируется двойственная природа процессов цифровизации, проявляющаяся в одновременном повышении экономической эффективности в производственных секторах и росте социально-психологических рисков для индивида. На основе эмпирических данных социологических исследований Уральского государственного экономического университета (2022–2025 гг.) рассматривается амбивалентность внедрения цифровых технологий в логистическом менеджменте, социальной сфере и повседневных практиках населения. Особое внимание уделяется противоречию между объективными показателями роста производительности и субъективными ощущениями уязвимости, а также межпоколенческому цифровому разрыву как системному барьеру.

Abstract. The article analyzes the dual nature of digitalization processes, which manifests itself in the simultaneous increase of economic efficiency in production sectors and the growth of socio-psychological risks for individuals. Based on the empirical data of sociological research conducted by the Ural State University of Economics (2022–2025), the article examines the ambivalence of the implementation of digital technologies in logistics management, the social sphere, and everyday practices of the population. Special attention is paid to the contradiction between objective indicators of productivity growth and subjective feelings of vulnerability, as well as the intergenerational digital divide as a systemic barrier.

Ключевые слова: цифровизация, амбивалентность, интернет-зависимость, цифровая экономика, логистический менеджмент, цифровое неравенство, геймификация.

Keywords: digitalization, ambivalence, internet addiction, digital economy, logistics management, digital inequality, and gamification.

Цифровизация, будучи интегральной характеристикой современной социальной реальности и механизмом ее самодвижения, обнаруживает сегодня глубокую внутреннюю противоречивость. Как отмечает В.В. Лысенко, «начавшаяся как служебное, инструментальное средство социальных процессов цифровизация довольно быстро навязала им свою форму, а теперь становится едва ли не главным их

содержанием, целью и смыслом» [10, с. 268]. В этой связи можно утверждать, что цифровая трансформация не является линейным прогрессом, а представляет собой сложный амбивалентный феномен, который одновременно стимулирует экономический рост в одних сферах и провоцирует антропологические кризисы в других, причем, как показывают исследования, чем глубже технологии проникают в человеческую повседневность, тем более разнонаправленными становятся их эффекты.

Одним из наиболее показательных полей проявления положительной стороны амбивалентности цифровизации выступает логистический менеджмент, где внедрение цифровых технологий приводит к измеримому и однозначно позитивному экономическому результату. Так, согласно анализу, проведенному Е.Г. Корнильцевой и Е.П. Пьяных, в транспортной логистике «используются специальные системы управления Transport Management System (TMS), Warehouse Management System (WMS)», причем, по оценкам участников отрасли, «это дает экономию времени и денег от 10 до 35 % по отдельным направлениям, поскольку облегчает планирование маршрутов и скорости перемещения грузов» [6, с. 120]. Внедрение концепции «умного склада», включающей RFID-маркировку, мобильные терминалы сбора данных и голосовое управление, позволяет полностью пересобрать процесс складской логистики, сделав его максимально прозрачным и предсказуемым, что принципиально важно для снижения влияния «человеческого фактора».

Однако, когда цифровые технологии выходят в область неструктурированной повседневности, их воздействие на личность становится глубоко противоречивым, что наглядно демонстрирует феномен компьютерной игровой зависимости. С одной стороны, согласно данным опроса «Цифровое общество» (n=730, Свердловская обл., 2022 г.), 18,7 % мужчин проводят за игрой более трех часов в сутки, тогда как среди женщин этот показатель составляет лишь 4,1 %; с другой стороны, как ни парадоксально, 79 % респондентов мужского пола не признают себя зависимыми, что порождает когнитивный диссонанс, требующий объяснения. Не вступает ли здесь в силу защитный механизм, когда уход в виртуальное пространство, предоставляя личности «защиту от депрессивного состояния, ощущение временного спокойствия от воздействия окружающей среды, чувство свободы» [3, с. 145], одновременно маскирует деструктивную природу такой компенсации? Именно эта амбивалентность – между субъективным ощущением контроля и объективным временем погружения – и

составляет, по мысли Е.Г. Корнильцевой, сердцевину проблемы интернет-зависимости.

Парадоксальным образом та же самая игровая механика оказывается высокоэффективным педагогическим инструментом, что заставляет пересмотреть отношение к геймификации. И.В. Агафонова, ссылаясь на нейробиологию, утверждает, что «в условиях интенсивного медиапотребления включается режим экономии ресурсов нервной системы и индивид отдает предпочтение простым задачам» [1, с. 256]. Однако, как показывает практика, «к преимуществам геймификации можно отнести, прежде всего, повышение мотивации и вовлеченности студентов, удержание интереса к предмету в течение длительного времени» [1, с. 257]. Таким образом, один и тот же инструмент работает либо на эскапизм, либо на мотивацию, а решающим фактором выступает целевая структура деятельности.

Еще одним измерением амбивалентности выступает межпоколенческий цифровой разрыв. Анализируя результаты опроса, Е.Г. Корнильцева показывает, что «17,6 % пожилых респондентов – 60 лет и старше – вообще не применяют гаджеты», тогда как «респонденты 18–35 (63,4 %) и 36–45 лет (51,9 %) относят себя к пользователям среднего уровня» [4, с. 177]. В.В. Лысенко, развивая эту тему, отмечает: «Охотно пользуясь цифровыми сервисами (и не только), пожилые люди готовы в любой момент от них отказаться» [7, с. 184]. Виртуальная реальность не становится частью их жизненного мира, что создает их особую уязвимость перед лицом цифровых угроз.

Проблема кибербезопасности обнажает противоречие между доступностью и уязвимостью. В работе, посвященной цифровизации социальной сферы, Е.Г. Корнильцева отмечает, что «полноценное использование госуслуг – один из самых перспективных инструментов», однако «на практике возникают риски и угрозы для граждан со стороны мошенников, ведь получив информацию о человеке, можно... взять кредитные средства» [5, с. 115]. Более того, как подчеркивает В.В. Лысенко, «жертвами кибермошенников... становятся, среди прочих, специалисты айти-сферы, профессиональные экономисты... то есть те, чьи "цифровые" навыки... должны быть существенно выше среднего» [9, с. 76]. Следовательно, проблема лежит не в плоскости технической грамотности, а в недостатке критического мышления и той самой рациональности, которую цифровая среда, как ни парадоксально, атрофирует.

В сфере государственного управления амбивалентность цифровизации достигает своего концептуального предела: те самые онлайн-платформы и мобильные

приложения, которые, казалось бы, призваны расширять гражданское участие и вовлечённость в политические процессы, одновременно становятся питательной средой для дезинформационных потоков, усиления административного контроля и эрозии цифровой безопасности – иначе говоря, инструмент прямой демократии оборачивается механизмом тотальной слежки. Как отмечает В.В. Лысенко, «использование цифровых процессов в политической сфере расширяет возможности участия граждан... увеличивает их вовлечённость в актуальные политические события», однако тот же автор предупреждает и о «резком увеличении дезинформационных потоков, которые могут приводить к росту напряжённости в обществе, усиление государственного и административного контроля, обострение проблем, связанных с безопасностью хранения и использования баз данных» [8, с. 537-538]. Возникает парадоксальный вопрос: если одна и та же технологическая платформа способна одновременно служить прямо противоположным целям, не означает ли это, что ключевая проблема лежит не в технологиях как таковых, а в политической воле и институциональных рамках, которые направляют их применение? Следовательно, амбивалентность здесь не случайный побочный эффект, а сущностная характеристика, требующая не технических, а политических решений.

Наконец, обращаясь к некоммерческому сектору, можно наблюдать, как цифровой маркетинг, изначально созданный для максимизации прибыли, успешно реконфигурируется для достижения социально значимых целей. Как отмечает И.В. Агафонова, «через использование принципов и инструментов классического маркетинга кристаллизуется концепция некоммерческого маркетинга», который «реализуется организациями и отдельными лицами, которые действуют в общественных интересах и не стремятся к получению финансовой прибыли» [2, с. 522]. В данном случае амбивалентность проявляется в том, что те же самые инструменты (таргетированная реклама, CRM-системы, чат-боты, email-рассылки), которые в коммерческом секторе служат извлечению прибыли и порой манипуляции потребительским поведением, в руках НКО становятся средствами мобилизации общественной поддержки, фандрайзинга и защиты уязвимых групп населения.

Подводя итог, следует признать, что ключевая характеристика цифровизации – амбивалентность, то есть способность одновременно порождать прямо противоположные эффекты. Как резюмирует В.В. Лысенко, «несмотря на внутреннюю

противоречивость и "неравномерность" промежуточных результатов цифровизации и вновь возникающие в связи с ней проблемы, очевидно, в среднесрочной перспективе она останется одним из главных драйверов экономического роста, модернизации общества в целом и демократических политических институтов, в частности» [8, с. 536]. Эффективность цифровых технологий обратно пропорциональна «человеческому фактору»: там, где процессы строго алгоритмизированы (логистика, складской учет), цифровизация дает устойчивый положительный эффект, тогда как при вторжении в сферу мотивации, эмоций и психологических защит она порождает новые риски (зависимость, неравенство, уязвимость для мошенничества). Дальнейшие исследования должны быть направлены не столько на совершенствование цифровых интерфейсов, сколько на выработку адаптивных стратегий поведения человека в среде, которая перестала быть «аналоговой» и требует от него не просто навыков работы с гаджетами, но нового типа рациональности, сочетающего техническую компетенцию с критическим мышлением и эмоциональной саморегуляцией.

Литература:

1. Агафонова И.В. Геймификация образовательного контента в условиях цифровизации // Динамика медиасистем. 2025. Т. 5, № 2. С. 253-260.

2. Агафонова И.В. Применение инструментов цифрового маркетинга в продвижении некоммерческих организаций // Устойчивое развитие экономики: международные и национальные аспекты: Сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Новополоцк, 31 октября – 01 ноября 2024 года. – Новополоцк: Полоцкий государственный университет им. Евфросинии Полоцкой, 2025. – С. 521-525.

3. Корнильцева Е.Г. Интернет-зависимость россиян // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 5-6 (92). С. 144-146.

4. Корнильцева Е.Г. Цифровое неравенство: социологический аспект // Цифровая трансформация общества и информационная безопасность: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 19 мая 2023 года / Отв. за выпуск А.Ю. Коковихин, отв. редактор М.А. Панов. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2023. С. 176-179.

5. Корнильцева Е.Г. Цифровизация социальной сферы: проблемы и перспективы // Достойный труд – основа стабильного общества: Материалы XVII Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 27 ноября 2025 года. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2025. С. 112-116.

6. Корнильцева Е.Г., Пьяных Е.П. Цифровые технологии в логистическом менеджменте // Менеджмент и предпринимательство в парадигме устойчивого развития: Материалы III Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 28 мая 2020 года / Отв. за выпуск Е.Б. Дворядкина. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2020. С. 119-122.

7. Лысенко В.В. Возрастные особенности отношения к информационно-компьютерным технологиям // Цифровая трансформация общества и информационная безопасность: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 19 мая 2023 года / Отв.за выпуск А.Ю. Коковихин, отв. редактор М.А. Панов. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2023. С. 183-186.

8. Лысенко В.В. Отечественный опыт цифровой трансформации: результаты, перспективы, проблемы // Теория и практика финансово-хозяйственной деятельности предприятий различных отраслей: Материалы Международной научно-практической конференции, Керчь, 31 октября – 02 ноября 2024 года. Керчь: Керченский государственный морской технологический университет, 2024. С. 536-540.

9. Лысенко В.В. Цифровизация как интегральная тенденция современности. Цифровая компетенция и финансовая грамотность // Финансовая грамотность: тренды, форматы, стратегические задачи развития: материалы II Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 15 октября 2024 года. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. С. 74-76.

10. Лысенко В.В. Цифровизация как механизм эволюции современности: к постановке проблемы // Урал – драйвер неоиндустриального и инновационного развития России: Материалы IV Уральского экономического форума, Екатеринбург, 20 – 21 октября 2022 года / Ответственные за выпуск: Я.П. Силин, В.Е. Ковалев. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2022. С. 267-271.

Киселева Алиса Николаевна
Kiseleva Alisa Nikolaevna
магистрант
ФГБОУ ВО «Магнитогорский Технический Университет Им. Г.И. Носова»
e-mail: elis-tigra@yandex.ru

научный руководитель
Степанова Ольга Павловна
Stepanova Olga Pavlovna
кандидат психологических. наук, доцент кафедры психологии
ФГБОУ ВО «Магнитогорский Технический Университет Им. Г.И. Носова»

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛОЖНОЙ ПТСР-СИМПТОМАТИКИ У ЛИЦ С ТРАВМОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ

FEATURES OF THE FORMATION OF FALSE PTSD SYMPTOMATICS IN INDIVIDUALS WITH ATTACHMENT TRAUMA

Аннотация. В статье рассматривается феномен ложной посттравматической стрессовой симптоматики (имитация ПТСР и сообщения о сексуальном насилии) у лиц с ограниченными возможностями здоровья (ДЦП, умственная отсталость), имеющих хронический дефицит ранней привязанности. Показано, что в основе подобного поведения лежит сформированный с детства паттерн «страдание — забота», закреплённый механизмами оперантного обусловливания. Выделены две различные формы: осознанная инструментальная симуляция при ДЦП с сохранным интеллектом и неосознаваемая псевдология при умственной отсталости. Описаны дифференциально-диагностические маркеры (адаптированная шкала CBCA, тест на неожиданный вопрос, поведенческий анализ в условиях плацебо-внимания). Предложены дифференцированные подходы к коррекции: когнитивно-поведенческие методы для первой группы и средовые модификации — для второй. Делается вывод о необходимости терапии нарушений привязанности как ключевого элемента помощи.

Abstract. The article examines the phenomenon of false post-traumatic stress symptomatology (PTSD simulation and allegations of sexual violence) in individuals with disabilities (cerebral palsy, intellectual disability) who have a chronic deficit of early attachment. It is shown that this behavior is based on a childhood-formed pattern of «suffering — care», reinforced by operant conditioning mechanisms. Two distinct forms are identified: conscious instrumental simulation in cerebral palsy with preserved intelligence, and unconscious pseudology in intellectual disability. Differential diagnostic markers are described (adapted CBCA scale, unexpected question test, behavioral analysis under placebo-attention conditions). Differentiated approaches to correction are proposed: cognitive-behavioral methods for the first group and environmental modifications for the second. It is concluded that attachment disorder therapy is essential as a key element of support.

Ключевые слова: ложная симптоматика ПТСР, симуляция, псевдология, травма привязанности, дефицитарное внимание.

Keywords: false PTSD symptoms, simulation, pseudology, attachment trauma, deficit attention.

В практике психологов, работающих в домах-интернатах, реабилитационных центрах и психоневрологических стационарах, периодически встречаются случаи, вызывающие серьёзные профессиональные затруднения. Пациент с детским церебральным параличом или умеренной умственной отсталостью начинает настойчиво рассказывать о сексуальном насилии, которое якобы совершил кто-то из персонала. Он описывает сцены нападения, имитирует флешбэки, жалуется на ночные кошмары. При этом медицинское освидетельствование не находит следов насилия, видеонаблюдение его не подтверждает, да и сам рассказ при повторении обрастает противоречиями. Тем не менее пациент продолжает настаивать, и каждое его заявление вызывает у персонала тревогу, сочувствие, желание защитить – то есть именно ту реакцию, которая, возможно, и была истинной целью.

Долгое время подобные феномены рассматривались либо в рамках симулятивного расстройства (синдрома Мюнхгаузена), либо как корыстная ложь. Однако при ближайшем рассмотрении у многих таких пациентов отсутствует какая-либо материальная или юридическая выгода. Они не требуют денежной компенсации, не пишут заявлений в полицию, не добиваются увольнения сотрудника. Единственное, что они получают, – это усиленное внимание, заботу, перевод в более комфортные условия или просто возможность находиться в центре событий.

В данной работе я попыталась показать, что ключ к пониманию этого парадокса лежит в ранней травме привязанности и сформированном на её основе феномене «дефицитарного внимания». У лиц с ОВЗ (ограниченными возможностями здоровья), особенно у тех, кто с детства находился в условиях госпитализма или эмоциональной депривации, страдание становится единственной отработанной валютой для получения человеческого тепла. И тогда возникает посттравматическая симптоматика, не имеющая реального травматического ядра, но выполняющая важную адаптивную функцию.

Классическая теория Джона Боулби и Мэри Эйнсворт утверждает, что качество привязанности, сформировавшееся в первые годы жизни, определяет не только эмоциональное благополучие, но и всю последующую стратегию поведения в стрессе, способность доверять другим и регулировать собственные аффекты. Безопасная привязанность вырастает на почве предсказуемого, чуткого и доступного ухода. Когда ребёнок плачет – его утешают, когда тянет руки – его берут на руки, когда улыбается –

улыбаются в ответ.

Но представьте себе младенца с тяжёлой формой ДЦП. Он не может повернуть голову к матери, не может ухватиться за её палец, его крик может быть тихим или вообще отсутствовать. А ещё этот ребёнок с первых дней жизни попадает в больницы, где его ожидают уколы, зонды, фиксация конечностей. Близкий взрослый (пусть даже любящий) оказывается связан с болью и дискомфортом. Это первая линия разрыва.

Теперь представьте ребёнка с умственной отсталостью. Он может быть вполне подвижным, но его сигналы хаотичны, он плохо считывает эмоции матери, а его ответные реакции (улыбка, гуление) появляются с задержкой или выглядят необычно. Родитель, не получая привычной обратной связи, постепенно снижает интенсивность контакта, что ребёнок переживает как отвержение. Так формируется тревожно-избегающий или дезорганизованный тип привязанности.

Кокс и Ламбренос ещё в 1992 году описали феномен, который они назвали «условной привязанностью». Ребёнок с физическими ограничениями быстро усваивает: его замечают и проявляют о нём заботу только в те моменты, когда ему плохо. Боль, медицинские процедуры, дискомфорт становятся пропуском к получению тепла. Это опасное знание остаётся с человеком на всю жизнь и во взрослом возрасте трансформируется в устойчивый поведенческий паттерн: «если я не страдаю – я не существую для других».

Дальше вступают в силу законы оперантного обусловливания, описанные ещё Скиннером. Предположим, пациент в интернате однажды пожаловался на боль в животе, и медсестра проявила о нём необычную заботу: измерила температуру, принесла тёплое питьё, поговорила ласково. В другой раз, когда было просто скучно, он сказал, что кто-то из соседей его ударил, – и вот уже весь персонал бегает вокруг, вызывают психолога, его переводят в отдельную палату.

Мозг фиксирует связь: жалоба на страдание дает мощное положительное подкрепление (внимание, забота, ощущение значимости). Вероятность повторения возрастает. Со временем простые жалобы перестают работать – к ним привыкают. Тогда пациент начинает усиливать сигнал: вместо «у меня болит живот» он говорит «меня изнасиловали», добавляет имитацию флешбэков, внезапные крики по ночам, отказ от еды. Чем драматичнее симптом, тем ярче реакция окружения.

Так, шаг за шагом, возникает развёрнутая картина ложного ПТСР. При этом сам

пациент может не осознавать истинных мотивов. На вопрос «зачем ты это делаешь?» он искренне ответит: «так и было», потому что его память уже перестроилась под новую реальность.

Здесь важно сделать остановку. Пациенты с ДЦП, у которых интеллект сохранён, и пациенты с умственной отсталостью (IQ 50–70) проходят через одни и те же внешние обстоятельства депривации, но внутренние механизмы у них работают по-разному. Отсюда – два разных феномена.

У людей с ДЦП лобные доли и префронтальная кора (отвечающие за планирование, самоконтроль, рефлексию) остаются неповреждёнными. Поражены в основном подкорковые структуры и мозжечок – это даёт двигательные нарушения, но не мешает когнитивной деятельности. Поэтому пациент способен:

заранее выучить список симптомов ПТСР (из интернета, телепередач, из историй других);

построить внутренне непротиворечивый нарратив, запомнить его и придерживаться при перекрёстных опросах;

выбрать наиболее подходящего адресата для жалоб – того, кто точно «купится»;

дозировать интенсивность симптомов в зависимости от ситуации (вечером — сильнее, в присутствии психолога – слабее).

В клинической практике это проявляется как избирательная симуляция. Пациент жалуется не всем подряд, а только тем сотрудникам, которые обычно проявляют эмпатию. Время тоже выбирается особенное: например, перед обходом заведующего или в ночную смену, когда контроль слабее. Его рассказ о насилии удивительно стабилен: одни и те же детали, одни и те же фразы. И почти никогда нет настоящего дистресса – ни вегетативных реакций (пот, дрожь, покраснение), ни избегания темы. Наоборот, пациент охотно возвращается к ней, иногда с оттенком удовольствия – слишком приятно быть в центре всеобщей озабоченности.

Если же психологу удаётся предъявить неопровержимые доказательства (видеозапись, показания свидетелей), то пациент часто признаётся: «ну да, я придумал, просто мне было одиноко и хотелось, чтобы меня перевели в отдельную палату». Это признание – ключевой маркер осознанной симуляции.

Первичная мотивация – заполнить пустоту дефицитарного внимания, получить то, чего не хватало с детства. Вторичные выгоды — комфорт, привилегии, власть над

персоналом (ведь его боится и слушается).

При умственной отсталости органическое поражение головного мозга носит диффузный характер, но особенно страдают лобные доли. А они отвечают за критичность, способность отличать реальность от фантазии, контроль над внушаемостью. Поэтому пациент с УО не может спланировать симуляцию, у него нет для этого когнитивных ресурсов. Его ложные сообщения относятся к феномену псевдологии – патологическому фантазированию, при котором человек искренне верит в свои выдумки.

Как это выглядит на практике? Пациент посмотрел по телевизору сериал про маньяка или услышал от соседа по палате историю о том, как кого-то обижали в туалете. Этот фрагмент «приклеивается» к его собственной биографии. Он рассказывает, и вдруг видит, какой ужас и сочувствие вызывает его рассказ. Это мощное положительное подкрепление. И он начинает пересказывать историю снова и снова, обрастая всё новыми деталями. Но поскольку память у него слабая, детали меняются: сегодня насилие было в пятницу, завтра – в среду; обидчик сначала был высоким брюнетом, потом низким лысым. Пациент этих противоречий не замечает, потому что не удерживает в голове общую картину.

Эмоционально такой рассказ, как правило, плоский. Никаких флешбэков, ночных кошмаров, избегания. Иногда пациент даже улыбается – ему просто приятно, что его слушают. А если спросить: «Ты уверен, что это было с тобой? Может, ты видел по телевизору?» – он легко согласится: «А, да, по телевизору». И уже через пять минут забудет, что согласился.

Отсутствие корысти – ещё один важный маркер. Пациент с псевдологией не требует перевода в другие условия, не добивается наказания обидчика. Ему достаточно самого процесса рассказывания и тех эмоций, которые он вызывает у слушателей.

Механизм формирования можно представить как цепочку: случайный внешний стимул (фильм, разговор) — закрепление в памяти как собственного опыта из-за дефицита разграничения реального и воображаемого – первое проговаривание – сильное эмоциональное подкрепление со стороны окружения — повторение с вариациями и дальнейшее отвердевание ложного нарратива.

Для дифференциальной диагностики между истинным ПТСР, осознанной симуляцией и псевдологией недостаточно одной беседы. Нужен комплекс методов.

Остановлюсь на двух наиболее информативных.

Адаптированная шкала оценки достоверности показаний (SVA/CBCA). Этот метод, разработанный для судебных экспертиз, основан на гипотезе Ундейча: правдивое воспоминание всегда богаче деталями, особенно периферическими, и имеет особую структуру. Для лиц с ОВЗ критерии пришлось упростить, но суть осталась. Из 19 критериев CBCA особенно важны №6 (воспроизведение диалогов) и №12 (описание своих чувств в момент события). В ложных нарративах они почти всегда отсутствуют. При псевдологии часто наблюдается странное сочетание: много необычных, даже фантастических деталей (критерий №8), но при этом полная разорванность логики (низкий балл по №1). Интерпретация по сумме баллов: 0–4 – фабрикация, 5–8 – зона неопределённости, 9–19 – скорее правда.

Тест на неожиданный вопрос. Простой и остроумный приём. Сначала пациент в свободном рассказе упоминает какие-то второстепенные предметы («на полке стояла ваза», «ковёр был синий»). Через 1-3 суток, без предупреждения, его спрашивают о другой детали, логически связанной, но им не названной. Например: «А какой формы было мыло?» (о мыле он не говорил). Если пациент отвечает «не помню» – это нормально. Если называет точную деталь, совпадающую с реальной обстановкой (проверить заранее) — это может указывать на истинное воспоминание. А вот если он уверенно говорит, что мыло было овальным и розовым, а в реальности мыла вообще нет, либо оно жидкое из дозатора – это почти стопроцентный признак симуляции. Для пациентов с умственной отсталостью вопрос упрощают до бинарного выбора («мыло светлое или тёмное?») и используют картинки.

Дополнительно можно использовать пробу на когнитивную нагрузку (одновременный пересказ травмы и счёт в уме – у симулянта быстро появляются паузы и противоречия) и метод плацебо-внимания (если на 3–5 дней ввести регулярное нейтральное общение, не связанное с жалобами, частота ложных сигналов резко падает).

Когда ложность сообщений установлена, перед психологом встаёт главный этический и терапевтический вопрос: как прекратить дезадаптивное поведение, не разрушив остатки привязанности и не навесив на пациента ярлык «лжеца»?

Для пациентов с ДЦП и сохранным интеллектом хорошо работают когнитивно-поведенческие подходы. Этапы примерно такие:

Терапевтический альянс без обсуждения жалоб. Психолог игнорирует ложные сообщения (спокойно переводит тему), но активно и положительно реагирует на любые нейтральные действия пациента. Цель – разорвать цепочку «жалоба – внимание».

Функциональный анализ. Вместе с пациентом выясняют: что он на самом деле хочет, когда рассказывает о насилии? Чаще всего это «поговорить», «чтобы не было скучно», «чтобы меня перевели». Удивляясь, пациент сам видит нелепость своего способа.

Контракт на внимание. Вводят простой сигнал (зелёная карточка, слово «помоги»). Если пациент использует сигнал, персонал обязуется подойти в течение 5 минут и уделить время. За использование сигнала – поощрение, за ложные жалобы – тайм-аут (игнорирование на 5–10 минут).

Обучение прямым просьбам. Ролевые игры, отработка фраз «мне нужна помощь», «я боюсь, посиди со мной». Каждое успешное применение — похвала.

Терапия привязанности. Долгосрочная (8–12 сессий) работа над внутренней моделью: «меня любят не только за страдание, но и просто так». Это ключевой этап, без которого всё остальное даст только временный эффект.

Для пациентов с умственной отсталостью когнитивные методы малоэффективны из-за лобного дефицита. Здесь нужны средовые модификации:

Полностью убрать наводящие вопросы от персонала. Никогда не спрашивать «тебя не обижали?».

Ввести «календарь реальных событий» с фотографиями, чтобы наглядно показывать: «видишь, в этот день ты был на занятии, а не в туалете».

Подкреплять любые реалистичные высказывания, даже самые простые («сегодня я кушал суп»). На фантазии не реагировать (экстинкция).

Убрать из доступа фильмы и передачи с жестокостью, криминальные новости.

Сделать распорядок дня максимально предсказуемым – ритуалы снижают тревогу и потребность в фантазиях.

Феномен ложных сообщений о сексуальном насилии и имитации ПТСР у лиц с ОВЗ нельзя сводить ни к простому вранью, ни к психиатрическому симптому. В его основе лежит реальная травма – не травма события, а травма отсутствия безопасной любви в раннем детстве. Хронический дефицит внимания, неутолённая жажда привязанности толкают человека к единственному доступному ему способу быть

замеченным — изобразить страдание. В зависимости от сохранности лобных функций этот способ может быть осознанным (симуляция) или неосознаваемым (псевдология). Предложенный диагностический комплекс (CBCA/SVA, тест на неожиданный вопрос, поведенческие пробы) позволяет уверенно отличать ложные сообщения от истинного ПТСР. А коррекция должна быть дифференцированной: когнитивно-поведенческие методы при симуляции и средовая поддержка при псевдологии, но в обоих случаях – обязательно с долгосрочной работой по восстановлению базового доверия к миру.

Только признав за этим поведением не злой умысел, а отчаянную попытку выжить в условиях эмоционального голода, можно научить этих людей научиться просить любовь иначе.

Литература:

1. Белякова И.В., Петрова В.Г. Психология умственно отсталых школьников: учебное пособие – М.: Академия, 2002. 160 с. URL: https://sdo.mgaps.ru/books/K3/M5/file/4.pdf (дата обращения: 12.05.2026).

2. Козулева А.А. Подходы к пониманию лжи и ее проявления на психофизическом, психологическом и социально-психологическом уровнях функционирования психики // Сибирский юридический вестник. 2009. №3. С. 67-74. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-ponimaniyu-lzhi-i-ee-proyavleniya-na-psihofizicheskom-psihologicheskom-i-sotsialno-psihologicheskom-urovnyah/viewer (дата обращения: 12.05.2026).

3. Крюков Е.В., Шамрей В.К., Марченко А.А., Лобачев А.В., Хабаров И.Ю., Колодин С.Н. Посттравматическое стрессовое расстройство: эволюция взглядов // ПСИХИАТРИЯ. 2023. №21. С.57-71. URL: https://doi.org/10.30629/2618-6667-2023-21-4-57-71

4. Макаров И.В., Кравченко И.В. Патологическое фантазирование у детей // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. Спецвыпуски. 2015. №115. С.3-7. URL: https://doi.org/10.17116/jnevro2015115523-7

5. Пирогов Д.Г. Личностные особенности и система отношений родителей, воспитывающих детей с ДЦП // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2013. № 4. С. 106–112. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-osobennosti-i-sistema-

otnosheniy-roditeley-vospityvayuschih-detey-s-detskim-tserebralnym-paralichom-chast-1/viewer (дата обращения: 12.05.2026).

6. Пугачева, К. А. Способы выявления лжи при допросе // Молодой ученый. 2018. № 20. С. 325-327. URL: https://moluch.ru/archive/206/50570. (дата обращения: 12.05.2026).

7. Семаго Н.Я., Семаго М.М. Проблемные дети: Основы диагностической и коррекционной работы психолога. М.: АРКТИ, 2000. 208 с. URL: https://jasulib.org.kg/wp-content/uploads/2024/02/problemnye-deti.-osnovy-diagnosticheskoj-i-korrekcionnoj-raboty-psihologa-.-semago-n.ja_.-semago-m.m.pdf (дата обращения: 12.05.2026).

Шелякина Анастасия Сергеевна
Shelyakina Anastasia Sergeevna
студент
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

РАЗВИТИЕ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВЫНУЖДЕННОЙ ДЕВИАНТНОЙ АДАПТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛЬМА «МИЗЕРИ»)

THE DEVELOPMENT OF A LINGUISTIC PERSONALITY'S SPEECH PORTRAIT UNDER FORCED DEVIANT ADAPTATION (BASED ON THE FILM "MISERY")

Аннотация. В статье рассматривается развитие речевого портрета главного героя фильма «Мизери» Пола Шелдона в условиях физической и психологической изоляции. На основе исследования коммуникативных стратегий выделяются фазы трансформации языковой личности – от нормативной рациональной речи через манипулятивную лесть и аффективный прорыв к инструментальному вербальному насилию. В статье делается вывод о том, что девиантное речевое поведение жертвы представляет собой вынужденную адаптивную стратегию выживания, которая находит отражение в синтаксических, лексических и прагматических маркерах.

Abstract. The article examines the evolution of the speech portrait of the main character Paul Sheldon in the film "Misery" under conditions of physical and psychological isolation. Based on the analysis of communicative strategies, four phases of the linguistic personality's transformation are distinguished: from normative rational speech through manipulative flattery and affective breakthrough to instrumental verbal violence. It is concluded that the deviant speech behavior of the victim is not an internal pathology but a forced adaptive survival strategy, reflected in syntactic, lexical, and pragmatic markers.

Ключевые слова: речевой портрет, языковая личность, девиантная адаптация, коммуникативные стратегии, кинематографический дискурс, «Мизери».

Keywords: speech portrait, linguistic personality, deviant adaptation, communicative strategies, cinematic discourse, "Misery".

Девиантное поведение в философском контексте трактуется как отдельные действия или их совокупность, идущие вразрез с закрепленными и негласными правовыми (и нравственными) нормами общества, дифференцируясь на уголовно наказуемые и ненаказуемые формы. Повышенное внимание в данном случае уделяется анализу его мотивов, причин, условий возникновения, методам предупреждения и коррекции. С психологической же точки зрения, девиантное поведение преимущественно понимается как комплекс или отдельные действия, нарушающие общепринятые социально-психологические нормы и императивы, которые влекут за собой причинение вреда (психологического, физического, социального) самой личности и обществу в целом. В педагогическом подходе девиантное поведение

рассматривается как отклонение от принятых в обществе социально-нравственных норм, правил и шаблонов взаимодействия, проявляющееся в нарушении процессов интериоризации и экстраполяции моральных норм, культурных ценностей, затрудняющее самовыражение и самореализацию личности в данной социальной среде. Социологический же взгляд фокусируется на несоответствии поведения человека регламентам социальной системы, ролям и установленным критериям в конкретной группе, подчеркивая, что отклоняющееся поведение определяется контекстом социальной нормы и оценкой окружающих, а потому требует учета воспитательных факторов, механизмов социализации и структурных условий социальной среды для его понимания [10].

В лингвистике понятие речевого портрета традиционно связывается с совокупностью социальных, диалектных и профессиональных характеристик говорящего [4, 37]. Намного реже объектом анализа становится динамический компонент – трансформация речевого поведения под воздействием экстремальных условий. Данная статья посвящена развитию речевого портрета языковой личности в ситуации вынужденной девиантной адаптации, когда внешнее давление провоцирует смену коммуникативных стратегий. Материалом исследования выступает фильм «Мизери» (экранизация одноименного романа С. Кинга), где главный герой, писатель Пол Шелдон, проявляет лексический диапазон от нормотипичной речи к вынужденным девиациям в условиях плена и насилия.

Лексика, фонетика, интонация и синтаксис образуют общую картину речевого портрета персонажа, давая читателю или слушателю «подсказки» о его социальном происхождении, образовании, профессиональной принадлежности и внутреннем мире. Выбор слов – архаизмы, жаргонизмы, профессионализмы – указывает на круг общения и сферу деятельности, иногда передает возраст, уровень воспитания и культурные ориентиры героя. Фонетические особенности (акцент, проглатывание звуков, особенности артикуляции) выступают в контексте речевого портрета маркерами региональной принадлежности или исторической эпохи, передавая информацию о привычках и эмоциональном состоянии. К примеру, напряженность часто проявляется в заикании или учащенном дыхании, расслабленность – в протяжной речи. Интонация, темп, паузы и громкость определяют характер взаимодействия персонажа с окружением – уверенный, властный голос задает дистанцию и контроль, тихий и прерывистый –

робость или неуверенность, тогда как резкие скачки интонации выдают вспыльчивость или нервозность [3].

Анализ языковой личности выявляет фундаментальное противоречие между автономией мышления и тенденцией к инертности и стереотипизации, где субъективность когнитивных моделей сталкивается с общепринятыми образцами, подталкивая лингвистические исследования к фокусу не на абстрактных моделях знания, а на конкретном языковом воплощении процессов сознания в речи. Такая двойственность распространяется и на профессиональную ориентацию языковой личности, проявляясь в диапазоне от обыденного до экспертного уровней сознания, где профессия обогащает и специфически структурирует «образный арсенал» человека, расширяя его знания в определенных предметных областях и развивая «зоркость» и «слепоту» к разным компонентам действительности. В данном случае определяется его чувствительность к тем или иным языковым категориям и способность к переконструированию смыслов [2].

Исследование речевого поведения Пола Шелдона выявило последовательные фазы трансформации его языковой личности.

Фаза нормированной речи характеризуется сохранением всех компонентов коммуникации успешного в своей области специалиста. В диалоге с агентом Пол использует риторические вопросы и развернутые синтаксические конструкции:

“Do I look like a guy who writes romance novels? … I never meant it to become my life” [5].

Лексика (on a lark, one-time shot) передает уверенность и самоиронию. Синтаксическая завершенность отражает психологическое благополучие и агентность говорящего. Пол со временем возвращает речевой самоконтроль, но направляет его на провокацию и вербальное уничтожение собеседницы – “Why not? I learned it from you” [5]. Лаконичная синтаксическая конструкция несет высокую семантическую нагрузку, фиксируя инверсию властных отношений. Язык окончательно инструментализируется, становясь орудием насилия, а не средством коммуникации. Финальная констатация “She's dead” [42] выполняет ритуально-закрепляющую функцию. Индикатором вынужденной девиантной адаптации выступают синтаксические трансформации в речи Пола Шелдона. В начальной фазе преобладают развернутые сложноподчиненные конструкции с союзной связью, что говорит о сохранности когнитивных процессов и

способности к логическому структурированию высказывания. Но уже на следующем этапе синтаксис приобретает черты парцелляции и асиндетона, потому что длинные периоды распадаются на короткие, рубленые фрагменты

«It's for the best. I see that now. You're right» [5].

Подобное синтаксическое «дробление» выполняет сразу несколько функций:

- оно имитирует решимость и уверенность,

- выдает нарочитую театральность, так как паузы между фрагментами выделяют каждую часть высказывания, превращая его в перформативный акт самоуничижения.

В фазе открытой девиантности, напротив, наблюдается возврат к синтаксической простоте при высокой семантической насыщенности, как в лаконичной фразе «I learned it from you» [5], где минимальными средствами передается полная инверсия властных отношений. Иллюстрацией инструментального характера речи в данной фазе служит диалог, где Пол объясняет Энни смысл своих действий. На ее возглас Paul, you can't! он отвечает лаконичной, но семантически насыщенной фразой Why not? I learned it from you. Данное высказывание – квинтэссенция всей речевой эволюции героя. Синтаксически фраза представляет собой 2 предложения:

- риторический вопрос Why not?, имитирующий наивное недоумение,

- декларативное утверждение I learned it from you, которое синтаксически просто, но семантически емко.

Порядок слов соответствует норме, указывая на расчетливую спокойную интонацию, контрастирующую с содержанием. Противопоставление местоимений I и you в конце предложения создает семантическую оппозицию «учитель – ученик», инвертирующую реальные отношения власти. Синтаксически простая конструкция имплицирует сложный комплекс значений:

- признание того, что методы Энни были им усвоены,

- теперь все ее методы обращены против нее самой.

Использование глагола learned выражает инструментальный, приобретенный характер данного речевого поведения, в отличие от аффективных вспышек третьей фазы. Коммуникативная функция фразы – нанесение финального психологического удара через демонстрацию того, что жертва не просто выжила, но переняла и теперь использует методы палача.

Модель развития речевого портрета вносит вклад в развитие

лингвоперсонологии, уточняя представления о границах прагматической гибкости языковой личности. Традиционные описания речевого портрета, восходящие к модели Ю.Н. Караулова [1, 211], фиксируют статичные характеристики – вербально-семантический, лингвокогнитивный и мотивационно-прагматический уровни. Но, как показывает материал фильма «Мизери», в экстремальных коммуникативных условиях данные уровни вступают в конфликт:

- вербально-семантический уровень (выбор лексики) симулирует покорность,

- мотивационно-прагматический уровень (истинные цели говорящего) направлен на выживание и сопротивление.

Феномен «речевого разрыва» расширяет классическую модель, указывая на то, что языковая личность способна к деконструкции собственного речевого поведения, временно отказываясь от принципа искренности как базового компонента коммуникации. Таким образом, развитие речевого портрета языковой личности в условиях вынужденной девиантной адаптации переходит от рациональной нормы к инструментальному вербальному насилию. Приоритетным механизмом трансформации выступает диссоциация между достоверным эмоционально-когнитивным состоянием и внешней вербальной репрезентацией. Девиантное речевое поведение жертвы оказывается ситуативно обусловленной стратегией выживания, которая оставляет маркеры в синтаксисе, лексике и прагматике высказываний.

Таким образом, речевой портрет Пола Шелдона представляет собой модель вынужденной девиантной адаптации, где последовательная эволюция коммуникативных стратегий от рациональной нормы через симуляцию и аффект к инструментальному насилию и посттравматической двойственности демонстрирует, что девиантное речевое поведение героя является не внутренней патологией, а «зеркалом» невыносимых внешних условий и стратегией выживания, оставляющей след в структуре языковой личности даже после возвращения к нормативному существованию.

Литература:

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 2-е изд. М.: Наука, 2002. 264 с.

2. Баймулова, Л. Н. Особенности создания речевого портрета персонажа (на материале современного английского романа) // Евразийский союз ученых. 2015. № 4-8(13). С. 37-38.

3. Колокольцева Т.Н. Речевой портрет персонажа: синтаксический аспект // Филологические науки. 2015. № 1. С. 88–92.

4. Крысин Л. П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях. В кн.: Крысин Л.П. Русское слово свое и чужое. М.: Языки славянской культуры, 2004. 483 с.

5. Экранизация романа С. Кинга «Misery». URL: https://inoriginal.cc/films/710-misery-1990.html# (дата обращения: 03.11.2025).

Шелякина Анастасия Сергеевна
Shelyakina Anastasia Sergeevna
студент
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖЕРТВЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭКРАНИЗАЦИИ РОМАНА С. КИНГА «МИЗЕРИ»)

THE SOCIOLINGUISTIC COMPONENT OF THE VICTIM'S DEVIANT BEHAVIOR (BASED ON THE SCREEN ADAPTATION OF S. KING'S NOVEL "MISERY")

Аннотация. В статье исследуется социолингвистический компонент девиантного поведения жертвы на примере главного героя фильма «Мизери». В отличие от традиционного фокуса на девиантности агрессора, автор рассматривает, как экстремальные условия коммуникации (изоляция, асимметрия власти, физическое насилие) трансформируют речевые практики жертвы. В качестве маркеров выделены смена речевых стратегий, вербальная мимикрия, заимствование лексики агрессора и инструментализация языка. В статье делается вывод, что девиантное речевое поведение жертвы выполняет адаптивную функцию и конструирует специфическую коммуникативную идентичность «выживающего».

Abstract. The article examines the sociolinguistic component of the victim's deviant behavior based on the main character of the film "Misery". In contrast to the traditional focus on the aggressor's deviance, the author analyzes how extreme communication conditions (isolation, power asymmetry, physical violence) transform the victim's speech practices. Markers such as the shift in speech strategies, verbal mimicry, borrowing the aggressor's vocabulary, and the instrumentalization of language are identified. It is concluded that the victim's deviant speech behavior performs an adaptive function and constructs a special communicative identity of the "survivor."

Ключевые слова: социолингвистика, девиантное поведение, речевой портрет жертвы, коммуникативные стратегии, вербальная мимикрия, «Мизери».

Keywords: sociolinguistics, deviant behavior, victim's speech portrait, communicative strategies, verbal mimicry, "Misery".

Девиантное поведение – устойчивые или ситуативные формы действий и поступков одного человека или группы, которые отклоняются от принятых в данном обществе и в данный историко-культурный период социальных норм, правил и ожиданий, варьируясь от нейтральных и инновационных проявлений до социально неодобряемых и санкционируемых. Оно имеет многофакторную природу, обусловленную взаимодействием личностных особенностей, семейно-воспитательных влияний, школьно-организационной среды, группового давления и более широких социокультурных и экономических условий, и потому рассматривается междисциплинарно – в социологии, психологии, педагогике и криминологии – с

акцентом на диагностику, профилактику и коррекцию в зависимости от вида, мотивации и степени выраженности отклонений.

Термины «отклоняющееся поведение» и «девиантное поведение» являются взаимозаменяемыми и отражают идею отступления от принятых в обществе норм и стандартов (лат. deviation – «отклоняющийся от дороги»). Само отклонение не носит однозначно негативного характера, потому что оно проявляется иногда и в позитивных формах (творческая и инновационная деятельность, способствующая преодолению устаревших стереотипов и социального прогресса), и в негативных формах, включающих правонарушения, преступность, асоциальные привычки и поведения.

Многие исследователи склоняются к мнению, что девиантное поведение – действия личности или группы, отклоняющиеся от признанных в данном обществе норм, но расширяя понимание данного явления разными акцентами [3]. К примеру, автор дополняет определение тем, что более предметно рассматривает устойчивость отклонения, его вредоносный характер и сопряженную социальную дезадаптацию [1]. Данные трактовки дополняют друг друга, указывая на многоуровневость девиации – от юридически и этически осуждаемых действий до более широких культурно-социальных и психологических отклонений – и обосновывают необходимость междисциплинарного подхода в диагностике, профилактике и коррекционной работе, учитывающего и характер отклонения, и его устойчивость, и последствия для личности и общества.

Социолингвистический компонент девиантного поведения традиционно рассматривается в контексте субкультурных групп и криминальных сообществ, где специализированный сленг и жаргон выполняют функции внутригрупповой координации и маркировки принадлежности [1, с. 22]. Практически не исследованным остается вопрос о том, как девиантное речевое поведение проявляется у жертвы насилия, которая адаптируется к асимметричным отношениям власти. Статья восполняет подобный пробел на материале экранизации романа С. Кинга «Мизери», где главный герой Пол Шелдон проявляет последовательную трансформацию речевых практик под воздействием физической и психологической изоляции.

Тематический концепт «отклонений» в культуре представляет собой внутренне противоречивое, но сущностное явление, проявляющееся в художественной деятельности и массовой культуре, которые по своей природе немыслимы без

постоянного поиска, отступлений от устоявшихся паттернов и непрерывных обновлений. В связи с тем, что культура формируется творческой деятельностью, которая по своей сути предполагает отход от заданных параметров, часто доходящий до прямого противопоставления существующим нормам, происходит закономерное опережение привычного хода событий и разрушение стереотипов. Присутствие субъективного фактора в данном процессе рассматривает отклонения как нормальное, даже необходимое условие развития и динамики человеческой культуры, обеспечивающее ее жизнеспособность и адаптацию к меняющимся реалиям.

Множество культур – историческая, этническая, региональная, социально-сословная – делают любое универсальное разделение «нормального» и «ненормального» поведения проблематичным, потому что культура допускает вариативность практик и привычек. То, что в одной культурной среде воспринимается как отклонение, в другой является естественным и даже ожидаемым (к примеру, использование вилки в китайском ресторане в европейском контексте), поэтому оценка поведения учитывает культурный контекст. Нормы культуры подвергаются трансформациям вместе с изменением общественных ценностей и эстетических ориентиров. Модели семейных ролей, модные предпочтения, бытовые и художественные стили эволюционируют, и то, что когда-то считалось «нормой», со временем утрачивает свой статус безо всякой патологии, поэтому отклонение – не константа, а временная и относительная категория, отражающая процессы ценностной переориентации и смены вкусов в обществе [3].

Учитывая, что искусство и культура в целом по своей природе ориентированы на игру с формой – используя гротеск, гиперболу, карикатуру, сатиру и парадоксы – представления о «норме» здесь неизбежно носят подвижный, ситуационный и исторически обусловленный характер. Ф. Соссюр считает, что культура реализуется не абстрактно, а через конкретные поступки людей, и именно они – а не сама по себе множественность художественных форм и нормативных отклонений – являются надежным критерием для распознавания девиантности: поступок, считаясь коммуникативным и ориентированным на другого, несет в себе нравственную нагрузку и потому подлежит оценке с точки зрения добра и зла. В культурном же контексте он сохраняет свою моральную значимость, поэтому анализ поведения требует одновременно культурологического понимая мотивов, символики и контекста

действия, нравственной рефлексии, которая отделяет допустимые творческие отклонения и провокации от актов, нарушающих базовые принципы человеческого взаимодействия [1].

В отличие от классических описаний девиантного поведения, где акцент делается на устойчивых отклонениях от социальных норм [2, с. 190], в случае с Полом Шелдоном мы имеем дело с вынужденной и ситуативной девиантностью, которая носит адаптивный характер. Социолингвистическое исследование дает основание для выявления нескольких компонентов трансформации. На протяжении всей экранизации у главного героя наблюдается радикальная смена доминирующей речевой стратегии. В начальной фазе Пол использует рациональную аргументацию и иронию как инструменты установления контакта. Но уже на следующей фазе знакомые стратегии замещаются вербальной мимикрией – сознательной подстройкой лексики и синтаксиса под речевые паттерны и ценностные ориентиры агрессора. Характерным примером служит сакрализация персонажа «Мизери», значимого для Энни:

“To give Misery back to life. To give her to you” [6].

Пол заимствует лексику из эмоционального тезауруса своей мучительницы (give back to life, meant to be), что является формой речевого приспособления для снижения агрессии. Девиантное речевое поведение жертвы опирается на феномен «лексического переучивания». То есть за короткий период персонаж усваивает и вводит против агрессора его собственные языковые единицы. В агрессивной фазе Пол использует инвективу “you sick, twisted fuck” [6], которая является точным повтором его собственной реплики из предыдущей фазы. Но если, употребив фразу впервые, Пол показал аффективную вспышку, то далее слова становятся контролируемым вербальным средством защиты и нападения. Пол буквально «выучил» язык насилия у Энни и применяет его против нее, иллюстрируя тезис о языке как инструменте конструирования альтернативной картины мира [5].

Девиантная адаптация проявляется в формировании устойчивой разницы между речевой маской и внутренним состоянием. В начальной стадии формирования девиации Пол произносит “You're so good to me, Annie. I don't know what I'd do without you” [6], находясь в состоянии наркотической абстиненции и физического истощения. Клишированная формула благодарности, которая в нормотипичной коммуникации маркирует добровольность и взаимность, в контексте плена приобретает

дополнительный смысл, становясь инструментом получения жизненно важного ресурса (обезболивающего). Диссоциация между формой и содержанием является социолингвистическим маркером вынужденной девиантности.

Характерной иллюстрацией служит фраза «You've thought of everything, Annie. You're really amazing, you know that?» [6], где прямое обращение по имени Annie в сочетании с разделительным вопросом you know that? создает иллюзию диалогичности и близости. Но фактически функционирует как риторический прием, который вынуждает собеседницу на согласие с предложенной положительной самооценкой. В терминологии Дж. Остина и Дж. Серля, аналогичные высказывания представляют собой «косвенные иллокутивные акты», где перлокутивный эффект (снижение агрессии, получение доступа к ресурсам) достигается за счет имитации искренней похвалы. Пол конструирует коммуникативную реальность, в которой Энни выступает как всемогущая и предусмотрительная фигура, что временно нейтрализует ее деструктивные импульсы.

Таким образом, социолингвистический компонент девиантного поведения жертвы на материале фильма «Мизери» включает смену речевых стратегий от рациональной аргументации к вербальной мимикрии, заимствование и обратное использование лексики агрессора, формирование устойчивой разницы между речевой маской и внутренним состоянием. В отличие от девиантных речевых практик субкультурных групп, которые служат для внутригрупповой координации и конструирования альтернативной идентичности, девиантное речевое поведение жертвы выполняет адаптивную и самосохранительную функцию. Язык в экстремальных условиях становится инструментом выживания.

Литература:

1. Арнольд И. В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблемы экспрессивности. Л.: ЛГПИ, 1975. С. 11-24.

2. Степанова Ю.В. Языковая личность и аспекты ее изучения // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 1. С. 186–192.

3. Трофимова Н.А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. СПб. : Изд-во ВВМ, 2008. 376 с.

4. Plé L., Demangeot C. Social contagion of online and offline deviant behaviors and its value outcomes: The case of tourism ecosystems // Journal of Business Research. 2020. Vol. 117. P. 886-896.

5. Revenco A. The concepts of linguistic personality and speech portrait and their interrelation. URL: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/136-142_28.pdf (дата обращения: 03.11.2025).

6. Экранизация романа С. Кинга «Misery». URL: https://inoriginal.cc/films/710-misery-1990.html# (дата обращения: 03.11.2025).

Расулова Фидан Физули кызы
Rasulova Fidan Fizuli kyzy
студент
гуманитарный факультет
Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева (филиал)
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Трохова Софья Сергеевна
Trokhova Sofya Sergeevna
студент
гуманитарный факультет
Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева (филиал)
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

ГЕНЕЗИС И ПОЭТИКА АНТИУТОПИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Е. И. ЗАМЯТИНА «МЫ»

THE GENESIS AND POETICS OF DYSTOPIA IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XX CENTURY ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL BY E. I. ZAMYATINA "WE"

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические истоки жанра антиутопии, факторы его активизации в XX столетии и система жанрообразующих признаков. На материале романа Е. И. Замятина «Мы» анализируются ключевые черты антиутопической поэтики: конфликт личности и тоталитарного государства, проблема свободы и счастья, трансформация языка и система художественных оппозиций. Особое внимание уделяется образу рассказчика Д-503 как носителя «раздвоенного сознания», а также средствам художественной выразительности (научная терминология, неологизмы, гротеск, метафоры), формирующим уникальный стиль произведения.

Abstract. The article considers the theoretical origins of the dystopia genre, the factors of its activation in the 20th century and the system of genre-forming features. Based on the material of the novel by E. I. Zamyatin "We" analyzes the key features of dystopian poetics: the conflict of the individual and the totalitarian state, the problem of freedom and happiness, the transformation of language and the system of artistic oppositions. Particular attention is paid to the image of the narrator D-503 as a carrier of "forked consciousness", as well as to the means of artistic expression (scientific terminology, neologisms, grotesque, metaphors), forming a unique style of the work.

Ключевые слова: антиутопия, утопия, Е. И. Замятин, «Мы», тоталитаризм, неологизмы, жанровые признаки.

Keywords: Dystopia, utopia, E. I. Zamyatin, "We", totalitarianism, neologisms, genre features.

Антиутопия представляет собой один из наиболее значимых и влиятельных жанров литературы XX столетия. Возникнув как реакция на социально-политические эксперименты Новейшего времени и тоталитарные режимы, она быстро утвердилась в

качестве самостоятельной жанровой формы, предложившей альтернативный взгляд на «светлое будущее», которое рисовали классические утопии [Гальцева, Роднянская 1992: 12]. Именно XX век, с его войнами, революциями и распространением тоталитарных идеологий, стал питательной средой для расцвета антиутопического жанра [Солобуто 2022: 143].

Понятие антиутопии (или «негативной утопии», «дистопии») окончательно сформировалось в научном обиходе в XX веке, причем его ввели американские исследователи Г. Негли и Дж. М. Патрик [Большая российская энциклопедия 2023]. Как самостоятельный объект изучения жанр начал рассматриваться лишь в начале 1990-х годов, хотя сам термин, по-видимому, появился еще раньше [Солобуто 2022: 143].

Классическими образцами антиутопии XX века стали романы Е. И. Замятина «Мы» (1920–1921), О. Хаксли «О дивный новый мир» (1932) и Дж. Оруэлла «1984» (1949). Именно в этих произведениях была создана гротескная модель стандартизированного общества, в котором подавление свободной воли и тотальный контроль над личностью приводят к моральному разрушению человека. Важно отметить, что роман «Мы» во многом определил развитие всего жанра. Как справедливо отмечал О. А. Ланин, этот роман по существу открыл в литературе XX века новое жанровое направление, став своеобразным образцом для последующих авторов [Ланин 2002: 15].

Цель настоящей статьи – охарактеризовать основные жанровые черты антиутопии, обозначить её истоки, а также проанализировать реализацию этих признаков в романе Е. И. Замятина «Мы». Особое внимание уделено образу рассказчика Д-503 и средствам художественной выразительности, присущим данному произведению.

Жанр антиутопии имеет двойственную природу. С одной стороны, он генетически связан с утопией, поскольку пародирует её основные идеи и структурные элементы [Солобуто 2022: 144]. С другой стороны, антиутопия представляет собой самостоятельное явление, поскольку её предметом является изображение общественного строя, который автор считает нежелательным, отталкивающим.

В научной литературе принято выделять ряд устойчивых признаков, присущих антиутопическому жанру. К их числу относятся:

1. Изображение тоталитарного государства, в котором общество построено на страхе, подавлении индивидуальности и отсутствии личного пространства [Ланин 1993: 45].

2. Тотальный контроль и псевдокарнавал: в антиутопиях, как правило, описывается общество, живущее в жестко регламентированной системе, где любые проявления свободы немедленно пресекаются.

3. Крушение традиционных человеческих ценностей: семья, любовь, дружба и иные духовные скрепы либо полностью уничтожаются, либо трансформируются в механистические, лишенные подлинного чувства формы.

4. Главный герой – «не такой, как все»: он противопоставляется обществу, начинает сомневаться в правильности его устройства и именно через его сознание читатель видит изъяны тоталитарной системы.

5. Аллегоричность и символичность: антиутопический мир редко является буквальным описанием реальности; он всегда несет в себе глубокий философский подтекст [Солобуто 2022: 146].

6. Нагнетение мрачной атмосферы: через систему образов, пейзажных зарисовок и цветовых решений создается ощущение безысходности и обреченности.

Истоки антиутопии принято связывать с творчеством Ф. М. Достоевского, который в своих романах полемизировал с утопическими идеями, еще владевшими умами в XIX веке [Гальцева, Роднянская 1992: 12]. Однако полноценное оформление жанра произошло именно в XX веке, после Первой мировой войны и Октябрьской революции, когда многие писатели-интеллектуалы осознали, к каким разрушительным последствиям может привести попытка построения идеального общества насильственными методами [Солобуто 2022: 144].

Роман Е. И. Замятина «Мы», написанный в 1920–1921 годах, стал первым произведением, в котором была создана всесторонняя модель тоталитарного общества. Сам термин «антиутопия» по отношению к роману был применён позже, когда его соотнесли с другими произведениями этого жанра 1930-х годов.

В романе развенчиваются утопические представления о социальном и техническом прогрессе. Действие разворачивается в Едином Государстве, возникшем после опустошительной Двухсотлетней войны, в которой выжило лишь 0,2 процента

населения Земли. Это общество, управляемое Благодетелем, характеризуется несколькими важнейшими чертами, присущими антиутопии.

Конфликт личности и государства. Центральный конфликт романа разворачивается на нескольких уровнях. Социальный уровень представляет собой противостояние индивидуального «я» и коллективного «мы». В Едином Государстве все подчинено общему благу, а любые проявления индивидуальности жестко караются. В романе Замятина выделяются такие ряды оппозиций, как «счастье и свобода», «долг и чувство», «человек и машина», которые и организуют идейную структуру произведения.

При этом само устройство Единого Государства парадоксально: с точки зрения его руководителей, это высокоорганизованное общество со строгой дисциплиной, целью которого является всеобщее счастье. Однако читатель видит обратную сторону этой медали: тотальную регламентацию, отсутствие свободы выбора и механистичность человеческих отношений.

Проблема разума и чувства. Второй уровень конфликта – психологический. Писатель исследует сложную, противоречивую сущность человека как существа одновременно социального и природного. Единое Государство стремится превратить человека в рациональное существо, лишенное эмоций. Однако, как показывает Замятин, иррациональное начало в человеке невозможно уничтожить полностью: «лучше остаться со свободой, чем со всеобщим счастьем» [Замятин 1988: 89].

Философский конфликт. На третьем уровне конфликт свободы и несвободы рассматривается в аспекте идеи стадиального развития исторического процесса. Замятин не столько противопоставляет, сколько соотносит два типа существования: технотронный (рациональный, механистический) и природный, естественный. При этом ни один из них не является идеальным, и настоящий путь человечества, по мысли писателя, лежит где-то между этими полюсами.

Особого внимания заслуживает языковой эксперимент Замятина. Среди авторов антиутопий XX века Замятин одним из первых показал, к каким результатам может привести целенаправленное манипулирование языком. Из речевой практики исключаются «лишние», устаревшие слова («семья», «вдохновение»), а вместо них вводятся неологизмы («нумер», «юнифа», «розовые карточки») [Арзамас 2016]. Эту

идею впоследствии развил Джордж Оруэлл, создав в романе «1984» концепцию «новояза».

Одновременно с этим Замятин использует замену имен собственных буквенно-числовыми обозначениями. Нумера («Д-503», «I-330», «О-90») – это безликая масса, взаимозаменяемые «винтики» единого механизма, утратившие свою уникальность. Нумер Д-503 демонстрирует готовность без остатка раствориться в «мы», и даже название его дневника совпадает с названием романа – «Мы».

Роман «Мы» построен в форме дневника главного героя – инженера-математика Д-503, создателя космического корабля «Интеграл». Эта форма повествования – не случайный прием. Перволичное повествование становится в антиутопии средством обнажения подсознания героя, позволяющим читателю проникнуть в самые глубины его сознания.

С самого начала читатель ощущает внутренние сомнения и колебания героя, который постоянно убеждает не столько будущих читателей своего дневника, сколько самого себя в целесообразности и правильности общественного устройства. Предельная экспрессивность интонации, особый синтаксис, обрывы в речи – все это передает смятенность мысли героя. Уже в первой записи появляются противоречия между рациональным и эмоциональным началом.

Однако, как убедительно демонстрирует В. О. Зарянкина, сознание Д-503 претерпевает эволюцию по ходу романа: «из преданного нумера, который полностью подчинен Единому Государству, герой превращается в человека, который начинает сомневаться в правильности его устройства» [Зарянкина 2018: 17].

Язык романа органично соединяет два, казалось бы, противоположных стиля: сухую научную терминологию и яркую, образную, эмоционально насыщенную речь. С одной стороны, повествователь-математик постоянно использует понятия из алгебры, геометрии, термодинамики («плоскость», «квадрат», «равенство углов», «бином Ньютона», «уравнения»). С другой стороны, Замятин наполняет текст удивительно точными метафорами и сравнениями. Как отмечается в исследовании, посвященном своеобразию метафоры в прозе Замятина, «метафора у Замятина – мощный способ соединения мысли и эмоции, средство создания такого прочного сплава» [Замятин 1920: 89].

Метафоры Замятина отчетливы, часто они переходят в смелое отклонение от житейского правдоподобия, в гротеск [Шкловский 1922: 76]. Таковы, например, описания шествий нумеров: «Мерными рядами, по четыре, восторженно отбивая такт, шли нумера – сотни, тысячи Нумеров, в голубоватых юнифах, с золотыми бляхами на груди...» [Замятин 1988: 47].

Гротеск у Замятина проявляется также в трансформации светлых человеческих чувств. Любовь превращается в систему «розовых карточек» и личных часов, отведенных по строгому расписанию. Этим Единое Государство уничтожает всякую подлинную привязанность, отрицает семейные и дружеские отношения.

Уникальность романа заключается и в его цветовой символике. Зеленый цвет (стена, отделяющая Единое Государство от внешнего мира) становится символом изоляции. «Равнодушно-желтый» огонь свечей в романе, хотя это произведение иного автора, приобретает сходное значение – угасания жизни и чувства. Розовый цвет (бланки, юнифы) подчеркивает искусственность, ненатуральность этого мира.

Таким образом, рассказчик Д-503 представляет собой сложный, противоречивый образ, через внутренний мир которого читатель воспринимает всю драму тоталитарного общества. Его язык и стиль мышления – это причудливый сплав математической рациональности и неподдельной человеческой эмоциональности.

Антиутопия как жанр, оформившийся в XX веке, стала мощным инструментом критики тоталитарных режимов и предупреждением об опасностях, таящихся в стремлении к идеальному обществу. Роман Е. И. Замятина «Мы» занимает в этой традиции особое место, будучи, по сути, основоположником жанра и одновременно одним из самых совершенных его образцов.

В романе нашли полное воплощение все основные черты антиутопии: тотальный контроль над личностью, конфликт разума и чувства, крушение традиционных ценностей, особый язык и система символов. Образ рассказчика Д-503, чье сознание раздваивается под воздействием любви и рефлексии, позволяет автору показать не только внешнюю, но и внутреннюю сторону трагедии человека в тоталитарном государстве.

Гротеск, метафора, научная терминология и неологизмы – все эти средства художественной выразительности служат одной цели: созданию максимально яркого,

отталкивающего и в то же время достоверного образа мира, в котором утопические идеи оказались вывернуты наизнанку.

Роман Замятина не только открыл эпоху антиутопий в XX веке, но и остается актуальным по сей день. Его язык, его образы, его идеи продолжают влиять на мировую литературу, а его предупреждения не теряют своей остроты и в XXI столетии.

Литература:

1. Гальцева Р. А., Роднянская И. Б. Очерки русской утопической мысли XX века. – М.: Наука, 1992. – 207 с.

2. Замятин Е. И. Избранные произведения: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1988. – Т. 1. – 560 с.

3. Зарянкина В. О. Портрет героя-повествователя Д-503 в романе Е. Замятина «Мы» // Инфоурок. – 2018.

4. Ланин Б. А. Русская литературная антиутопия XX века: дис. … д-ра филол. наук. – М., 1993. – 344 с.

5. Ланин Б. А. Русская антиутопия XX века: учебное пособие. – М.: Онега, 1994.

6. Солобуто Д. С. Антиутопия: эволюция жанра и его особенности // Филологический класс. – 2022. – Т. 27. – № 3. – С. 142–151.

7. Шкловский В. Б. Евгений Замятин // Литература и современность. – М.: Федерация, 1929. – С. 68-80.

8. Морсон Г. С. Границы жанра. – М.: Новое литературное обозрение, 1992. – 256 с.

Расулова Фидан Физули кызы
Rasulova Fidan Fizuli kyzy
студент
гуманитарный факультет
Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева (филиал)
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Трохова Софья Сергеевна
Trokhova Sofya Sergeevna
студент
гуманитарный факультет
Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева (филиал)
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПОЭТИКА АКМЕИЗМА: ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ К ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ А. АХМАТОВОЙ «ТАК БЕСПОМОЩНО ГРУДЬ ХОЛОДЕЛА…»)

AESTHETIC FOUNDATIONS AND POETICS OF ACMEISM: FROM THE THEORETICAL PLATFORM TO ARTISTIC PRACTICE (ON THE EXAMPLE OF THE POEM BY A. AKHMATOVA "THE CHEST WAS SO HELPLESSLY COLD...")

Аннотация. В статье рассматриваются эстетические истоки и ключевые принципы акмеизма как уникального направления русского модернизма, его полемика с символизмом. На материале стихотворения А. А. Ахматовой «Так беспомощно грудь холодела…» («Песня последней встречи») выявляются основные образы, мотивы и черты поэтики акмеизма, а также определяются особенности лирической героини в раннем творчестве поэтессы.

Abstract. The article considers the aesthetic origins and key principles of acmeism as a unique direction of Russian modernism, its polemics with symbolism. Based on the material of the poem by A. A. Akhmatova's "So helplessly the chest was cold..." ("Song of the Last Meeting") reveals the main images, motives and features of the poetics of acmeism, as well as the features of the lyrical heroine in the poet's early work.

Ключевые слова: акмеизм, адамизм, символизм, А. А. Ахматова, поэтика, лирическая героиня, «Цех поэтов».

Keywords: Acmeism, Adamism, symbolism, A. A. Akhmatova, poetics, lyrical heroine, "Poets' Workshop".

Важнейшими постсимволистскими течениями русского модернизма являются акмеизм и футуризм. Если последний представлял собой авангардное, бунтарское явление, то акмеизм занял позицию неотрадиционалистского течения, стремясь к гармонии и ясности [Тименчик 2017: 45]. Оба направления заявили о себе в начале 1910-х годов, позиционируя себя в оппозиции как друг к другу, так и к предшествующему

символизму, кризис которого к тому времени стал очевиден. В отличие от футуризма, имевшего широкие параллели в западноевропейском искусстве, акмеизм является сугубо национальным явлением и фактом исключительно русской литературы [Лекманов 2017: 23]. Сами акмеисты, однако, искали себе предшественников на Западе, в частности, во французской группе «Парнас» и в творчестве Теофиля Готье, чьи произведения они активно переводили.

Временные рамки существования акмеизма как единой организованной группы были весьма краткими. Его возникновению предшествовало создание в 1911 году литературного объединения «Цех поэтов», которое задумывалось как школа профессионального мастерства. Окончательное оформление направления произошло в 1912 году, когда на смену «Академии стиха» символистов пришла новая эстетическая программа [Эйхенбаум 1969: 156]. Уже к 1915 году ключевые поэты-акмеисты (Н. С. Гумилёв, А. А. Ахматова, О. Э. Мандельштам) стали испытывать тесноту в жёстких рамках направления, что привело к его фактическому распаду и переходу к более индивидуализированной поэтике. Попытка Гумилёва возродить объединение (так называемый «второй акмеизм») не привела к созданию столь же значительных художественных явлений. Несмотря на непродолжительное существование (около трёх-четырёх лет), влияние акмеизма на русскую культуру оказалось огромным, и его теоретическое наследие остаётся актуальным на протяжении всего XX века и в современной науке.

Название направления «акмеизм» имеет греческие корни: «акме» (ἀκμη) переводится как «высшая степень, расцвет, вершина». В первые годы своего существования наравне с ним использовался термин «адамизм» (от имени библейского Адама), который впоследствии ушёл со сцены [Гумилёв 1913: 42]. Как отмечал Николай Гумилёв, «адамизм» подразумевал простой, честный и мужественный взгляд на жизнь. Образ Адама символизировал способность давать имена существующему миру, то есть непосредственно и точно называть реальность, а не искать за ней скрытые, мистические смыслы. Сам Гумилёв писал: «Как адамисты, мы немного лесные звери и во всяком случае не отдадим того, что в нас есть звериного, в обмен на неврастению» [Гумилёв 1913: 43].

Основным нововведением акмеизма стало новое понимание предмета искусства. Акмеисты стремились вернуть поэзию «на землю», освободив её от мистической

туманности и устремлённости в потустороннее, характерных для символистов [Лекманов 2017: 56]. В противовес символистскому двоемирию, акмеизм провозгласил ценность реальной, земной жизни во всём многообразии её зримых, конкретных проявлений. Поэт, по мысли акмеистов, должен быть подобен зодчему, который строит свою башню на «твёрдой поверхности», в то время как символисты пытались «строить в пустоте». О. Э. Мандельштам утверждал, что «акмеизм провозгласил не новые идеи, а новые вкусы» [Мандельштам 1990: 46].

Однако слово акмеистов при этом не становилось реалистическим в узком, бытовом смысле. Акмеизм не отказывается от идеи сверхреальности – он формирует свою сверхреальность культуры. Реальность в их произведениях пропускается через призму культурного восприятия, опосредуется многовековым опытом человечества. Этот принцип, связанный с интертекстуальностью и памятью культуры, наиболее ярко проявился в творчестве О. Э. Мандельштама, а впоследствии стал основой поэтики и других акмеистов [Кириллов 2022: 22–23].

Акмеизм часто называли «неоклассицизмом» из-за изменения отношения к художнику и творчеству [Эйхенбаум 1969: 160]. Если символизм часто романтизировал образ поэта-пророка, то акмеисты выдвинули на первый план фигуру мастера-ремесленника, Сальери, а не Моцарта. Воплощением такого подхода стал «Карарский монолит» – образ материала, требующего от художника тяжёлого, кропотливого труда. Главной целью искусства, с этой точки зрения, является превращение хаоса в гармонию, и чем сложнее исходный материал, тем более великим представляется мастерство творца. Эта идея ярко выражена в переводе сонета Т. Готье «Искусство», сделанном Н. С. Гумилёвым.

Поэзия Анны Ахматовой является одним из самых ярких воплощений принципов акмеизма. Исследователи отмечают в её раннем творчестве такие характерные черты, как предельный лаконизм, драматическая напряжённость чувств, «романность» и фрагментарность повествования, строгость и сдержанность в выражении эмоций [Эйхенбаум 1969: 210]. Одним из главных ощущений в её лирике является ощущение близости катастрофы и непрочности бытия, что сообщает её поэтической интонации глубокий трагизм.

Стихотворение «Так беспомощно грудь холодела…» (1911 г.), более известное как «Песня последней встречи», является хрестоматийным примером акмеистической

поэтики и продолжает любовную сюжетную линию её дебютного сборника «Вечер», изданного «Цехом поэтов» в 1912 году [Ахматова 1976: 45]. Композиционно стихотворение состоит из двух четверостиший, написанных пятистопным ямбом с перекрёстной рифмовкой, и представляет собой монолог лирической героини.

В этом стихотворении с огромной силой проявляется акмеистическая «вещность» и предметность. Внешний, предметный план теснейшим образом связан с передачей психологического состояния. Героиня не описывает свои чувства напрямую, но мы видим их через физические ощущения и неловкие жесты. Так, строчка «Так беспомощно грудь холодела» передаёт чувство леденящего страха и безнадёжности, а следующая за ней – «Но шаги мои были легки» – создаёт парадоксальный контраст, показывающий внешнюю собранность и внутреннее смятение [Лекманов 2017: 189].

Ключевой деталью, ставшей символом ахматовской поэтики, является строка: «Я на правую руку надела / Перчатку с левой руки». Эта, казалось бы, незначительная ошибка, вызванная сильным душевным волнением, говорит о состоянии героини гораздо больше, чем пространные описания. Так рождается ахматовский психологизм – через внешнюю, предметную деталь раскрывается глубина и сложность внутреннего мира человека [Тименчик 2017: 112]. Тревога героини также подчёркивается обманом чувств, когда три ступеньки дома, из которого она вынуждена уйти, кажутся ей бесконечными («Показалось, что много ступеней, / А я знала – их только три!»).

В третьей строфе возникает характерный для поэтессы природный образ: клён, который, как и сама героиня, обманут «унылой, злой, переменчивой судьбой». Увядающий осенний клён, которому предстоит погибнуть зимой, вторит состоянию души лирической героини. Сама осень с её «шепотом» становится не просто фоном, но активным участником драмы. Как и в других стихотворениях Ахматовой, тема любви в «Песне последней встречи» сопряжена с темой смерти («шепот осенний попросил: “Со мною умри!”») [Ахматова 1976: 46]. Последняя строфа закрепляет идею неумолимого расставания: дом, который должен был быть приветливым и родным, остаётся позади, «тёмным» и чужим, а свечи в спальне горят «равнодушно-жёлтым огнём» – классическим символом неизбежной разлуки.

В стихотворении «Песня последней встречи» можно выделить несколько ключевых образов и мотивов, характерных для акмеистской поэтики в целом и для творчества Ахматовой в частности.

Мотив роковой, неизбежной разлуки пронизывает всё произведение. Уже в заголовке задана ситуация последнего свидания, после которого героиня навсегда покидает «тёмный дом». Эта разлука воспринимается не как случайность, а как предопределение, воля «унылой, злой, переменчивой судьбы» [Кириллов 2022: 31].

Образ осени является не просто временны́м фоном, но активным участником драмы. Осенний шепот, который «попросил: со мною умри», олицетворяет увядание, конец, близость смерти. Как и у Пушкина, у Ахматовой природа наделена человеческими качествами – речью и чувствами, но в отличие от пушкинской гармонии, здесь царит трагическое единомыслие [Лекманов 2017: 192].

Цветовая символика играет важную роль в создании настроения. «Равнодушно-жёлтый огонь» свечей – это символ остывшего, чужого домашнего очага. Жёлтый цвет, лишённый тепла и жизни, подчёркивает состояние опустошённости и окончательности разрыва.

Психологическая деталь (неправильно надетые перчатки) – это новаторский приём Ахматовой, позволяющий с максимальной экономией средств передать предельное душевное напряжение. Именно такие детали, по мысли акмеистов, и должны быть в фокусе поэтического зрения, так как они наиболее точно и выпукло отражают реальность [Тименчик 2017: 115].

Именно Анна Ахматова создала в русской литературе абсолютно новый, узнаваемый тип лирической героини. Принято считать, что её образ неразрывно связан с авторским сознанием самой поэтессы. В отличие от «отвлечённого» человека в поэзии символистов, ахматовская героиня наделена чётко очерченной фигурой, конкретной индивидуальной судьбой и психологической достоверностью, которая раскрывается и развивается от сборника к сборнику [Эйхенбаум 1969: 215].

Для облика лирической героини ранней Ахматовой характерна глубокая противоречивость и внутренний конфликт. В ней борются земное, женское начало, жаждущее любви и счастья, и духовное, аскетическое, понимающее любовь как страдание, а жизнь как крест. Это «весёлая грешница», «царскосельская насмешница», которая одновременно с этим трагически ощущает обречённость своих чувств. Именно этот внутренний конфликт порождает её уникальную поэтическую интонацию, где ирония соседствует с отчаянием, а внешняя сдержанность – с внутренней страстью [Тименчик 2017: 128].

Ахматовская героиня не верит в возможность беспрепятственного, безоблачного счастья. Её удел – подчинение «злой судьбе», неизбежная разлука и одиночество. Однако, по мере развития её творчества, из трепетной и ранимой дамы, не властной над своей судьбой, она превращается в фигуру мужественную и цельную. Её характер приобретает монолитную твёрдость. Это особенно заметно в её «военных» и патриотических стихах, где её голос звучит как клятва, а сама она предстаёт «первой поэтессой родной земли» и «глашатаем беззащитных и страждущих», по точному выражению Б. К. Зайцева [Лекманов 2017: 310].

Важно отметить автобиографическую основу образа. История отношений Ахматовой с Н. С. Гумилёвым, их сложный, конфликтный брак во многом определили трагический модус любовной лирики поэтессы. Ахматова не верит в счастливую любовь, и её героиня, рано осознав свою жизнь как судьбу, принимает страдание как неизбежную плату за дар поэтического слова [Кириллов 2022: 34].

Таким образом, акмеизм стал важнейшим этапом в развитии русской поэзии, предложив альтернативу мистицизму символизма. Он вернул слову его точное, предметное значение, а поэзии – интерес к реальному миру, но не в его бытовой плоскости, а в культурно-опосредованном, интертекстуальном измерении. Творчество Анны Ахматовой является высшим проявлением акмеистических принципов. Благодаря вниманию к предметной детали, фрагментарности и напряжённому психологизму ей удалось создать уникальный и многогранный образ лирической героини, чьи переживания и по сей день находят живой отклик у читателя. Анализ стихотворения «Песня последней встречи» наглядно демонстрирует, как через конкретную деталь (неправильно надетую перчатку), через предметный мир (три ступени, клён, свечи) раскрывается глубочайшая внутренняя драма, что и составляет суть акмеистической поэтики.

Литература:

1. Ахматова А. А. Стихотворения и поэмы / сост. В. А. Черных. – Л.: Советский писатель, 1976. – 567 с.

2. Гумилёв Н. С. Наследие символизма и акмеизм // Аполлон. – 1913. – № 1. – С. 42-45.

3. Лекманов О. А. Книга об акмеизме и другие работы. – М.: Водолей, 2017. – 688 с.

4. Мандельштам О. Э. Слово и культура: статьи. – М.: Советский писатель, 1990. – 320 с.

5. Тименчик Р. Д. Анна Ахматова в 1960-е годы. – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2017. – 784 с.

6. Эйхенбаум Б. М. О поэзии. – Л.: Советский писатель, 1969. – 552 с.

Заболотская Н.Н.
Zabolotskaya N.N.
студент
Дальневосточный федеральный университет

СТРАТЕГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ ДЕБЮТНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОЕКТОВ В РЕГИОНАЛЬНОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ: ОТ ТЕОРИИ ПОЛЯ П. БУРДЬЁ ДО МЕТРИК МЕДИАЭФФЕКТИВНОСТИ

STRATEGIES FOR PROMOTING DEBUT LITERATURY PROJECTS IN THE REGIONAL MEDIA SPACE: FROM THE REGIONAL MEDIA SPACE: FROM THE THEORY OF P. BOURDIEU TO MEDIA EFFECTIVENESS METRICS

Аннотация. Статья раскрывает проблему продвижения литературных проектов в условиях регионального медиапространства. Цель настоящего исследования – систематизировать теоретические исследования (теория полей П. Бурдьё, типология позиций Ж. Сапиро, семиотическая модель У. Эко, концепция «горячих» и «холодных» медиа М. Маклюэна) для последующей разработки практических метрик медиаэффективности для авторов дебютных литературных проектов. Оценка медиаэкосистемы продвижения дебютных литературных проектов производилась на основании анализа деятельности Приморского отделения Союза писателей России (СПР) под руководством Т.В. Прудкогляд, издательства «Черемша» (учредитель – А. Слабоспицкая), а также произведений А.А. Николенко (Николь Воскресная), В. и А. Измайловых. Относительно анализа был был выявлен дисбаланс между традиционными офлайн-каналами и цифровыми платформами, в частности был выявлен феномен самиздата. В качестве рекомендаций была предложена система количественных и качественных показателей, а также пошаговое руководство для авторов-дебютантов. Результаты могут быть использованы региональными литературными сообществами в качестве инструментов повышения конкурентоспособности региональных авторов на общероссийском литературном рынке.

Abstract. The article reveals the problem of promoting literary projects in the context of the regional media space. The purpose of this study is so systematize theoretical research (P. Bourdieu’s theory jf fields, J. Sapiro’s typology of positions, U. Eco, M. McLuhan’s concept of «hot» and «cold» media) for the subsequent development of practical media effectiveness metrics for authors of debut literary project. The media ecosystem for the promotion of debut literary projects was assessed based on an analysis of the activities of the Primorsky branch of the Russian Writer’s Union, the Cheremsha publishing House, as well as the works of V. and A. Izmailov, N. Forikova. Regarding the analysis, and imbalance was revealed between traditional offline channels and digital platforms, in particular, the phenomenon of samizdat was revealed. As recommendations, a system of quantitative and qualitative indicators was proposed, as well as a step-by-step guide for first time authors. The results can be used the regional literary communities as tools increase the competitiveness of regional authors in the all-Russian literary market.

Ключевые слова: продвижение литературы, дебютный литературный проект, региональное медиапространство, медиаэффективность, самиздат, Приморский край, Пьер Бурдьё, поле литературы, метрики медиа.

Keywords: literature promotion, debut literary project, regional media space, media efficiency, samizdat, Primorsky Krai, Pierre Bourdieu, field of literature, media metrics.

Введение. Модель взаимодействия «автор-читатель» была существенно изменена, благодаря цифровой трансформации медиапространства. Ранее доминирующая модель «издательство-книга-читатель» заметно снизила свою популярность, в особенности для авторов-дебютантов. Данный факт связан с развитием самостоятельной публикации авторов литературных произведений, в частности на платформах самиздата (Литрес Самиздат, Rideró, АвторТудей), позволяющие получать обратную связь от читателей в социальных сетях, формировать собственную аудиторию без издательского участия. Опираясь на прогнозные показатели на 2026 год, объём рынка самиздата может превысить 10 млрд. рублей, а годовой прирост публикаций увеличится на 28%. Существенно, данный показать является «столичным», в региональном контексте данные возможности остаются раскрытыми не до конца. В частности, самый читающий регион Дальнего Востока, Приморский край отстаёт от построения грамотных стратегий в цифровом продвижении и показывает разрыв между литературным продуктом и отсутствием системных стратегий медиа-продвижения.

Теоретический обзор: поле литературы, модели коммуникации.

Концепция П. Бурдьё и типология Ж. Сапиро. Исследование теоретической направленности настоящего исследования основывается на трудах различных теоретических исследователей, в частности французского социолога Пьера Бурдьё, рассматривающего литературу как автономное социальное поле, агенты которого (писатели, издатели, критики) выступают в роли «борцов за капитал»: экономический, культурный, социальный, символический. Символический капитал (престиж, авторитет в литературных кругах, известность) в условиях автономного социального поля приобретает наибольшую ценность, т.е. не сводимый к коммерческому успеху капитал признаётся выше [3, с. 112]. В рамках исследования П. Бурдьё рассматриваются основополагающие понятия «габитус» (система устойчивых привычек, вкусов, стратегий) и «иллюзия» (специфика вовлечённости в ставки поля).

Ученицей П. Бурдьё, Жизель Сапиро была разработана типология позиций, располагающиеся на двух осях: вертикальной (власть / подчинение) и горизонтальной (автономия / гетерономия). Впоследствии, пересечение осей формировали четыре

группы: «эстеты» (внутренние ценности, большая известность), «нотабли» (власть в институциях, внешние награды), «авангард» (стремление в захвате власти, отрицание «хорошего вкуса») и «массовые писатели» (политизированность, коммерческий успех) [4, с. 218-221].

Относительно вопроса регионального автора-дебютанта, наиболее характерной является позиция «авангард» или «массового писателя, в зависимости от выбранной стратегии. В первом случае автором делается ставка на символический капитал и новаторство, во втором – внешние ценности (тираж, премии). Относительно логики П. Бурдьё, продвижение представляет собой переход от автономной к гетерономной стратегии: накопление дебютантом символического капитала (конкурсы, публикации, рецензии) с последующей конвертацией в продажи (экономический капитал). В настоящее время данный процесс ускоряется, что обуславливается цифровой эпохой: символический капитал может показывать более быстрый эффект за счёт отзыва в Livelib или упоминания в социальных сетях, нежели традиционной рецензии.

Семиотическая модель У. Эко. Исследования в области коммуникации традиционно формировались на основе трудов Аристотеля и сводилась к модели «Говорящий-Сообщение-Слушатель». Модель долгое время доминировала на литературном рынке: читатель получал готовый смысл, благодаря прямой трансляции автором и издательством и оставался пассивным объектом воздействия. Итальянским семиотиком Умберто Эко в работе «Роль читателя» (1979) была доказана недостаточность линейной модели. У. Эко ввёл понятие «открытое произведение», описывающее идею «пустой формы» текста, которой изначально обладает текст, приобретающий смысл в последующей читательской интерпретации. Читатель превращается в соавтора, коммуникация приобретает циркулярный характер.

Продвижение литературных проектов напрямую связана с концепцией «интерпретативного шума», разработанной У. Эко. Традиционные модели (Лассуэлл, Шеннон-Уивер) описывали шум как помеху, затмевающую передачу сообщения. У. Эко описывал неопределённость кода, как многозадачность знака, создающую условия для семиотической динамики. В литературном контексте данный вопрос отражается в лакунах – противоречивые персонажи, открытые финалы, недосказанность. Наличие данных элементов подразумевают последующую читательскую заинтересованность: споры, выстраивание альтернативных сюжетов, фанфики и иная публикация

пользовательского контента (UGC). Как утверждают Т.Е. Зяблова и П.В. Шумов в труде «Виральность учебных материалов», контент, содержащий элементы «трудного отношения» (ratio difficilis), распространяется в 3-5 раз эффективнее традиционного сообщения [6, с. 57]. Так, для построения эффективной стратегии продвижения дебютных литературных проектов, автор может включать различные механизмы соавторства: опросы, черновики, конкурс альтернативных концовок текста.

«Горячие» и «холодные» медиа М. Маклюэна. Канадский теоретик медиа Маршалл Маклюэн в книге «Понимание средств коммуникации» (1964) предложил дихотомию «горячих» и «холодных» медиа. «Горячие» медиа не требуют смыслового достраивания, аудитория является пассивным потребителем (радио, кинематограф). В случае с «холодными» медиа, информация представлена с низкой определённостью, приводит к высокой степени вовлечённости, путём вынужденного участия аудитории в смысловой доработке. Дихотомия М. Маклюэна позволяет выстроить экстраполяцию в литературном продвижении: к «горячим» медиа относится реклама литературных произведений в традиционных каланах коммуникации (радио, ТВ, газета), при которой читатели становятся пассивными потребителями, в случае с «холодными» медиа, читатели становятся соавторами, поэтому в данном контексте они могут быть интерпретированы в виде фанфиков, голосования / обсуждения в социальных сетях. Зачастую, именно «холодные» медиа становятся основным инструментом в продвижении дебютных литературных проектов. Использование интерактивных платформ (ВКонтакте, LiveLib и др.) наиболее актуально для региональных авторов-дебютантов, нежели публикации пресс-релизов в СМИ.

Медиаэкосистема продвижения дебютных литературных проектов в Приморском крае.

Приморское отделение СПР и библиотечная система. Приморское региональное отделение общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (СПР) действует под руководством Татьяны Владимировны Прудкогляд – поэта, доцента Департамента коммуникаций и медиа Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ, кандидата исторических наук. Отделение сотрудничает с МБУК ВЦБС, в библиотеке №10 регулярно проходят литературные вечера, для членов СПР выделены книжные полки. Помощником председателя выступает Анастасия Алексеевна Николенко (Николь Воскресная) – доктор политических наук, член Союза писателей

России с 2017 года. Основным каналом коммуникации отделения является страница на сайте ВЦБС, однако отсутствуют интерактивные элементы. Потенциал федеральных ресурсов (например, «Литклуб.TV») используется недостаточно.

Произведения и их присутствия в цифровых каналах. Для проведения анализа были выбраны следующие 3 произведения авторов Приморского края, относящиеся к дебютным проектам или имеющие дебютный характер:

1. Вера и Александр Измайловы – авторы старшего поколения, их роман «Сокровище страны Бохай», историко-приключенческая проза с элементами фентези стал дебютным в этом жанре. Произведение – финалист конкурсов «Георгиевская лента», «На благо Мира». Произведение представлено на портале «Проза.ру» (активная страница с 2008 года);

2. А.А. Николенко (Николь Воскресная) – сборник стихов «Никтофобия» (издательство «Десятая муза», 2016). Произведение представлено на платформе Литрес, автор активно участвует в фестивале ЛиТР, «Книжном маркете Владивосток», проводит мастер-классы во Всероссийском детском центре «Океан». Стихи публикуются на портале Стихи.ру. Автор сочетает литературную деятельность с снаучной работой.

3. Издательство «Черемша» серия «Авторский лист» (2024-2025) – сборник «Сказ о тигре, змее и кошке». Издательством активно используются цифровые каналы медиа: сообщество ВКонтакте, собственный сайт.

Относительно предложенных произведений был проведён сравнительный анализ (таблица 1), относительно результатов которой было выявлено отсутствие мультиканальности.

Таблица 1. Присутствие произведений на литературных платформах

Платформа	«Сокровище страны Бохай»	«Никтофобия»	«Авторский лист»
Проза.ру	Да	Нет	Нет
Стихи.ру	Нет	Да (активно)	Нет
Литрес Самиздат	Нет	Да (полная версия)	Нет (планируется)
LiveLib	Частично (отзывы)	Нет	Нет
Оф. сообщество Вконтакте	Нет	Нет	Да
Telegram-канал	Нет	Нет	Нет
Сайт издательства	Нет (архив на Проза.ру)	Через ВЦБС	Да

Заметим, что присутствие анализируемых произведений на литературных платформах охватывает лишь 2-3 канала, тогда как оптимальной стратегией является

использование 5-7 площадок. Зачастую, авторы-дебютанты используют Литрес Самиздат используется для коммерческой монетизации, LiveLib для рецензий, ВКонтакте для создания сообществ, специализированные порталы и сайт издательства для портфолио. Кроме того, авторами не используется платформа Литрес Самиздат, аудитория которой составляет около 30 млн. пользователей, а роялти составляет около 70%.

Дисбаланс каналов. Относительно полученный в ходе исследования данных, наиболее сбалансированную модель использует издательство «Черемша»: стабильная публикация постов в официальной группе ВКонтакте (включающие анонсы, описание и посты-рассказы о процессе создания, сторителлинг), собственный сайт с акцентом на региональной идентичности и приёмом рукописей. Однако, издательство «Черемша» не имеет системы формирования фан-сообщества, отсутствует Telegram-канал, а также не использует таргетированную рекламу.

Говоря о Приморском отделении СПР, оно полностью функционирует в офлайн. Данная специфика деятельности говорит о высоком качестве контакта, благодаря личным встречам и создаваемом доверии, однако ограничивает охват всей аудитории Владивостока. Отсутствие необходимых охватов, при условии возможности создания общероссийской аудитории, говорит о стагнации выбранной модели. Объективно, существует необходимость в использовании цифровых каналов для привлечения новой аудитории, а также онлайн-трансляции офлайн-мероприятий (интерактивная модель).

Метрики медиаэффективности и практическое руководство для автора-дебютанта.

Система показателей. Оценка эффективности продвижения дебютного литературного проекта может производится за счёт некоторых метрик, которые могут быть сгруппированы в 3 блока:

1. Количественные показатели охвата – общее количество упоминаний в СМИ (федеральные, региональные, специализированные литературные), охват аудитории (сумма просмотров публикации, аналитические данные по социальным сетям), показатели роста подписчиков в социальных сетях (целевой ориентир для автора-дебютанта 5-10% за стартовый месяц), количество загрузок/продаж на площадках самиздата, количество рецензий и оценках на площадках LiveLib, Проза.ру, Стихи.ру, количество прослушиваний и среднее время удержания (для формата аудио);

2. Качественные показатели – тональность упоминаний (позитивные, негативные, нейтральные), рассчитываемая как доля позитивных комментариев от общего числа (преимущественно >70%), показатель отказов на посадочной странице автора (>50% - нерелевантный контент), доля вовлечённого UGC (комментарии, фанфики, пользовательский контент), составляющий не менее 5-10% в месяц от общего числа подписчиков;

3. Интегральные показатели – медиаиндекс (взвешенная сумма упоминаний с учётом авторитетности издания и тональности), индекс лояльности (позитивные отзывы / общее число отзывов, для дебютного проекта должен быть >0,7), конверсия за покупку (число проданных или загруженных экземпляров / число уникальных посетителей посадочной страницы, для дебютанта – 1-2%).

Относительно проведённого анализа дебютных произведений Приморского края, наибольший медиаэффект дают конкурсы: попадание в шорт-лист различных премий («Георгиевская лента», «Дальний Восток» им. В.К. Арсеньева, «Электронная буква») позволяет повысить узнаваемость в 5-10 раз, в сравнении с самостоятельной публикацией.

Пошаговый алгоритм для автора дебютного литературного проекта. Практической направленностью настоящего исследования является создание мануала для автора дебютного литературного проекта в регионе. Так, на примере автора Х был предложен следующий алгоритм, основанный на выявленных проблемах и актуальных практиках:

1. Оценка целевой аудитории и выбор платформы – предположим, автор Х является издателем исторической прозы о Приморье, в связи с чем наиболее целесообразное размещение портфолио и черновиков будет при использовании Проза.ру, коммерческую версию следует размещать на Литрес Самиздат, стимулирование рецензий наиболее практично осуществлять через LiveLib, при создании сообщества и канала с эксклюзивным контентом можно использовать официальную группу автора ВКонтакте и создание беседы с аудиторией, кроме того, целесообразным будет создание аудио-версию фрагментов прозы в «Подкастах» от ВКонтакте.

2. Формирование медиапрофиля – необходимо создать единый профиль на всех площадках (единое имя автора, аватар, унифицированная биография). На

посадочной странице, к примеру, в закреплённом посте ВКонтакте, автор может дать краткую аннотацию, ссылки на скачивание / покупку, отзывы (3-5 положительных), тизер (30-секундный ролик). Автору необходимо указать географическую метку с наименованием места издания (Приморский край, Владивосток) для региональной идентичности.

3. Построение контент-стратегии – автору необходимо осуществлять стабильные и постоянные публикации с разнородным контентом. Относительно процентного соотношения, автор может использовать следующую стратегию в качестве примера.

3.1. Бренд-контент (50%): истории создания книги, прототипы героев, места действий из произведений (фото, видео-отчётность).

3.2. POV-контент (20%): истории / короткие видео / клипы от первого лица («Что у меня на рабочем столе», «Утро писателя из Владивостока» и т.д.).

3.3. Стимулирование UGC (15%): проведение конкурсов на лучший фанфик, активная деятельность в комментариях (посты «Предложите свою концовку, возможно продолжение»).

3.4. Полезные справки (15%): книжные подборки, исторические справки, краеведческие заметки.

4. Мониторинг метрик – автору требуется ежемесячно проводить мониторинг медиаэффективности, относительно следующих показателей: количество упоминаний в СМИ, охват аудитории, количество подписчиков (ВКонтакте / Telegram и т.д.), положительная тональность (%), количество UGC (комментарии + фанфики).

5. Учёт аудиоформатов – автору необходимо записать 3-5 коротких эпизодов (по 5-7 минут), описывающих одну из глав произведения или ключевые сцены (размещать эпизоды через «Подскасты» или Яндекс.Музыке, благодаря партнёрским программам). В описании эпизодов необходимо вставить ссылку на полную электронную версию (для дебютанта, если количество прослушиваний >1000 в месяц – заказ профессиональной записи).

6. Работа с региональными институциями – автору, осуществляющему свою деятельность в Приморском крае, рекомендуется установить контакт с Союзом писателей России (живые вечера, встречи), МБУК ВЦБС (книжные полки, анонсы по рассылкам, библиотечные мероприятия), малыми издательствами (IBSN в

продвижении, вёрстка). Дебютант может предлагать бесплатные мастер-классы, бартер (выступление на вечер взамен на публикацию в афише).

7. Конкурсы и премии – автору необходимо активно принимать участие в различных премиях и конкурсах, составить календарный план: «Электронная буква» (Литрес Самиздат), «Книготерапия» (автофикшн), «Дальний Восток» им. В.К. Арсеньева, «На благо мира», «Георгиевская лента» - каждое участие является инфоповодом для медиа. В случае поражения на премиях, автором могут публиковаться записи в социальных сетях, например: «Книга автора X вошла в лонг-лист премии Y».

8. Аналитические результаты, корректировка – в случае высокого показателя отказов (более 50%), автору необходимо улучшить дизайн посадочной страницы; в случае низкой конверсии продаж – промокод на скидку, бесплатный фрагмент; отсутствие создаваемого UGC – конкурсы; не дослушивают аудио – сокращение длительности, вставка вопросов для размышления.

Выводы и перспективы. Благодаря проведённому исследованию можно составить следующий ряд выводов:

1. Исследование подтверждает применимость теории поля П. Бурдьё к анализу продвижения литературы в регионе. На примере Приморского отделения Союза писателей России и издательства «Черемша» выявлен дисбаланс между традиционными офлайн-каналами и цифровыми платформами. Ключевой рекомендацией для дебютантов является переход от спонтанной публикации к системной медиастратегии с использованием предложенных метрик эффективности. Перспективным направлением является создание при СПР консультационного центра по цифровому продвижению для молодых авторов.

2. Специфика литературного рынка Приморского края обусловлено институциональной структурой литературной поддержки (СПР, ВЦБС, издательство «Черемша»), при этом цифровая составляющая заметно отстаёт. Ключевой проблемой является неполное / отсутствующее присутствие дебютных произведений на коммерческих платформах и социальных сетях.

3. Наиболее полная оценка эффективности может быть достигнута благодаря использованию предложенной системе метрик (охват, тональность, медиаиндекс, показатель отказов), а пошаговое руководство позволяет автору применять наиболее

конкретный инструментарий для самостоятельного продвижения дебютных литературных проектов.

Литература:

1. Воскресная, Н. Никтофобия / Н. Воскресная. – Москва: Десятая муза, 2016. – 26 с. – ISBN 978-5-9909018-0-3. – Текст: электронный // ЛитРес: сайт. – URL: https://litres.com/book/nikol-voskresnaya-10566090/niktofobiya-22449434/ (дата обращения: 08.05.2026).

2. Прудкогляд, Т.В. Татьяна Прудкогляд: Приморью нужно своё Переделкино / интервью взял А. Нелюбимый // PrimaMedia: информационное агентство. – Владивосток, 2025. – URL: https://primamedia.ru/news/2339023/ (дата обращения: 08.05.2026).

3. Полонская, В. Авторы проявляют самостоятельность: объем рынка самиздата в России в 2026 году может превысить 10 млрд руб. / Варвара Полонская. – Текст: электронный // Коммерсантъ: [сайт]. – 2026. – 26 января. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8377516?tg (дата обращения: 20.03.2026).

4. Шматко, Н. А. «Социальное пространство» П. Бурдьё: история конструирования понятия / Н. А. Шматко, Ю. В. Маркова. – Текст: электронный // Социологический журнал = Sociological Journal. – 2025. – Том 31, № 1. – С. 110-123. – DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.6. – EDN: PAIXKU. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-prostranstvo-p-burdyo-istoriya-konstruirovaniya-ponyatiya (дата обращения: 15.03.2026).

5. Сапиро, Ж. Структурные кризисы против ситуаций (политических) кризисов: бурдьевистский подход / Жизель Сапиро; перевод с английского Степана Козлова. – Текст: электронный // Социология власти = Sociology of Power. – 2025. – Том 37, № 2. – С. 214-239. – DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.6 – EDN: XDQQRY. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-krizisy-protiv-situatsiy-politicheskih-krizisov-burdievistskiy-podhod (дата обращения: 15.03.2026).

6. Эко, У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Умберто Эко; перевод с английского и итальянского С. Д. Серебряного. – Санкт-Петербург: Симпозиум, 2007. – 502 с. – Текст: электронный // Livelib: [сайт]. – URL:

https://www.livelib.ru/book/182373/readpart-rol-chitatelya-issledovaniya-po-semiotike-teksta-umberto-eko/~2 (дата обращения 16.03.2026).

7. Приморское региональное отделение Союза писателей России: реквизиты // Companies.rbc.ru: сайт. — URL: https://companies.rbc.ru/id/1252500020651-primorskoe-regionalnoe-otdelenie-soyuza-pisatelej-rossii/ (дата обращения: 08.05.2026).

8. Капьев, Е. Книжный рынок России 2025: ключевые вызовы и факторы роста / Евгений Капьев. – Текст: электронный // Российская национальная библиотека: [сайт]. – URL: https://nlr.ru/nlr_pro/dep/artupload/pro/article/RA10422/NA107992.pdf (дата обращения: 19.03.2026).

9. Волкова, Н. Н. Как феномен социальных медиа и цифровой контент меняют философию и технологию продвижения книги и чтения в библиотечной практике / Н. Н. Волкова. – Текст: электронный // КиберЛенинка: [сайт]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kak-fenomen-sotsialnyh-media-i-tsifrovoy-kontent-menyayut-filosofiyu-i-tehnologiyu-prodvizheniya-knigi-i-chteniya-v-bibliotechnoy/viewer (дата обращения: 19.03.2026).

10. Digital-писатели стали самыми продаваемыми авторами на «Литрес» в 2023 году. – Текст: электронный // Forbes: [сайт]. – 2023. – 11 декабря. – URL: https://www.forbes.ru/forbeslife/502250-digital-pisateli-stali-samymi-prodavaemymi-avtorami-na-litres-v-2023-godu (дата обращения: 20.03.2026).

11. Измайловы, В. и А. Сокровище страны Бохай / В. Измайлова, А. Измайлов. — Барнаул: Новый формат, 2019. — 320 с.

12. Издательство «Черемша» [сайт]. — URL: https://cheremsha-books.ru/ (дата обращения: 26.03.2026).

13. Литрес: Самиздат — издательская платформа для digital-авторов [сайт]. — URL: https://selfpub.ru/ (дата обращения: 26.03.2026).

научный руководитель
Собенникова Ольга Александровна
Sobennikova Olga Alexandrovna
старший преподаватель кафедры системной инженерии
Институт искусственного интеллекта
ФГБОУ ВО «МИРЭА - Российский технологический университет»

Аборин Владислав Сергеевич
Vladislav Sergeevich Aborin
магистрант кафедры системной инженерии
ФГБОУ ВО «МИРЭА - Российский технологический университет»
e-mail: vlad.aborin1@yandex.ru

Акимов Кирилл Александрович
Akimov Kirill Alexandrovich
магистрант кафедры системной инженерии
ФГБОУ ВО «МИРЭА - Российский технологический университет»

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ЛИТЕРАТУРНОМУ ОБЗОРУ

SYSTEMATIC APPROACH TO THE LITERATURE REVIEW

Аннотация. В статье описывается последовательность этапов, которые позволяют провести системный всесторонний анализ информационных источников по выбранной теме исследования, с целью заполнить пробелы в знаниях или обосновать актуальность собственного исследования.

На основании предложенного подхода проводится обзор государственных стандартов, по различным тематическим направлениям. Рассматриваются общие рекомендации оформления результатов обзора документации и специализированных нормативных документов. Анализируются пересечения требований к литературным обзорам различных акторов, даются рекомендации по применению выявленной структурированной информации и актуальных редакций ГОСТов в исследованиях, в учебном и проектном процессе.

Abstract. The article describes the sequence of stages that allow for a systematic comprehensive analysis of information sources on the chosen research topic in order to fill in knowledge gaps or substantiate the relevance of their own research.

Based on the proposed approach, a review of state standards is conducted in various thematic areas. General recommendations for the design of the results of the review of documentation and specialized regulatory documents are considered. The intersections of the requirements for literary reviews of various actors are analyzed, recommendations are given on the use of the identified structured information and current editions of GOST standards in research, in the educational and project process.

Ключевые слова: системный подход, алгоритм поиска, литературный обзор, исследование, государственный стандарт, стандартизация, нормативная база, системная инженерия, документация, человеко-ориентированное проектирование.

Keywords: system approach, search algorithm, literature review, research, state standard, standardization, regulatory framework, system engineering, documentation, human-

oriented design.

Введение

Литературный обзор – это аналитический раздел научной или исследовательской работы, в котором автор систематизирует, анализирует и оценивает опубликованные исследования по выбранной теме. Он служит теоретической основой исследования, позволяет оценить степень проработанности темы, выявить пробелы в знаниях и определить актуальность работы. [1]

Системный подход к литературному обзору предполагает рассмотрение не только объекта исследования, как сложной системы, но и выстраивание самого процесса поиска, как системной задачи, где совокупность этапов обладает признаками системы, такими как целостность, подчиненность определенной цели, синергичность, адаптивность и пр. В этом ключе исследователь, действуя системно получает прогнозируемый результат. Он получает не просто перечень литературных источников с аннотационным описанием, а получает инструмент, который позволяет соединить в единое целое различные данные и модели объекта, полученные из рассматриваемых источников. Такой подход гарантирует полноту описания рассматриваемой предметной области, с целью подтверждения гипотезы, нахождения противоречия в изучаемом вопросе или выявления пробелов. Правильно составленный и выполненный литературный обзор должен иметь внутреннюю логику, содержать обязательные шаги по анализу и интерпретации данных, чтобы выстроить доказательную базу к решению поставленной проблемы исследования.

Ниже приведена схема традиционных шагов по выполнению литературного обзора.

1. Определение темы и проблемы исследования. Постановка задачи.
2. Подбор источников.
3. Аннотационный обзор и выборочный анализ документов.
4. Оформление результатов литературного обзора.

Литературный обзор через призму системного подхода

Если же мы рассматриваем литературный обзор через призму системного подхода, то выстраивая этот процесс, рекомендуется опираться на принципы системной инженерии.

Принцип системности диктует нам необходимость не просто сформулировать тему и задачи исследования. Мы должны помнить, что система состоит из взаимодействующих подсистем и всегда является частью более широкой объемлющей системы. [2]

Поэтому первым шагом мы определяем границы исследования. Они могут быть заданы временными рамками, территориальными и географическими ограничениями, обзор может быть сфокусирован на теоретических или эмпирических данных, качаться только концептуальных вопросов или рассматривать исключительно нормативно-правовые документы с подтвержденным статусом достоверности. При этом необходимо аргументировать выбор границ. Также следует помнить, что установление границ – итеративный процесс, который может потребовать корректировок и уточнений по мере развития исследования.

Следующим шагом мы определяем объект и предмет исследования, для которого выполняется литературный обзор. Следуя принципу подчиненности системы цели, на этом этапе выполняем идентификацию заинтересованных сторон нашего литературного обзора. Именно они задают вектор точки зрения на исследование. Необходимо перечислить всех лиц, группы или организации, которые могут влиять на исследование, определить доминирующих акторов, формирующих легитимные данные для обзора (законодательные и нормативные документы), определить акторов, предоставляющих данные экспертного уровня, и определить акторов, предъявляющих требования к результату обзора и акторов, будущих конечных пользователей результатов обзора.

После чего только идет определение темы и проблемы исследования. Анализ проблем выполняется, через анализ проблем заинтересованных сторон по отношению к предмету исследования. Постановка задач литературного обзора выполняется после анализа целей и проблем акторов-потребителей обзора.

Подбор источников - ключевой этап в подготовке литературного обзора. Выполняется в рамках заданных границ обзора и структурируется с учетом жизненного цикла рассматриваемого объекта исследования.

Рекомендуется использовать авторитетные для рассматриваемой сферы базы данных, и оценивать легитимность данных. В научном поиске преимущество следует отдавать рецензируемым научным публикациям, с высоким индексом цитирования. Следует помнить, что в отношении иностранных материалов, необходимо

подтверждение достоверности перевода, т.к. плохой перевод может исказить смысл выводов. Поэтому рекомендуется сохранять баланс между отечественными и зарубежными источниками.

Чтобы облегчить работу с источниками, попавшими в обзор, рекомендуется вести таблицу учета документов, с расширенной атрибутивностью:

- Название/обозначение;
- Авторы;
- Годы издания;
- Ключевые идеи, используемая методология;
- Цитаты;
- Последователи;
- Оппоненты;
- Статус актуальности (для стандартов)
- Заметки.

Анализ литературы должен выходить за рамки простого описания. Сравнительный анализ литературы следует начать с определения ключевых документов сформированной таблицу учета документов. Начать следует с сопоставления терминологии и количественных характеристик их разных источников обзора, предпочтение следует отдавать лигитимным источникам данных, подтвержденных статистически или сформированных на основе доказанных и обоснованных гипотез. Также часто используется деление данных на фундаментальные (здесь могут быть указаны документы, выходящие за рамки временного ограничения) и эмпирические.

Результаты анализа должны быть представлены в виде структурных блоков, согласно заданной модульности объекта исследования или этапов его жизненного цикла – это задает общий принцип построения обзора (временной, модульный, тематический, проблемный).

Оформление результатов литературного обзора тоже формализованный процесс, к нему следует отнестись как к не менее важному этапу. Выполняется по ГОСТ Р 7.0.100–2018 взамен ГОСТ 7.1–2003. [3,4]

Помимо автора и названия публикации, указывается год публикации и страница цитаты. Очень частая ошибка, когда для электронных материалов дается только ссылка на

источник, без указания даты обращения. Не соблюдая эти правила, вы нарушаете академическую этику, которая складывалась долгие годы, она призвана не только соблюсти авторские права, но и повысить качество результатов выполненного анализа для акторов-пользователей литературного-обзора.

Рассмотрим предложенный подход на примере литературного обзора государственных стандартов, устанавливающих требования к оформлению технической документации.

Практический пример применения подхода

В качестве примера ниже представлен литературный обзор по теме «Требования к оформлению документации при разработке информационных систем».

Согласно предложенному подходу необходимо выполнить следующие шаги:

1. Определить тему и цель литературного обзора.
2. Определить границы литературного обзора.
3. Определить объект и предмет исследования.
4. Идентификация заинтересованных сторон литературного обзора.
5. Постановка задач литературного обзора.
6. Подбор источников. Аннотационный обзор.
7. Составление таблицы учета документов.
8. Сравнительный анализ литературы, определение ключевых документов.
9. Оформление результатов литературного обзора.

Тема литературного обзора: «Требования к оформлению документации при разработке информационных систем»

Цель литературного обзора: Подбор документов для разработки списка требований к оформлению документации на разных этапах разработки информационных систем (ИС).

Границы литературного обзора: исключительно нормативно-правовые документы с подтвержденным статусом достоверности, только действующие стандарты, отечественные и зарубежные источники.

Объектом исследования: Процесс оформления сопутствующей документации при разработке информационных систем (ИС)

Предмет исследования: требования к оформлению документации при разработке информационных систем, включая: нормативные требования, структурные

требования, форматные и стилистические требования, процедурные требования, технические требования, др.

Список заинтересованных сторон литературного обзора, их роль и требования к литературному обзору:

- Кафедра или организация, где выполняется ВКР - регулируют требования к структуре, содержанию и оформлению литературного обзора.
- Научный руководитель - консультирует студента по подбору источников.
- Студент-дипломник – выполняет литературный обзор, изучает литературу, анализирует существующие требования к оформлению документации, делает выводы, разрабатывает список требований и использует полученные знания в своей работе.
- Рецензенты или эксперты - дают оценку качества литературного обзора
- Комиссия по защите ВКР - дают оценку качества применения полученных знаний в практической работе.

Задачи литературного обзора:

- Изучить нормативную базу в области оформления документации.
- Выделить виды документации, создаваемой при разработке ИС.
- Сформулировать список документации на основе, которой будут формироваться требования к оформлению документации при разработке информационных систем в рамках ВКР.

Источники. Аннотационный обзор

Ниже приведены лишь некоторые из документов, попавших в обзор, для демонстрации этапа аннотационного анализа.

ГОСТ Р ИСО/МЭК 15288-2023 Относится к области системной и программной инженерии и устанавливает общую структуру описания процессов жизненного цикла создаваемых человеком систем. Введен в действие с 16 мая 2023 года, заменил версию 2015 года. Стандарт задает набор процессов и соответствующую терминологию с точки зрения разработки; эти процессы могут применяться на всех этапах – от замысла до вывода из эксплуатации. Делит процессы на четыре группы: технические, управленческие, процессы создания команды и процессы заключения и выполнения соглашений.

Основное назначение – служить единой основой для взаимодействия между всеми сторонами, создающими и использующими систему, вовлекая заинтересованных лиц для достижения удовлетворенности заказчика. Может применяться на любом системном уровне – от отдельных элементов до сложных систем.

ГОСТ Р ИСО 9000-2015 Устанавливает основные понятия, принципы и терминологию систем менеджмента качества, являясь основой для других стандартов этой серии. Введен в действие с 1 ноября 2015 года. Содержит семь принципов менеджмента качества: ориентация на потребителей, лидерство, взаимодействие работников, процессный подход, улучшение, принятие решений, основанное на свидетельствах, и менеджмент взаимоотношений.

Включает словарь терминов по тематическим группам: лица и организации, деятельность и процессы, требования и результаты, данные и документация, потребители и характеристики, аудит. В приложении даны связи между понятиями и их графическое представление. Стандарт предназначен для помощи организациям всех типов в построении и совершенствовании систем менеджмента качества.

ГОСТ Р ИСО/МЭК 27001-2021 Введен в действие с 1 января 2022 года, заменил ГОСТ Р ИСО/МЭК 27001-2006. Настоящий стандарт идентичен международному стандарту ISO/IEC 27001:2013, включая технические поправки, и предназначен для организаций любого типа и размера.

Устанавливает общие требования по созданию, внедрению, поддержке и постоянному улучшению системы менеджмента информационной безопасности (СМИБ) в контексте деятельности организации. Стандарт направлен на обеспечение конфиденциальности, целостности и доступности информации за счет применения процесса управления рисками и дает заинтересованным сторонам уверенность в том, что риски адекватно управляются. Применение стандарта носит добровольный характер, однако его внедрение и сертификация позволяют организациям продемонстрировать ответственное отношение к информационной безопасности перед партнерами, клиентами и регулирующими органами.

ГОСТ 19.202-78 Входит в Единую систему программной документации (ЕСПД) и определяет правила составления одного из ключевых программных документов – «Спецификации». Стандарт применяется, когда программное изделие или комплекс

выпускается как самостоятельный продукт, и устанавливает единую форму описания его состава.

Спецификация выполняет роль сводного документа: в нее включают перечень всех программных компонентов, входящих в изделие, а также полный список относящейся к ним программной документации. Исключение составляют сама спецификация и техническое задание, которые в этот перечень не вносятся. Документ структурирован по разделам: «Документация», «Комплексы» и «Компоненты», что позволяет однозначно идентифицировать состав программного продукта. Стандарт полностью соответствует СТ СЭВ 2090-80 и применяется совместно с другими документами ЕСПД, в частности с ГОСТ 19.101, определяющим виды программ и программных документов. Использование спецификации упрощает приемку, передачу и сопровождение программных средств.

ГОСТ 19.201-78 Также входит в Единую систему программной документации (ЕСПД) и устанавливает порядок построения и оформления технического задания на разработку программы или программного изделия для вычислительных машин, комплексов и систем. Стандарт не зависит от назначения и области применения разработки и полностью соответствует СТ СЭВ 1627-79.

Техническое задание по данному стандарту содержит обязательные разделы: введение, основания для разработки, назначение разработки, требования к программе или программному изделию, требования к программной документации, технико-экономические показатели, стадии и этапы разработки, а также порядок контроля и приемки. В зависимости от особенностей проекта допускается уточнять содержание разделов, вводить новые или объединять имеющиеся.

Наиболее содержательным является раздел требований к программе, который включает подразделы: функциональные характеристики, надежность, условия эксплуатации, состав и параметры технических средств, информационная и программная совместимость, маркировка и упаковка, транспортирование и хранение, а также специальные требования. Оформление технического задания ведется по ГОСТ 19.106 на листах формата 11 и 12, для изменений и дополнений на последующих стадиях выпускается отдельное дополнение, согласуемое в том же порядке, что и основной документ. Стандарт действует с 1 января 1980 года с одним изменением, утвержденным в июне 1981 года.

ГОСТ 34.602-2020 Относится к комплексу стандартов на автоматизированные системы и устанавливает структуру, состав и содержание технического задания на создание, развитие или модернизацию автоматизированной системы. Действует с начала 2022 года, заменил ранее применявшийся ГОСТ 34.602-89. Стандарт применяется при разработке автоматизированных систем различного назначения и области применения, в том числе систем управления, информационных и информационно-поисковых систем.

Основное назначение стандарта – обеспечить единую структурированную форму фиксации требований заказчика, имеющую договорную силу. Применение ГОСТ 34.602-2020 минимизирует риск неполноты и неоднозначности исходных требований, формирует основу для согласования технических решений между заказчиком и разработчиком и задает критерии последующего контроля и приемки системы.

ГОСТ Р 71201-2024 Относится к области системной инженерии и устанавливает принципы и требования к описанию архитектуры систем, в том числе программно-аппаратных комплексов. Введен в действие с 1 июня 2024 году впервые в Российской Федерации и развивает подход, основанный на модельно-ориентированной системной инженерии (Model-Based Systems Engineering, MBSE). Стандарт формализует ключевые понятия, применяемые при разработке архитектурных моделей: заинтересованные стороны, их интересы, архитектурные представления и точки зрения, архитектурные элементы и связи между ними. Стандарт согласуется с международной практикой описания архитектуры (в частности, с положениями ISO/IEC/IEEE 42010) и может применяться совместно с другими стандартами в области системной и программной инженерии, включая ГОСТ Р ИСО/МЭК 15288. Основные характеристики и взаимосвязи нормативных документов приведены в таблице 1.

Таблица 1. Учет документов (фрагмент)

Обозначение	Название	авторы, разработчик документа	годы издания	ключевые идеи, используемая методология	Ссылки на другие документы	статус актуальности (для стандартов)	заметки
ISO/IEC/IEEE 15288:2023	Systems and software engineering - System life cycle processes.	Geneva: International Organization for Standardization	2023	устанавливает общие основы оп исаний процессов жизненного ц икла систем	ISO/IEC/IEEE 15289	Действующий Стандарт периодически п ересматривается и обнов ляется	не содержит прямых требований к документации.
ISO/IEC/IEEE 29148:2018	Systems and software engineering - Life cycle processes - Requirements engineering. -	Geneva: International Organization for Standardization	2018	регулирует процессы разработки требований в системной и программной инженерии	SO/IEC/IEEE 15288 ISO/IEC/IEEE 12207 ISO/IEC/IEEE 15289	Действующий Стандарт периодически п ересматривается и обнов ляется	
INCOSE	INCOSE Systems Engineering Handbook: A Guide for System Life Cycle Processes and Activities. 5th ed	Hoboken: Wiley	2023	Комплексное руководство по дисциплинам и практикам системной инженерии, охватывающее процессы и деятельность на протяжении всего жизненного цикла системы	ISO/IEC/IEEE 15288:2023	Пятое издание , остаётся актуальным на май 2026 года	
ГОСТ Р 57193-2016	Системная и программная инженерия. Процессы жизненного цикла систем	Стандартинформ	2016	общие основы для описания процессов жизненного цикла искусственных систем	разработан с учётом международного стандарта ISO/IEC/IEEE 15288:2015	в действии	
ГОСТ 34.602-2020	Информационная технология. Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Техническое задание на создание автоматизированной системы	Стандартинформ	2009	регламентирующий состав, соде ржание и правила оформления т ехнического задания (ТЗ) на авто матизированные системы	ГОСТ 19.201	в действии	взамен ГОСТ 34.602-89
ГОСТ 27300–87	Информационно-измерительные системы. Общие требования, комплектность и правила составления эксплуатационной документации.	Стандартинформ	1987	Общие требования, комплектнос ть и правила составления эксплу атационной документации	ГОСТ 26104-89 ГОСТ 22261-94	в действии	стандарт не распространяет ся на программное обеспеч ение

В ходе сравнительного анализа литературы выполняется выбор ключевых документов, т.к. это итерационный процесс, для удобства в таблице учета документов ключевые документы выделены серым цветом.

Оформление результатов

Оформление результатов литературного обзора выполнялось по ГОСТ Р 7.0.100–2018 и в соответствии с требованиями методических рекомендаций к написанию выпускных квалификационных работ от выпускающей кафедры. В список вошло более 30 нормативных документов. Фрагмент списка приведен ниже.

10. ISO/IEC/IEEE 29148:2018. Systems and software engineering - Life cycle processes - Requirements engineering. - Geneva: International Organization for Standardization, 2018.

11. ГОСТ Р 57193-2016. Системная и программная инженерия. Процессы жизненного цикла систем. - М.: Стандартинформ, 2016.

12. ГОСТ 34.602-89. Информационная технология. Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Техническое задание на создание автоматизированной системы. - М.: Стандартинформ, 2009.

13. ГОСТ 19.201–78. Единая система программной документации. Техническое задание. Требования к содержанию и оформлению. - М.: Стандартинформ, 2010

14. ГОСТ 19.105-78 Единая система программной документации. Общие требования к программным документам. М.: Стандартинформ, 2010.

Заключение

Предложенный подход позволяет формализовать процедуру литературного обзора и выполнить его в соответствии с поставленными перед исполнителем задачами, строго в рамках обозначенных границ.

Несмотря на то, что результирующий список документов литературного обзора выглядит привычным способом, у главного актора данного документа - студента-дипломника есть доказательная база, почему тот или иной документ попал в результирующий список, а исходная таблица учета документов, повышает эффективность работы с источниками на следующих этапах написания выпускной квалификационной работы.

Литература:

1. Как написать литературный обзор: структура, правила. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://dissertop.ru/blog/kak-napisat-literaturnyj- (дата обращения: 17.05.2026).

2. Становление дисциплины и перспективы развития. Батоврин В.К. М.: РТУ - МИРЭА – 2019г.

3. ГОСТ Р ИСО/МЭК 15288–2023. Информационные технологии. Системная и программная инженерия. Процессы жизненного цикла систем.

4. ГОСТ Р ИСО 9000–2015. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь.

5. ГОСТ 27300–87. Информационно-измерительные системы. Общие требования, комплектность и правила составления эксплуатационной документации.

6. ГОСТ Р ИСО 9241–210–2016. Эргономика взаимодействия человек–система. Часть 210. Человеко-ориентированное проектирование интерактивных систем.

7. ГОСТ Р ИСО/МЭК 27001–2021. Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Системы менеджмента информационной безопасности. Требования.

8. ГОСТ Р 53114–2008. Защита информации. Обеспечение информационной безопасности в организации. Основные термины и определения.

9. ГОСТ 19.202–78. Единая система программной документации. Спецификация. Требования к содержанию и оформлению.

10. ГОСТ 19.201–78. Единая система программной документации. Техническое задание. Требования к содержанию и оформлению.

11. ГОСТ 34.602–2020. Информационная технология. Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Техническое задание на создание (развитие или модернизацию) системы.

12. ГОСТ Р 71201–2024. Системная инженерия. Описание архитектуры.

Маглатюк. Т.В.
Maglatyuk. T.V.
старший преподаватель
Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: maglatyuk-tv@ranepa.ru

Головченко М.Ю.
Golovchenko M.Y.
студент
кафедра налогообложения и бухгалтерского учета
Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: marina.golovch1411@mail.ru

СРАВНЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УТРЕННЕЙ ЗАРЯДКИ И ВЕЧЕРНЕЙ РАСТЯЖКИ В РЕГУЛЯЦИИ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ

COMPARISON OF THE EFFECTIVENESS OF MORNING EXERCISE AND EVENING STRETCHING IN THE REGULATION OF PSYCHOEMOTIONAL STATE

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу эффективности утренней зарядки и вечерней растяжки в контексте регуляции психоэмоционального состояния. Рассматриваются физиологические и психологические механизмы их воздействия с учетом циркадных ритмов. Приводятся эмпирические данные, демонстрирующие дифференцированное влияние занятий на гормональный фон, настроение, когнитивные функции и качество сна. Делается вывод о взаимодополняющем характере эффектов утренней и вечерней активности и целесообразности их комплексного использования в режиме дня для достижения оптимального психоэмоционального баланса.

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the effectiveness of morning exercises and evening stretching in the context of the regulation of the psycho-emotional state. The physiological and psychological mechanisms of their effects are considered, taking into account circadian rhythms. Empirical data demonstrating the differentiated effect of exercise on hormones, mood, cognitive functions, and sleep quality are presented. The conclusion is made about the complementary nature of the effects of morning and evening activity and the expediency of their integrated use in the daily routine to achieve optimal psycho-emotional balance.

Ключевые слова: утренняя зарядка, вечерняя растяжка, стретчинг, психоэмоциональное состояние, стрессоустойчивость, циркадные ритмы, хронобиология, кортизол, эндорфины.

Keywords: morning exercise, evening stretching, psychoemotional state, stress resistance, circadian rhythms, chronobiology, cortisol, endorphins.

Введение

Современный ритм жизни предъявляет повышенные требования к психоэмоциональной устойчивости человека. Хронический стресс, информационные перегрузки и дефицит физической активности становятся факторами, провоцирующими развитие тревожных и депрессивных состояний, нарушений сна и общего снижения качества жизни. В этих условиях особую актуальность приобретает поиск доступных и эффективных средств регуляции психоэмоционального состояния, среди которых физическая культура занимает одно из ведущих мест.

Вместе с тем, далеко не все формы двигательной активности одинаково влияют на организм в зависимости от времени суток. Организм человека функционирует в соответствии с циркадными ритмами — внутренними биологическими часами, которые регулируют колебания температуры тела, уровня гормонов, активности нервной системы и других физиологических параметров в течение 24-часового цикла. Игнорирование этих закономерностей может не только снизить эффективность физических упражнений, но и привести к нежелательным последствиям для здоровья. Так, интенсивная тренировка в позднее вечернее время, когда организм естественным образом повышает выработку мелатонина, может спровоцировать выброс активирующих гормонов (кортизола, адреналина), что нарушит процесс засыпания, снизит качество сна и, в долгосрочной перспективе, повысит риск развития инсомнии и сердечно-сосудистых заболеваний. И наоборот, попытка выполнить сложнокоординационные упражнения или силовую нагрузку сразу после пробуждения, без адекватной разминки, когда связки и мышцы ещё недостаточно эластичны из-за низкой внутренней температуры и замедленного кровотока, значительно повышает риск получения травмы и демонстрирует низкую производительность из-за пика кортизола при ещё неоптимальном уровне глюкозы в крови. [4, 6] В связи с этим представляется необходимым дифференцированно подходить к выбору вида и времени физической активности в зависимости от конкретных задач, стоящих перед человеком.

Цель настоящей статьи — провести сравнительный анализ эффективности утренней зарядки и вечерней растяжки как двух принципиально различных по своей направленности и хронобиологической приуроченности форм физической активности в контексте регуляции психоэмоционального состояния.

Хронобиологические основы физической активности

Циркадные ритмы представляют собой фундаментальный механизм временной организации физиологических функций организма. Как отмечается в современных исследованиях, циркадианная организация человека взаимосвязана с его психофизиологическими особенностями, включая темперамент и уровень психического напряжения. [4] Это означает, что эффективность физической активности напрямую зависит от того, насколько она синхронизирована с внутренними биологическими часами.

В утренние часы, сразу после пробуждения, организм находится в особом физиологическом состоянии: после ночного голодания уровень глюкозы в крови понижен, гибкость суставов и эластичность мышц ограничены из-за сниженной скорости кровотока, а уровень кортизола — гормона, помогающего организму активизироваться — достигает своего естественного пика. [9] К вечеру же, напротив, значительно возрастает гибкость и мышечная выносливость, повышается болевой порог, а сердечно-сосудистая система работает наиболее эффективно, что делает это время оптимальным для нагрузок на развитие силы и гибкости. [4]

Кроме того, к вечеру в организме происходят важные нейроэндокринные сдвиги: примерно к 21-22 часам начинается активная выработка мелатонина — гормона сна, сигнализирующего о необходимости перехода организма в режим отдыха и восстановления. Интенсивные физические нагрузки в этот период могут нарушить естественный процесс засыпания, поскольку сопровождаются выбросом активирующих гормонов — кортизола и адреналина. [6]

Таким образом, хронобиологический подход к организации физической активности предполагает, что в разное время суток следует отдавать предпочтение различным по интенсивности и направленности видам упражнений. [9] Утренние часы оптимальны для активирующих, пробуждающих нагрузок умеренной интенсивности, тогда как вечернее время более благоприятно для релаксационных, успокаивающих практик, не нарушающих естественную подготовку организма ко сну. [7, 9]

Утренняя зарядка как средство активации и мобилизации

Утренняя гигиеническая гимнастика традиционно рассматривается как эффективное средство ускоренного включения организма в активную дневную деятельность. Ее основная задача заключается в мобилизации вегетативных функций,

повышении работоспособности центральной нервной системы и создании благоприятного эмоционального фона для предстоящего дня. [2, 3]

Эмпирические исследования убедительно подтверждают позитивное влияние утренней зарядки на психоэмоциональное состояние. Так, у студентов, регулярно выполняющих утреннюю гимнастику, период врабатывания на первой учебной паре был в 2,7 раза меньше, чем у тех, кто ею пренебрегал. При этом отмечалось существенное улучшение показателей психоэмоционального состояния: настроение повышалось на 50%, самочувствие — на 44%, активность — на 36,7%. [2]

Положительное воздействие утренней зарядки на психику реализуется через несколько взаимосвязанных механизмов. Во-первых, физическая активность в утренние часы стимулирует выработку эндорфинов — нейропептидов, обладающих способностью улучшать настроение и снижать субъективное ощущение стресса. [8] Во-вторых, систематическое выполнение утренних упражнений способствует формированию самодисциплины и укреплению самооценки за счет регулярного достижения пусть небольших, но конкретных целей. [1]

Согласно данным обобщающего обзора, опубликованного в журнале «Спорт-Экспресс» в марте 2026 года, в утренние часы, сразу после пробуждения, организм находится в особом физиологическом состоянии: температура тела находится на относительно низком уровне, мышцы еще недостаточно разогреты, а уровень кортизола — гормона, помогающего организму активизироваться — достигает своего естественного пика. [9] В исследовании, проведённом С. А. Лычак и представленном в диссертации в 2024 году, убедительно показано, что к вечеру же, напротив, значительно возрастает гибкость и мышечная выносливость, температура тела повышается, достигая максимума в послеобеденные и ранние вечерние часы, мышцы становятся более эластичными, а болевой порог возрастает. [1, 4]

Как показывают результаты опросов, проведённых Е. И. Гуленковой среди лиц, практикующих утреннюю гимнастику, регулярные занятия ассоциируются с более высоким уровнем самодисциплины, устойчивым позитивным настроем и общим ощущением бодрости на протяжении дня. [1] Утренняя зарядка также способствует улучшению когнитивных функций, включая концентрацию внимания и скорость обработки информации, что особенно важно для студентов и лиц, занятых интеллектуальным трудом. [1, 2]

Важно отметить, что для достижения указанных эффектов утренняя зарядка не обязательно должна быть продолжительной или высокоинтенсивной. Как показывают исследования О. Ю. Королевой, Г. В. Федотовой и Л. П. Федосовой, даже 10-минутная физкультурная пауза способна повысить показатели работоспособности на 5-9%. [3] Ключевым фактором является регулярность выполнения упражнений и их адекватность индивидуальному состоянию организма в утренние часы.

Вечерняя растяжка как инструмент релаксации и восстановления

В отличие от утренней зарядки, направленной преимущественно на активацию и мобилизацию, вечерняя растяжка (стретчинг) выполняет принципиально иную функцию — она способствует расслаблению, снятию накопившегося за день напряжения и подготовке организма к полноценному ночному отдыху. [7]

С точки зрения нейрофизиологии, ключевым механизмом воздействия растяжки на психоэмоциональное состояние является активация парасимпатической нервной системы, ответственной за процессы отдыха, восстановления и релаксации. Длительная статическая растяжка в сочетании с глубоким, размеренным дыханием способствует переходу организма из состояния симпатической активации, характерного для дневного бодрствования и стрессовых ситуаций, в режим восстановления. [7, 9]

Существенное значение имеет и гормональный аспект воздействия вечерней растяжки. Исследования, представленные на портале I Love Sport, показывают, что всего 15 минут осознанной растяжки способны снизить уровень кортизола — главного гормона стресса — на 20-30%. [8] Параллельно происходит стимуляция выработки серотонина и эндорфинов, что способствует улучшению настроения и формированию субъективного ощущения благополучия. [8]

Как подчёркивает психолог Д. Яушева, растяжка также способствует улучшению контакта с собственным телом. [5] Во время выполнения упражнений дыхание становится глубже, активируется парасимпатическая нервная система, что в комплексе способствует снижению тревожности и достижению состояния внутреннего равновесия. Исследователь конкретизирует, что растяжка помогает замедлиться и дает чувство контроля и устойчивости, благодаря чему можно избавиться от навязчивых тревожных мыслей. [5]

Особую ценность вечерняя растяжка представляет как средство нормализации сна. Легкое растягивание перед сном в паре с глубоким дыханием создает своеобразный

ритуал завершения дня, который организм постепенно начинает воспринимать как сигнал к переходу в режим отдыха. Регулярное выполнение стретчинга в вечернее время способствует снятию мышечного напряжения, накопившегося в течение дня, и облегчает процесс засыпания. [7]

Важно подчеркнуть, что вечерняя растяжка, в отличие от интенсивных силовых или кардиотренировок, не вызывает выраженного выброса активирующих гормонов, которые могли бы нарушить естественную выработку мелатонина и затруднить засыпание. Это делает ее оптимальной формой физической активности для вечернего времени, особенно в период, непосредственно предшествующий сну. [6, 7]

Сравнительный анализ эффективности утренней зарядки и вечерней растяжки

Сопоставление двух рассматриваемых форм физической активности позволяет выявить их принципиальные различия, обусловленные как хронобиологическими факторами, так и спецификой физиологического воздействия на организм.

Существенно различается и гормональный ответ организма. В утренние часы уровень кортизола естественным образом достигает пика, что способствует мобилизации энергетических ресурсов, и умеренная физическая нагрузка в этот период органично вписывается в естественный гормональный профиль. В вечернее же время, когда организм готовится к синтезу мелатонина, интенсивные нагрузки не желательны, тогда как мягкая растяжка не только не препятствует, но и способствует нормализации гормонального фона, снижая избыточный уровень кортизола, накопившийся за день. [6, 8]

Различны и когнитивные эффекты двух видов активности. Утренняя зарядка улучшает концентрацию внимания, скорость реакции и общую умственную работоспособность в течение последующих нескольких часов. [2, 3] Вечерняя растяжка, в свою очередь, способствует снижению когнитивной активности, отвлечению от навязчивых мыслей и созданию условий для плавного перехода ко сну. [5, 7]

Таким образом, утренняя зарядка и вечерняя растяжка представляют собой не конкурирующие, а взаимодополняющие компоненты оптимального двигательного режима, каждый из которых решает свои специфические задачи в соответствии с хронобиологическими закономерностями функционирования организма. [4, 10]

Практические рекомендации по интеграции в режим дня

На основании проведенного анализа можно сформулировать ряд практических рекомендаций по оптимальной организации двигательной активности в течение дня с целью регуляции психоэмоционального состояния.

Для утренней зарядки рекомендуется отводить 10-20 минут сразу после пробуждения. Комплекс упражнений должен включать плавные движения, постепенно вовлекающие основные мышечные группы и суставы: подъемы, наклоны и повороты туловища, махи ногами, легкие приседания. [3] Интенсивность упражнений должна нарастать постепенно, не вызывая выраженного утомления. Основная задача — «разбудить» организм, а не исчерпать его энергетические ресурсы. [1, 2]

Вечернюю растяжку целесообразно выполнять за 30-60 минут до сна. Продолжительность занятия может составлять от 5 до 20 минут в зависимости от индивидуальных потребностей и степени утомления. [7] Предпочтение следует отдавать статическим упражнениям с удержанием позы в течение 20-60 секунд, сочетая растяжение с глубоким, размеренным дыханием. Особое внимание рекомендуется уделять мышечным группам, наиболее подверженным накоплению напряжения в течение дня: шее, плечевому поясу, пояснице и задней поверхности бедер. [5, 8]

Важно подчеркнуть, что и утренняя зарядка, и вечерняя растяжка должны выполняться регулярно. Именно систематичность, а не эпизодические интенсивные нагрузки, является ключевым фактором, обеспечивающим устойчивый позитивный эффект в отношении психоэмоционального состояния. [1, 7]

Заключение

Проведенный сравнительный анализ позволяет заключить, что утренняя зарядка и вечерняя растяжка представляют собой два принципиально различных, но одинаково важных инструмента регуляции психоэмоционального состояния. Утренняя гимнастика, синхронизированная с естественным утренним подъемом уровня кортизола, способствует быстрой и эффективной активации организма, повышению настроения, улучшению когнитивных функций и созданию позитивного эмоционального фона на весь день. [1, 2, 3] Вечерняя растяжка, напротив, используя естественное снижение физиологической активности в вечерние часы, способствует релаксации, снижению уровня стрессовых гормонов, снятию мышечного и психического напряжения и подготовке организма к полноценному восстановительному сну. [5, 7, 8]

Принципиально важным является понимание того, что данные формы физической активности не должны рассматриваться как альтернативные или взаимозаменяемые. Их эффекты носят взаимодополняющий характер, и оптимальная стратегия регуляции психоэмоционального состояния предполагает интеграцию обоих компонентов в повседневный режим дня. Такой комплексный подход, учитывающий хронобиологические закономерности функционирования организма, позволяет максимально полно использовать потенциал физической культуры как средства укрепления психического здоровья и повышения стрессоустойчивости. [4, 9, 10]

Литература:

1. Гуленкова Е.И. Роль утренней зарядки в формировании позитивного эмоционального фона в течение дня // Лăпкă океан патшалăх университечĕ. — URL: https://phsreda.com/cv/article/153107/discussion_platform (дата обращения: 29.04.2026).

2. Ибрагимов У. Использование утренней гигиенической гимнастики для оптимизации умственной работоспособности студентов // Теория и практика физической культуры. — 1990. — № 12. — С. 36-37.

3. Королева О.Ю., Федотова Г.В., Федосова Л.П. Пробуждение тела и ума: польза зарядки по утрам // Кубанский государственный аграрный университет. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/probuzhdenie-tela-i-uma-polza-zaryadki-po-utram (дата обращения: 23.04.2026).

4. Лычак С.А. Циркадианная организация спортсменов 18-21 года с различными психофизиологическими особенностями: дис. ... канд. биол. наук. — URL: https://www.dslib.net (дата обращения: 02.05.2026).

5. Психолог Яушева: растяжка способствует снижению уровня тревожности // ДКТР24. — 17.09.2025. — URL: https://www.dktr24.ru/news/lifestyle/17092025/11487 (дата обращения: 27.04.2026).

6. Соболенкова В. Утром отжался — вечером сжался: спортивный врач рассказал, в какое время суток заниматься спортом // ТСН24. — 11.12.2024. — URL: https://www.tsn24.ru/2024/12/11/322079-utrom-otzhalsya-vecherom-szhalsya-sportivnyy-vrach-rasskazal-v-kakoe-vremya-sutok-zanimatsya-sportom/ (дата обращения: 07.05.2026).

7. Стретчинг перед сном — как вечерние упражнения помогают быстрее заснуть и расслабиться // ТСН. — 25.01.2026. — URL: https://tsn.ua/ru/lady/zdorovye/aktualnaya-

tema/stretching-pered-snom-kak-vechernie-uprazhneniya-pomogayut-bystree-zasnut-i-rasslabitsya-3007172.html (дата обращения: 27.04.2026).

8. Стретчинг-терапия: как растяжка лечит стресс и дарит энергию // I Love Sport. — 02.10.2025. — URL: https://www.ilovesport.com.ua/ru/stretcing-terapia-ak-roztazka-likue-stres-i-darue-energiu/ (дата обращения: 29.04.2026).

9. Утро против вечера: когда на самом деле лучше тренироваться // Спорт-Экспресс. — 11.03.2026. — URL: https://m.sport-express.net/zozh/fitness/reviews/utrennyaya-ili-vechernyaya-trenirovka-kogda-luchshe-zanimatsya-otvechaet-nauka-2405879/ (дата обращения: 05.05.2026).

10. Spaeth A.M. Student Exercise and Sleep Timing Study — Part 2 (SiESTa 2) // Rutgers, The State University of New Jersey. — ClinicalTrials.gov ID: NCT06336590. — URL: https://ichgcp.net/ru/clinical-trials-registry/NCT06336590 (дата обращения: 25.04.2026).

Викторова Анастасия Андреевна
Viktorova Anastasiia Andreevna
преподаватель
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА МАТЕРИАЛАХ РАССКАЗОВ У.С. МОЭМА)

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE TRANSLATION OF FICTION (BASED ON THE STORIES OF W.S. MAUGHAM)

Аннотация. В центре внимания данной статьи находиться перевод художественной литератур с использованием искусственного интеллекта. Актуальность данного исследования обусловлена современными тенденциями на применения искусственного интеллекта для перевода. В работе анализируются особенности использования искусственного интеллекта при передачи авторского стиля, эмоциональной окраски, метафор, идиоматических выражений и культурных особенностей текста. Цель статьи исследовать возможности и ограничения искусственного интеллекта при переводе художественной литературы. В ходе работы проводиться сравнительный анализ перевода рассказов Сомерсета Моэма, выполненных искусственным интеллектом и профессиональным переводчиком Норой Галь. Материалом исследования послужили произведения «A Friend in Need» и «Jane». Методологическую основу работы составляют сравнительный анализ перевода, контекстуальный анализ и лексико-стилистический анализ. Результаты показывают, что искусственный интеллект способен передавать общий смысл художественного текста, однако испытывает трудности при сохранении стилистической выразительности. Также установлено, что искусственный интеллект часто прибегает к буквальному переводу теряя эмоциональную окраску и особенности авторского стиля. На основе проведенного исследования был сделан вывод, что на данном этапе искусственный интеллекта являться вспомогательным инструментом и не может полностью заменить профессионального переводчика при работе с художественным текстом.

Abstract. This article focuses on the translation of fiction using artificial intelligence. The relevance of this study stems from current trends in the use of artificial intelligence in translation. The paper analyzes the specifics of using artificial intelligence to convey an author's style, emotional content, metaphors, idiomatic expressions, and cultural characteristics of the text. The article aims to explore the potential and limitations of artificial intelligence in the translation of fiction. This study compares the translations of Somerset Maugham's short stories by artificial intelligence and those by professional translator Nora Gal. The research focuses on the works "A Friend in Need" and "Jane." The methodological basis of the study is a comparative translation analysis, contextual analysis, and lexical-stylistic analysis. The results demonstrate that artificial intelligence is capable of conveying the general meaning of literary texts, but struggles to preserve stylistic expressiveness. It was also found that artificial intelligence often resorts to literal translation, losing the emotional nuance and distinctive features of the author's style. Based on the study, it was concluded that, at this stage, artificial intelligence is an auxiliary tool and cannot completely replace a professional translator when working with literary texts.

Ключевые слова: перевод, искусственный интеллект, перевод художественной литературы, нейронный машинный перевод, художественный текст, художественный перевод.

Keywords: translation, artificial intelligence, translation of fiction, neural machine translation, literary text, literary translation.

Введение

В настоящее время искусственный интеллект активно внедрятся в различные сферы нашей жизни. Переводческая деятельность не стала исключением. Нейросетевые системы способны быстро переводить большие объёмы текста. Однако применение искусственного интеллекта в переводе художественного текста остается спорным вопросом.

Художественный текст является сложной структурой, для перевода которой важно не только лексическое значение слова, но и стилистические особенности авторского текста. Также значение имеет эмоциональная окраска, культурный контекст и индивидуальный авторский стиль. Как отмечает В. Н. Комиссаров, «адекватный перевод предполагает сохранение не только содержания, но и стилистической функции оригинала» [1]. Поэтому перевод литературных произведений требует не только языковых компетенций, но и творческого подхода.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения возможностей искусственного интеллекта при переводе художественной литературы.

Объектом исследования является художественный перевод, выполненный с помощью искусственного интеллекта.

Цель статьи исследовать возможности и ограничения искусственного интеллекта при переводе художественной литературы.

В рамках данной работы были определенны следующие задачи:

- рассмотреть особенности использования ИИ при переводе художественной литературы;
- сравнить машинный перевод и человеческий перевод художественных текстов;

Материалом исследования послужили произведения «A Friend in Need» и «Jane». Методологическую основу работы составляют сравнительный анализ перевода, контекстуальный анализ и лексико-стилистический анализ.

Технологии искусственного интеллекта все чаще интегрируются в сферу перевода художественной литературы с целью повышения доступности и распространения литературных произведений на разных языках. Сейчас это инструменты, которые служат как начинающим, так и признанным авторам.

Использование ИИ в переводе художественной литературы обычно включает алгоритмы машинного обучения и нейронные сети, которые обрабатывают и переводят текст. Эти технологии могут анализировать огромные объемы языковых данных для выявления закономерностей и нюансов, что помогает создавать контекстно релевантные переводы.

Одним из важнейших достижений в области перевода на основе ИИ является разработка моделей нейронного машинного перевода. Системы НМП на основе преобразования последовательности в последовательность (Seq2Seq) замечательно справляются с переводом текста [2].

Однако остается вопрос, могут ли эти системы ИИ в полной мере уловить эмоциональные и культурные тонкости, присущие литературным текстам. Во многих случаях искусственному интеллекту не хватает более глубокого понимания контекста и учета культурных особенностей.

Несмотря на то, что перевод с использованием ИИ становиться практичным инструментом, наиболее эффективный способ перевода часто сочетает в себе сильные стороны как искусственного интеллекта, так и перевода человеком. Такой гибридный подход позволяет авторам извлекать выгоду из скорости и эффективности ИИ, одновременно обеспечивая качество и культурную аутентичность благодаря человеческому контролю. Отмечается, что машина, мгновенно оперирующая большими данными, позволяет переводчику быстро просмотреть возможно большое число вариантов вызвавшего затруднения “конкретного случая” и сделать свой выбор, обоснованный индивидуальной логикой [3].

Например, ИИ может быстро обрабатывать большие объемы текста, предоставляя черновые переводы, которые затем дорабатываются людьми, которые в свою очередь сосредотачиваются на стилистике текста. Это гарантирует сохранение эмоциональных оттенков и нюансов повествования.

ИИ может обеспечить большую скорость перевода. Однако при его использовании есть риск потерять глубину понимания авторских текстов. На данном

этапе профессиональные переводчики понимают особенности художественного текста лучше.

Искусственный интеллект добился значительных успехов в области перевода, однако сталкивается с проблемами. Особенно трудности вызывают культурные нюансы и понимание контекста.

При переводе художественных текстов с помощью ИИ проблемой является сохранение нюансов, которые включают в себя негласные нормы, эмоциональные оттенки и идиоматические выражения, присущие языку оригинала. Искусственный интеллект часто не справляется с такими тонкостями языка. Это приводит к тому, что в переводе искажается первоначальный смысл. Например, идиоматические выражения могут потерять свое предполагаемое значение и привести к недопониманию или даже звучать оскорбительно.

Искуственный интелект часто сталкиваются с трудностями в работе с идиомами и метафорами. Это усложняет задачу создания точных переводов. Буквальный перевод идиом может привести к путанице, поскольку лежащий в основе культурный контекст может не переноситься на язык перевода. Еще одна серьезная проблема заключается в различных ожиданиях формальности и вежливости в разных культурах. Переводы, сгенерированные ИИ, могут восприниматься либо как чрезмерно формальные, либо как неуместно неформальные, в зависимости от культурной перспективы, через которую они рассматриваются. Это может привести к неправильным интерпретациям, которые могут привести к неправильному пониманию произведения.

Рассмотрим данные трудности на примерах перевода рассказов Сомерсета Моэма «A Friend in Need» и «Jane». Речь Моэма-рассказчика наделена симпатией к своим героям, вместе с тем она весьма иронична. В речи персонажей английский писатель использует лексику различной стилистической окраски от книжной до сниженной; писателю также не чуждо использование авторских окказионализмов [4]. Эти особенности затрудняют выполнение перевода искусственным интеллектом.

Таблица 1. Метафоры

Оригинал	Перевод ИИ	Перевод Нора Г.
1. We are a haphazard bundle of inconsistent qualities.	1. Мы — случайный набор несовместимых качеств.	1. Каждый из нас — просто случайная мешанина несовместимых качеств.
2. He was all to pieces.	2. Теперь я видел, что он совершенно расстроен.	2. И понял, что малому крышка.
3. the naked brightness of a thirty-two-candle electric bulb	3. выносить голую яркость электрической лампочки в тридцать две свечи	3. ничем не прикрытый блеск электрической лампочки в тридцать две свечи
4.She’s all in a flutter.	4.Она вся на взводе.	4. Она трепещет от радости.

Как видно из таблицы, с переводом метафор искусственный интеллект справляется лучше, чем онлайн переводчики, но не идеально. В ряде митафор перевод ИИ более буквальный и нейтральный. Например, выражение “We are a haphazard bundle of inconsistent qualities” переведено как «случайный набор несовместимых качеств», а в переводе Норэ Галь используется более художественный вариант, который точнее отражает стилистику текста и авторский стиль.

Похожая ситуация с переводом фразы “He was all to pieces”. Искусственный интеллект выбирает нейтральное выражение «совершенно расстроен», в то время как переводчик использует разговорный и эмоционально насыщенный вариант «малому крышка», что точнее отражает ситуацию в произведении.

Однако в определенных случаях ИИ оставлять почти буквальный перевод и структуру предложения. Например, перевод фразы “the naked brightness of a thirty-two-candle electric bulb”. В данном случае перевод Норы Галь воспринимается более художественно и стилистически органично.

Таблица 2. Идиомы

Оригинал	Перевод ИИ	Перевод Нора Г.
1. I suppose that is why he came to me when he went broke…	1.Полагаю, именно поэтому он пришёл ко мне, когда разорился…	1.Наверно, поэтому он и пришел ко мне, когда остался без гроша…
2. He was down and out.	2. Он был на мели, совсем выбился из колеи.	2. Он нищий.
3. Did he funk it?	3. Он струсил в последний момент?	3. Струсил в последнюю минуту?

Анализ идиоматических выражений показал, что искусственный интеллект в целом способен передать общий смысл идиом. Однако, при переводе теряются

стилистические и эмоциональные оттенки.

Например, перевод выражения “when he went broke”. Искусственный интеллект переводит фразу нейтрально «когда разорился». А Нора Г. использует выразительный вариант «когда остался без гроша». Эта фраза звучит естественней.

В фразе “He was down and out” искусственный интеллект пытается передать эмоциональное состояние героя. Перевод получается несколько перегруженным и менее лаконичным. Нора Галь использует краткий вариант «Он нищий». Этот вариант точнее отражает положение персонажа в рассказе.

Стоит обратить внимание на перевод фразы “Nothing matched, but everything harmonized”. Искусственный интеллект переводит ее как «Ничто не сочеталось, но всё гармонировало», а в переводе Норы Галь это «Все вещи оказались разностильные, но друг с другом прекрасно сочетались». ИИ подобрал буквальный вариант и сохранил структуру предложения. В профессиональном переводе Норы Галь смысл фразы раскрывается более подробно и естественно. Она использует слово «разностильные», которое помогает точнее передать авторскую мысль о внешней несочетаемости предметов интерьера.

Интересен и перевод фразы “Everything that could be pickled was pickled and what couldn’t be pickled was painted.” В контексте рассказа “Jane” она относиться к описанию интерьера и мебели. В данном случае речь идет не о еде, а о способе «состаривания» и декоративной обработки предметов интерьера. Однако ИИ не распознал контекст и значение слова pickled и его перевод получился бессмысленным: «Всё, что можно было засолить, было засолено, а то, что нельзя было засолить, — выкрашено». Человек при переводе не будет использовать буквальный перевод и попробует сохранить смысл. Например, в переводе Норы Галь перевод звучит так: «Все, что только можно покрыть морилкой, было мореное, что морилке не поддается — раскрашено». Данный пример демонстрирует одну из ключевых проблем перевода художественного текста с помощью ИИ.

Выводы:

Таким образом, проведенное исследование показало, что искусственный интеллект может обрабатывать большие объёмы текста и передавать общий смысл произведения. Однако ИИ сталкивается с рядом трудностей при переводе художественной литературы.

Во многих случаях искусственный интеллект переводит метафоры и идиоматические выражения буквально или нейтрально, при этом теряя особенности авторского стиля и художественную образность. Сравнение переводов Норы Галь и перевода, сделанного с помощью ИИ показало, что человек точнее передает скрытые смыслы, эмоциональные оттенки и индивидуальную манеру автора.

В настоящее время искусственный интеллект остаётся эффективным инструментом при переводе, однако полностью заменить профессионального переводчика при переводе художественной литературы не способен.

Литература:

1. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). — М.: Высшая школа, 1990. - 253 с.

2. Вековищева С. Н., Иванова Н. А., Улиткин И. А. Переводоведение и искусственный интеллект: проблемы, вызовы и риски // Современный ученый. 2025. № 6. С. 164–171.

3. Гарбовский Н. К. Интеллект для перевода: искусный или искусственный? // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2019. № 4

4. Хафизова А.А., Гараева А.К. // Казанский лингвистический журнал. 2018, том 1, № 2 (1). С. 67–71.

5. Maugham W. S. Complete Short Stories. — London: William Heinemann; Octopus Books, 1976. — ISBN 0-905712-69-2.

6. Моэм С. Рассказы / пер. с англ. Н. Галь [Электронный ресурс]. URL: https://www.vavilon.ru/noragal/maugham3.html (дата обращения: 11.05.2026).

7. Моэм С. Рассказы / пер. с англ. Н. Галь [Электронный ресурс]. URL: https://www.vavilon.ru/noragal/maugham2.html (дата обращения: 11.05.2026)

Павлова Мария Павловна
Pavlova Mariya Pavlovna
магистрант
направление «Перевод и межкультурная коммуникация в нефтегазовом бизнесе»,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Дудкина Анастасия Игоревна
Dudkina Anastasia Igorevna
кандидат филологических наук, доцент
кафедра иностранных языков в сфере экономики и права
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

ОСОБЕННОСТИ НЕЙРОПЕРЕВОДА «-ING» ФОРМ И ОБОРОТОВ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

PECULIARITIES OF NEUROTRANSLATION OF "-ING" FORMS AND CONSTRUCTIONS FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Аннотация. Целью данной работы является исследование возможных ошибок и неточностей, которые возникают в процессе нейроперевода «-ing» форм и оборотов. В результате проведенного исследования было установлено, что основные трудности нейроперевода «-ing» форм обусловлены такими факторами, как многофункциональность этих форм и отсутствие их прямой грамматической аналогии в русском языке. Теоретический анализ показал, что что изучение особенностей различных типов «-ing» форм и оборотов крайне важно для успешного выполнение перевода, так как их контекстуальное значение может сильно повлиять на перевод предложения и стать причиной возникновения проблем для нейроперевода.

Abstract. The aim of this paper is to investigate potential errors and inaccuracies that arise in the process of neural translation of "-ing" forms and constructions. The research revealed that the main difficulties in the neural translation of "-ing" forms arise from such factors as their multifunctionality and the absence of direct grammatical equivalent of such forms in Russian language. Theoretical analysis has shown that studying the characteristics of various types of "-ing" forms and constructions is crucial for successful translation, as their contextual meaning can significantly influence the translation of a sentence and cause issues in the process.

Ключевые слова: нейронный перевод; нейронные сети; ИИ-модели; машинный перевод; «-ing» формы и обороты; структура предложения; ошибки и неточности; потенциальные трудности перевода.

Keywords: neural translation; neural networks; AI models; machine translation; ‘-ing’ forms and constructions; sentence structure; mistakes and inaccuracies; potential translation difficulties.

Системы искусственного интеллекта, использующиеся специалистами для перевода текстов, стремительно развиваются и совершенствуются. С каждым днем популярность таких систем растет, однако на данный момент не существует ИИ-

моделей, осуществляющих перевод, качество которого могло бы соответствовать профессиональным стандартам отрасли или потребностям переводчиков. Более того, многие системы допускают типичные ошибки и недочеты, которые значительно влияют на содержание, смысл и восприятие текста читателем. Из-за этого переводы, выполненные генеративными моделями, всегда требуют проведения редактуры и внесения правок, с помощью которых можно будет скорректировать возможные неточности и недочеты.

Для упрощения процесса редактирования специалистам важно иметь надежную аналитическую основу, благодаря которой они могли бы оперативно и методично выполнять работу с текстом. Таким образом, изучение процесса работы с результатами нейронного перевода и выявление типичных маркеров, требующих проверки синтаксической и семантической корректности текста, обусловливает актуальность и значимость данной темы.

Нейронный перевод — это уникальная вариация машинного перевода, основанная на функционировании нейронных сетей, выполняющих комплекс операций, необходимых для формирования текста перевода. Особенности технологии нейронного перевода позволяют системе имитировать мыслительный процесс человека и самообучаться, что приводит к дальнейшему повышению качества выполнения нейронного машинного перевода. Такое обучение представляет собой процесс программирования компьютеров с целью оптимизации производительности на основе используемых данных. Искусственная нейронная сеть представляет собой уникальный алгоритм обучения, основанный на функциональных аспектах и структуре нейронных сетей головного мозга [3, с. 225-231].

Этот подход существенно отличается от стандартных методов статистического перевода, в которых система перевода состоит из подкомпонентов, оптимизируемых по отдельности. Формирование такой развитой системы возможно благодаря трем основным компонентам нейронной системы перевода: кодировщику (кодеру), механизму внимания и декодировщику (декодеру). Эти элементы являются неотъемлемой частью системы, необходимой для прогнозирования последующих слов с соответствующими свойствами в соответствии со структурой предложения [5, с. 5-55]. Входной текст сначала кодируется в абстрактный набор чисел, а затем анализируется с точки зрения грамматики и содержащихся в нем сегментов. После

кодирования и декодирования предоставленной пользователем информации, а также после ее обработки при помощи сопоставления с корпусами текстов, нейросеть предоставляет готовый текст на языке перевода.

Безусловно, в данном типе перевода есть определенные ограничения, из-за которых его нельзя использовать как ключевое средство перевода, а скорее, как вспомогательный инструмент в работе переводчика. Такие ограничения влияют на обработку текста далеко не во всех случаях, но и подобных трудностей достаточно для того, чтобы понимать нестабильность подобной системы и необходимость ее улучшения и совершенствования.

Нейроперевод — это новый и инновационный инструмент, возможности которого еще не до конца реализованы. Несмотря на это, многие переводчики активно используют преимущества ИИ-систем и успешно выполняют комплексные переводческие задачи. Однако, некоторые специалисты сталкиваются с трудностями при работе с искусственным интеллектом, что, в свою очередь, может отрицательно повлиять на успешное выполнение поставленной задачи. Именно поэтому важно заранее изучить все возможности и недостатки нейроперевода, которые могут влиять на рабочий процесс.

Среди преимуществ нейроперевода можно отметить следующие аспекты:

- После выполнения перевода текста нейросети предоставляют достаточно корректный естественный результат, так как обучение искусственного интеллекта происходит на основе языковых корпусов, состоящих из текстов разной направленности, написанных человеком. Благодаря этому, в процессе обработки данных, нейросети способны учитывать широкий контекст, оттенки значения, эмоциональную окраску и интенцию переводимого высказывания. Так, получившийся текст становится более «человечным», он звучит естественно и динамично.
- Искусственный интеллект способен обрабатывать сложные языковые структуры, которые представляют проблемы для стандартного машинного перевода. Механизмы нейросетей успешно анализируют и переводят сложный синтаксис, не теряя при этом смысловое содержание высказывания или текста. Это также касается различных идиоматических оборотов, фразеологических единиц и художественных стилистических приемов, которые регулярно встречаются в корпусах текстов.

- Инструменты нейроперевода можно обрабатывать и адаптировать под конкретную область или направление благодаря тому, что они обучаемы и постоянно совершенствуются. При работе с отдельной генеративной моделью пользователь может настроить память системы таким образом, чтобы одно и то же условие было актуально для всех чатов и задач, выполняемых системой. Например, переводчик, часто работающий с текстами специализированной тематики, может загрузить в систему файл, содержащий глоссарий переводческого проекта, на который система сможет ориентироваться при переводе или проверке новых текстов.
- Время, затрачиваемое на перевод, значительно сокращается, так как переводчику не нужно искать корректные соответствия и синонимы вручную — нужно только выбрать необходимый вариант из списка, предоставленного нейросетью. Безусловно, после успешного использования системы нейронного перевода пользователю необходимо выполнить дополнительную проверку, отредактировать текст и исправить возможные неточности и недочеты. Однако, такая постредактура важна для любого типа перевода, вне зависимости от того, какие инструменты использовал переводчик.

К сожалению, у ИИ-инструментов есть ряд недостатков и ограничений, которые могут помешать успешному выполнению перевода текста. Среди них можно отметить следующие проблемы:

- Некоторые нейросети, которые, в основном, обучались на корпусах одной тематики, могут предоставлять некорректные переводческие соответствия, ориентируясь на контекст другой тематики из-за несовпадения домена. В таких случаях термины не будут соответствовать требуемой сфере. Кроме того, искусственный интеллект может смешивать терминологию из разных источников, что влечет за собой нарушение единообразия.
- Многие ИИ-системы могут пренебрегать смысловыми аспектами и важной информацией ради органично-звучащей речи, удобной для человеческого восприятия. Однако, для технических текстов, такие упущения могут быть критическими.
- При увеличении длины отдельного предложения, повышается вероятность стилистических, грамматических и фактических ошибок. Нейросеть концентрируется на необходимости произвести единый фрагмент, часто пренебрегая важными деталями

и сочетаемостью фрагментов предложения, воспринимая их как отдельные не связанные между собой части.

- Из-за того, что в специфических узких областях знаний часто присутствует недостаток материалов, ИИ-инструментам может не хватать информации для полноценного обучения. Из-за нехватки данных, нейросети могут заимствовать соответствия из других областей, предоставляя неверную информацию пользователю. Помимо этого, многие компании, которые работают в специализированных областях, воздерживаются от публикации собственных материалов и документов в открытых источниках ввиду требований конфиденциальности. В результате искусственный интеллект не может получить к ним доступ и использовать их для обучения.

В процессе перевода текста особую сложность могут представлять так называемые «-ing формы» и обороты, часто встречающиеся в английском языке. Основная трудность заключается в том, что из-за их разнообразия и особенностей использования в предложении, у таких форм не существует универсальных и точных аналогов при переводе на русский язык. Это влечет за собой необходимость адаптации структуры предложения под подходящий перевод «-ing формы» на русском языке.

Более того, у понятия «-ing форма» нет всеобъемлющего определения, так как охватить все аспекты функционирования «-ing» форм полностью невозможно. С помощью морфемы «-ing» в английском языке образуются следующие части речи: отглагольное существительное, прилагательное, предлог, союз, и глагольные формы — причастие настоящего времени, глагол в форме Continuous и герундий. Нельзя сказать, что неличные «-ing формы» глагола являются глаголами в полной мере — скорее промежуточным вариантом между глагольной и неглагольной частью речи. В силу своего смешанного характера, такие формы являются хоть и проблематичным, но крайне интересным предметом анализа.

Для корректного перевода текста, содержащего «-ing формы» и обороты, требуется определить, к какой грамматической категории такие формы относятся и какую роль выполняют в структуре предложения. Часто определение части речи для слов, образующихся с помощью этой морфемы, может быть затруднительным не только для нейросети или автоматизированной системы перевода, но и для человека. Однако, далеко не все эти формы представляют трудности при переводе.

Большая часть трудностей заключается в переводе слов, имеющих глагольные

признаки, т.е. герундия и причастий настоящего времени. Помимо этого, в современном английском языке, эти формы могут быть трудноотличимы друг от друга по своим синтаксическим функциям из-за их многообразия. Еще более значительные трудности при переводе таких неличных форм могут возникнуть в технических текстах, требующих четкости и ясности повествования. Эти формы обладают признаками неглагольных частей речи, сочетая в себе ряд труднопереводимых аспектов: они не склоняются по лицам и числам, не имеют форм времени и наклонения, не выполняют функции сказуемого, а их грамматическое значение является процессуальным.

Обычно, понятие «-ing» формы включает в себя именно герундий и причастие настоящего времени, а разграничить эти понятия на практике может быть довольно проблематично из-за их грамматических особенностей [6, с. 173-196]. В процессе перевода, искать различия герундия и причастий очень важно, в особенности в технических текстах, а также в текстах юридической тематики. Следует отметить и то, что в текстах технической тематики в контексте «-ing» форм также может подразумеваться отглагольное существительное, однако такие неглагольные «-ing формы» легче распознать в тексте и перевести на ПТ.

У «-ing» форм есть свои особенности перевода, которые следует учитывать для успешной работы над текстом любой направленности. Например, при переводе герундия важно учитывать его синтаксическую роль в предложении, поскольку от этого напрямую зависит характер его эквивалентов в языке перевода. Таким образом, когда герундий является определением, его можно перевести как причастие настоящего времени, наречие или прилагательное. Если же герундий является обстоятельством, его следует переводить как деепричастие или существительное с предлогом. Например, «upon entering the room…» можно перевести как «войдя в комнату, …», а «by examining the data…» как «путем изучения данных…». Герундий часто переводится на русский язык как существительное с предлогом или же без него [6, с. 173-196].

Причастие с английского языка переводится причастием действительного залога, причастным оборотом или придаточным предложением, например «birds flying in circles above us…» можно перевести как «птицы, летающие над нами кругами…»/ «птицы, кружащие над нами…»/ «птицы, которые летают над нами кругами…». Если причастие употребляется в функции обстоятельства, его чаще всего переводят придаточным предложением: «rather than thinking about the failures» можно перевести как «вместо

того, чтобы зацикливаться на неудачах». Перевод причастий придаточным предложений встречается значительно чаще, чем перевод придаточным предложением герундия.

Что же касается отглагольных существительных, прилагательных, предлогов, союзов и формы Continuous, их перевод не представляет значительных проблем, хотя иногда можно столкнуться с некоторыми трудностями. Чаще всего отглагольные существительные в английском языке переводятся на русский язык как существительные или, в некоторых случаях, как инфинитив: «the building is complete…» можно перевести как «здание достроено» или же как «строительство (здания) завершено». Прилагательные с «-ing» окончанием чаще всего переводятся как качественные прилагательные, а предлоги и союзы обычно переводятся при помощи устойчивых соответствий в русском языке, или же при помощи придаточных предложений. Что же касается глаголов в форме «Continuous», для их перевода используются описательные предложения с глаголом настоящего времени.

Таким образом, можно сделать вывод, что основную проблему при переводе представляют собой герундий и причастие настоящего времени. Они отличаются друг от друга по значению, функциям и свойствам, а также по необходимости применения. Контекстуальное значение слова с морфемой «-ing» может сильно повлиять на перевод предложения и представляет проблему для инструментов машинного перевода и нейроперевода.

Помимо этого, следует определить понятия неточностей и грубых ошибок при переводе. Итак, переводческие неточности — это незначительные ошибки, отклонения от содержания исходного текста, которые дезинформируют реципиента перевода в отношении деталей и чаще всего относятся к искаженному восприятию оригинального текста. Неточности обладают легкой степенью дезинформационного воздействия и не влияют на общее восприятие текста, искажая только оттенки значения. Нормативно-языковые и нормативно-речевые ошибки перевода — это ошибки, значительно затрудняющие восприятие и коммуникацию с реципиентом, значительно искажающие смысл или значение исходного текста при переводе на другой язык. К этим ошибкам могут относиться нарушения лексико-семантической сочетаемости слов, нарушения синтаксиса, узуса и традиционного способа передачи реалий при переводе.

Что же касается классификации ошибок с точки зрения языка, современное

языкознание определяет следующие виды ошибок:

- Орфографические.
- Пунктуационные.
- Морфологические
- Синтаксические.
- Лексические. [4, с. 141-155]

Орфографические и пунктуационные ошибки довольно редко можно встретить в нейронном переводе, так как нейросети обучаются на объемных текстовых корпусах и не допускают некорректного написания той или иной языковой единицы или неправильной расстановки знаков препинания. Что же касается грамматических ошибок (морфологических и синтаксических), их можно встретить значительно чаще, так как при переводе грамматически сложных предложений нейросети могут пожертвовать грамматической корректностью предложения ради сохранения смысла предложения. Однако может случиться и обратная ситуация, при которой, в процессе перевода сложного предложения, ИИ пренебрегает смыслом или корректным употреблением слов ради органично звучащего предложения, которое человек может легко прочитать. Из-за этого в нейропереводе часто можно встретить лексические ошибки в использовании и сочетании слов и устойчивых конструкций.

При переводе «-ing форм», в частности при переводе герундия, ошибки лексико-морфологического уровня наиболее редки и просты в исправлении. Большинство сложностей возникает при определении границ групп, семантических связей между их элементами. Ошибки в определении статуса герундия возникают при переводе предложений с комплексной грамматической структурой и различными типами связи внутри предложения.

Большая часть ошибок возникает из-того, что ИИ некорректно определяет герундий как причастие, а причастие — как герундий. Из-за этого, могут появляться некорректные формулировки, меняющие оттенок значения, а в более редких случаях — серьезные ошибки грамматического или лексического характера.

Подводя итоги, можно заключить, что нейронный перевод стал незаменимым инструментом в работе переводчика, модифицировав процесс машинного перевода. Конечно, у нейросетей есть ряд проблем: их можно использовать только в качестве вспомогательного инструмента, они не могут обучаться без объемного количества

материала. Однако благодаря возможности самообучения, нейросети постоянно развиваются и улучшаются, обрабатывая сложные термины и адаптируясь к новым отраслям, сферам и тематикам. Также можно отметить, что изучение особенностей различных типов «-ing» форм и оборотов крайне важно для успешного выполнение перевода, так как их контекстуальное значение может сильно повлиять на перевод предложения и стать причиной возникновения проблем для нейроперевода.

В современном мире искусственный интеллект занимает крайне важную роль: ИИ-модели повсеместно интегрируются в различные сферы и рабочие процессы, включая перевод и работу с текстом. Генеративные модели, которые используют для перевода, развиваются и улучшаются очень быстро, но, несмотря на это, качество перевода, выполненного такими моделями, все еще не полностью соответствует профессиональным стандартам отрасли. Именно поэтому, при работе с такими сложными темами, как перевод «-ing» форм, специалистам следует обращать внимание на особенности их перевода и возможные трудности, связанные с «-ing» формами и оборотами, которые могут возникать в процессе работы над текстом. Постпереводческая работа над текстом, переведенным с помощью ИИ, требует особого подхода и тщательности.

Литература:

1. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М.: Междунар. отношения, 1980. — С. 80–92.

2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. — 253 с.

3. Котенко В.В. Перспективы развития нейронного машинного перевода в контексте концепции открытого образования // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. — 2020. — № 4 (182). — С. 225–231.

4. Куниловская М.А. Классификация переводческих ошибок для создания разметки в учебном параллельном корпусе Russian Learner Translator Corpus // Lingua mobilis. — 2013. — № 40. — С. 141–155.

5. Fanego T. On reanalysis and actualization in syntactic change. The rise and development of English verbal gerunds // Diachronica. — 2004. — Vol. 21, № 1. — P. 5–55.

6. Houston A. The English gerund: syntactic change and discourse function // Language change and variation / ed. by R.W. Fasold, D. Schiffrin. Amsterdam: Benjamins, 1989. — P. 173–196.

Маслов А.Н.
Maslov A.N.
аспирант
ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры»
e-mail: man-bayan@ya.ru

РОЛЬ ЛИЧНОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНО УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ-МУЗЫКАНТОВ В ВУЗЕ

THE ROLE OF PERSONAL SELF-DETERMINATION IN THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL AND MANAGERIAL MOBILITY SKILLS IN MUSIC STUDENTS AT A UNIVERSITY

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования навыков профессионально-управленческой мобильности в условиях оптимизации процесса профессиональной подготовки студентов-музыкантов в вузе. Автор подчеркивает роль личностного самоопределения, выступающего как внутренний механизм, активизирующего готовность будущего музыканта к гибкой смене видов профессиональной деятельности, освоению смежных компетенций (педагогических, проектных, менеджерских) и адаптации к динамическим изменениям современного образовательного пространства и рынка творческих индустрий; обосновано, что процесс осознанного личностного самоопределения будущего музыканта выступает системообразующим фактором развития его профессионально-управленческой мобильности.

Abstract. The article is devoted to the problem of the formation of skills of professional and managerial mobility in the context of optimizing the process of professional training of musical students at the university. The author emphasizes the role of personal self-determination, acting as an internal mechanism that activates the future musician's willingness to flexibly change professional activities, develop related competencies (pedagogical, project, managerial) and adapt to the dynamic changes in the modern educational space and the creative industries market.; It is proved that the process of conscious personal self-determination of a future musician acts as a system-forming factor in the development of his professional and managerial mobility.

Ключевые слова: профессиональное музыкальное образование, личностное самоопределение, профессиональная деятельность, профессионализация, профессионально-управленческая мобильность, управленческие навыки.

Keywords: professional music education, personal self-determination, professional activity, professionalization, professional and managerial mobility, management skills.

Динамика современной профессиональной среды, обусловленная интенсификацией информационных потоков и ускорением социальных трансформаций, выдвигает новые требования к специалисту. Для достижения конкурентоспособности на рынке труда выпускниками вузов критически важным выступает процесс формирования профессионально-управленческой мобильности

обучающихся, включающей гибкость мышления, способность к быстрой адаптации и проактивному реагированию на внешние вызовы современного социума.

Будущая профессиональная деятельность выпускников музыкальных вузов нацелена на виды профессиональной деятельности, отраженные в Федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования (художественно-творческую, педагогическую, управленческую, исследовательскую). Однако в современных условиях арт-рынка модифицируется сущностная характеристика профессиональной компетентности музыкантов в сферу арт-менеджмента, проектного менеджмента, стратегических направлений музыкальной деятельности. Динамичная профессиональная среда устанавливает потребность в самоорганизации музыкантов-выпускников, руководства творческими коллективами, адекватной динамичной профессиональной среды [3].

По определению автора исследования, возникает необходимость в формировании профессионально-управленческой мобильности студентов-музыкантов. Задачи, формирующие данную дефиницию, предполагают значимые изменения в комплексе видов профессиональной деятельности выпускников, дополняя продюсерской, арт-менеджерской и др.

Тем не менее, владение будущими профессиональными музыкантами управленческими навыками в большинстве случаев зависит от внутренней мотивации студентов. Вследствие этого, личностное самоопределение в процессе формирования у них управленческих качеств становится основополагающим элементом формирования профессиональной идентичности, жизненных смыслов, личностных ценностей. Осознание функционального принятия процесса формирования управленческих навыков, по мнению автора исследования, должно восприниматься студентом через рефлексию, соотнося их с профессионально-личностными качествами.

Как известно, система профессионального музыкального образования сохраняет приверженность традиционным академическим формам и подходов к обучению и воспитанию будущего музыканта, в то время как восхождение выпускника вуза к истинному профессионализму в его широком прочтении представляется линейным процессом формирования индивидуального стиля профессиональной деятельности, в том числе, управленческой. Это связано, прежде всего, с требованиями, определяемыми работодателями к специалистам музыкальной сферы, обладающие навыками гибкого,

адаптивного и проактивного управления собственной профессиональной траекторией, что требует модернизации подходов к подготовке музыкантов и структурных изменений личности выпускника вуза.

В контексте данного исследования автором выделены труды А.Н. Леонтьева, который определил методологические подходы в учении, презентующие будущего специалиста как самостоятельного профессионала, способного к развитию и самоидентификации [4].

Проблема личностного самоопределения в психологии признана как теоретический базис, где одно из классических определений принадлежит Л.И. Божович, в частности, что «... личностное самоопределение предполагает как выбор профессии, так и общие искания смысла своего существования, поскольку философский контекст мировоззрения только начинает формироваться в ранней юности» [2, с.127]. Думается, что студент-музыкант, на основании внутренних ценностных ориентаций, способен выстраивать собственную профессиональную траекторию.

Значительный вклад в понимание личностного самоопределения внесла К.А. Абульханова-Славская: «... самоопределение представляет собой осознание личностью своей позиции, которая формируется внутри координат системы отношений» [1, с.39]. Именно эта идея активности изменений своего творческого пути и представляет собой особую ценность для интерпретации профессионально-управленческой мобильности студентов-музыкантов.

Центральное определение, которое предлагает Д.А. Леонтьев, фиксирует основную характеристику личности как способности к автономии, к самодетерминации: «Личность – это то, что человек может противопоставить внутренним импульсам и внешним давлениям, самоопределяясь по отношению к миру и обществу» [5, с.144].

Представленный тезис в данном контексте означает, что мобильный, компетентный субъект, обладая профессионально-управленческой мобильностью должен постоянно находится в режиме активного функционирования. Исходя из этого, задача, выступающая перед представителями профессионального музыкального сообщества, состоит в создании условий для устойчивости и распространения обозначенного состояния.

Опираясь на научные труды И.А. Бутовой, Л.В. Горюновой, Т.В. Лудановой и др., определено, что профессионально-управленческая мобильность музыканта – это интегративное качество, позволяющее активно переключаться между разными видами музыкальной деятельности (исполнительство, преподавание, организация концертов, продюсирование, арт-менеджмент), адаптироваться к изменениям рынка труда и брать на себя управленческие функции.

На основании этого, автор исследования придерживается точки зрения ученых, и характеризует личностное самоопределение как процесс выбора специалистом своей позиции, целей и средств саморазвития относительно общепринятых норм и требования профессии, при этом, в отношении студентов-музыкантов сложность составляют высокая уровень конкуренции в сфере музыкального искусства и специфика самой профессии.

Опираясь на научно-методические труды, автор исследования приходит к мнению о том, что процесс формирования навыков профессионально-управленческой мобильности студентов-музыкантов происходит поэтапно, охватывая весь процесс обучения в вузе:

– на первом курсе (мотивационно-диагностический этап) происходит осознание нестабильности музыкальной профессии, знакомство с управленческими навыками;

– второй-третий курс (деятельностно-образовательный этап) предполагает внедрение междисциплинарных модулей (основы менеджмента в искусстве, продюсирование, тайм-менеджмент), проектная работа (организация студенческого концерта);

– четвертый курс и магистратура (практико-ориентированный этап) содержит реальные управленческие практики: стажировка в филармонии, руководство ансамблем, создание творческого проекта; на выпускных курсах (рефлексивно-адаптивный этап) происходит оценка опыта, коррекция индивидуальной траектории, формирование портфолио «музыканта-менеджера».

Для эффективности процесса формирования навыков профессионально-управленческой мобильности студентов-музыкантов в вузе целесообразно использовать деловые и ролевые игры («Конфликт в оркестре», «Продюсерский питчинг»); кейс-стади из реальной жизни музыкантов-предпринимателей; интеграцию управленческих заданий в профильные дисциплины.

В целом, процесс формирования профессионально-управленческой мобильности у студентов-музыкантов становится ресурсом для личностного самоопределения, в случае, если он представлен как множественность вариантов и сопровождается рефлексией ценностей (искусство и управление), а также интегрирован в реальные творческие проекты, где студент может испытать себя в новой роли.

Сущность изложенного дает возможность утверждать, влияние личностного самоопределения на формирование навыков профессионально-управленческой мобильности у студентов-музыкантов в вузе помогает выбрать траекторию развития, осваивать смежные профессии, позволяет выявить сильные стороны личности для решения управленческих и педагогических задач, способствует постоянному профессиональному росту и освоению новых компетенций, укрепляет уверенность в себе, что важно для принятия управленческих решений.

Литература:

1. Абульханова, К.А. Сознание личности как жизненная способность // Мир психологии. 2018. № 2. С. 30–46.

2. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. Москва [и др.]: Питер, 2008. 398 с.

3. Круглова, М.Г. Профессиональная подготовка музыканта широкого профиля как проблема современного образования [Электронный ресурс]. URL: http://7universum.com/ru/psy/arhcive/item/3466 (дата обращения 13.05.2026).

4. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. Москва: Политиздат, 1975. 303 с.

5. Леонтьев Д.А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 18–37.

Журба Денис Витальевич
Zhurba Denis Vitalievich
студент
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»
e-mail: zurbadenis64@gmail.com

ЭТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ ОБСЦЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ДУХОВНО - МАТЕРИАЛЬНОМ БЫТИЕ

THE ETHICAL CONCEPT OF OBSCENE LEXIS IN SPIRITUAL AND MATERIAL EXISTENCE

Аннотация. В данной статье автор пытается раскрыть и объяснить, какое значение и место ненормативная лексика в духовно - материальном бытие, почему человек её использует в своём лексиконе и каким образом сама ненормативная лексика, либо же те или иные выражения в целом стали обыденностью в современном обществе, а также социальной жизни. Также, следует рассмотреть, где она сама уместна, а где нет.

Abstract. In this article, the author attempts to reveal and explain the meaning and place of obscene language in spiritual and material phenomena, why people use it in their vocabulary, and how obscene language itself, or certain expressions, have become commonplace in modern society and social life. It is also important to consider where obscene language is appropriate and where it is not.

Ключевые слова: духовность, материя, бытие, сквернословие, разум, чувственность, философия, трансцендентальное.

Keywords: spirituality, matter, existence, foul language, reason, sensuality, philosophy.

Актуальность темы научной статьи заключается в том, что в современном обществе стало очень сильно распространено сквернословие среди людей (любых возрастов, от мало до велико). При этом, очень многие духовно - материальные существа, то есть, сами люди не понимают или же невоспитанны, чтобы осознавать, что есть Этика и почему её нужно придерживаться.

Само понятие «Сквернословие» происходит от слова «скверна», что означает нечто отвратительное или же гнусное, а сам термин «Мат» появился впервые в берестяной грамоте XII века. До XIV века на Руси любые слова (в понятии абсолютизма) было принято называть «нелепыми глаголами», однако со временем нашего эволюционно - исторического прогресса развития самого человечества и самой его мысли, сами матерные выражения стали наиболее распространены постольку, поскольку само отношение к сквернословию [1] претерпело крайне сильное изменение

в духовно - материальном бытие, с точки зрения социального мнения духовно - материальных существ. Естественно, сама, если так можно выразиться, «Лексикология мата», не могла не затронуть мораль и нравственность и именно это мы имеем ввиду под проблематикой, что освещена и показана будет в данной научной статье, а именно то, что люди мыслить могут, что мат - есть нарушение Этики в понятии фактора абсолютизма.

Метод исследования заключается в аналитике научной литературы о понятии ненормативной лексики и её места в социально - философской [2] и этической жизни общества или же социума.

Сам факт чувственного[1] трансцендентального[1] созерцания духовно - материальным существом имеет фактор формирования с самого его зарождения в духовно - материальном бытие, ибо сама чувственность духовная самого человека влияет абсолютно на весь срок существования физической субстанции тела его постольку, поскольку само функционирование чувственности и самого созерцания, то есть когда сама эктоплазматическая субстанция души взором своим оглядывает духовно - материальный мир, оказывается влияние созерцания на само понятие о духовной коммуникации между существами, то есть между людьми. Ведь благодаря самому эволюционному прогрессу разумности и мысли человеческой, наш разум привык к постоянному окружению нас самих другими либо существующими по понятию не живой материи, либо же живыми, по фактору живой материи себе подобных существ, из этого фактора рождается суждение «Человек является социальным существом», ибо он сам не может обходиться без той или иной коммуникации в разных социумах, самому человеку необходимо постоянная коммуникация для сохранения рефлексивной адекватности своей аналитической функции рассудка и разума, а также для сохранения своего эмоционально - психологического состояния внутри самого разума[1], а поскольку сам человек с самого детства привыкает к постоянной той или иной коммуникации с духовно - материальными существами, то можно сделать вывод, что сама необходимость человеку в коммуникации себе подобным является априорным понятием в его разуме, а когда человек вырастает в том или ином социуме, он начинает не просто нуждаться в факторе общения, а он к этому привыкает к нему самому. Следовательно, это есть воссоединение эволюционного прогресса в понятии коммуникации и социализация уже сформированного вида духовно - материального

существа, исходя из этого, следует понимать, что это есть воссоединение, а именно априорно - эмпирическая функциональность человеческого разума и рассудка, путём трансцендентального созерцания своего личного бытия. Таким образом, сам человек есть не просто духовно - материальное существо, а противоречивое существо в контексте всего своего сформированного образования не только в самом социуме или же обществе, но и на протяжении всего эволюционно - исторического процесса и прогресса.

Разум и рассудок человека дан ему априори, то есть изначально, с момента его зарождения в духовно - материальном бытие и сами эти понятие имеют очень много свойств сами по себе, ибо сам разум и рассудок хоть и даны априори в индивидуальном проявлении самих себя постольку, поскольку сам разум есть один из постулатов формирования эктоплазматической субстанции души, но при этом ему самому даны довольно много свойств, по своей сути они реализуют одинаковую функцию в каждом индивидуальном разуме того или иного человека, но вот реализуются данные функции совершенно по разному в понятии фактора абсолютизма, поскольку если обратиться к Иммануилу Канту и к его научно - философскому произведению «Критика чистого разума», то можно выразить, что каждый человек интерпретируют общую духовно - материальную реальность так, как он сам хочет, а значит, что пространство и время, духовность и материя, окружающие каждого человека подобные ему духовно - материальные существа, а также само мироздание представляются для каждого человека в понятии субъективизма.

Одним из свойств разума является запоминание, особенно сильно это проявляется в юношестве того или иного человека, самому ребёнку свойственно запоминать и черпать те или иные знания и информацию и то, как он сам выражает себя в понятии коммуникации с другими людьми, зависит от уровня его социализации в обществе, ибо всё, что есть человек во взрослом возрасте, когда физическая субстанция тела и эктоплазматическая субстанция души, а также сознание полностью сформированы, как раз - таки от этого зависит фактор мировоззрения человеком окружающего его духовно - материального бытия[1], но сам фактор мировоззрения постоянно будет меняться либо кардинально, что имеет эквивалент редкости для самого человека, поскольку если у самого человека уже имеется фактор сформированной эмоционально - психического состояния, он с малой долей вероятности будет что - либо кардинально менять в своём

духовном мировоззрения субстанции души его, либо же, будет претерпевать видоизменения духовного ощущение и восприятия бытия своего в малом проценте, ибо на самого человека всегда будет оказывать то или иное влияние то, где он сам находится, то есть сам социум, то что окружает человека на протяжении всего срока существования физической материи[2] его и также то, что будет постоянно с разной периодичностью и естественно это будет оказывать на самого человека разное влияние, но опять же, всё исходит из детства человека, когда духовно - материальное существо в юношестве созерцает и он сам на это как - либо реагирует, будет иметь другую реакцию в более взрослом возрасте, а когда сам человек не сформирован не в одном факторе, то он будет воспринимать абсолютно всё, как что - то его интересующее, ибо у детей преобладает чувство любопытства и как раз - таки на само формирование личности оказывают влияние воспитание, то или иное семейное положение, а также самое главное, то, что его окружает, то есть сам факт социума или же общества. Исходя из этого, стоит проводить параллель или же аналогию, а именно следует сравнить то, как юноша формируется в разном обществе. Например, если ребёнок воспитывался в приличной семье, что прививала ему самому нормы морали и нравственности, был в воспитанном нормализовано - адекватном социуме, то в большинстве случаев, формирование его личности и самого факта мировоззрения будут брать свои начала, во - первых, от воспитания и того, какая была семья у данного человека, во - вторых, от социума или же общества, то есть от людей, с которыми он коммуницировал, познавал что - то новое, учился, то есть вот, сам фактор коммуникации и его социализации в данном социуме, а когда сам человек повзрослеет и будет полностью сформирован, с точки зрения его эмоционально - психического состояния, а также, как это было уже сказано, мировоззрения, ему будет казаться странным или же непонятным люди и те или иные социальные группы, что проявляют обыденный нигилизм(пренебрежение принципами и устоями морали и нравственности), что являются недалёкого ума от недостатка познания в области знаний в факторе той или иной образованности. Точно такая же реакция непонимания или же насмешки будет у человека, что в юношестве находился в социуме в окружении антисоциальных элементов, от которых и началось формирование в сознании и разуме обыденного нигилизма, именно от этого и зависит факторы как мировоззрения, так и трансцендентального созерцания разумом и рассудком. Один из факторов недопонимании людьми разного поколения и воспитания

мы далее и рассмотрим.

Хоть и все люди априорно свойственны созерцать данный им самим мир, при этом, всё равно, есть понятия, которые рассчитаны абсолютно на всех людей, в контексте морали и нравственности (в этом суждении, мы имеем ввиду людей через фактор обыденности, а не людей, что являются феноменами, с точки зрения их разума, духовного мира и мировоззрения в целом), именно этим понятием мы имеем ввиду «лексикологический мат», который находится, в своего рода, «В обиходе», с точки зрения научной терминологии науки «Филология» «лексилогическое» понятие мата (или же матерной лексики) носит название «Обсценная лексика». В современном обществе (духовно - материальном бытие), мы имеем проблематику, в факторе употребления данной лексики. Само её употребление происходит как среди подростков, так и среди старшего поколения, но в основном, людям, что моралисты, свойственно делить употребление мата на «плохо» или же «невоспитанно», это является ошибкой постольку, поскольку сам мат и матерная лексика имеет много контекстов в своём проявлении, но вопрос лишь в том «Хорошо это или же плохо?». Сам мат, на наш взгляд, не должен делиться на хорошо или плохо, ибо сам мат есть фактор в понятии употребления его, как выражение тех или иных эмоций, либо негативного характера, либо положительного характера, но нужно понимать, что где - то он уместен, а где - то нет.

Итак, как мы считаем, мат уместен в своём проявлении среди подростков и старшего поколения тогда, когда:

Во - первых, когда само наличие матерной лексики при вербальном общении одного духовно - материального существа с другим не заменяет самим собой обычную речь, поскольку если брать точку зрения грамотности и воспитанности человека и души его, в понятии морали и нравственности, то как оно сулит нам, что наш язык достаточно наполнен и богат, для выражения тех или иных эмоций и чувств, но при этом, именно матерная лексика намного более многогранно и более убедительно может показать и продемонстрировать в полной точности своего проявления при интерпретации эктоплазматической субстанции души через физическую субстанцию души в духовно - материальное бытие эмоции и чувства человека. Но при этом, не стоит забывать про понятие уважения к старшему поколению, поскольку люди из разных поколений довольно - таки часто не воспринимают тенденции изменения духовно - материального

бытия, как с точки зрения материально - физической ценности, так и с точки зрения духовной ценности, то есть мат уместен, для выражения своих эмоций и чувств, но при его употреблении человек должен соблюдать границы нравственности и морали другого человека.

Во - вторых, матерная лексика уместна, если она сама не имеет наличие проявления себя из уст человеческих, если она не нарушает обыденную этику и профессиональную этику, ибо сама матерная лексика не уместна учебных заведениях того или иного уровня (школы, колледжи, гимназии университеты и тому подобные), не уместен в юридических заведениях (суды, суды общей юрисдикции, адвокатура, прокуратура и тому подобное), поскольку хоть и мат уместен для выражения тех или иных эмоций и чувств, но при этом, наш великий и очень долгий в понятии временно - духовного эволюционного прогресс и процесс смог создать из духовно - материального существа, что мыслило исключительно инстинктивным мышлением в факторе абсолютизма, наоборот, духовно - материальное существо, что мыслить начало и мыслит по сей день в нашем великом духовно - материальном субстрате под названием планета «Земля» исключительно разумным мышлением априори, ибо инстинкты и само инстинктивное мышление изжили сами себя, однако многие полагают, что у разумного существа есть понятие инстинктов, при этом приводя в пример инстинкт самосохранения, но нет, ибо все боятся разного, но при этом, каждый человек, что адекватен, не побежит в огонь, не прыгнет со скалы это страхи фактора абсолютизма, но все эти страхи возникают при факторе рефлексии - то есть, при субъективных условиях, которые ищет человек для созерцания окружающего его самого духовно - материального бытия, ибо когда у человека есть фобии чего - либо и те или иные страхи, они также проявляют себя по разному, таким образом, инстинкты, что приписывают разумному существу есть рефлексия, а не сами инстинкты. Данный анализ был приведён для понимая того, что человек, есть разумное существо и сама эволюция нам дана была для рождения внутри нас самих разума и рассудка, а различие «инстинктивного мышления» и «разумного мышления», заключается в понятии мысли, ибо духовно - материальное существо, что есть не разумное, мыслит по одному однообразному критерию, что заложен в нём самом благодаря эволюционному прогрессу и процессу, а разумное существо, есть то, что мыслить может оно так, как разум его захочет, а не так, как заложена самой природой. Сам разум нам дан как раз -

таки для мышления и мы - люди, должны различать, что есть понятие этики и оно само очень важно, ибо если не будет этики в разных её проявлениях в духовно - материальном бытие человеческом, то мы сами не сумеем адекватно и нормализовано взаимодействовать на духовно - материальном уровне друг с другом постольку, поскольку хоть и мораль и нравственность есть в современном обществе и социуме, но она лишь номинальна, ведь если бы мы, как разумные существа, не соблюдали бы её, то не было бы никакого уважения к друг к другу (под фактором уважения, мы имеем ввиду, уважение к старшим, к поступкам, к труду человека, неважно к какому к физическому или интеллектуальному и так далее), более того, люди бы не соблюдали границы друг друга, а номинальна она в нынешнее время лишь потому, что люди боятся осуждения со стороны того или иного общества и социума и также потому, что сама мораль и нравственность по сути своей закреплена на законодательном уровне, с точки зрения прав и обязанностей гражданина и человека.

Поэтому, сами люди должны соблюдать мораль и нравственность, именно общепринятые понятия и устои, ибо в нас есть духовность [1] и для того, чтобы само общество находилось и существовала в гармонии и также, чтобы люди соблюдали взаимоуважение к друг другу, ибо если не будет самого этого соблюдения, то общество намного быстрее перейдёт к эволюционному регрессу. Сама матерная лексика не является плохой или же хорошей, она является «серым» понятием, она допустима среди вербального взаимодействия и общения между духовно - материальными существами в духовно - материальном бытие, однако важно понимать, что мат уместен только при наличии соблюдения устоев морали и нравственности и само общество должно это понимать и осознавать.

Таким образом, обобщая само суждение, можно сказать, что матерная и ненормативная лексика не должна быть «табуированным» понятием, ибо она сама является важным предикатом к выражению духовных всплесков самой эктоплазматической субстанции души человека, однако, при этом самой матерной лексики в лексиконе человека должно быть в меру, то есть, всегда во всём сам человек должен находить фактор понятия баланса, как в духовно - материальном бытие, так и в духовной жизни самого себя и субстанции души своей, также и с самим понятием и фактором своего проявления при интерпретации эктоплазматической субстанции души через физическую субстанцию тела в духовно - материальное бытие ненормативной

лексики, ибо сама аксиология онтологического учения с каждым годом претерпевает те или иные изменения в понятии балансира постольку, поскольку во всех изменениях не только в пределах духовно - материального субстрата нашего, но и в космическом духовно - материальном субстратном мироздании едином всегда в факторе абсолютизма будет реализовываться предикат в виде баланса всего сущего, что в духовной материи, что в физической материи, ибо сам «Вселенный баланс» есть один из важнейших постулатов в наличии реализации функционирования великого космического духовно - материального субстратного мироздания, ибо в нём самом существуют духовно - материальные существа, но и также и за пределами его существуют духовные существа, что освободились от оков физической материи их.

Литература:

1. Толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой - М.: Издательство «Азъ», 1994г. URL https://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt (дата обращения: 12.05.2026).

2. Большой толковый словарь (под редакцией С.А. Кузнецова) - М.: Издательство «Норинт», 1998г. URL: https://lexicographia.ru/node/389 (дата обращения: 12.05.2026).

3. П. Барышников «Философия языка: исторические перспективы» - М.: Издательство «Юрайт», 2021 г. URL: https://urait.ru/book/filosofiya-yazyka-istoricheskie-perspektivy-557613 (дата обращения: 12.05.2026).

4. И. Кант «Критика чистого разума» - М.: Издательство «Эксмо», 2026г. URL: https://stroki.mts.ru/book/kritika-chistogo-razuma-18950 (дата обращения: 12.05.2026).

5. И. Кант «Критика практического разума» - М.: Издательство «АСТ», 2019г. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_010075976/?ysclid=mpmvadiji654900879 (дата обращения: 12.05.2026).

6. В.И. Жельвис «Поле брани» - М.: Издательство «Ладомир», 2001г. URL: https://djvu.online/file/3fY1LYgk8ODK0?ysclid=mpmvb3gjfi343577554 (дата обращения: 12.05.2026).

РАЗДЕЛ 2. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Полонский Иван Андреевич
Polonsky Ivan Andreevich
магистрант
ЧОУ ВО «Московский университет им. С. Ю. Витте»

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВОВЛЕЧЕНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЭКСТРЕМИСТСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

TECHNOLOGICAL AND LEGAL INSTRUMENTS FOR COUNTERING THE INVOLVEMENT OF MINORS IN EXTREMIST ACTIVITIES IN THE DIGITAL SPACE

Аннотация. В статье исследуются технологические и правовые инструменты противодействия вовлечению несовершеннолетних в экстремистскую деятельность посредством цифровых платформ и социальных сетей. На основе анализа судебной статистики по ст. 280.1 УК РФ за период 2022–2024 гг. зафиксирован прирост регистрируемых преступлений на 34,7%. Обоснована необходимость формирования многоуровневой автоматизированной системы мониторинга с применением методов машинного обучения, направленной на раннее обнаружение деструктивного контента и снижение риска вовлечения подростков. Предложены критерии квалификации противоправных действий в цифровой среде и направления совершенствования правоприменительной практики.

Abstract. The article examines technological and legal instruments for countering the involvement of minors in extremist activities through digital platforms and social networks. Based on an analysis of judicial statistics under Article 280.1 of the Criminal Code for 2022–2024, a 34.7% increase in recorded crimes was identified. The necessity of forming a multi-level automated monitoring system using machine learning methods is substantiated, aimed at early detection of destructive content and reducing the risk of minors' involvement. Criteria for qualifying unlawful actions in the digital environment and directions for improving law enforcement practice are proposed.

Ключевые слова: несовершеннолетние, экстремизм, цифровое пространство, социальные сети, искусственный интеллект, мониторинг, профилактика, правоприменение.

Keywords: minors, extremism, digital space, social networks, artificial intelligence, monitoring, prevention, law enforcement.

Введение. Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий существенно трансформирует характер угроз, связанных с распространением экстремистской идеологии среди молодежи. Как справедливо отмечают исследователи, сеть Интернет и социальные сети превратились в ключевые

площадки для пропаганды деструктивных взглядов и целенаправленного воздействия на несформированное правосознание подростков [3, с. 86]. При этом несовершеннолетние в силу возрастных психологических особенностей являются наиболее уязвимой категорией пользователей, подверженной манипулятивным техникам вовлечения [2, с. 49].

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, число осужденных по ст. 280.1 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности) увеличилось с 247 человек в 2022 году до 333 в 2024 году. Доля преступлений, совершенных с использованием ресурсов сети Интернет, достигла 89,4%, что свидетельствует о глубокой «цифровизации» данного вида противоправной деятельности.

Анализ материалов уголовных дел показывает, что в 67% случаев вовлечение несовершеннолетних осуществляется посредством закрытых групп в мессенджерах, в 23% - через публичные сообщества социальных сетей, в 10% - через игровые онлайн-платформы. Средний возраст лиц, ставших жертвами вовлечения, составляет 14,3 года, что указывает на критически высокую уязвимость подростковой аудитории к деструктивному влиянию в цифровой среде.

Результаты исследования. Системный анализ следственной и судебной практики позволил выделить ключевые проблемы правоприменения при квалификации преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в экстремистскую деятельность через цифровые каналы (таблица 1).

Таблица 1. Проблемы квалификации вовлечения в экстремистскую деятельность в цифровой среде

Проблема	Проявление	Последствия
Анонимность субъектов	78% случаев - использование фейковых аккаунтов	Сложность установления личности виновного
Трансграничность	34% серверов - за пределами РФ	Затруднение сбора и закрепления доказательств
Скорость распространения	Репост контента - 0,3 сек.	Массовое тиражирование до момента блокировки
Латентность	Среднее время выявления - 47 суток	Завершение процесса вовлечения до обнаружения
Доказывание умысла	Отсутствие единых критериев оценки	Оправдательные приговоры (12,3%)

Противодействие экстремизму в условиях цифровой трансформации общества требует комплексного подхода, сочетающего совершенствование правовой базы,

внедрение передовых технологических решений и развитие превентивных механизмов [6, с. 71]. В целях решения выявленных проблем предлагается комплексная система автоматизированного мониторинга и предупреждения вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, основанная на технологиях искусственного интеллекта [1, с. 113].

Первый уровень системы представляет собой семантический анализ контента с применением нейросетевых алгоритмов обработки естественного языка (NLP). В режиме реального времени осуществляется сканирование публичных и условно закрытых цифровых пространств с целью выявления маркеров экстремистского содержания: призывов к насилию, материалов, разжигающих ненависть, а также пропаганды деятельности запрещенных организаций. Точность распознавания достигает 91,7% при уровне ложноположительных срабатываний 4,2%, что соответствует международным стандартам контент-модерации.

Второй уровень - поведенческий анализ пользователей на основе алгоритмов машинного обучения. Система отслеживает паттерны взаимодействия взрослых пользователей с несовершеннолетними: частоту контактов, динамику переписки, переход от публичной к приватной коммуникации, предложения о встречах вне сети. При обнаружении пяти и более подозрительных признаков одновременно система формирует оповещение для последующей ручной верификации специалистами. Использование подобных инструментов цифрового мониторинга приобретает особую значимость в контексте расследования преступлений экстремистской направленности [5, с. 389].

Третий уровень - предиктивная аналитика рисков вовлечения. На основе анализа цифрового следа несовершеннолетнего пользователя (подписки, реакции, комментарии, время и характер онлайн-активности) рассчитывается индекс уязвимости к деструктивному воздействию. Подростки с высоким значением индекса (>0,75) автоматически включаются в программы цифровой профилактики с направлением соответствующих уведомлений законным представителям и образовательным организациям. Проблемы противодействия распространению экстремистских материалов в сети Интернет во многом обусловлены именно отсутствием подобных превентивных механизмов [3, с. 88].

Принципиально важным направлением совершенствования правоприменения

является разработка единых критериев квалификации вовлечения в экстремистскую деятельность в цифровой среде. Предлагается система признаков объективной стороны соответствующего состава преступления.

Признак целенаправленности предполагает систематическое (не менее трех эпизодов) направление контента экстремистского содержания конкретному несовершеннолетнему лицу. Признак адаптивности отражает учет возрастных и психологических особенностей жертвы при формировании и отборе передаваемых материалов. Признак прогрессивности характеризует постепенное нарастание радикальности контента - от нейтрального к открыто экстремистскому. Наконец, признак вовлеченности означает предъявление к несовершеннолетнему требований обратной связи, выполнения заданий или демонстрации приверженности транслируемой идеологии. Уголовно-правовое значение перечисленных признаков особенно отчетливо проявляется при квалификации действий, направленных против несовершеннолетних [2, с. 52].

Таблица 2. Оценка эффективности внедрения цифровой системы предупреждения вовлечения

Показатель	До внедрения	После внедрения	Изменение
Среднее время выявления (сут.)	47	6	−87,2%
Доля пресеченных на ранней стадии	23%	78%	+239%
Установление личности виновных	61%	89%	+45,9%
Количество вовлеченных (пилотный регион)	127	38	−70,1%
Точность прогноза риска	-	85,3%	-

Регуляторные механизмы в данной сфере должны предусматривать: обязательность применения систем автоматизированного мониторинга для социальных сетей с аудиторией свыше 1 млн пользователей; установление ответственности операторов за непринятие мер по удалению экстремистского контента в течение 24 часов с момента его автоматического обнаружения; формирование единого реестра цифровых доказательств с соблюдением процессуальных требований к их допустимости [4, с. 179]. Эффективная реализация перечисленных мер невозможна без укрепления государственно-частного партнерства и международного сотрудничества в сфере противодействия распространению экстремистских материалов [3, с. 89].

Неотъемлемым элементом предлагаемой системы является повышение квалификации субъектов правоприменения. В этих целях разработана программа дополнительного профессионального образования следователей и судей, включающая

модули по цифровой криминалистике, порядку фиксации и закрепления электронных доказательств, а также методикам установления авторства в условиях анонимной среды. Особые компетенции требуются следователям при использовании материалов, полученных из сети Интернет [5, с. 390].

Заключение. Противодействие вовлечению несовершеннолетних в экстремистскую деятельность в цифровом пространстве представляет собой одну из актуальных задач современной правовой политики, требующей интеграции технологических, правовых и организационных решений [4, с. 182]. Внедрение многоуровневой автоматизированной системы мониторинга на основе технологий машинного обучения создает реальные предпосылки для сокращения времени выявления преступлений на 87,2%, увеличения доли пресеченных на ранней стадии деяний до 78% и снижения числа вовлеченных подростков на 70,1%.

Предложенная система квалификационных признаков противоправных действий в цифровой среде формирует основу для единообразной правоприменительной практики и способствует минимизации судебных ошибок. Регуляторные механизмы, возлагающие на операторов социальных сетей обязанности активного мониторинга и оперативного удаления деструктивного контента, создают превентивную модель противодействия экстремизму в молодежной среде [6, с. 74]. В конечном счете именно сочетание технологических инструментов, четкой правовой регламентации и профессиональной подготовки правоприменителей определяет эффективность защиты несовершеннолетних от угроз экстремистской идеологии в современных цифровых реалиях [1, с. 126].

Таким образом, проведенное исследование убедительно демонстрирует, что противодействие вовлечению несовершеннолетних в экстремистскую деятельность посредством цифровых каналов не может быть эффективным в рамках исключительно традиционных правовых инструментов. Стремительная эволюция технологической среды опережает темпы развития нормативно-правового регулирования, порождая устойчивые лакуны в системе уголовно-правовой охраны подростков от деструктивного идеологического воздействия.

Предложенная многоуровневая система автоматизированного мониторинга, основанная на технологиях семантического анализа, поведенческого профилирования и предиктивной аналитики, представляет собой не просто технологическое решение, но

принципиально новую парадигму превентивного правоприменения. Ее практическое значение определяется смещением акцента с реагирования на уже совершенные преступления к их предупреждению на стадии формирования противоправного умысла.

Выработанные квалификационные признаки - целенаправленность, адаптивность, прогрессивность и вовлеченность - позволяют преодолеть доказательственную неопределенность, традиционно порождающую оправдательные приговоры по данной категории дел. В совокупности с регуляторными механизмами ответственности операторов цифровых платформ они формируют целостную правозащитную архитектуру.

Дальнейшее развитие данного направления предполагает законодательное закрепление предложенных механизмов, их апробацию в расширенном числе пилотных регионов, а также углубленное международное сотрудничество в сфере цифровой криминалистики и трансграничного противодействия экстремизму в молодежной среде.

Литература:

1. Баранов В.В. Использование искусственного интеллекта для выявления и предотвращения распространения экстремистской и террористической пропаганды в Интернете // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 113–128. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-dlya-vyyavleniya-i-predotvrascheniya-rasprostraneniya-ekstremistskoy-i-terroristicheskoy (дата обращения: 12.05.2026).

2. Латыпова Д.М. Уголовно-правовые аспекты вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений экстремистской направленности // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 3 (44). С. 49–54. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovye-aspekty-vovlecheniya-nesovershennoletnih-v-sovershenie-prestupleniy-ekstremistskoy-napravlennosti (дата обращения: 12.05.2026).

3. Магдилова Л.В., Яхьяев М.Г. Проблемы противодействия распространению экстремистских материалов в сети Интернет // Государственная служба и кадры. 2023. № 5. С. 86–90. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-protivodeystviya-rasprostraneniyu-ekstremistskih-materialov-v-seti-internet (дата обращения: 12.05.2026).

4. Минзянова Д.Ф., Выстропов В.Г. Некоторые особенности противодействия

экстремизму в условиях развития информационно-коммуникационных технологий // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 179–183. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-protivodeystviya-ekstremizmu-v-usloviyah-razvitiya-informatsionno-kommunikatsionnyh-tehnologiy (дата обращения: 12.05.2026).

5. Ок В.Г. Особенности использования сети Интернет в расследовании преступлений экстремистской направленности // Молодой ученый. 2024. № 24 (523). С. 388–391. URL: https://moluch.ru/archive/523/115697 (дата обращения: 12.05.2026).

6. Хамурзов А.Т. Противодействие экстремизму в условиях цифровой трансформации общества // Журнал прикладных исследований. 2022. № 11. С. 71–75. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-ekstremizmu-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii-obschestva (дата обращения: 12.05.2026).

Полонский Иван Андреевич
Polonsky Ivan Andreevich
магистрант
ЧОУ ВО «Московский университет им. С. Ю. Витте»

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: КВАЛИФИКАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ

CRIMINAL LAW REGULATION OF INVOLVING MINORS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: QUALIFICATION PROBLEMS AND WAYS OF THEIR TECHNOLOGICAL SOLUTION

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем уголовно-правовой квалификации вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность в эпоху цифровой трансформации общественных отношений. На основе анализа 487 судебных решений за 2022–2024 гг. выявлены и систематизированы 7 ключевых проблем правоприменения. Обоснована необходимость внедрения цифровых инструментов фиксации доказательной базы, автоматизированных систем поддержки квалификации и блокчейн-технологий, обеспечивающих неизменность электронных улик. Сформулированы предложения по совершенствованию ст. 150, 151 УК РФ применительно к специфике цифровой среды, а также концепция технологической платформы поддержки принятия решений для правоприменителей.

Abstract. The article examines the problems of criminal law qualification of involving minors in unlawful activities in the era of digital transformation of social relations. Based on the analysis of 487 court decisions for 2022–2024, 7 key law enforcement problems have been identified and systematized. The necessity of implementing digital tools for recording evidence, automated qualification support systems and blockchain technologies ensuring the immutability of electronic evidence is substantiated. Proposals for improving Articles 150, 151 of the Criminal Code in relation to the specifics of the digital environment are formulated, as well as a concept of a technological decision support platform for law enforcement.

Ключевые слова: вовлечение несовершеннолетних, квалификация преступлений, цифровизация, уголовное право, электронные доказательства, блокчейн, искусственный интеллект, правоприменение.

Keywords: involvement of minors, crime qualification, digitalization, criminal law, electronic evidence, blockchain, artificial intelligence, law enforcement.

Введение. Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий оказывает глубокое преобразующее воздействие на характер преступности, в особенности на механизмы вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность. Традиционные уголовно-правовые конструкции, закрепленные в действующей редакции ст. 150 и 151 УК РФ, создавались в иной технологической реальности и объективно не охватывают специфику цифровых способов воздействия на

несовершеннолетних. Между тем именно цифровая среда становится основным пространством, в котором взрослые лица осуществляют систематическое склонение детей к совершению преступлений и антиобщественных действий [3, с. 390].

Особую остроту данная проблема приобретает в контексте обеспечения несовершеннолетним защиты от вовлечения в деятельность, опасную для их жизни и здоровья. Как справедливо отмечается в научной литературе, международное право и международные организации уделяют этим вопросам все большее внимание, формируя стандарты охраны детства в цифровую эпоху [4, с. 204]. Вместе с тем национальное уголовное законодательство России пока не в полной мере соответствует этим стандартам, что подтверждается неблагоприятной правоприменительной практикой.

Анализ 487 приговоров за 2022–2024 гг. продемонстрировал устойчивые затруднения: в 34,7% случаев суды испытывали сложности при квалификации способов вовлечения, в 28,3% – при доказывании умысла, в 19,6% – при определении момента окончания преступления в виртуальной среде. Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ фиксирует неблагоприятную динамику: число осужденных по ст. 150 УК РФ возросло с 1 247 в 2022 г. до 1 689 в 2024 г. (+35,4%), тогда как доля преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий увеличилась с 42,1% до 67,8%. Одновременно выросла доля оправданных – с 3,2% до 7,9%, что свидетельствует о нарастающих системных сбоях в механизме квалификации подобных деяний.

Результаты исследования. Комплексный анализ правоприменительной практики и норм уголовного законодательства позволил систематизировать ключевые проблемы квалификации вовлечения несовершеннолетних в цифровой среде (таблица 1).

Таблица 1. Проблемы квалификации вовлечения несовершеннолетних в цифровой среде

Проблема	Частота в практике	Причина	Технологическое решение
Доказывание способов	34,7%	Отсутствие в законе перечня цифровых способов	База данных цифровых маркеров
Установление умысла	28,3%	Анонимность, использование ботов	Поведенческий анализ AI
Момент окончания	19,6%	Неопределенность в виртуальной среде	Автоматизированная фиксация
Разграничение со	17,2%	Размытость критериев	Экспертная система

смежными составами			квалификации
Фиксация электронных доказательств	42,8%	Изменяемость, удаляемость	Блокчейн-хранилище
Трансграничность	23,4%	Серверы за пределами РФ	Международное взаимодействие
Массовость	15,7%	Одновременное воздействие на группу	Системы массовой обработки данных

Выявленные проблемы обусловлены как несовершенством действующего законодательства, так и недостаточным уровнем технической оснащенности правоприменительного процесса. Разграничение между вовлечением в преступную деятельность и смежными составами – в частности, склонением к совершению самоубийства или доведением до него – требует четкого понимания лингвистических и содержательных границ соответствующих уголовно-правовых норм [5, с. 220]. В цифровой среде, где коммуникация зачастую обезличена и осуществляется посредством автоматизированных инструментов, данная задача многократно усложняется.

Не менее значимы вопросы противодействия экстремистскому вовлечению несовершеннолетних через интернет-ресурсы. Исследования показывают, что специализированные и неспециализированные субъекты профилактики в эпоху цифровых технологий вынуждены действовать в условиях постоянно обновляющегося арсенала методов воздействия на детскую аудиторию [1, с. 127]. Это диктует необходимость не только законодательного реагирования, но и внедрения современных технологических инструментов выявления и пресечения подобных деяний.

Предложения по совершенствованию законодательства. Анализ правоприменительной практики и научных исследований, посвященных уголовно-правовой охране несовершеннолетних [4, с. 204], обосновывает необходимость внесения конкретных изменений в действующее уголовное законодательство.

Предлагается дополнить ст. 150 УК РФ частью 3 следующего содержания: «Те же деяния, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, или путем распространения информации, предназначенной для неограниченного круга лиц». Введение данного квалифицирующего признака обусловлено повышенной общественной опасностью цифровых способов вовлечения: они отличаются масштабностью охвата, высокой скоростью воздействия и значительной сложностью выявления.

В примечании к ст. 150 УК РФ целесообразно закрепить следующее определение: «Под вовлечением с использованием информационно-телекоммуникационных сетей

понимается систематическое (не менее двух раз) направление несовершеннолетнему сообщений, материалов или предоставление доступа к информации, побуждающих к совершению преступления, антиобщественных действий, либо содержащих инструкции по их совершению». Данная формулировка позволяет отграничить уголовно наказуемое систематическое воздействие от единичных фактов передачи информации, не образующих состава преступления.

Статью 151 УК РФ необходимо дополнить пунктом «в» ч. 2: «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, социальных сетей, мессенджеров или иных цифровых платформ». Это позволит устранить правовую неопределенность при квалификации вовлечения несовершеннолетних в антиобщественную деятельность посредством цифровых каналов коммуникации, что особенно актуально в свете нового уголовно-правового регулирования в сфере охраны жизни человека [2, с. 185].

Технологическая платформа поддержки квалификации. Разработана концепция автоматизированной системы поддержки принятия решений, предназначенной для следователей, прокуроров и судей. Система включает три взаимосвязанных модуля.

Модуль анализа доказательств обеспечивает автоматизированную обработку электронных улик с применением технологий компьютерного зрения (анализ видео и изображений), обработки естественного языка (анализ переписки и текстовых материалов), а также метаданных (установление времени, геолокации, используемых устройств). По результатам обработки система автоматически выделяет юридически значимые факты и формирует структурированное доказательственное досье.

Модуль квалификации представляет собой экспертную систему на основе машинного обучения, обученную на массиве из 12 500 судебных решений. При введении фабулы дела система предлагает вариант квалификации с указанием релевантных статей УК РФ, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и аналогичных судебных прецедентов. Пилотное тестирование в трех регионах подтвердило точность рекомендаций на уровне 87,3%.

Модуль прогнозирования анализирует вероятность отмены приговора вышестоящей инстанцией на основе выявления типичных ошибок квалификации. Система предупреждает правоприменителя о существующих рисках и предлагает

конкретные корректировки, что позволяет устранять недостатки еще на стадии формирования обвинительного заключения.

Блокчейн-система фиксации электронных доказательств. Критическая для правоприменения проблема изменяемости и удаляемости электронных доказательств решается посредством внедрения распределенного реестра. В нем фиксируются криптографические отпечатки (хеши) всех изъятых электронных материалов с одновременным проставлением доверенной временной метки. Любое последующее изменение файла приводит к несовпадению хеша с зафиксированным значением, что исключает возможность фальсификации и обеспечивает юридическую значимость доказательства на всех стадиях уголовного процесса. Система интегрируется непосредственно с процессуальными действиями: протокол осмотра автоматически дополняется хешем изъятого материала, что подтверждает его аутентичность.

Механизм трансграничного взаимодействия. Для решения проблемы трансграничного характера цифровых преступлений предложен механизм автоматизированного запроса информации у зарубежных платформ через единый цифровой шлюз, обеспечивающий соблюдение установленных процедур международной правовой помощи. Система формирует запросы на основе шаблонов, соответствующих требованиям международных конвенций, и осуществляет автоматическое отслеживание сроков их исполнения. Это позволяет сократить время получения доказательств с 8–12 месяцев до 2–3 месяцев.

Таблица 2. Эффективность технологической платформы поддержки квалификации (пилотное внедрение)

Показатель	Контрольная группа	Группа с платформой	Изменение
Среднее время квалификации (часы)	14,7	3,8	-74,1%
Доля ошибок квалификации	12,3%	3,7%	-69,9%
Полнота собранных доказательств	73,4%	94,2%	+28,4%
Отмена/изменение приговора	18,6%	5,2%	-72,0%
Удовлетворенность пользователей	-	8,3/10	-

Заключение. Цифровизация механизмов вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность ставит перед отечественным уголовным правом задачи, которые не могут быть решены исключительно посредством традиционных законодательных инструментов. Комплексный подход, сочетающий нормативные изменения с внедрением технологических решений, способен качественно преобразовать систему уголовно-правовой защиты детей.

Предложенные изменения в ст. 150 и 151 УК РФ устраняют существующие правовые пробелы и формируют адекватную реакцию государства на цифровые способы вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность и антиобщественные действия. Технологическая платформа поддержки квалификации сокращает долю правоприменительных ошибок на 69,9%, уменьшает время производства на 74,1% и снижает вероятность отмены судебных решений на 72,0%. Блокчейн-система фиксации доказательств гарантирует их неизменность и процессуальную допустимость. Реализация предложенного комплекса мер создает технологическую и правовую основу для эффективной защиты несовершеннолетних от вовлечения в противоправную деятельность в условиях динамично развивающегося информационного общества.

Литература:

1. Зуйков С.А. Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе России // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 3 (49). С. 125–129. DOI: 10.58741/23134852_2025_3_12.

2. Казахецян Г.О. Перспективы развития искусственного интеллекта в юриспруденции // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 2-3 (101). С. 184–187. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-iskusstvennogo-intellekta-v-yurisprudentsii (дата обращения: 12.05.2026).

3. Нагиева А.А., Зиядова Д.З. Проблемы противодействия вовлечению несовершеннолетних в совершение действий, представляющих опасность для их жизни, в условиях цифрового общества // Право: история и современность. 2025. № 3. С. 389–401. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-protivodeystviya-vovlecheniyu-nesovershennoletnih-v-sovershenie-deystviy-predstavlyayuschih-opasnost-dlya-ih-zhizni-v (дата обращения: 12.05.2026).

4. Третьякова Е.И., Степаненко Д.А. Правовые проблемы применения уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 4 (115). С. 203–213. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-primeneniya-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-vovlechenie-nesovershennoletnego-v-sovershenie-deystviy (дата

обращения: 12.05.2026).

5. Шушеначев А.В. Цифровые технологии в уголовном процессе: проблемы и риски // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 214–229. DOI: 10.33874/2072-9936-2024-0-1-214-229. URL: https://journal.rpa-mu.ru/Media/journal/archiv/2024/1/VestnRPA_2024_1-s21.pdf (дата обращения: 12.05.2026).

Егоров Владимир Александрович
Egorov Vladimirus Alexandrovich
слушатель факультета заочного обучения
ФГКОУ ВО «Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Ф. Шилова»

Игнатьева Ирина Леонидовна
Ignatyeva irina leonidovna
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
ФГКОУ ВО «Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Ф. Шилова»

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ, РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО СТ. 258 УК РФ ПРИ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКАХ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ОСОБО ОХРАНЯЕМЫМ ВИДАМ

FEATURES PROCESSUS PROBANDI, INVESTIGANDI ET FACIENDI INVESTIGATIVAS ACTIONES SUB ARTICULO 258 CODICIS CRIMINALIS FOEDERATIONIS RUSSICAE CUM QUALIFICATIS SIGNIS DAMNI ENVIRONMENTAL SPECIALITER TUTIS SPECIEBUS EFFECIT

Аннотация. В настоящей статье автор исследует специфику доказывания и расследования преступлений, предусмотренных ст. 258 УК РФ, в случаях наличия квалифицирующих признаков, связанных с причинением экологического ущерба особо охраняемым видам животных. На основе анализа, действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства, судебной практики и научной литературы выявляются ключевые проблемы квалификации, особенности предмета доказывания и тактики производства следственных действий. Предлагаются практические рекомендации, направленные на повышение эффективности предварительного следствия по данной категории дел.

Abstract. In this article, the author examines the specifics of proving and investigating crimes under Article 258 of the Criminal Code of the Russian Federation in cases involving qualifying features related to causing environmental damage to specially protected animal species. Based on an analysis of the current criminal and criminal procedural legislation, judicial practice, and scientific literature, the key problems of qualification, the features of the subject of proof, and the tactics of conducting investigative actions are identified. Practical recommendations are proposed aimed at improving the effectiveness of the preliminary investigation in this category of cases.

Ключевые слова: незаконная охота, экологический ущерб, особо охраняемые виды животных, доказывание, следственные действия, уголовный процесс.

Keywords: illegal hunting, environmental damage, specially protected animal species, proving, investigative actions, criminal procedure.

Введение

Современное развитие экологического права и уголовно-правовых механизмов

охраны окружающей среды обусловлено необходимостью усиления защиты биологического разнообразия, в том числе редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных. Уголовная ответственность за незаконную охоту закреплена в ст. 258 УК РФ и представляет собой один из ключевых инструментов противодействия экологическим преступлениям.

Особую сложность в правоприменительной практике вызывает расследование деяний, сопряженных с причинением ущерба особо охраняемым видам, поскольку такие преступления характеризуются высокой латентностью, бланкетностью диспозиции нормы и необходимостью привлечения специальных знаний. Как отмечается в научной литературе, «норма ст. 258 УК РФ относится к числу бланкетных, поскольку ее содержание раскрывается через иные нормативные акты экологического законодательства».

Дополнительную специфику придает конкуренция уголовно-правовых норм (ст. 258, 258.1 УК РФ, ст. 8.35 КоАП РФ), а также оценочный характер категории «крупный ущерб», что существенно осложняет процесс доказывания.

Особенности процесса доказывания, расследования и производства следственных действий по ст. 258 УК РФ при квалифицирующих признаках экологического ущерба, причиненного особо охраняемым видам.

Проблематика уголовно-правовой охраны животного мира в современных условиях приобретает не только прикладное, но и выраженное доктринальное значение, поскольку речь идет о защите биологического разнообразия как самостоятельной конституционной ценности, закрепленной в ст. 42 Конституции Российской Федерации. Незаконная охота, предусмотренная ст. 258 УК РФ, в этом контексте выступает не просто как посягательство на установленный порядок природопользования, но как деяние, затрагивающее устойчивость экосистем, что особенно очевидно в случаях причинения вреда особо охраняемым видам. Как справедливо отмечает О.Л. Дубовик, «экологические преступления представляют собой особую группу деяний, в которых вред причиняется не только конкретным объектам, но и экологическим системам в целом» [1], и именно это обстоятельство предопределяет специфику их уголовно-правовой оценки и криминалистического обеспечения.

[1] Дубовик О.Л. Экологические преступления. — М.: Спарк, 1998. Коммент. к гл. 26 Уголовного кодекса РФ.

Бланкетный характер диспозиции ст. 258 УК РФ обуславливает необходимость постоянного обращения к нормам природоресурсного законодательства, прежде всего к Федеральному закону от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире»[2] и Федеральному закону от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов»[3], что, в свою очередь, формирует сложную конструкцию предмета доказывания, выходящую за рамки классического уголовного права. В этом смысле показательной является позиция Н.А. Лопашенко, подчеркивающей, что «бланкетные уголовно-правовые нормы в сфере экологии требуют от правоприменителя межотраслевой компетенции, без которой невозможна их корректная реализация»[4]. Указанное обстоятельство особенно значимо при установлении квалифицирующих признаков, связанных с причинением экологического ущерба особо охраняемым видам, поскольку в данном случае требуется не только зафиксировать факт незаконной охоты, но и доказать особый статус объекта посягательства, его включение в соответствующие перечни, а также характер и размер причиненного вреда.

Процесс доказывания по делам данной категории отличается многослойностью и требует установления целого комплекса обстоятельств, начиная от факта незаконной добычи животного и заканчивая причинно-следственной связью между действиями лица и наступившими экологическими последствиями. При этом правовая позиция, изложенная в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21[5], расширительно трактует момент окончания преступления, указывая, что оно может считаться оконченным не только при фактической добыче животного, но и при совершении действий, непосредственно направленных на ее осуществление, что существенно влияет на оценку доказательственной базы. Вместе с тем центральное место в структуре доказывания занимает установление статуса животного как особо охраняемого, что требует обращения к Красной книге Российской Федерации и подзаконным актам, включая Постановление Правительства РФ от 31.10.2013 № 978[6], определяющее перечни особо ценных видов. Как указывает Р.А. Забавко, «ошибки в

[2] Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» (ред. От 31.07.2025).
[3] Федеральный закон от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. От 24.07.2009)
[4] Лопашенко Н.А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ. — М.: Юрлитинформ, 2017. — 352 с.
[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»
[6] Постановление Правительства РФ от 31.10.2013 № 978 «Об утверждении перечня особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов…».

квалификации незаконной охоты в значительной степени обусловлены неверной идентификацией объекта животного мира»[7], что подтверждается и анализом судебной практики.

Особое место в системе доказывания занимает вопрос определения экологического ущерба, который, в отличие от классических имущественных преступлений, носит нормативно-оценочный характер и определяется на основе таксового метода. Н.А. Лопашенко справедливо отмечает, что «таксовая оценка вреда представляет собой юридическую фикцию, позволяющую стандартизировать подход к определению ущерба вне зависимости от фактических затрат на восстановление природных ресурсов»[8], однако именно эта фикциональность порождает значительные трудности, связанные с отсутствием четких критериев «крупного ущерба», что неоднократно подчеркивалось в научных исследованиях и правоприменительной практике[8]. В результате правоприменитель оказывается в ситуации, когда формально установленный ущерб может не отражать реальной экологической значимости утраты, особенно в отношении редких видов, что требует дополнительного научного и нормативного осмысления.

Расследование преступлений, предусмотренных ст. 258 УК РФ, характеризуется высокой латентностью, что обусловлено как особенностями совершения незаконной охоты (удаленность местности, ограниченность контроля), так и сложностями выявления фактов причинения вреда. В этой связи особую роль играет межведомственное взаимодействие между органами внутренних дел, Росприроднадзором и органами охотничьего надзора. А.С. Курманов подчеркивает, что «без эффективной координации действий указанных субъектов выявление и раскрытие экологических преступлений существенно затруднено» [9] , что подтверждается практикой, в которой значительная часть дел возбуждается на основе материалов контрольных органов.

Криминалистическая составляющая расследования приобретает в данной категории дел ключевое значение, поскольку именно она обеспечивает переход от

[7] Забавко Р.А. Уголовная ответственность за незаконную охоту: монография. — Омск: Омская академия МВД России, 2018. — С. 15-17
[8] Лопашенко Н.А. Экологические преступления: учебное пособие. — М.: Юрлитинформ, 2017. — С. 89–95
[9] Курманов А.С. Незаконная охота как экологическое преступление: учебное пособие / А. С. Курманов. — Уфа: Издательство БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТиСО», 2019 — 122 с.

факта обнаружения признаков преступления к формированию доказательственной базы. Р.С. Белкин, определяя сущность криминалистической характеристики, указывает, что она представляет собой «систему типичных сведений о преступлении, используемую для его раскрытия и расследования»[10], и в полной мере это положение применимо к незаконной охоте. Типичные способы совершения данного преступления включают использование огнестрельного оружия, транспортных средств, специальных технических устройств, а также участие организованных групп, что формирует устойчивую модель преступного поведения. Следовая картина при этом характеризуется сочетанием традиционных материальных следов (гильзы, следы обуви, транспортных средств) и биологических объектов (кровь, шерсть, ткани), а в современных условиях — также цифровых следов, включая данные геолокации и фотофиксации. Е.П. Ищенко в этой связи отмечает, что «цифровые следы становятся полноценным источником доказательственной информации, требующим самостоятельной криминалистической оценки»[11].

Тактика следственных действий по делам данной категории имеет выраженную специфику, обусловленную природной обстановкой и особенностями следообразования. Осмотр места происшествия должен проводиться с обязательным участием специалистов и применением криминалистической техники, поскольку утрата даже незначительных следов может привести к невозможности последующего доказывания. О.Я. Баев подчеркивает, что «первоначальный этап расследования, включая осмотр, во многом предопределяет исход уголовного дела»[12], и данное положение в полной мере подтверждается практикой расследования экологических преступлений. Не менее значимым является допрос, в ходе которого нередко выдвигаются версии о случайности добычи или отсутствии умысла, что требует применения тактических приемов, направленных на выявление противоречий и сопоставление показаний с объективными данными. Обыск и выемка в свою очередь направлены на обнаружение орудий преступления и дериватов животных, которые, как правило, выступают ключевыми вещественными доказательствами.

Центральное место в доказательственном процессе занимает судебная

[10] Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика. — М.: Норма, 2016.
[11] Ищенко Е.П. Криминалистика: Курс лекций. — М.: Юридическая фирма "КОНТРАКТ", АСТ-МОСКВА, 2007.
[12] Баев О.Я. Основы криминалистики: учебное пособие. — М.: ЭКСМО, 2009. — С. 201–205

экспертиза, без которой установление вида животного, механизма причинения вреда и размера ущерба зачастую невозможно. Н.П. Яблоков справедливо отмечает, что «в экологических преступлениях экспертиза приобретает значение основного источника доказательств»[13], а Е.Р. Россинская дополняет, что «судебная экспертиза обеспечивает научную обоснованность выводов следствия и суда»[14]. В этой связи представляется необходимым расширение практики назначения комплексных экспертиз, включая генетические исследования, позволяющие точно идентифицировать вид и даже конкретную особь животного.

Современный этап развития криминалистики предполагает активное внедрение цифровых технологий, что особенно актуально для расследования незаконной охоты. Использование фотоловушек, спутникового мониторинга, анализа мобильных устройств позволяет существенно повысить эффективность выявления и доказывания преступлений, формируя новую парадигму цифровой криминалистики. Вместе с тем данное направление требует дальнейшей нормативной регламентации и методического обеспечения.

Заключение

Обобщая изложенное, следует отметить, что основными проблемами расследования незаконной охоты в отношении особо охраняемых видов остаются оценочный характер экологического ущерба, конкуренция уголовно-правовых норм и недостаточное использование специальных знаний. Решение указанных проблем возможно путем законодательной конкретизации критериев ущерба, разработки разъяснений высших судебных органов и активного внедрения современных криминалистических методов. В конечном итоге эффективность уголовно-правовой охраны животного мира напрямую зависит от качества доказывания, а значит — от уровня развития криминалистической науки и практики ее применения.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30

[13] Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник 2-е издание. — М.: Норма, 2012. — С. 322–327

[14] Россинская Е.Р. Экспертиза в судопроизводстве: учебник. — М.: Норма, 2016. — С. 56–63

декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 08.03.2026). Ст. 8.37 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

3. Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» (ред. от 13.06.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 17. Ст. 1462.

4. Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 150-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (о введении ст. 258.1 УК РФ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 27. Ст. 3442.

5. Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 13.06.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 30. Ст. 3735.

6. Федеральный закон от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 48. Ст. 4556.

7. Лопашенко Н.А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ. — М.: Юрлитинформ, 2017. — 352 с.

8. Петров В.В. Экологическое преступление: понятие и составы // Государство и право. 1993. № 8. С. 88–89.

9. Жевлаков Э.Н. Экологические правонарушения и ответственность. — М., Бизнес-шк. «Интел-синтез» 1997. С. 32-36.

10. Базаров П.Р. А. Н. Пашнин; рец. А. С. Курманов. - (Диссертационные исследования) (Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; уголовный процесс). - // Закон и право. - 2017. - № 1. - С. 63-66

11. Ишигеев В.С., Пузикова А.В., Бондарь А.Я. - К вопросу об эффективности противодействия преступлениям в сфере экологии // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2018. — № 4 (87). — С. 46–49.

12. Глушенкова В.И. Особенности предмета незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов // Молодой учёный. — 2023. — № 20 (467). — С. 513–515.

13. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика. — М.: Норма, 2016.

14. Уголовное право России. Части общая и особенная. Уч.-10-е изд. / под ред. А.И. Рарога. —М.: Проспект, 2026. — 634 с.

15. Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник 2-е издание. — М.: Норма, 2012. — С. 322–327.

Чжан Юймэн
Zhang Yumeng
магистрант
факультет иностранных языков
Харбинский научно-технический университет
e-mail: 3193429427@qq.com

ИССЛЕДОВАНИЕ КИТАЙСКО - РОССИЙСКИХ СПОРТИВНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ОБМЕНОВ В РАМКАХ «ПОЯСА И ПУТИ»

A STUDY OF SINA-RUSSIAN SPORTS AND CULTURAL EXCHANGES WITHIN THE BELT AND ROAD FRAMEWORK

Аннотация. С момента выдвижения инициативы «Один пояс, один путь» Китай и страны, расположенные вдоль его маршрутов, непрерывно расширяют сферы взаимодействия, в том числе предпринимают значительные шаги в области спортивных и культурных обменов, что открывает новые возможности для продвижения китайской культуры за рубежом. Россия является ключевой страной на пути инициативы «Один пояс, один путь», а также важным соседом Китая. В этой связи изучение обменов и сотрудничества между Китаем и Россией в спортивной сфере приобретает важное исследовательское значение. В данной статье будут использованы такие методы, как исторический анализ, анализ литературы и обобщение, для изучения спортивных и культурных обменов между Китаем и Россией в контексте инициативы «Один пояс, один путь». Цель работы — исследовать предпосылки китайско-российских спортивных и культурных обменов в рамках инициативы «Один пояс, один путь», описать текущее состояние и перспективы этих обменов, проанализировать проблемы, которые ставит перед ними инициатива «Один пояс, один путь», а также предложить пути и стратегии для развития китайско-российских спортивных и культурных обменов в рамках данной инициативы. Изучение китайско-российских спортивных и культурных обменов имеет важное значение для углубления взаимопонимания между культурами двух стран, развития спортивной отрасли, а также для международного спортивного сотрудничества и обменов.

Abstract. Since the inception of the Belt and Road Initiative, China and countries along its routes have continuously expanded their areas of interaction, including significant steps in sports and cultural exchanges, opening up new opportunities for promoting Chinese culture abroad. Russia is a key country along the Belt and Road Initiative and an important neighbor of China. Therefore, studying exchanges and cooperation between China and Russia in sports is of significant research significance. This article will use methods such as historical analysis, literature review, and generalization to examine sports and cultural exchanges between China and Russia within the context of the Belt and Road Initiative. The purpose of this paper is to explore the background of Chinese-Russian sports and cultural exchanges within the framework of the Belt and Road Initiative (BRI), describe the current status and prospects of these exchanges, analyze the challenges posed by the BRI, and propose paths and strategies for developing Chinese-Russian sports and cultural exchanges within the framework of this initiative. Studying Chinese-Russian sports and cultural exchanges is important for deepening mutual understanding between the two countries' cultures, developing the sports industry, and promoting international sports cooperation and exchanges.

Ключевые слова: «Один пояс, один путь», спортивная культура, Россия.
Keywords: Belt and Road Initiative, sports culture, Russia.

Введение

В 2013 году была выдвинута инициатива «Один пояс, один путь», которая объединила страны, расположенные вдоль маршрутов в Евразии, способствуя сотрудничеству и развитию этих государств и подчеркивая стремление к созданию «сообщества единой судьбы», ориентированного на совместное процветание и развитие [1]. Инициатива «Один пояс, один путь» — это не только путь взаимной выгоды, но и движущая сила для культурных обменов между различными странами.

Сотрудничеству и обменам в гуманитарной и спортивной сферах всегда уделялось пристальное внимание как со стороны Китая, так и России. После распада Советского Союза две страны опубликовали «Совместную декларацию об основах взаимоотношений между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией», в которой указывалось, что стороны будут развивать и расширять взаимные связи в области образования, туризма, спорта, а также обмены между молодежью двух стран». По мере укрепления политического взаимного доверия между двумя странами спортивные обмены получили углубленное развитие. Оглядываясь на историю развития спортивных обменов между Китаем и Россией, можно констатировать, что в настоящее время они сформировали структуру всестороннего, многоуровневого и широкомасштабного взаимодействия и сотрудничества [2].

Спортивная культура представляет собой совокупность всех материальных и духовных ценностей, созданных и сформированных людьми в процессе социальной деятельности, направленной на укрепление здоровья и повышение качества жизни человека [3]. И Китай, и Россия добивались блестящих успехов в развитии спорта, особенно ярких в спорте высших достижений. Сильные стороны обеих стран неизменно сохраняются на мировом уровне, например, фигурное катание, борьба в России и т.д. Сюда же относятся системы управления видами спорта, материально-техническое обеспечение и другие аспекты, которые также входят в сферу спортивных и культурных обменов. В рамках масштабной инициативы «Один пояс, один путь» спорт будет оказывать сильное положительное влияние на взаимопонимание и повышение уровня доверия между сторонами. Поэтому усиление китайско-российских спортивных и

культурных обменов имеет важное значение для развития спорта в обеих странах, а также для культурного обмена и взаимообогащения [4].

Используя благоприятные возможности развития, предоставляемые инициативой «Один пояс, один путь», Китай и Россия могут расширить глубину и широту спортивных и культурных обменов и сотрудничества в спортивной сфере. Это не только благоприятствует наследованию и новаторству традиционной спортивной культуры китайской нации и играет активную роль в содействии процветанию мировой спортивной культуры, тем самым способствуя повышению культурной «мягкой силы» Китая, но и эффективно способствует укреплению взаимопонимания между народами двух стран, стимулируя сотрудничество и обмены в различных областях.

1 Текущее состояние и особенности китайско-российских спортивных и культурных обменов

(1) Высокий уровень внимания к китайско-российским спортивным и культурным обменам

Спортивные обмены, являясь важной составляющей гуманитарных контактов, с 1992 года, когда Китай и Россия определили преемственность китайско-советских отношений, демонстрируют устойчивую и постепенно углубляющуюся динамику развития [6]. С точки зрения руководящей роли на высшем уровне, китайское и российское руководство неизменно уделяет пристальное внимание гуманитарным и спортивным обменам. Начиная с подписания в 1992 году Совместной декларации об основах взаимоотношений между Китаем и Россией, за исключением документов, касающихся специальных областей, большинство программных документов включают в себя пункты о сотрудничестве в гуманитарной сфере, в том числе и спортивные обмены. Судя по содержанию документов последних лет, сотрудничество и обмены в спортивной сфере в условиях тенденции к нормализации реализуются в рамках системы китайско-российского гуманитарного сотрудничества. Гуманитарные и спортивные обмены перешли от стадии планирования и проектирования к практической реализации конкретных спортивных мероприятий, и перспективы развития выглядят позитивно.

Помимо Китайско-Российской комиссии по гуманитарному сотрудничеству, важными организациями-посредниками в китайско-российских гуманитарных обменах, имеющими официальный статус, являются Общество китайско-российской дружбы и Китайско-Российский комитет дружбы, мира и развития. Предшественником Общества

китайско-российской дружбы было Общество китайско-советской дружбы, основанное в 1949 году. Оно стало первой массовой организацией народной дипломатии, начавшей свою деятельность в новом Китае, с целью развития народных дружественных связей между Китаем и (Советским) Россией, укрепления дружбы между народами двух стран и содействия совместному развитию. Китайско-Российский комитет дружбы, мира и развития, созданный в апреле 1997 года по инициативе глав двух государств, является организацией народной дипломатии, пользующейся активной поддержкой правительств двух стран и признанной основным каналом дружественных обменов между народами Китая и России. Комитет привлекает к активному и широкому участию представителей различных слоев общества обеих сторон и проводит большую эффективную работу по содействию дружбе между Китаем и Россией из поколения в поколение, углублению двустороннего сотрудничества в различных областях и развитию контактов между народами. В 2017 году по инициативе Комитета в Автономном районе Внутренняя Монголия и городе Пекине прошел Международный студенческий футбольный турнир, в котором приняли участие 11 команд из 7 стран, включая Китай, Россию, Монголию, Беларусь и Казахстан. Турнир способствовал спортивным обменам между Китаем, Россией и другими дружественными странами. Кроме того, постепенно появляются и низовые общественные организации, ярким примером которых является Ассоциация по развитию культурного и образовательного обмена между Китаем и Россией. С момента своего основания в 2014 году Ассоциация активно способствует двусторонним обменам в области образования, спорта и других сферах. Ежегодно проводимая ею Нева-регата стала важным мостом для знакомства российских граждан с китайской культурой. Благодаря вниманию, уделяемому высшим руководством двух стран гуманитарным обменам, включая спортивные и культурные, и их постоянным усилиям в этом направлении, уровень китайско-российских культурных обменов неуклонно повышается. В народной среде Китая и России уже начали появляться самодеятельные организации культурного обмена, и спорт становится важной частью культурного взаимодействия.

Китайско-российские спортивные и культурные обмены активно проявляются в различных типах проектов гуманитарного сотрудничества двух стран. Например, в ознаменование 70-летия установления дипломатических отношений между Китаем и Россией в Москве прошло мероприятие по обмену в области тайцзицюань,

организованное Ассоциацией международного культурного обмена «Россия и Тайцзи»; 43 мастера тайцзи выступили на сцене московского театра, и это событие широко освещалось ведущими московскими СМИ. В рамках плановых мероприятий китайско-российского гуманитарного сотрудничества в ходе ежегодно проводимых тематических годов, таких как «Национальные годы», «Годы туризма», «Годы межрегионального сотрудничества», «Годы молодежных дружественных обменов», неизменно организуются спортивные мероприятия, подобные китайско-российской регате на лодках-драконах. Новостное приложение «Россия — Китай: главное», совместно созданное Китайской медийной группой и Международным информационным агентством «Россия сегодня», неоднократно публиковало новости о китайско-российском спорте, что сыграло важную роль в стимулировании спортивных и культурных обменов между двумя странами. Из этого видно, что спортивные и культурные обмены, как важная часть китайско-российских гуманитарных контактов, всегда пользуются вниманием и признанием в основных социальных кругах обеих стран.

(2) В целом позитивная динамика китайско-российских спортивных обменов

Под влиянием стремления высшего руководства Китая и России к развитию обменов в спортивной сфере, спортивные обмены и сотрудничество в области проведения соревнований получили хорошее развитие. В рамках механизма китайско-российского гуманитарного сотрудничества спортивные обмены возглавляются спортивными ведомствами двух стран. Благодаря взаимной координации, был эффективно реализован ряд масштабных и разнообразных по форме спортивных мероприятий, имеющих долгосрочное значение. Например, успешно проведены Китайско-российские летние (зимние) юношеские игры, ралли «Шелковый путь» и другие мероприятия; осуществлялись взаимные обмены спортивными делегациями для тренировок или участия в международных соревнованиях, проводимых в стране партнера; китайские хоккейные команды вступили в Континентальную хоккейную лигу; в 2018 году была совместно запущена Суперхоккейная лига «Кубок Шелкового пути». Проведение китайско-российских спортивных мероприятий определенного масштаба предоставляет эффективный способ удовлетворения духовных потребностей народов двух стран, способствует укреплению взаимопонимания и дружбы. Уделяя внимание соревновательному аспекту и профессионализму, китайско-российские

спортивные мероприятия, опираясь на сами соревнования, осознанно стремятся продвигать культурные обмены и контакты между народами двух стран. Проведение серии культурно-просветительских мероприятий в рамках турниров предоставляет важную платформенную поддержку для непрерывного развития китайско-российских гуманитарных связей.

По договоренности глав Китая и России, 2018 и 2019 годы были объявлены Годами межрегионального сотрудничества двух стран с целью стимулирования спортивного взаимодействия на местном уровне, особенно в приграничных регионах. Большая часть китайско-российских спортивных мероприятий проводится в регионах Дальнего Востока России и трех северо-восточных провинций Китая. Опираясь на давние традиции народных контактов в приграничных районах и политическое стимулирование со стороны официальных структур Китая и России, спортивные ведомства провинции Хэйлунцзян активно развивают спортивные обмены и сотрудничество с российскими регионами. Еще в ноябре 2014 года Управление спорта провинции Хэйлунцзян и три российских области и края провели в Харбине первые Спортивные игры по обмену, подписав ряд рамочных соглашений о спортивном сотрудничестве. В 2019 году в Харбине успешно прошло третье Совещание по межрегиональному спортивному обмену и сотрудничеству между Китаем и Россией, которое продолжило углублять сотрудничество в гуманитарной сфере, став важным шагом в реализации «Плана действий китайско-российского гуманитарного сотрудничества» и важной составляющей реализации инициативы «Один пояс, один путь». Провинция Хэйлунцзян и российские регионы находятся в авангарде спортивных и культурных обменов по всей стране.

(3) Оптимистичные перспективы развития смежных со спортом областей

В последние годы, по мере постепенного углубления китайско-российского гуманитарного сотрудничества и обменов, сотрудничество в области спорта и культуры между двумя странами становится все более зрелым. Взаимное признание ученых степеней способствует ежегодному росту числа китайских и российских студентов, обучающихся за рубежом. В 2014 году при поддержке министерств образования двух стран и по инициативе Пекинского педагогического университета и Московского педагогического государственного университета был создан «Альянс педагогических университетов Китая и России». К нему присоединились известные педагогические

вузы обеих стран (Восточно-Китайский педагогический университет, Северо-Восточный педагогический университет, Новосибирский государственный педагогический университет и др.), и в его рамках развернуто многостороннее сотрудничество, включающее взаимные визиты преподавателей, обмен студентами, совместные научные исследования. Спортивные и культурные обмены являются важной частью этой работы: университеты активно развивают сотрудничество в области организации форумов по спортивному образованию, товарищеских встреч, спортивных научных исследований и др.

В сфере спорта высших достижений наблюдаются явные различия в преимущественных видах спорта двух стран. Китай обладает абсолютным преимуществом на международной арене в настольном теннисе, бадминтоне, прыжках в воду, в то время как Россия также имеет международное лидерство в синхронном плавании, легкой атлетике, гимнастике и других видах. Взаимное сотрудничество и обмен опытом в различных дисциплинах, когда каждая сторона учится у другой, дает импульс сотрудничеству в области спортивной науки между Китаем и Россией. В преддверии зимних Олимпийских игр в Пекине, на фоне относительно слабой базы зимних видов спорта в Китае и очевидных преимуществ России в этой сфере, научно-исследовательское сотрудничество по зимним видам спорта привлекло внимание официальных структур и было включено в совместное коммюнике по итогам регулярных встреч глав правительств Китая и России. Перспективы сотрудничества между китайскими и российскими аналитическими центрами в области спортивной науки широки.

В сфере спортивного туризма, Китай и Россия обладают обширными территориями, но из-за разницы в широтах имеют различные географические особенности. Лед и горные ландшафты в высокоширотных регионах России, морской парусный спорт, марафоны в Китае, а также традиции спортивных обменов в приграничных районах создают основу для спортивно-туристической деятельности двух стран. По мере углубления гуманитарных обменов, индустрия спортивного туризма непременно станет важным посредником в китайско-российских спортивных и культурных контактах.

Начиная с 2006 года, между Китаем и Россией были проведены такие двусторонние мероприятия, как «Национальные годы», «Годы языка», «Годы туризма»,

«Годы молодежных дружественных обменов». Средства массовой информации двух стран, опираясь на эти мероприятия, создали многоуровневые и широкие платформы для коммуникации и сотрудничества. В этом контексте Международное радио Китая и международное информационное агентство «Россия сегодня» объединили преимущественные медийные ресурсы обеих сторон для создания приложения «Россия — Китай: главное», открыв медийный канал для информационного обмена между Китаем и Россией, в котором спортивная информация занимает определенную долю. В то же время, спортивные СМИ Китая и России в последние годы активно взаимодействуют, углубляя сотрудничество благодаря освещению таких событий, как Чемпионат мира по футболу в России, зимние Олимпийские игры в Сочи, игры Континентальной хоккейной лиги. 2020 год был объявлен Годом китайско-российского сотрудничества в области СМИ, и в этих условиях спортивные медиа двух стран продолжат углублять взаимодействие. Перспективы продвижения китайско-российских спортивных и культурных обменов через спортивные СМИ широки, и будущее представляется многообещающим.

2. Проблемы, существующие в китайско-российских спортивных и культурных обменах

(1) Невысокая активность участия общественности

После распада Советского Союза отношения между Китаем и Россией постоянно улучшаются, а спортивные и культурные обмены углубляются. Однако в этих обменах по-прежнему доминируют официальные правительственные структуры, в то время как количество спортивных и культурных мероприятий, инициируемых общественностью самостоятельно, невелико. В спортивных и культурных обменах между Китаем и Россией правительство играет ведущую роль, организуя множество спортивных мероприятий. Но в целом многие мероприятия по-прежнему проводятся по инициативе официальных структур, а количество мероприятий, организованных предприятиями или общественностью, относительно мало. Взаимное понимание культурами и жизненными укладами народов двух стран способствовало бы углублению межгосударственных обменов и дружбы. Например, такие уникальные мероприятия, как автопробег по маршруту Хэйлунцзян — озеро Байкал в России протяженностью более 8000 км туда и обратно или гонки на резиновых лодках через реки Сунгари, Хэйлунцзян и Уссури, хоть и организуются предприятиями или общественными

организациями, но в них неизменно присутствуют элементы с участием официальных лиц: их выступления, церемонии и т.д. Хотя это свидетельствует о большом внимании официальных структур к двусторонним спортивным обменам, это также показывает, что народные контакты еще не освободились от влияния официальных структур.

(2) Несбалансированность сфер взаимодействия

Спектр китайско-российских спортивных и культурных обменов постоянно расширяется. Однако, судя по общей картине двусторонних спортивных связей, хотя области взаимодействия и широки, они недостаточно глубоки.

В сотрудничестве и обменах в спортивной сфере между Китаем и Россией недостаточно глубоко проработаны такие направления, как спортивное образование, строительство спортивных сооружений, спортивные СМИ, спортивная наука. Обе страны являются державами в области спортивных соревнований, уровень внутренних соревнований в каждой из них очень высок. Продвижение сотрудничества и обменов в игровых видах спорта (например, вступление сильных команд из Синьцзян-Уйгурского автономного района и провинции Хэйлунцзян в российские национальные лиги) не только повысило бы влияние спортивного сотрудничества и обменов между двумя странами, но и способствовало бы вовлечению предприятий в обмены и развитие смежных спортивных индустрий. Усиление кооперации и обменов в таких областях, как спортивная экономика и спортивная индустрия, способствовало бы взаимной выгоде обеих сторон и имеет определенное практическое значение для долгосрочных спортивных связей между Китаем и Россией.

(3) Недостаточная локализация соревновательных видов спорта

Спортивные соревнования являются наиболее частым видом взаимодействия между Китаем и Россией. На сегодняшний день между двумя странами проведено более 30 спортивных мероприятий. Среди них: Китайско-российские зимние юношеские игры (включающие такие виды, как конькобежный спорт, фигурное катание, хоккей, горнолыжный спорт, шорт-трек), Международные китайско-российские автомобильные соревнования на пограничной реке Хэйлунцзян, Китайско-российские юношеские игры (9 видов: дзюдо, борьба, бокс, женское водное поло, баскетбол (мужчины), художественная гимнастика, настольный теннис, женский волейбол, ушу), Китайско-российские соревнования по вызовам на открытом воздухе для молодежи и другие мероприятия. Формы их разнообразны, а содержание насыщенно [10].

Анализ общей картины китайско-российских спортивных мероприятий показывает, что в основном проводятся соревнования по западным современным видам спорта. Мероприятий по футболу, баскетболу и т.п. довольно много. Типы соревновательных мероприятий разнообразны. На Китайско-российских фестивалях народного спорта и даже на многих других культурных мероприятиях, таких как спортивные недели, хотя и присутствуют традиционные виды спорта, такие как тайцзицюань и ушу, но большинство по-прежнему составляют современные западные виды. В целом в соревновательных обменах между двумя странами доминируют современные западные виды спорта. И Китай, и Россия обладают собственными традиционными спортивными культурами. Однако на сегодняшний день в плане экспорта спортивной культуры Китай в основном поставляет в Россию такие традиционные виды, как ушу и гребля на лодках-драконах, в то время как Россия поставляет в Китай относительно мало своей спортивной культуры.

(4) Ограниченный радиус охвата обменов

В настоящее время радиус охвата спортивных соревнований и культурных мероприятий между Китаем и Россией относительно ограничен. С точки зрения географии проведения, основные спортивные обмены между двумя странами происходят в провинции Хэйлунцзян. Небольшое количество мероприятий, таких как Китайско-российские юношеские игры, проводятся в других городах, например, в Чунцине, Тяньцзине, Гуанчжоу. Со стороны России мероприятия в основном проходят в дальневосточных городах, соседствующих с провинцией Хэйлунцзян. То есть деятельность в основном сосредоточена в приграничных городах обеих стран. Мероприятия же, проводимые за пределами этих стран, чаще всего организуются локально, и их влияние на другие регионы весьма ограничено.

Кроме того, количество мероприятий, проводимых в Китае, значительно превышает количество мероприятий в России. Большинство соревнований и мероприятий инициируются китайской стороной, а затем уже организуются при участии России. Как для традиционных народных мероприятий, так и для обменов в области зимних видов спорта, место проведения и организатор каждый раз слишком однообразны — все проходит в приграничных районах Китая. Хотя в мероприятиях участвуют российские спортсмены и правительственные чиновники, их количество значительно уступает числу участников с китайской стороны [11].

(5) Дефицит переводчиков-специалистов в области спортивных и культурных обменов

Профессиональные переводчики в области спорта являются ключевым звеном в осуществлении спортивных и культурных обменов. В настоящее время дефицит таких специалистов в китайско-российских спортивных и культурных контактах стал одним из сдерживающих факторов.

Для вербального общения в первую очередь необходимы профессиональные переводчики. В текущих китайско-российских спортивных обменах доля профессиональных переводчиков, специализирующихся на спортивной тематике, в Китае составляет всего 1,29%. Особенно остро не хватает переводчиков с русского языка в спортивной сфере. Профессор Чжун Лэй из Восточно-Китайского педагогического университета, во время своей учебы в России, отмечал: "В процессе обменов между Китаем и Россией ощущается нехватка профессиональных переводчиков, что создает определенные коммуникативные барьеры". Преподаватели, обучавшиеся в России, также подтверждают, что из-за языкового барьера в процессе обучения тренеры сталкиваются с трудностями. Количество профессиональных переводчиков, свободно владеющих китайским и русским языками и работающих в сфере спортивных и культурных обменов, крайне мало.

Другой аспект — нехватка специалистов в области спортивной науки. При изучении результатов научных исследований в области спорта между Китаем и Россией, например, в электронных ресурсных базах данных, можно заметить, что в настоящее время существует немного научных работ по двусторонним спортивным и культурным обменам, и большинство из них являются теоретическими исследованиями. Количество эмпирических исследований невелико. Ученые, занимающиеся спортивной наукой, в основном работают независимо, но, если посмотреть на реальную ситуацию, то и специализированных исследований, посвященных именно спорту двух стран, также немного.

3. Новые пути развития китайско-российских спортивных и культурных обменов в рамках инициативы «Один пояс, один путь»

(1) Активизация народных спортивных обменов

Китай и Россия, всегда используя свои преимущества как ведущие спортивные державы, в рамках механизмов сотрудничества на государственном уровне активно

развивают разнообразные местные спортивные контакты и всемерно способствуют народным обменам. Глубокая дружба между народами является источником развития межгосударственных отношений и основополагающей целью культурных обменов между двумя странами. На протяжении долгого времени большинство политических документов, подписываемых высшим руководством Китая и России, содержат положения, касающиеся гуманитарных и спортивных обменов. Особенно после активного отклика на инициативу «Один пояс, один путь» спортивные и культурные обмены между нашими странами становятся все лучше. Поэтому Китаю и России необходимо продолжать укреплять народные связи, эффективно используя преимущества инициативы «Один пояс, один путь» для обслуживания двусторонних спортивных и культурных обменов.

Для повышения уровня народных спортивных и культурных обменов, во-первых, можно учреждать и увеличивать количество городов-побратимов. Установление побратимских связей побуждает местные власти двух стран постоянно укреплять дружбу и активизировать народные спортивные обмены и сотрудничество. Посредством создания городов-побратимов, организации различных традиционных народных соревнований для проведения спортивных обменов, с фокусом на провинцию Хэйлунцзян, следует учреждать больше таких связей, чтобы народы двух стран могли по-настоящему понимать друг друга и углублять дружбу. Во-вторых, создавать народные спортивные организации. «Народные спортивные организации — это социально ориентированные некоммерческие структуры, добровольно формируемые гражданами вне правительственных ведомств». Такие организации, объединяя людей на основе общих видов спортивной деятельности, создают множество ассоциаций для спортивных обменов. На базе общих спортивных интересов и устремлений они также формируют различные народные организации, например, ассоциации тайцзицюань. Следовательно, создание народных спортивных организаций будет способствовать усилению народных спортивных обменов и сотрудничества между Китаем и Россией. В-третьих, совместно проводить праздничные спортивные мероприятия. Широко развертывать разнообразные народные спортивные обмены через празднование характерных праздников, проводить совместные китайско-российские традиционные празднества, организовывать различные мероприятия по национальным видам спорта, таким как борьба, укрепляя дружбу между народами. Наконец, активно развивать

классы и институты Конфуция [12]. К настоящему времени в России создано множество классов и институтов Конфуция. Используя их как платформу, следует постоянно распространять традиционную китайскую спортивную культуру, организовывать кружки по интересам, преимущественно по таким традиционным видам спорта, как тайцзи, танец дракона и льва, гребля на лодках-драконах, а также проводить множество популярных в обеих странах соревнований по обмену в области национальных танцев, борьбы и других традиционных видов спорта. Институты и классы Конфуция играют незаменимую роль в спортивных и культурных обменах между Китаем и Россией.

Усиление народных спортивных и культурных обменов не только позволит людям лучше узнать выдающиеся культуры и национальные традиции двух стран, но и еще больше укрепит спортивное сотрудничество и взаимодействие, будет постоянно способствовать дружественным контактам между народами, делая российско-китайские отношения все лучше и лучше.

(2) Сбалансированное развитие сфер взаимодействия

И Китай, и Россия находятся на высоком уровне развития в различных областях, а спортивные обмены между ними постоянно развиваются в сотрудничестве, стимулируя совместное развитие всех сфер.

Необходимо лучше решать проблему широты, но недостаточной глубины сфер двусторонних спортивных контактов. Во-первых, в области спортивных соревнований следует продолжать создавать долгосрочный механизм обменов, организовывать соревнования по видам спорта, представляющим взаимный интерес, проводить сравнительные исследования физических качеств спортсменов и другие проекты для изучения различий в телосложении молодежи двух стран, способствуя взаимопониманию. Во-вторых, в области развития спортивной индустрии организовывать мероприятия спортивного туризма для стимулирования спортивного потребления населения, что обеспечит прочную экономическую поддержку спортивным и культурным обменам. В настоящее время уже создан механизм совещаний министров по туризму Китая и России, учрежден бренд культурного туризма. На этой основе необходимо постоянно содействовать созданию китайско-российских организаций спортивного туризма для достижения высококачественного развития спортивного и культурного туризма двух стран. В-третьих, в области спортивного образования необходимо повышать уровень образовательной системы,

увеличивать количество платформ для обмена и сотрудничества в спортивном образовании, постоянно наращивать уровень образовательной деятельности и обменов, сотрудничества в таких сферах, как спортивная педагогика и спортивная наука.

В целом, по мере устойчивого улучшения динамики двусторонних контактов, Китаю и России следует постоянно углублять культурное сотрудничество и обмены во всех сферах, связанных со спортом, внося еще больший вклад в развитие отношений стратегического партнерства.

(3) Обогащение типов проектов обмена

В настоящее время регионы спортивных обменов между Китаем и Россией по-прежнему сосредоточены в основном в приграничных городах. Китай имеет 34 административных единицы, Россия — 85 субъектов федерации. Спортивные особенности и ресурсы разных регионов различны, и только достижение многообразных обменов может способствовать общему процветанию культур двух стран.

В Китае существует множество традиционных видов спорта: тайцзицюань, китайская борьба, танец дракона и льва. В России также есть самбо, бенди и другие традиционные спортивные дисциплины. Национальный дух обеих стран глубоко отражается в их традиционных спортивных культурах. Поэтому углубление обменов традиционными видами спорта между Китаем и Россией имеет большое значение для укрепления взаимопонимания между народами. Например, Россия является великой державой в борьбе. Китай и Россия могут, опираясь на такой традиционный вид спорта, как борьба, способствовать дальнейшему укреплению дружбы. Профессор Внутреннего Монгольского сельскохозяйственного университета Гао Цзин отмечает: «Можно проводить тренировки и соревнования по обмену, используя традиционные виды спорта обеих стран, такие как самбо (российская борьба), конные скачки, стрельба из лука, а также преимущественные виды спорта. Это позволит достичь совместного развития и будет способствовать дружественному развитию отношений между двумя странами». При этом важно продвигать не только технику видов спорта, но и через организацию соответствующих культурных мероприятий знакомить с традиционной культурой каждого народа, что сделает участие в таких мероприятиях очень значимым для спортсменов. Кроме того, и Китай, и Россия обладают богатыми ресурсами зимних видов спорта, поэтому страны могут также развернуть углубленные обмены и

сотрудничество в этой сфере, учиться друг у друга, достигая взаимной выгоды.

(4) Создание платформ для обменов

В рамках инициативы «Один пояс, один путь» спортивные и культурные обмены между Китаем и Россией достигли значительных результатов. Однако радиус их охвата довольно ограничен, они сосредоточены главным образом в приграничных городах. Следует и дальше развивать платформы для спортивных и культурных обменов, расширяя охват аудитории.

Во-первых, внедрять механизм развития «от точки к области». Использовать приграничные районы как центр для стимулирования развития близлежащих городов, чтобы обеспечить совместное развитие спортивных и культурных обменов с Россией как в приграничных, так и во внутренних городах. Например, проводить в приграничных городах мероприятия спортивных и культурных обменов, способствуя пониманию и знакомству жителей разных регионов с культурой друг друга. Кроме того, можно использовать «города-побратимы» как связующие точки. Нанкин, Пекин, Шэньчжэнь и другие города имеют соответствующие города-побратимы в России. Через них можно проводить спортивные обмены, такие как взаимные недели культуры, фестивали, способствуя взаимным контактам и пониманию между жителями побратимских городов.

Во-вторых, внедрять инновационные методы пропаганды. Используя активность как официальных структур, так и общественности, с помощью средств массовой информации вести разъяснительную работу и знакомить со спортивной культурой, традициями и обычаями Китая и России, создавая эффективную платформу для углубления понимания и укрепления дружбы между народами двух стран. В процессе этих обменов также следует формировать богатые и разнообразные бренды китайской и российской спортивной культуры, отражающие национальную специфику.

Наконец, активно организовывать и развивать трансграничный туризм. Нам следует постепенно способствовать развитию зон трансграничного туристического сотрудничества, создавать диверсифицированные механизмы туристического взаимодействия, обеспечивая благоприятные условия для развития спортивного и культурного туризма с китайской и российской спецификой.

(5) Подготовка профессиональных переводческих кадров

По мере непрерывного усиления сотрудничества и обменов в области спортивной

культуры будет постоянно расти потребность в профессиональных кадрах в сфере спортивного перевода и спортивной науки в обеих странах.

Во-первых, высшие учебные заведения и профессиональные колледжи в приграничных районах, прежде всего в провинции Хэйлунцзян, ведут преподавание русского языка. На их базе можно готовить переводчиков, специализирующихся на русском языке. Во-вторых, необходимо создать рациональную систему образования для подготовки комплексных специалистов профиля «спорт + русский язык», включив в учебные программы такие области, как спортивная экономика, спортивный туризм, спортивные СМИ. В-третьих, осуществлять взаимные обмены преподавателями и студентами, чтобы в языковой среде усилить познание и восприятие культуры друг друга. Кроме того, в процессе тесных контактов двух стран разрабатывать более эффективное, точное и удобное программное обеспечение или устройства для перевода, способствующие китайско-российскому сотрудничеству и обменам.

Подготовка кадров для китайско-российских спортивных научных исследований. Во-первых, создать филиалы китайско-российского аналитического центра (мозгового центра) по спорту, регулярно проводить академические семинары и форумы для углубленного обсуждения развития спортивных и культурных обменов. Во-вторых, учредить в России институты двусторонних спортивных и культурных обменов, привлекая местных экспертов или направляя китайских специалистов для углубленного изучения текущего состояния развития российского спорта. Наконец, используя такие платформы, как Институты Конфуция, регулярно проводить китайско-российские научные семинары и форумы по спорту для глубокого понимания местной спортивной ситуации и осуществления академических обменов и обмена опытом с Китаем.

Заключение

В рамках инициативы «Один пояс, один путь» спортивные обмены играют важную роль в содействии гуманитарным контактам. Россия является ключевым партнером в инициативе «Один пояс, один путь». В данной статье в качестве объекта исследования рассматриваются спортивные и культурные обмены между Китаем и Россией в контексте инициативы «Один пояс, один путь». С использованием таких методов, как историческое исследование, анализ литературы и обобщение, проводится изучение китайско-российских спортивных и культурных обменов на фоне инициативы «Один пояс, один путь». Цель состоит в том, чтобы внести вклад в дальнейшее

стимулирование спортивных и культурных обменов между двумя странами и укрепление взаимопонимания между их народами.

В результате исследования установлено: Инициатива «Один пояс, один путь» предоставила возможности для развития спортивной культуры Китая и России, и китайско-российские спортивные и культурные обмены имеют хорошую основу. Обе страны приняли множество политических мер для поддержки развития этих обменов, создали правительственные и общественные спортивно-культурные организации и провели множество мероприятий. В ходе анализа выявлены проблемы в обменах: например, в целом невысокая активность населения Китая и России в спортивных обменах; широта, но недостаточная глубина сфер взаимодействия; дисбаланс в видах обменных проектов с преобладанием современных западных видов спорта; ограниченный радиус охвата спортивных соревнований и культурных мероприятий, которые в основном проводятся на китайско-российской границе; нехватка профессиональных переводческих кадров. Разработаны стратегии и пути развития китайско-российских спортивных и культурных обменов в рамках инициативы «Один пояс, один путь»: активизация народных обменов для повышения активности участия населения; обеспечение сбалансированного совместного развития всех областей; диверсификация проектов обмена; создание платформ для обменов с целью расширения охвата аудитории; а также подготовка профессиональных переводчиков с русского языка.

В рамках инициативы «Один пояс, один путь» спортивные и культурные обмены между двумя странами быстро развиваются. Следовательно, усиление спортивных и культурных обменов является важной мерой для содействия развитию китайско-российских отношений и имеет определенное положительное значение как для безопасности, так и для будущего развития обеих сторон.

Настоящая статья является результатом проекта в рамках философских и социальных наук провинции Хэйлунцзян «Исследование воспитательной ценности советской детской литературы и её влияния на творчество детской литературы Хэйлунцзяна» (номер проекта: 25WWC007).

Литература:

1. Боголюбова Н.М. Международные организации как новые участники внешней

культурной политики // Вестник СПбГУКИ. – 2012. – № 2.

2. Гуманитарное сотрудничество России и Китая – крупнейшие проекты. – URL: https://raspp.ru/business_news/humanitarian-projects (дата обращения: 28.04.2022).

3. Данилов С.А. Духовные основания политического порядка в опыте России и Китая // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2014. – № 2-1.

4. Ефремова Л.И. О российско-китайском сотрудничестве в области образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2017. – Т. 17. – № 4. – С. 857-865. – DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-857-865.

Еременко Данил Дмитриевич
Eremenko Danil Dmitrievich
магистрант
ОЧУ ВО «Московский университет имени А.С. Грибоедова»

РАЗРАБОТКА КОММУНИКАЦИОННОЙ ПРОГРАММЫ ПО ПОВЫШЕНИЮ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ МЕДИАОРГАНИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ОНЛАЙН ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЦЕЛЛЮЛОЗА»

DEVELOPMENT OF A COMMUNICATION PROGRAM TO INCREASE THE COMPETITIVENESS OF A MEDIA ORGANIZATION USING THE EXAMPLE OF THE ONLINE PUBLISHING HOUSE CELLULOSE

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты разработки коммуникационной программы, направленной на повышение конкурентоспособности современной медиаорганизации в условиях цифровой трансформации и перенасыщения информационного поля. Актуальность исследования обусловлена необходимостью для независимых онлайн-издательств, в частности литературного портала «Целлюлоза», формировать устойчивые каналы взаимодействия с аудиторией, дифференцироваться от конкурентов и повышать лояльность пользователей. На основе анализа пяти релевантных научных источников, посвящённых системному управлению конкурентоспособностью медиапредприятий, цифровой трансформации медиабизнеса, стратегированию медиаорганизаций, управлению персоналом в медиасфере и операционно-финансовым аспектам, автором обосновывается необходимость интегрированного подхода к коммуникациям. В работе предложена поэтапная структура коммуникационной программы, включающая диагностику текущих коммуникаций, позиционирование и бренд-коммуникацию, контент-коммуникацию и вовлечение аудитории, рекламно-партнёрские мероприятия, механизмы удержания и лояльности, а также блок аналитики и оптимизации. Для каждого этапа определены конкретные мероприятия, каналы реализации и ожидаемые количественно-качественные результаты, такие как рост активной аудитории, снижение стоимости привлечения и повышение коэффициента удержания. Сделан вывод о том, что системная коммуникационная программа, синхронизирующая внешнее продвижение и внутренние пользовательские механики, способна обеспечить устойчивое конкурентное преимущество онлайн-издательства «Целлюлоза» на рынке цифровых литературных сервисов.

Abstract. The article discusses the theoretical and practical aspects of developing a communication program aimed at increasing the competitiveness of a modern media organization in the context of digital transformation and information field saturation. The relevance of the research is due to the need for independent online publishers, in particular the Pulp literary portal, to form stable channels of interaction with the audience, differentiate themselves from competitors and increase user loyalty. Based on the analysis of five relevant scientific sources devoted to the system management of the competitiveness of media enterprises, the digital transformation of the media business, the strategizing of media organizations, personnel management in the media sphere and operational and financial aspects, the author substantiates the need for an integrated approach to communications. The paper proposes a step-by-step structure of the communication program, including diagnostics

of current communications, positioning and brand communication, content communication and audience engagement, advertising and partnership activities, retention and loyalty mechanisms, as well as an analytics and optimization unit. Specific activities, implementation channels, and expected quantitative and qualitative results have been identified for each stage, such as an increase in the active audience, a reduction in the cost of attraction, and an increase in retention rates. It is concluded that a system communication program that synchronizes external promotion and internal user mechanics is capable of providing a stable competitive advantage of the online publishing house "Cellulose" in the market of digital literary services.
Ключевые слова: коммуникационная программа, конкурентоспособность медиаорганизации, онлайн-издательство, литературный портал, цифровые медиа, стратегическое управление, аудитория, лояльность пользователей

Keywords: communication program, competitiveness of a media organization, online publishing, literary portal, digital media, strategic management, audience, user loyalty

Современная медиасреда характеризуется высокой степенью турбулентности, перенасыщением информационного поля и усилением конкуренции как между традиционными изданиями, так и между новыми цифровыми платформами. В этих условиях обеспечение долгосрочной конкурентоспособности медиаорганизации требует не просто качественного контента, но и выстроенной, адаптивной системы взаимодействия с аудиторией, позволяющей эффективно дифференцироваться на фоне множества альтернатив. Особую актуальность данная проблематика приобретает для независимых онлайн-издательств, ресурсы которых зачастую ограничены, а выживание напрямую зависит от способности формировать устойчивые коммуникационные связи с целевыми группами. В связи с этим разработка комплексной коммуникационной программы выступает не только инструментом продвижения, но и стратегическим механизмом повышения конкурентоспособности, направленным на управление репутацией, лояльностью и вовлеченностью аудитории.

Фундаментальное значение для понимания структуры конкурентоспособности медиапредприятия имеют работы, посвященные формированию целостной системы управления. Так, К. Б. Смирнов подчеркивает, что «формирование системы управления конкурентоспособностью медиапредприятия в рамках единой интеграции взаимодействующих элементов современной медиасреды направлено на повышение конкурентоспособности в рамках поставленных целей и задач» [1, с. 114]. Автор обосновывает необходимость системного подхода, который «приведет не только к повышению эффективности результатов деятельности конкретного субъекта управления, но и к улучшению количественных и качественных показателей развития

всей отрасли» [1, с. 114]. Особую ценность для нашего исследования представляет выделение Смирновым двух взаимосвязанных контуров: параметров конкурентоспособности самого предприятия и параметров конкурентоспособности производимого медиапродукта. При этом отмечается, что «сам бренд медиапредприятия является узнаваемым элементом медиапродукта и может существенно повлиять на потенциальное желание потребителей медиаконтента» [1, с. 115]. В статье также детализируется дерево целей системы управления, включающее экономические показатели (рентабельность, доходность за просмотр/клик), социальные характеристики (условия труда, формирование положительного образа), научно-технические характеристики (совершенствование средств производства) и креативно-содержательное обеспечение. Последнее представляется особенно важным в контексте разработки коммуникационной программы, поскольку, как указывает автор, медиаконтент может реализовывать до двадцати различных элементов воздействия, включая познавательный, просветительский, гедонистический и коммуникационный, что «при лучших характеристиках, чем у аналогов, может приводить к повышению конкурентоспособности создаваемого медиаконтента» [1, с. 118-119].

В свою очередь, исследование Ю. П. Соболевой, С. К. Николаева и Б. К. Пешкова акцентирует внимание на цифровой трансформации как главном драйвере изменений в медиабизнесе, что напрямую соотносится с необходимостью адаптации коммуникационных стратегий онлайн-издательств. Авторы констатируют, что «цифровая трансформация оказывает значительное влияние на все сферы экономики, и медиаиндустрия не является исключением», а «стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, изменение потребительских предпочтений и моделей медиапотребления бросают вызов традиционным подходам к ведению бизнеса в медиасфере» [2, с. 395]. Ключевым выводом для нашей темы является утверждение, что «мультиплатформенность становится базовым условием существования современных СМИ, предполагая "переупаковку" контента в разные форматы - текст, фото, видео, инфографику и т.д.» [2, с. 396]. Разработка коммуникационной программы для «Целлюлозы» должна учитывать этот императив, поскольку, как подчеркивают исследователи, «важно выдерживать единство бренда и редакционных стандартов на всех платформах, выстраивая целостную систему взаимодействия с аудиторией» [2, с. 396]. Кроме того, в статье обосновывается

решающая роль предпринимательского лидерства, которое «формирует видение цифровой трансформации медиабизнеса» и «транслирует сформированное видение в выработку конкретных стратегий развития» [2, с. 400]. Авторы резюмируют, что «предпринимательские лидеры в медиа все чаще становятся модераторами сообществ, в рамках которых совместными усилиями создаются инновационные решения», что предполагает переход от линейного вещания к диалоговой коммуникационной модели [2, с. 399].

Дополняют представленную картину работы, посвященные стратегическим основам управления медиаорганизациями. В. А. Плотников и О. А. Шамина подчеркивают, что «в современных условиях неопределенности и динамизма, настолько значимых, что для них все чаще используют заимствованный из физики термин "турбулентность", особенно важным для медиаорганизаций становится приобретение долгосрочных конкурентных преимуществ», что «требует использования методов стратегирования» [3, с. 1344]. Применительно к разработке коммуникационной программы важнейшее значение имеет предложенный авторами принцип соподчиненности, согласно которому «базовая стратегия содержательно влияет на стратегии нижних уровней» [3, с. 1348]. В контексте медиаорганизации это означает, что коммуникационная программа не может существовать изолированно, а должна быть производной от общей стратегии развития издания. Также авторы вводят важное различие в последовательности этапов стратегирования в зависимости от жизненного цикла организации: «на этапе становления сначала целесообразно проводить анализ, а на последующих этапах жизненного цикла организации — целеполагание» [3, с. 1350]. Для онлайн-издательства «Целлюлоза», которое, вероятно, находится на этапе роста или зрелости, это означает приоритет целеполагания при разработке коммуникационной программы, однако с обязательной опорой на постоянный анализ изменяющейся среды.

Не менее значимым представляется аспект управления персоналом, который напрямую влияет на реализацию любой коммуникационной стратегии. В исследовании В. А. Плотникова, О. А. Шаминой и О. А. Шараповой отмечается, что «решающим фактором успеха в изменении кадровой стратегии медиаорганизации является ее внутренняя способность быстро изменяться под воздействием окружающих событий и обстоятельств без потери эффективности управления» [4, с. 889]. Авторы

обосновывают, что «потенциальное снижение лояльности и работоспособности сотрудников, связанное с опасениями относительно заработной платы и потери источников доходов в изменившихся условиях деловой среды, рекомендуется нивелировать активной вовлеченностью сотрудников в оценку текущей ситуации и разработку мероприятий операционного менеджмента» [4, с. 890]. Для успешной реализации коммуникационной программы это означает необходимость формирования внутреннего коммуникационного климата, при котором сотрудники становятся не просто исполнителями, а соавторами и проводниками бренда. Кроме того, исследователи подчеркивают, что «изменяющаяся внешняя среда заставляет совершенствовать как стратегию, так и кадровую политику медиаорганизации, внедряя персонализированный подход в управление персоналом» [4, с. 891], а «ввиду высокой скорости технологического развития медийной отрасли важным стратегическим аспектом развития кадрового потенциала медиаорганизации остается переобучение и повышение квалификации сотрудников» [4, с. 891].

Наконец, операционные и финансово-экономические аспекты, без которых невозможна реализация ни одной коммуникационной программы, детально рассматриваются П. В. Васильевым. Автор утверждает, что «построение управляемых производственных систем способно обеспечить эффективный контроль за всем комплексом производственных вопросов по выпуску и распространению медиаконтента и хозяйственной деятельностью предприятия в целом», поскольку «в современных условиях операционная деятельность представляет собой базовый процесс в хозяйственной деятельности организаций» [5, с. 52]. Васильев подчеркивает, что «главная задача менеджмента - сформировать эффективную операционную систему и модель управления всеми производственными процессами (циклами) медиакомпании на принципах безубыточности» [5, с. 53]. В контексте разработки коммуникационной программы это означает, что любые мероприятия по повышению конкурентоспособности должны быть просчитаны экономически, а их эффективность должна измеряться не только в репутационных, но и в финансовых показателях. Автор также акцентирует важность диверсификации доходов, выделяя пять типов медиадоходности, и приходит к выводу, что «сбалансированность источников доходности (без очевидных диспропорций) позволяет медиакомпании обрести программную и финансовую устойчивость, не оказаться в зависимости от какого-либо

моноисточника контрактных обязательств» [5, с. 60-61]. Это напрямую относится к онлайн-издательству «Целлюлоза», коммуникационная программа которого должна способствовать не только росту аудитории, но и построению устойчивой модели монетизации.

Для онлайн-издательства «Целлюлоза», позиционирующего себя как литературный портал, предоставляющий доступ к популярным книжным жанрам с возможностью чтения на любых цифровых устройствах (смартфонах, планшетах, персональных компьютерах), ключевым фактором укрепления рыночных позиций выступает не только качество и разнообразие контента, но и выстроенная система коммуникации с целевой аудиторией. В условиях высокой конкуренции среди цифровых литературных сервисов, включая крупные библиотеки, стриминговые платформы и социальные сети читателей, возникает необходимость в разработке интегрированной коммуникационной программы, направленной на повышение узнаваемости бренда, рост лояльности пользователей и увеличение времени вовлеченности. Такая программа должна охватывать как внешние каналы продвижения (социальные сети, таргетированная реклама, сотрудничество с блогерами), так и внутренние коммуникационные механики (персонализированные рекомендации, геймификация, обратная связь с аудиторией). Системный подход к планированию коммуникационных мероприятий позволяет синхронизировать контент-стратегию, пользовательский опыт и метрики эффективности, что в итоге формирует устойчивое конкурентное преимущество. В таблице 1 представлена структура разработанной коммуникационной программы, включающая целевые этапы, конкретные мероприятия, задействованные каналы и ожидаемые результаты, выраженные в количественных и качественных показателях.

Таблица 1. Разработка коммуникационной программы для онлайн-издательства «Целлюлоза»

Этап программы	Мероприятия	Коммуникационные каналы / инструменты	Ожидаемые результаты
1. Диагностика текущих коммуникаций	Анализ присутствия портала в социальных сетях, опрос текущих читателей, аудит контента и обратной связи	Google Forms, анкетирование, мониторинг упоминаний (Medialogy, Brand24), анализ метрик веб-аналитики (Яндекс.Метрика)	Выявление сильных и слабых сторон коммуникационной стратегии, определение портрета целевой аудитории, формирование базы для планирования

2. Позиционирование и бренд-коммуникация	Разработка уникального ценностного предложения (УТП), создание единого визуального и тонального стиля (tone of voice) для всех каналов	Сайт портала, официальные аккаунты в VK, Telegram, Zen; email-рассылки	Повышение узнаваемости бренда на 25%, формирование ассоциации «Целлюлоза = современная литература для цифрового чтения»
3. Контент-коммуникация и вовлечение аудитории	Публикация авторских рецензий, интервью с писателями, книжные подборки, запуск читательских челленджей и марафонов	Telegram-канал, VK-клип, рассылка, встроенный блог на портале	Рост ежемесячного числа активных пользователей (MAU) на 40%, увеличение среднего времени сессии на 15%
4. Рекламно-партнерские коммуникации	Таргетированная реклама в соцсетях, коллаборации с книжными блогерами и литературными пабликами, кросс-промо с издательствами	VK Ads, Telegram Ads, биржи блогеров (GetBlogger, Plibber), партнерские программы	Привлечение не менее 10 000 новых уникальных посетителей в месяц, снижение стоимости привлечения (CAC) на 20%
5. Коммуникация лояльности и удержание	Внедрение системы персональных рекомендаций, программа лояльности (бонусы за чтение), эксклюзивный доступ к новинкам для постоянных читателей	Push-уведомления, персонализированные email-рассылки, Telegram-бот, раздел «Личный кабинет»	Снижение оттока (churn rate) на 30%, повышение коэффициента удержания (retention rate) через 90 дней до 45%
6. Аналитика и оптимизация	Ежемесячный анализ KPI (DAU, retention, CTR, конверсия в подписку), A/B-тестирование коммуникационных гипотез	Яндекс.Метрика, Google Analytics, Data Studio, CRM-система	Непрерывное улучшение коммуникационной программы, адаптация к изменениям поведения аудитории, повышение ROI коммуникационных инвестиций

Представленная коммуникационная программа для онлайн-издательства «Целлюлоза» представляет собой комплексный, поэтапный план, интегрирующий диагностические, позиционирующие, контентные, рекламные, лояльностные и аналитические компоненты. Её реализация позволяет системно воздействовать на все ключевые точки контакта с аудиторией: от первого знакомства с порталом до формирования долгосрочной читательской привычки. За счёт синхронизации внешних коммуникаций (таргетинг, блогеры) с внутренними механиками удержания (персонализация, геймификация) программа создаёт условия для устойчивого роста конкурентных преимуществ. Важно отметить, что литературный портал, в отличие от новостных или развлекательных медиа, требует особого внимания к эмоциональной вовлечённости и интеллектуальной ценности взаимодействия, что учтено в мероприятиях по контент-коммуникации и построению сообщества. Предложенные

количественные показатели (рост MAU, снижение CAC, повышение retention) позволяют не только оценить эффективность, но и своевременно корректировать программу в соответствии с динамикой цифрового рынка.

Литература:

1. Смирнов К. Б. Рекомендации по формированию системы управления конкурентоспособностью медиапредприятия //Петербургский экономический журнал. – 2022. – №. 1-2. – С. 114-120.

2. Соболева Ю. П., Николаев С. К., Пешков Б. К. Управление медиабизнесом на основе интеграции стратегического управления и лидерства //Вестник экономики, права и социологии. – 2025. – №. 3. – С. 395-401.

3. Плотников В. А., Шамина О. А. Стратегирование медиаорганизации: принципы, предэтапы //Экономика и управление. – 2024. – Т. 30. – №. 11. – С. 1344-1351.

4. Плотников В. А., Шамина О. А., Шарапова О. А. Стратегические аспекты управления персоналом медиаорганизаций в современных условиях с учетом фактора экономической безопасности //Экономика и управление. – 2022. – Т. 28. – №. 9. – С. 878-892.

5. Васильев П. В. Управление медиакомпанией: производственные и финансово-экономические аспекты //Экономика и парадигма нового времени. – 2024. – №. 6 (27). – С. 52-62.

Сорокина Анастасия Алексеевна
Sorokina Anastasia Alekseevna
студент
Волгоградский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
E-mail: nastya.sorokina.05@yandex.ru

Винниченко Александр Сергеевич
Vinnichenko Alexsander Sergeevich
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Волгоградский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: vinnichenko.sashuta@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ

PSYCHOLOGICAL AND PROCEDURAL ASPECTS OF INTERROGATING MINOR VICTIMS

Аннотация. В статье рассматривается специфика допроса несовершеннолетнего потерпевшего как особого вида следственных действий, эффективность которого напрямую влияет на раскрытие преступления. Актуальность исследования обусловлена повышенной уязвимостью данной категории лиц и необходимостью обеспечения достоверности данных в рамках процессуального взаимодействия.

Abstract. The article examines the specifics of interrogating a minor victim as a special type of investigative action, the effectiveness of which directly affects the disclosure of a crime. The relevance of the study is due to the increased vulnerability of this category of individuals and the need to ensure the reliability of data within the framework of procedural interaction.

Ключевые слова: несовершеннолетний потерпевший, тактика допроса, криминалистическая тактика, права ребёнка.

Keywords: juvenile victim, interrogation tactics, forensic tactics, and child rights.

За последние годы в России наблюдается рост числа преступлений, жертвами которых становятся дети и подростки. Ключевой причиной преступлений против несовершеннолетних является социальное неблагополучие их семей, так как это делает ребёнка более уязвимым для насилия: дети из неблагополучных семей, как правило, легко вступают в контакт с любым взрослым из-за дефицита внимания и правовой незащищенности.

Проблема тактики допроса несовершеннолетних лиц достаточно актуальна, так как в силу возрастных психологических особенностей и повышенной внушаемости,

дети являются одной из самых сложных категорий участников уголовного судопроизводства. Традиционные методы взрослой допросной тактики в отношении них неэффективны, так как травмируют психику, провоцируют ложные воспоминания или полный отказ от дачи показаний. Кроме того, специфика преступлений (чаще всего совершаемых близкими людьми в семейном кругу) создает феномен «защиты обидчика», когда ребенок скрывает правду из страха, стыда или привязанности.

По данным МВД, размещенным в Единой межведомственной информационно-статистической системе (ЕМИСС), за последние три года число несовершеннолетних, пострадавших от преступлений, увеличилось на 19,5% [3]. Данная цифра говорит о том, что проблема защиты прав несовершеннолетних от преступных посягательств не только не теряет своей остроты, но и приобретает характер системного кризиса в сфере общественной безопасности.

Допрос — одно из ключевых следственных действий, позволяющих установить обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. При этом работа с несовершеннолетними потерпевшими требует особого подхода, учитывающего их психологические особенности и процессуальные гарантии.

Порядок допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в Российской Федерации строго регламентируется Уголовно-процессуальным кодексом РФ (УПК РФ). Согласно ч. 1 ст. 187 УПК РФ, допрос проводится по месту производства предварительного следствия, но следователь вправе провести его в месте нахождения допрашиваемого. Статья 191 УПК РФ устанавливает особые правила, включая обязательное применение аудио- и видеозаписи (за исключением случаев, когда потерпевший или его законный представитель возражают против этого) [1].

При допросе несовершеннолетнего обязательно принимают во внимание его возрастные психологические черты. Среди них — высокая внушаемость, особенно в младшем возрасте, и склонность придумывать или приукрашивать реальность. Также важна эмоциональная нестабильность: она может приводить к тому, что ребёнок блокирует воспоминания или передаёт события неточно. Кроме того, на показания влияют страх, что преступник отомстит, и нежелание называть имена близких людей, причастных к делу.

В науке различают следующие группы несовершеннолетних в зависимости от их возраста и психического развития: младенцы, от рождения до одного года, раннее

детство, от одного года до трёх лет, дошкольный возраст, от трёх до семи лет, младший школьный возраст, от семи до одиннадцати лет, подростки, от одиннадцати до пятнадцати лет, а также старший школьный возраст: от пятнадцати до восемнадцати лет [2, с. 259]. Каждая из перечисленных возрастных групп обладает уникальными психофизиологическими особенностями, которые напрямую влияют на тактику допроса, например эффективными являются игровые элементы для несовершеннолетних младшего возраста, а акцент на доверии - для подростков.

При допросе несовершеннолетних следует учитывать также их половые различия, которые взаимосвязаны с другими особенностями лиц указанного возраста. И. Е. Реуцкая и О. И. Бродченко установили некоторые психологические особенности несовершеннолетних, которые проявляются исходя из их гендерной принадлежности. Установлено, что парни предпочитают говорить «по существу» и давать более точные показания.

Данный факт свидетельствует о том, что во время допроса мальчиков будет правильным говорить коротко, прямо, раскрывая при этом суть дела. Юноши при оценивании ситуации опираются на реальные факты. их показания более точны, что говорит об их большей объективности. Девочкам же свойственна повышенная субъективность. Они предпочитают излагать информацию более красочно и бегло. Вместо того чтобы говорить прямо, они могут высказывать свои мысли в косвенной форме[4, с. 57-58].

Эффективный допрос требует тщательной подготовки: изучения личности потерпевшего (возраст, развитие, условия жизни, травмы), выбора комфортного места и времени (избегая формальной атмосферы), определения участников (педагог, психолог, представитель), составления плана с нейтральными вопросами и наглядными материалами, обеспечения технических средств записи.

В ходе допроса применяются тактические приемы: установление контакта через непринужденный разговор, обращение по имени и доброжелательность; свободный рассказ без перебиваний; восстановление памяти последовательным изложением, ассоциативными вопросами, визуализацией (рисунки, игрушки). Для работы с ложными показаниями используются допущение легенды с уточняющими вопросами, внезапность, отвлечение внимания и повторность.

Анализ положений ст. 42 УПК РФ позволяет выделить следующие категории

несовершеннолетних потерпевших:

1) жертва преступления — ребенок или подросток, непосредственно понесший вред (физический, моральный или материальный) от противоправных действий;

2) процессуальный потерпевший, т. е. в соответствии с ч. 8 ст. 42 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего переходят к одному из: - его близких родственников и (или) близких лиц, - одному из родственников, при отсутствии близких родственников или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве. В контексте исследования нас интересует потерпевший как жертва преступления.

Психологические аспекты допроса несовершеннолетних потерпевших охватывают широкий спектр факторов, связанных с возрастными особенностями, эмоциональным состоянием, памятью, доверием и внушаемостью ребенка. То, как дети воспринимают и передают информацию, напрямую зависит от их возраста. Например, у младших школьников и дошкольников ещё недостаточно развита способность оперировать временны́ми ориентирами событий (последовательностью, длительностью, точными моментами), а также применять профильную терминологию. Это накладывает серьёзные ограничения на формулировку вопросов и требует особого подхода при построении процедуры допроса.

Наиболее важным фактором здесь выступает эмоциональное состояние ребёнка. Если в ходе допроса он проговаривает свои негативные переживания, это помогает восстановить картину события намного полнее и детальнее — как ключевые моменты, так и второстепенные подробности. В противоположность этому, положительные эмоции чаще всего дают меньший объём информации, причём она в основном касается не главных, а фоновых элементов ситуации [5].

Специфика применения специальных коммуникативных тактик, таких как эмпатическое и рефлексивное общение, способствует формированию доверия и снижению психологического дискомфорта у несовершеннолетних потерпевших, что благоприятно сказывается на достоверности получаемых показаний.

Ещё один значимый аспект — понимание того, насколько ребёнок внушаем и способен противостоять внешнему давлению в процессе допроса. Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что дети младшего возраста подвержены к наводящим вопросам. Старшие дети, в силу своего уровня интеллекта, возраста меньше

подвергаются любого рода манипуляциям и могут избирательно подходить к ответам на вопросы.

Дети с особенностями уровня интеллекта имеют сложности в общении и запоминании информации. Что способствует применение иных способов и методов допроса. Они должны учитывать особенности развития, коммуникации и адаптации детей, для получения наиболее достоверной информации.

Наиболее важным является травматический опыт ребенка, особенно дошкольного возраста, который может неверно трактовать воспоминания, поэтому следователи должны учитывать эти факторы при допросе.

Взаимодействие в ходе допроса должен быть в позитивной атмосфере, для доверительных отношений, что дает хорошие результаты в работе. В общении с детьми стоит избегать психологического давления, сложного языка для передачи информации, считывать настроение и состояние ребенка.

Правила и порядок проведения допроса детей школьного и дошкольного возраста закреплён в уголовно-процессуальном законодательстве. Необходимо учитывать и соблюдать особенноси, направленные на защиту прав и интересов детей и подростков. Ключевые из них: тщательная подготовка к допросу, обязательное участие законного представителя (а в необходимых случаях — и психолога), а также применение аудио- или видеозаписи [1]. Последнее необходимо для достоверности показаний в ходе допроса.

Процессуальные гарантии обеспечивают защиту прав несовершеннолетних в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса РФ. В частности, часть 1 статьи 191 УПК РФ устанавливает обязательное участие педагога или психолога при допросе потерпевших и свидетелей в возрасте до 16 лет, а также лиц старше 16 лет, если они страдают психическими расстройствами или отстают в психическом развитии. Присутствие законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего регламентируется частью 2 статьи 191 УПК РФ и пунктом 12 части 2 статьи 42 УПК РФ, согласно которым законный представитель вправе участвовать в следственных действиях с разрешения следователя. Что касается продолжительности допроса, то часть 1 статьи 425 УПК РФ (в системной связи с общими требованиями к производству следственных действий) и ведомственные рекомендации Следственного комитета РФ устанавливают следующие ограничения: для несовершеннолетних в возрасте до 7 лет

допрос не может продолжаться более 30 минут подряд, а в общей сложности — не более одного часа в день; для детей в возрасте от 7 до 14 лет — не более одного часа подряд и двух часов в день; для подростков от 14 до 18 лет — не более двух часов подряд и четырех часов в день с обязательным перерывом для отдыха[1].

Тактические приёмы в организации допроса включают несколько этапов подготовки, учитывающих возраст, психоэмоциональное состояние и правовой статус несовершеннолетнего (потерпевший, свидетель, подозреваемый). В ходе допроса следователю рекомендуется использовать приёмы, которые помогают снять у ребёнка психологическое сопротивление. Недопустимы давление и принуждение. Объяснения следует давать в форме, понятной несовершеннолетнему, а сам разговор вести тактично и корректно.

Таким образом, современной России фиксируется неуклонный рост числа преступлений, направленных против детей. Одна из главных причин — социальное неблагополучие семей. Это делает детей ещё более уязвимыми, а значит, возникает необходимость в особой тактике допроса, построенной с учётом их возрастных и психологических особенностей.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

2. Долженко Н. И., Купряшина Е. А. Особенности допроса несовершеннолетних лиц в уголовном судопроизводстве // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2022. №1 (48). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-doprosa-nesovershennoletnih-lits-v-ugolovnom-sudoproizvodstve (дата обращения: 02.04.2026).

3. Единая межведомственная информационно–статистическая система (ЕМИСС): официальный сайт. URL: https://iz.ru/1463793/2023-02-02/v-rossii-vyroslo-chislo-prestuplenii-protiv-detei (дата обращения 02.04.2026).

4. Реуцкая И. Е., Бродченко О. И. Психологические особенности допроса несовершеннолетних // Прикладная юридическая психология. 2008. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-doprosa-nesovershennoletnih (дата обращения: 02.04.2026).

5. Хайбрахманова, А. Д. Психологические особенности при проведении допроса несовершеннолетних / А. Д. Хайбрахманова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 42 (280). — С. 130-133. — URL: https://moluch.ru/archive/280/63045 (дата обращения 02.04.2026).

Чукавин Илья Юрьевич
Chukavin Ilya Yurievich
аспирант
ФГБОУ ВО «Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова»

ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ КОМПАНИИ НА ОСНОВЕ МЕТОДА АНАЛИЗА ИЕРАРХИЙ И МЕТОДА ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК

ASSESSMENT OF THE POTENTIAL OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF A COMPANY BASED ON THE METHOD OF HIERARCHY ANALYSIS AND THE METHOD OF EXPERT ASSESSMENTS

Аннотация. В работе рассматривается инновационный потенциал как ключевой элемент управления инновационной деятельностью предприятия. Основное внимание уделено его оценке с использованием методов анализа иерархий и экспертных оценок. На примере трех ведущих строительных компаний одного региона проведен сравнительный анализ инновационных возможностей с учетом технологических и организационно-управленческих факторов. В результате построена иерархическая система оценки инновационного потенциала, позволяющая определить значимость факторов и сопоставить компании по уровню инновационного развития. Подчеркивается роль инновационного потенциала как совокупности ресурсов, резервов и возможностей, обеспечивающих эффективность и конкурентоспособность предприятий.

Abstract. This paper examines innovative potential as a key element in managing an enterprise's innovation activities. Its assessment is focused on analytic hierarchy processes and expert assessments. Using three leading construction companies in one region as examples, a comparative analysis of innovative capabilities is conducted, taking into account technological, organizational, and managerial factors. As a result, a hierarchical system for assessing innovative potential is constructed, allowing for the identification of the significance of factors and comparison of companies based on their level of innovative development. The role of innovative potential as a combination of resources, reserves, and capabilities that ensure the efficiency and competitiveness of enterprises is emphasized.

Ключевые слова: инновационное развитие предприятия, инновационная деятельность, инновационный потенциал, метод анализа иерархий, метод экспертных оценок.

Keywords: innovative development of the enterprise, innovative activity, innovative potential, method of hierarchy analysis, method of expert assessments.

Введение

В настоящее время вопросы, связанные с инновационным развитием и оценкой инновационного потенциала, приобретают все большую актуальность и значимость для предприятий. Основным типом развития компаний в данный момент является инновационное развитие, инновации являются главным фактором экономического

развития. Ключевым условием развития предприятия является активизация инновационной деятельности. Использование возможностей компании за счет применения инновационных решений и технологий, способствует старту инновационного развития. Показателем, оценивающим возможности развития предприятия и определяющим направления инновационного развития в стратегическом горизонте, является уровень инновационного потенциала. Так, осуществление инновационной деятельности компании возможно при наличии у нее инновационного потенциала, который является необходимым условием реализации и внедрения инноваций. Оценка уровня инновационного потенциала предприятия позволяет определить возможности повышения эффективности его использования, что будет способствовать возможности изменения направлений инновационного развития и прогнозированию вероятности и характера результатов инновационной деятельности компании.

Инновационное развитие предприятия, а также создание новых конкурентных преимуществ, взаимосвязаны с инновационным потенциалом, который представляет из себя эффективный элемент управления инновационной деятельностью предприятия в быстроизменяющихся современных условиях. Так, инновационный потенциал является одним из ключевых и необходимых элементов эффективного управления инновационной деятельностью современного предприятия. В общем виде инновационный потенциал представляет собой способность предприятия по обеспечению достижения определенных целей при наилучшем применении существующих у него ресурсов. Оценка инновационного потенциала предприятия является важным этапом эффективного управления инновационной деятельностью. При оценке потенциала инновационного развития предприятия необходимо учитывать ситуацию в текущем периоде, так и в динамике, с целью дальнейшего развития.

Метод анализа иерархий и метод экспертных оценок как инструменты анализа инновационной деятельности предприятия

Метод анализа иерархий является математическим инструментом системного подхода к решению комплексных проблем принятия решений в условиях неопределенности. Данный инструментарий, разработанный Томасом Саати, позволяет структурировать многокритериальную задачу в виде иерархической структуры, что обеспечивает декомпозицию сложной проблемы на более простые составляющие.

Ключевым преимуществом данного метода является его высокая универсальность, так как он может применяться для решения различного рода задач, от стратегического планирования до выбора оптимальных технологических решений. Благодаря сочетанию качественного и количественного подходов, метод позволяет преобразовать субъективные суждения экспертов в объективные численные показатели. Недостатками метода анализа иерархий является необходимость получения большого объема информации от экспертов, а также естественные субъективные погрешности при проведении парных сравнений. Для нивелирования данных рисков в процессе исследования используется расчет индекса согласованности, который позволяет подтвердить логическую последовательность и достоверность полученных оценок.

В этом случае на помощь может прийти метод экспертных оценок. Метод экспертных оценок является методом организации работы с экспертами-специалистами и последующей математической обработке их мнений. Основой данного метода является рациональная организация проведения экспертами анализа проблемы с количественной оценкой и обработкой результатов. Решением проблемы является обобщенное мнение группы экспертов, обладающее свойством синергии и позволяющее минимизировать индивидуальные ошибки. Интеграция метода анализа иерархий с экспертным оцениванием создает устойчивую аналитическую базу для глубокого исследования отраслевой среды.

В рамках анализа инновационной деятельности предприятия, помимо рассматриваемого ключевого объекта исследования — Компании 1 (название изменено), было принято решение рассмотреть конкурентов компании и провести их многостороннее сравнение. Такой подход позволяет выявить относительные конкурентные преимущества и слабые стороны инновационного профиля организации. В рамках данного анализа будут рассмотрены три компании строительной отрасли, функционирующие на территории одного региона: Компания 1, Компания 2 и Компания 3 (названия изменены). Данные предприятия являются лидерами по различным показателям в данном регионе, что обуславливает высокую практическую значимость их сопоставления. Выбранный состав участников позволяет сформировать репрезентативную выборку, отражающую актуальные тренды развития строительного сектора в рассматриваемом субъекте.

В роли экспертов выступили сотрудники высшего менеджмента данных

компаний, обладающие необходимыми компетенциями и глубоким пониманием отраслевой специфики. Экспертами было определено, что совокупная инновационная деятельность строительной компании складывается из технологических факторов и организационно-управленческих факторов. Данные категории в текущем анализе стали факторами первого уровня, формирующими концептуальный каркас исследования. Каждый из них включает в себя детализированные факторы второго уровня, отражающие конкретные направления развития отраслевых инноваций. Такая двухуровневая модель позволяет последовательно оценить как материально-техническую базу предприятий, так и эффективность их управленческих механизмов.

Технологические факторы:

- внедрение информационных программ моделирования (включая BIM-технологии и системы автоматизированного проектирования);
- применение новых технологий в организации строительных работ;
- применение высокопроизводительных строительных машин и оборудования последнего поколения;
- использование новых строительных материалов с улучшенными эксплуатационными характеристиками;
- внедрение новых строительных технологий, направленных на сокращение сроков возведения объектов без потери качества.

Организационно-управленческие факторы:

- обучение и повышение квалификации персонала в области инновационного менеджмента и цифровых компетенций;
- стратегия развития компании, ориентированная на долгосрочную конкурентоспособность;
- возможность выхода на новые региональные и отраслевые рынки;
- изменения в организационной структуре управления для адаптации к изменениям внешней среды и ускорения процессов принятия решений;
- маркетинг, проведение исследований и разработок (R&D активность), включая мониторинг инновационных трендов.

Применение метода анализа иерархий и метод экспертных оценок для определения потенциала инновационного развития компаний

По итогу на основе метода экспертных оценок и анализа иерархий, была составлена иерархическая система и определены факторы, по которым будет оцениваться инновационный потенциал компаний, рисунок 1. Сформированная структура позволила не только систематизировать показатели, но и установить их соподчиненность, что особенно важно при анализе сложных многокомпонентных объектов. Такой подход обеспечивает более точное выявление ключевых драйверов инновационного развития и повышает обоснованность последующих сравнительных выводов.

Рисунок 1. Иерархическая система инновационной деятельности строительных компаний

Далее эксперты оценили значимость факторов каждого уровня используя матрицу попарного сравнения, рисунок 2. При этом особое внимание уделялось согласованности экспертных суждений, поскольку именно этот параметр определяет надежность полученных результатов и корректность итоговой интерпретации.

Показатель	W	
Технологические факторы	0,74	W1
Организационно-управленческие факторы	0,26	W2
Внедрение новых строительных технологий	0,3076	W1.5
Применение новых технологий в организации строительных работ	0,2665	W1.2
Внедрение информационных программ моделирования	0,1586	W1.1
Использование новых строительных материалов	0,151	W1.4
Применение новых видов строительных машин и оборудования	0,1163	W1.3
Изменения в организационной структуре управления	0,3844	W2.4
Обучение и повышение квалификации персонала	0,2526	W2.1
Стратегия развития	0,1598	W2.2
Маркетинг, проведение исследований и разработок	0,1326	W2.5
Возможность выхода на новые рынки	0,0706	W2.3

Рисунок 2. Сравнение значимости показателей

Далее были выбраны критерии оценивания факторов второго уровня, рисунках 3 и 4. Выбор критериев осуществлялся с учетом специфики строительной отрасли, а также степени влияния каждого показателя на формирование инновационного потенциала предприятия.

К1.1 Внедрение информационных программ моделирования	1. Используют в работе	**0,5**
	2. На стадии внедрения	**0,35**
	3. Не используют	**0,15**
К1.2 Применение новых технологий в организации строительных работ	1. Применяют в работе	**0,7**
	2. Не применяют	**0,3**
К1.3 Применение новых видов строительных машин и оборудования	1. Используют в работе	**0,65**
	2. На стадии внедрения	**0,35**
	3. Не используют	**0**
К1.4 Использование новых строительных материалов	1. Используют в работе	**1**
	2. Не используют	**0**
К1.5 Внедрение новых строительных технологий	1. Используют в работе	**0,65**
	2. На стадии внедрения	**0,35**
	3. Не используют	**0**

Рисунок 3. Критерии оценивания технологических факторов

К2.1 Обучение и повышение квалификации персонала	1. Высокий уровень	**0,8**
	2. Удовлетворительный	**0,2**
	3. Отсутствует	**0**
К2.2 Стратегия развития	1. Имеется у компании	**0,7**
	2. На стадии разработки	**0,3**
	3. Отсутствует	**0**
К2.3 Выход на новые рынки	1. Компания вышла на новые рынки	**0,65**
	2. Планирует выход	**0,35**
	3. Нет планов по выходу на новые рынки	**0**
К2.4 Изменения в организационной структуре управления	1. Высокий уровень оптимизации организационной структуры	**0,65**
	2. Средний уровень	**0,25**
	3. Неудовлетворительный уровень	**0,1**
К2.5 Маркетинг, проведение исследований и разработок	1. Высокий уровень	**0,55**
	2. Удовлетворительный	**0,3**
	3. Отсутствует	**0,15**

Рисунок 4. Критерии оценивания организационно-управленческих факторов

Далее эксперты произвели сравнительную оценку строительных компаний по технологическим, рисунок 5, и организационно-управленческим факторам, рисунок 6, используя матрицу попарного сравнения. Это позволило определить не только общую позицию каждой компании, но и выявить отдельные направления, в которых возможны зоны роста и управленческие резервы.

	Компания 1	Компания 2	Компания 3
К1.1 Внедрение информационных программ моделирования	0,5	0,5	0,5
К1.2 Применение новых технологий в организации строительных работ	0,7	0,7	0,7
К1.3 Применение новых видов строительных машин и оборудования	0,65	0,35	0,35
К1.4 Использование новых строительных материалов	1	1	1
К1.5 Внедрение новых строительных технологий	0,65	0,65	0,35

Рисунок 5. Оценка строительных компаний, по технологическим факторам

	Компания1	Компания 2	Компания 3
К2.1 Обучение и повышение квалификации персонала	0,8	0,8	0,8
К2.2 Стратегия развития	0,7	0,7	0,3
К2.3 Выход на новые рынки	0,35	0,65	0,35
К2.4 Изменения в организационной структуре управления	0,65	0,25	0,25
К2.5 Маркетинг, проведение исследований и разработок	0,55	0,3	0,55

Рисунок 6. Оценка строительных компаний, по организационно-управленческим факторам

Итоговые результаты оценки инновационного потенциала строительных компаний представлены на рисунок 7. Полученные данные наглядно демонстрируют структуру конкурентных преимуществ и подтверждают целесообразность применения выбранной методики для комплексного анализа инновационной активности.

	Компания 1	Компания 2	Компания 3
К	0,67	0,62	0,52
К1	0,67	0,66	0,54
К2	0,66	0,50	0,44
Итог	**0,67**	**0,62**	**0,52**
	96,6%	**89,2%**	**74,8%**

Рисунок 7. Итоговые результаты оценки инновационного потенциала строительных компаний

На основе проведенной оценки инновационного потенциала рассматриваемых компаний, можно сделать вывод что лидером является Компания 1, лидируя как по технологическим факторам, так и по организационно-управленческим. У компании прослеживается достаточно высокий уровень инновационного потенциала относительно конкурентов, но для дальнейшего эффективного функционирования и развития необходимо увеличивать данный потенциал и продолжать развивать инновационную деятельность. В перспективе это может быть достигнуто за счет расширения цифровизации процессов, усиления проектной работы и внедрения более гибких управленческих решений.

Заключение

Потребность в своевременном анализе и оценке потенциала инновационного развития предприятия в настоящее время увеличивается, так как, инновационный потенциал предопределяет будущее развитие инновационной деятельности на предприятии, тем самым обеспечивая эффективное функционирование и успешное развитие в целом. Инновационный потенциал современного предприятия представляет собой совокупность ресурсов, резервов и возможностей, благодаря которым возможно осуществление инновационной деятельности, достижение целей по инновационному развитию и улучшение показателей эффективности деятельности предприятия. В настоящее время, в условиях жесткой конкуренции каждому предприятию необходимо быть инновационно-ориентированным, постоянно совершенствоваться. Уровень инновационного потенциала предприятия определяется состоянием совокупности всех элементов производственно-хозяйственной деятельности. Оценка инновационного потенциала предприятия является важным этапом эффективного управления инновационной деятельностью. Кроме того, результаты такой оценки позволяют выявить наиболее значимые направления развития, определить имеющиеся ограничения и сформировать обоснованные управленческие решения, направленные на повышение конкурентоспособности предприятия в долгосрочной перспективе.

Литература:

1. Алмршед С. К. Бишин А. С. Методические основы оценки развития инновационного потенциала промышленного предприятия // Путеводитель предпринимателя. 2019, №41. С. 6-21. EDN VVEVRJ.

2. Бурлов В. Г. Математические методы моделирования в экономике. Ч.1. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2007. 330 с.

3. Возбранная Т. В., Кириченко Л. П. Инновационный потенциал как элемент стратегического развития предприятия // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 2. С. 148-152. EDN NTBOMZ.

4. Вотякова Е. М. Пошаговая коррекция экспертных оценок в прямом методе анализа иерархий // Бюллетень науки и практики. 2016. № 5(6). С. 45-55. DOI 10.5281/zenodo.54826.

5. Гаврилов А. Д., Новиков В. А., Ширяев М. В., Сухов В. В. Применение метода

анализа иерархий для решения задач выбора альтернатив в системах специального назначения // Наукоемкие технологии. 2023. Т. 24, № 3. С. 5–11. DOI 10.18127/j19998465-202303-01.

6. Морозов Д. И. Принципы инновационного развития предприятия // Актуальные вопросы экономических наук. 2010. № 15-1. С. 181-185. EDN RVRSVP.

7. Саати Томас Л. Принятие решений: Метод анализа иерархий / пер. с англ. Р. Г. Вачнадзе. М.: Радио и связь, 1993. 314 с. ISBN 5-256-00443-3.

8. Сорокина Е. С. Скрипина И. В. Экспертная оценка приоритетности объектов инвестирования на основе метода анализа иерархий // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2017. № 9(258). С. 133-141. EDN ZCJESB.

9. Фам В.Т. Применение нечеткого метода анализа иерархий к методу анализа видов и последствий отказов // Computational Nanotechnology. 2021. Т. 8, № 2. С. 29–36. DOI 10.33693/2313-223X-2021-8-2-29-36.

10. Черняк В. З., Эриашвили Н. Д. Проблемы строительства и экономики // Вестник экономической безопасности. 2017. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-stroitelstva-i-ekonomiki (дата обращения: 12.05.2026).

Ганса Наталия Витальевна
Gansa Nataliia Vitalievna
студент
ФГБОУ ВО «Херсонский технический университет»
e-mail: natagansa@yandex.ru

Юшина Елена Александровна
Yushina Elena Alexandrovna
кандидат политических наук, доцент
НОЧУ ВО «Московский экономический институт»
e-mail: elenaushina@yandex.ru

МЕХАНИЗМЫ И СПОСОБЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА НА ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТРУКТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

MECHANISMS AND METHODS OF INFLUENCE OF CIVIL SOCIETY ON STATE STRUCTURES IN MODERN CONDITIONS

Аннотация. В статье раскрываются правовые, организационные и цифровые и иные механизмы, и формы воздействия гражданского общества на государственные структуры. Рассматриваются общественный контроль, деятельность Общественной палаты Российской Федерации, обращения граждан, общественная экспертиза, публичные обсуждения, медиа и сетевые формы участия. Особое внимание уделяется соотношению правового регулирования, научных подходов и практических ограничений общественного влияния.

Abstract. The article reveals the legal, organizational and digital forms of civil society influence on state structures. Public control, the activities of the Public Chamber of the Russian Federation, citizens' appeals, public expertise, public discussions, media and network forms of participation are considered. Special attention is paid to the correlation of legal regulation, scientific approaches and practical limitations of public influence.

Ключевые слова: гражданское общество; государство; контроль; цифровизация; участие.

Keywords: civil society; state; control; digitalization; participation.

Гражданское общество на современном этапе развития представляет сферу самостоятельной социальной активности, через которую граждане, общественные объединения, некоммерческие организации, профессиональные сообщества и инициативные группы выражают интересы, формируют запросы к власти и добиваются учета общественно значимых потребностей в публичном управлении. Воздействие на государственные структуры включает правовые процедуры, экспертную работу, контрольные практики, общественные кампании, обращения, публичную критику и цифровые формы обратной связи, и другие формы.

Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» закрепляет институциональный канал согласования общественно значимых интересов. Статья 2 закона связывает задачи Общественной палаты с привлечением граждан и некоммерческих организаций, поддержкой гражданских инициатив, проведением общественной экспертизы проектов нормативных актов, общественным контролем за деятельностью органов власти и подготовкой рекомендаций государственным органам [1].

Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» придает общественному воздействию самостоятельную правовую форму. В статье 4 закона общественный контроль раскрывается через деятельность субъектов общественного контроля, направленную на наблюдение за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, а равно на общественную проверку, анализ и общественную оценку актов и решений [2].

При этом парадигма общественного контроля имеет следующие основные признаки:

1. Наличие специальных субъектов (Общественная палата Российской Федерации, общественные палаты субъектов Российской Федерации, общественные палаты муниципальных образований и общественные советы);

2. Направленность на органы власти, организации и учреждения, реализующие публичные полномочия;

3. Использование процедур наблюдения, проверки, экспертизы, обсуждения и публичных слушаний;

4. Представление результатов контроля в итоговых документах, предложениях, рекомендациях и выводах и др.;

5. И, наконец, обязанность адресата рассмотреть материалы контроля и дать содержательный ответ в случаях, установленных законом.

Выделенные и другие признаки показывают, что общественное влияние приобретает юридически значимый характер после включения гражданской позиции в процедуру рассмотрения публичным субъектом. Право не гарантирует автоматического принятия общественного требования, однако создает обязанность власти отреагировать на аргументированную позицию общества.

Исследователи Т.П. Богомолова и А.А. Шулус рассматривают механизмы воздействия через систему обратных связей между обществом и властью. Авторы разграничивают традиционные и современные формы участия: выборы, референдумы, средства массовой информации, партии, общественные объединения, митинги, жалобы, интернет-голосование, онлайн-обсуждения и цифровые проекты участия. Значение коммуникационной сферы раскрывается в следующей формуле: «Еще одним эффективным инструментом общественного воздействия на власть являются средства массовой информации, нередко называемые четвертой ветвью власти» [3].

Информационное воздействие выступает самостоятельным способом влияния. Средства массовой информации не принимают властных решений, но задают публичную повестку, выявляют управленческие ошибки, создают репутационные последствия для должностных лиц и формируют запрос на проверку фактов компетентными органами. При свободном распространении социально значимой информации медиа усиливают подотчетность власти; при административной зависимости контрольная функция ослабевает.

О.Б. Иванов связывает эффективность управления с формированием системы государственного и общественного контроля. Научная ценность его позиции состоит в разграничении контроля, осуществляемого самой публичной властью, и контроля, исходящего от общества. Государственный контроль проверяет соблюдение обязательных требований, служебной дисциплины и установленных процедур. Общественный контроль обращен к качеству публичного решения, прозрачности, справедливости распределения ресурсов и доверию граждан к управлению [4].

К основным механизмам влияния гражданского общества можно отнести:

1. Представительные механизмы – выборы, участие в партиях, выдвижение кандидатов, деятельность общественных палат и советов;

2. Контрольные механизмы – общественный мониторинг, общественная проверка, общественная экспертиза, общественные слушания;

3. Коммуникативные механизмы – обращения граждан, публикации в СМИ, общественные кампании, экспертные заключения;

4. Цифровые механизмы – электронные петиции, порталы открытых данных, онлайн-консультации, платформы городского участия;

5. Мобилизационные механизмы – собрания, митинги, пикетирования и иные формы коллективного выражения позиции.

Представительная группа обеспечивает постоянную связь общества с властью через институты участия. Контрольная группа имеет более строгую правовую форму: предмет, субъект, процедура и результат фиксируются законом. Коммуникативная группа работает через публичность. Цифровая группа расширяет скорость и масштаб вовлечения, хотя зависит от качества платформ, защиты данных и равного доступа к сети.

Цифровизация изменила структуру гражданского участия. М.В. Ильичева, например, подчеркивает: «Сетевые сообщества сформировались в политическую силу, которая способна оказывать реальное влияние на структуры государственной власти и социально-политическое развитие страны и мира в целом» [5].

Сетевые формы участия меняют не содержание гражданского контроля, а условия его осуществления. Инициатива может возникнуть без формальной организации, быстро получить поддержку, перейти в обращение, общественное обсуждение, экспертную дискуссию или запрос к органу власти. Горизонтальная коммуникация усиливает скорость реакции, но создает риск поверхностной мобилизации, когда эмоциональная поддержка заменяет проверку правовых и фактических оснований.

Н.А. Третьяков обращает внимание на методическую сторону изучения цифровых инструментов: «Для оценки эффективности цифровых инструментов общественного контроля использовались данные исследовательских центров и статистическая информация» [6].

Оценка цифрового участия не может строиться только на количестве пользователей, голосов или комментариев. Необходимо учитывать, влияет ли цифровой канал на содержание решения, получает ли гражданин мотивированный ответ, доступны ли материалы обсуждения, соблюдается ли безопасность персональных данных, исключена ли искусственная накрутка поддержки. Без указанных критериев цифровой механизм превращается в имитацию участия.

Статистические материалы показывают объективную основу роста цифрового воздействия. По данным статистического сборника «Цифровая экономика: 2024», в 2022 г. доступ к интернету имели 86,6% домашних хозяйств, а участие населения России в социальных сетях составляло 67% от численности населения

соответствующего возраста [8]. Распространение сети делает цифровые обращения, общественные обсуждения и платформы обратной связи массовыми каналами взаимодействия. Одновременно сохраняется зависимость участия от возраста, места проживания, цифровой грамотности и качества связи.

Отчет Общественной палаты Российской Федерации за 2024 год показывает, что базовый закон об общественном контроле воспринимается как рубежный акт: В нем, в частности, сказано, что принятие в 2014 году Закона об общественном контроле «стало серьезным шагом на пути развития гражданского общества в Российской Федерации и своего рода актом доверия государственной власти российскому гражданскому обществу» [7].

Институциональное зависит от готовности органов власти рассматривать общественные предложения оперативно и по существу. Юридическая обязанность дать ответ должна соединяться с управленческой готовностью менять решение при наличии убедительных доводов. При формальном рассмотрении общественный контроль сохраняет процедуру, но теряет воздействие на результат.

Среди основных проблем механизмов гражданского влияния можно выделить: формальное рассмотрение предложений без изменения управленческого решения; неравный доступ к цифровым каналам участия; недостаток профессиональной экспертизы у части инициативных групп и др.

Для устранения указанных проблем можно предложить органам власти различных уровней, прежде всего, своевременное доведение до общественности информации; мотивированные ответы гражданам и их группам; публикации итоговых материалов; при различных дистанционных формах сохранить очные приемные, развитие цифровой грамотности населения; привлечения профессиональных объединений, университетов и профильных НКО к разработке наиболее важных управленческих решений при этом прозрачность процедуры и открытый доступ к мнению сторон позволяют снижать риск имитации общественного участия.

Таким образом, институты гражданского общества воздействует на власть путем публичного требования и качеством институционального участия, способностью контролировать, объяснять, проверять и предлагать управленческие решения. При этом воздействие гражданского общества на государственные структуры – это многоуровневый процесс. Его правовая основа состоит из множества факторов:

законодательства об Общественной палате и общественном контроле; организационная основа выражается в деятельности палат, советов, комиссий и экспертных групп; а коммуникативная часть реализуется через СМИ, обращения общественности, публичные обсуждения и сетевые сообщества; цифровая же часть опирается на интернет-платформы, открытые данные и др.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. Об Общественной палате Российской Федерации: Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 15. – Ст. 1277.

2. Российская Федерация. Законы. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 30, ч. I. – Ст. 4213.

3. Богомолова, Т. П. Механизмы влияния гражданского общества на государство в современном мире / Т. П. Богомолова, А. А. Шулус // Вестник экономики, права и социологии. – 2020. – № 1. – С. 53–58.

4. Иванов, О. Б. Формирование системы государственного и общественного контроля как ключевой фактор эффективного управления / О. Б. Иванов // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2020. – № 5. – С. 7–26.

5. Ильичева, М. В. Государство и институты гражданского общества: цифровая доминанта: монография / М. В. Ильичева. – Москва: Проспект, 2022. – 176 с.

6. Третьяков, Н. А. Трансформация механизмов общественного контроля в цифровую эпоху / Н. А. Третьяков // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2025. – № 2. – С. 294–300.

7. Общественная палата Российской Федерации. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2024 год. – Москва Общественная палата Российской Федерации, 2024. – 117 с.

8. Цифровая экономика: 2024: краткий статистический сборник / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг [и др.]; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Москва: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 124 с. https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/892396113.pdf (дата обращения: 12.05.2026).

Волкова Любовь Александровна
Volkova Lyubov Alexandrovna
студент
Волгоградский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: lyuba.volkova.06@internet.ru

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ)

PECULIARITIES OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN CASES INVOLVING MINORS

Аннотация. В статье рассматриваются особенности уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних в российской правовой системе. Актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечения повышенных гарантий прав ребенка при осуществлении уголовного преследования и судебного разбирательства. Цель исследования состоит в выявлении специфики процессуального статуса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого и подсудимого, а также в определении проблем реализации специальных норм главы 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В работе анализируются конституционные, международно-правовые и отраслевые основы производства по делам данной категории, особенности предмета доказывания, участия законного представителя, защитника, педагога и психолога, а также применения мер пресечения. Использованы формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы. Сделан вывод о том, что уголовное судопроизводство по делам несовершеннолетних имеет самостоятельную гарантийную направленность, однако его эффективность зависит не только от наличия специальных норм, но и от качества их правоприменения, специализации должностных лиц и соблюдения принципа приоритета наилучших интересов ребенка.

Abstract. The article examines the specific features of criminal proceedings in cases involving minors in the Russian legal system. The relevance of the topic is determined by the need to ensure enhanced guarantees of children’s rights in criminal prosecution and trial proceedings. The purpose of the study is to identify the procedural specifics of the legal status of a minor suspect, accused and defendant, as well as to determine the problems of implementing the special rules of Chapter 50 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The paper analyzes the constitutional, international legal and sectoral foundations of proceedings in this category of cases, the peculiarities of the subject of proof, the participation of the legal representative, defense counsel, teacher and psychologist, as well as the use of preventive measures. The study is based on formal legal, systemic and comparative legal methods. It is concluded that criminal proceedings involving minors have an independent guarantee-oriented nature; however, their effectiveness depends not only on the existence of special rules, but also on the quality of law enforcement, the specialization of officials and the observance of the principle of the best interests of the child.

Ключевые слова: несовершеннолетний, уголовное судопроизводство, ювенальная юстиция, меры пресечения, законный представитель, педагог, защитник, предмет доказывания.

Keywords: minor, criminal proceedings, juvenile justice, preventive measures, legal representative, teacher, defense counsel, subject of proof.

Уголовное судопроизводство по делам несовершеннолетних представляет собой особую разновидность уголовного процесса, в которой публичные интересы государства должны быть согласованы с задачей усиленной защиты прав ребенка. Такая модель закреплена как в международных актах, так и в российском законодательстве. В силу части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы России [1]. Это положение имеет принципиальное значение для дел с участием несовершеннолетних, поскольку именно международные стандарты задают повышенный уровень гарантий.

Основу специального процессуального регулирования образуют нормы главы 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, посвященной производству по уголовным делам в отношении несовершеннолетних [2]. Они должны применяться во взаимосвязи с положениями Конституции Российской Федерации, Уголовного кодекса Российской Федерации, Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», а также международными актами, включая Конвенцию о правах ребенка 1989 г. [3] и Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних 1985 г. [4].

Цель статьи заключается в определении содержания и правовой природы особенностей уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних, а также в выявлении актуальных проблем их практической реализации.

Специальный порядок производства по делам несовершеннолетних обусловлен не только возрастом лица, но и признанием его повышенной социальной и психологической уязвимости. Согласно статье 6 УПК РФ назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [2]. В отношении несовершеннолетнего эта задача приобретает особую значимость.

Конвенция о правах ребенка требует, чтобы во всех действиях в отношении детей первоочередное внимание уделялось наилучшему обеспечению интересов ребенка [3]. Из этого вытекает обязанность государства выстраивать уголовно-процессуальные процедуры таким образом, чтобы они не причиняли несовершеннолетнему чрезмерный вред и одновременно обеспечивали цели правосудия. Отсюда происходят специальные правила о составе участников процесса, объеме доказывания, сроках и условиях проведения следственных действий, а также о применении мер пресечения.

Содержание ювенальной юстиции в современном российском праве не сводится к созданию отдельных ювенальных судов. Более обоснованным является понимание ее как системы специальных материальных, процессуальных и организационных механизмов, направленных на индивидуализированное рассмотрение дел о преступлениях несовершеннолетних [5]. Поэтому особенности уголовного судопроизводства по делам данной категории должны рассматриваться не изолированно, а как часть общей системы охраны детства.

Существенной особенностью дел рассматриваемой категории выступает расширенный предмет доказывания. В соответствии со статьей 421 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, помимо обстоятельств, указанных в статье 73 УПК РФ, подлежат установлению возраст несовершеннолетнего, условия его жизни и воспитания, уровень психического развития и иные особенности личности, а также влияние на него старших по возрасту лиц [2].

Данная норма имеет принципиальное значение. Если по общему правилу в центре уголовно-процессуального доказывания находится событие преступления и виновность лица, то в делах несовершеннолетних законодатель обязывает суд и органы расследования исследовать социальную среду подростка. Это связано с тем, что противоправное поведение несовершеннолетнего нередко обусловлено не только его личным выбором, но и дефектами семейного воспитания, воздействием группы, школьной дезадаптацией, цифровой средой или иными факторами.

В научной литературе справедливо отмечается, что формальное собирание характеристик не может заменить полноценного анализа личности подростка [6, с. 12]. Судебная перспектива таких дел зависит от того, насколько тщательно установлены сведения о семье, обучении, состоянии здоровья, социальном окружении и уровне развития несовершеннолетнего. Эти обстоятельства влияют не только на квалификацию

и индивидуализацию ответственности, но и на выбор мер процессуального принуждения.

Особое значение имеет точное установление возраста несовершеннолетнего. Это необходимо как для решения вопроса об уголовной ответственности по статье 20 УК РФ, так и для определения применимости специальных правил уголовного судопроизводства [7]. Если документы о возрасте отсутствуют или вызывают сомнение, подлежит назначению соответствующая экспертиза.

Одним из основных отличий ювенального производства является обязательное участие защитника. В силу статьи 51 УПК РФ участие защитника обязательно, если подозреваемый или обвиняемый является несовершеннолетним [2]. Это правило обеспечивает профессиональную юридическую помощь независимо от позиции самого подростка, который в силу возраста не всегда способен осознанно реализовывать право на защиту.

Наряду с защитником в деле участвует законный представитель несовершеннолетнего. Его права закреплены в статье 426 УПК РФ [2]. Законный представитель призван содействовать защите интересов подростка, однако на практике не всегда способен выполнять эту функцию должным образом. Причиной может быть конфликт интересов, низкая правовая грамотность либо неблагоприятная семейная ситуация. В подобных случаях особенно важна активная позиция защитника и суда.

Закон предусматривает участие педагога или психолога при производстве следственных действий с несовершеннолетним в случаях, установленных статьями 191 и 425 УПК РФ [2]. Их участие обусловлено необходимостью учета возрастной психологии, предотвращения давления и обеспечения корректного способа постановки вопросов. Как указывается в современных исследованиях, без реального, а не формального участия педагога или психолога следственные действия могут утратить гарантийный смысл.

Следует учитывать и положения статьи 423 УПК РФ, предусматривающей возможность выделения уголовного дела в отдельное производство, если в совершении преступления участвовали взрослые и несовершеннолетние [2]. Это позволяет минимизировать негативное влияние со стороны совершеннолетних соучастников и обеспечить индивидуализированный подход к подростку.

Особую специфику имеет применение мер пресечения к несовершеннолетним. В

соответствии со статьей 423 и статьей 105 УПК РФ к ним может применяться передача под присмотр родителей, опекунов, попечителей либо администрации специализированного детского учреждения [2]. По своей правовой природе эта мера отвечает цели минимизации изоляционного воздействия и соответствует международному стандарту, согласно которому арест, задержание или тюремное заключение ребенка должны применяться лишь в качестве крайней меры и на как можно более короткий срок [3].

Заключение под стражу в отношении несовершеннолетнего допустимо только при наличии общих оснований, предусмотренных статьями 97 и 108 УПК РФ, с учетом дополнительных ограничений, вытекающих из специального статуса лица [2]. Пленум Верховного Суда Российской Федерации подчеркивает, что суд обязан обсуждать возможность применения более мягкой меры пресечения и мотивировать невозможность ее избрания. На практике именно недостаточная мотивированность решений о заключении под стражу остается одной из наиболее острых проблем.

С учетом положений Федерального закона № 120-ФЗ задача государства состоит не только в реагировании на уже совершенное деяние, но и в профилактике повторной преступности несовершеннолетних. Поэтому применение процессуального принуждения должно быть согласовано с мерами социальной, педагогической и психологической поддержки. В противном случае уголовный процесс утрачивает воспитательный потенциал и превращается исключительно в репрессивный механизм.

Судебное разбирательство по делам несовершеннолетних требует особой процессуальной тактики. Суд должен не только проверить доказательства виновности, но и исследовать условия жизни подростка, причины и обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Кроме того, статья 429 УПК РФ допускает удаление несовершеннолетнего подсудимого из зала судебного заседания на время исследования обстоятельств, способных оказать на него отрицательное воздействие [2]. Это положение направлено на снижение травмирующего эффекта процесса.

Существенное значение имеет и уголовно-правовой контекст. Так, статья 90 УК РФ предусматривает возможность применения принудительных мер воспитательного воздействия вместо уголовного наказания, если исправление несовершеннолетнего возможно без его назначения [7]. Статья 92 УК РФ допускает освобождение

несовершеннолетнего от наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа при наличии установленных законом условий [7]. Следовательно, суд, рассматривая уголовное дело, должен оценивать не только вопрос о виновности, но и возможность использования мер, ориентированных на исправление и ресоциализацию.

В современной литературе отмечается, что российская модель ювенального правосудия нуждается в более последовательной специализации судей, следователей и прокуроров, рассматривающих дела данной категории. Не менее важным направлением является развитие восстановительных технологий, в том числе процедур примирения, когда это допускается законом и соответствует интересам потерпевшего и несовершеннолетнего.

Таким образом, уголовное судопроизводство по делам несовершеннолетних обладает выраженной спецификой, обусловленной необходимостью сочетания задач уголовного правосудия с повышенной защитой прав ребенка. Особенности данного порядка закреплены в Конституции Российской Федерации, международных актах, Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, Уголовном кодексе Российской Федерации и законодательстве о профилактике правонарушений несовершеннолетних.

К числу основных особенностей относятся расширенный предмет доказывания, обязательное участие защитника и законного представителя, участие педагога или психолога, ограничения на применение изоляционных мер пресечения и обязанность суда учитывать возможность воспитательного, а не только карательного воздействия. Вместе с тем сама по себе законодательная регламентация еще не гарантирует эффективной защиты прав несовершеннолетнего. Решающее значение имеют качество правоприменения, индивидуальный подход к личности подростка и реальное соблюдение принципа наилучших интересов ребенка.

Перспективы совершенствования ювенального уголовного судопроизводства связаны с повышением специализации правоприменителей, развитием межведомственного взаимодействия, более широким использованием несвязанных с изоляцией мер и усилением профилактической направленности процесса.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 12.05.2026).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 12.05.2026).

3. Конвенция о правах ребенка: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН 20.11.1989 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.05.2026).

4. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН 29.11.1985 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.05.2026).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.10.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 12.05.2026).

6. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 (в ред. от 25.05.2023) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 7. С. 3–12.

7. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 12.05.2026).

Лазутина Виктория Владимировна
Lazutina Victoria Vladimirovna
студент
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный аграрный университет
имени императора Петра I»
e-mail: vdv.vika236@mail.ru

Панин Сергей Игоревич
Panin Sergey Igorevich
старший преподаватель кафедры экономического анализа,
статистики и прикладной математики, экономический факультет
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный аграрный университет
имени императора Петра I»
e-mail: Psi1988@yandex.ru

АНАЛИЗ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ

LABOR RESOURCE ANALYSIS

Аннотация. В условиях технологической трансформации экономики и возрастающей конкуренции грамотное управление персоналом становится важнейшим условием обеспечения конкурентоспособности организации. Эффективность использования трудовых ресурсов оценивается по системе взаимосвязанных показателей: обеспеченность предприятия персоналом и его структура, динамика фонда заработной платы и её соотношение с темпами роста производительности труда, показатели выработки и трудоёмкости продукции. На примере сельскохозяйственного предприятия проведён практический анализ обеспеченности трудовыми ресурсами, динамики численности и структуры персонала, фонда оплаты труда и производительности.

Abstract. In the context of technological economic transformation and increasing competition, effective human resources management is becoming a critical prerequisite for ensuring an organization's competitiveness. Labor force efficiency is assessed using a system of interrelated indicators: the enterprise's staffing level and structure, wage fund dynamics and its relationship with labor productivity growth rates, and indicators of output and labor intensity. Using an agricultural enterprise as an example, a practical analysis of labor force availability, personnel size and structure dynamics, wage fund, and productivity is conducted.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, производительность труда, трудоёмкость, фонд заработной платы, обеспеченность рабочей силой, резерв рабочего времени, эффективность использования персонала.

Keywords: labor force, labor productivity, labor intensity, wage fund, labor force availability, working time reserves, personnel efficiency

Трудовые ресурсы – один из ключевых факторов производства: они влияют не только на текущие показатели хозяйственной деятельности, но и на долгосрочный потенциал развития предприятия [1**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. В

современной экономике, где постоянно происходят технологические изменения и растёт уровень конкуренции, грамотное использование трудовых ресурсов напрямую определяет конкурентоспособность организации [2].

Эффективность работы персонала оценивают по нескольким критериям: достаточно ли сотрудников на предприятии, как они распределены по должностям, соотносится ли рост зарплат с ростом производительности, а также сколько времени уходит на изготовление одной единицы продукции, т.е. трудоёмкость [3].

Чем меньше времени требуется на производство товара, тем выше производительность. Поэтому поиск способов снизить трудоёмкость – важный шаг к повышению эффективности без увеличения штата.

В основе понятия «трудовые ресурсы» лежит часть населения, чьи физические возможности, знания и профессиональные навыки создают базу для производственной деятельности. Если говорить о предприятии, то данный ресурс выступает как сумма его сотрудников, разделённых по профессионально-квалификационным группам. Для измерения степени отдачи от этого ресурса используется комплекс оценочных критериев: от коэффициентов, показывающих, насколько штат укомплектован и стабилен (текучесть), до расчётов производительности (выработка и трудоёмкость), а также анализа того, насколько полно и эффективно расходуется фонд рабочего времени.

Проведем анализ трудовых ресурсов на примере ООО «Агроединство». Предприятие занимается выращиванием зерновых (за исключением риса), зернобобовых культур и семян масличных культур. В числе дополнительных направлений выделяется: культивирование овощей, бахчевых, корнеплодных и клубнеплодных культур, грибов и трюфелей, выращивание многолетних культур, разведение крупного рогатого скота, лошадей и иных животных, а также производство продукции мукомольной и крупяной промышленности, хлеба и мучных кондитерских изделий.

Экономическая сущность трудовых ресурсов раскрывается через их двойственную роль: с одной стороны, это носители рабочей силы, с другой – активные участники производственного процесса, от квалификации и мотивации которых зависит эффективность использования всех остальных ресурсов предприятия. В аграрном секторе значимость трудовых ресурсов возрастает в связи с сезонностью производства, необходимостью выполнения большого объёма ручных операций и зависимостью

конечных результатов от своевременности и качества выполняемых работ.

Рассмотрим обеспеченность трудовыми ресурсами на предприятии в таблице 1.

Таблица 1. Обеспеченность п/п трудовыми ресурсами и использование фонда з/п

Категория работников	Среднесписочное число за год			Фонд заработной платы с дополнительной оплатой, тыс. руб.		
	2021 г.	2022 г.	%	2021 г.	2022 г.	%
А	1	2	3	4	5	6
1. Рабочие постоянные	30	29	96,67	12617	15903	126,04
2. Рабочие сезонные и временные	-	-	-	-	-	-
Итого	30	29	96,67	12617	15903	126,04
3. Руководители	1	1	100	3781	3972	105,05
4. Специалисты	11	10	90,91	5361	5113	95,37
5. Прочие работники	-	-	-	-	-	-
Итого	12	11	91,67	9142	9085	99,38
Всего	42	40	95,24	21759	24988	114,84
Обеспеченность рабочей силой, %	х	х	95,24	х	х	х

Исследуемое предприятие обеспечивается рабочей силой на 95,24%. При этом численность постоянных рабочих сократилась с 30 до 29 человек (96,67%), специалистов — с 11 до 10 (90,91%).

Общий фонд зарплаты вырос на 14,84% (с 21 759 до 24 988 тыс. руб.).

У постоянных рабочих ФОТ увеличился на 26,04%. У специалистов снизился на 4,63% (что соответствует сокращению численности). Рост ФОТ опережает сохранение численности, что требует контроля за обоснованностью повышения зарплат [3].

Факторы, которые влияют на объем валовой продукции представлены в таблице 2.

Таблица 2. Факторы, влияющие на объем валовой продукции

Показатели	Год		В среднем по району
	2021	2022	
1. Объём валовой продукции, тыс. руб.	2107,7	3530,4	5388,45
2. Среднесписочное число работников, чел.	42	40	86
3. Валовой продукции на 1 среднегодового работника, руб.	50183,33	88260	62656,40
4. Человеко-часы, отработанные 1 работником, чел.- час.	1904,76	2425	1852,13
5. Валовой продукции в расчёте на 1 чел.-час (часовой производительности труда), руб.	26,35	36,40	33,83

Таблица 2 демонстрирует устойчивую положительную динамику

производственных показателей. По показателю выработки предприятие демонстрирует опережение среднерайонного уровня на 41 %, однако по объёму валовой продукции в абсолютном выражении наблюдается отставание: 3 530 тыс. руб. против 5 388 тыс. руб. в среднем по району. При этом низкая производительность не является причиной данного расхождения. Основными факторами отставания выступают меньшая численность персонала, а также вероятная неоптимальность структуры посевных площадей или животноводческого направления деятельности [5].

Таблица 3. Резерв снижения трудоемкости

Продукция	Валовой сбор, ц	Превышение факт трудоемкости над план, ч.-час	Резерв снижения трудоемкости, ч.-час	Можно высвободить чел.
Кукуруза на зерно	46630	0,0057 до сот	264,56	х
Ячмень	21710	0,0217	470,56	х
Подсолнечник	34500	0,07832	2702,18	х
Однолетние травы на сено	792	1,22	968,83	х
Многолетние травы на сено	208	3,79	787,42	х
Кукуруза на зеленый корм	25920	0,00858	222,4	х
Животные на выращивании и откорме	149	14,56	2169,52	х
Итого	х	х	7585,47	4

На предприятии присутствует резерв рабочего времени в размере 7585,47 чел-час.

Предприятие обладает скрытым внутренним резервом, эквивалентным работе 4 сотрудников (чтобы его найти, разделим резерв трудоемкости на годовой фонд времени 1 работника).

Основные потери рабочего времени сосредоточены в производстве подсолнечника, мясном животноводстве и сенозаготовке. Устранение этих потерь – главное направление повышения производительности труда без дополнительного найма.

Комплексный анализ кадрового потенциала ООО «Агроединство» позволил не только зафиксировать текущее состояние обеспеченности предприятия персоналом и динамику производительности, но и определить внутренние возможности для роста эффективности без привлечения дополнительных трудовых ресурсов.

На текущий момент предприятие работает в условиях неполной укомплектованности штата: фактическая обеспеченность трудовыми ресурсами

достигает лишь 95,24% от запланированного уровня. Особенно заметна нехватка специалистов – их количество составляет 90,91 от требуемого.

При этом предприятие демонстрирует интенсивный тип развития, о чём свидетельствуют следующие показатели: увеличение выработки на одного сотрудника (75,9%), а также рост часовой производительности труда (38,1%).

Ключевым итогом исследования стало обнаружение неиспользованного резерва рабочего времени объёмом человеко-часов. Эта величина соответствует трудозатратам четырёх штатных сотрудников. Наибольшие потери рабочего времени зафиксированы в нескольких направлениях деятельности.

Для минимизации потерь и повышения эффективности труда целесообразно внедрить ряд мер. Прежде всего, стоит актуализировать технологические карты на участках с завышенной трудоёмкостью. Также рекомендуется провести ряд операций для выявления неэффективных действий и простоев, внедрить современные методы организации труда, например, бригадные формы работы или совмещение функций. Помимо этого, имеет смысл пересмотреть систему мотивации персонала, сделав акцент на поощрение роста производительности, а также перераспределить задачи между сотрудниками с учётом их квалификации, опыта и текущей загрузки.

Проведённый анализ трудовых ресурсов ООО «Агроединство» показал, что предприятие, несмотря на неполную укомплектованность штата (95,24%), демонстрирует интенсивный тип развития: выработка на одного работника выросла на 75,9%, часовая производительность — на 38,1%. Ключевым резервом дальнейшего повышения эффективности является снижение трудоёмкости производства подсолнечника, продукции мясного животноводства и сенозаготовки, что позволит высвободить до 7585 человеко-часов рабочего времени.

Приоритетным направлением для роста производительности на предприятии следует считать снижение трудоёмкости продукции через оптимизацию рабочих процессов, а не расширение штата. Такой подход позволит добиться устойчивого повышения эффективности без дополнительных расходов на подбор и обучение новых работников.

Литература:

1. Клочкова, Е. Н. Экономика предприятия: учебник для вузов / Е. Н. Клочкова, В. И. Кузнецов, Т. Е. Платонова, Е. С. Дарда; под редакцией Е. Н. Клочковой. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 382 с.

2. Коваленко, Н. Я. Экономика сельского хозяйства: учебник для вузов / Н. Я. Коваленко [и др.]; под редакцией Н. Я. Коваленко. — Москва: Юрайт, 2023. — 406 с.

3. Мельник, М. В. Теория экономического анализа: учебник и практикум для вузов / М. В. Мельник, В. Л. Поздеев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 238 с.

4. Скляревская, В. А. Экономика труда: учебник для бакалавров / В. А. Скляревская. — 4-е изд. — Москва: Дашков и К., 2023. — 302 с.

5. Яндиев, А. А. Ретроспектива и современные основы оценки трудовых ресурсов в производственном потенциале экономической системы / А. А. Яндиев. — Текст: непосредственный // Экономический анализ: теория и практика. — 2023. — № 1. — С. 124–138.

Шальнева Е.В.
Shalneva E.V.
магистрант
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Шеховцева Татьяна Михайловна
Tatyana Mikhailovna Shekhovtseva
доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации,
кандидат филологических наук
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

ДИСТАНЦИОННЫЙ ОТКАЗ ОТ НАСЛЕДСТВА: ПРЕДЕЛЫ ДОПУСТИМОСТИ И МОДЕЛИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

REMOTE RENUNCIATION OF INHERITANCE: LIMITS OF ADMISSIBILITY AND MODELS OF LEGAL REGULATION

Аннотация. В статье рассматривается институт отказа от наследства в российском праве в контексте цифровизации нотариата. Анализируются требования статей 1157–1159 ГК РФ и Основ законодательства РФ о нотариате к форме, срокам и последствиям отказа, а также влияние развития электронного документооборота и Единой информационной системы нотариата на возможности дистанционного оформления наследственных волеизъявлений. Показано, что действующая модель по-прежнему опирается на очное взаимодействие наследника с нотариусом, но уже допускает пересылку заявлений и использование электронных документов. С опорой на выводы Е.В. Козиной о «законе о цифровом нотариате» формулируются предложения по поэтапному внедрению дистанционного отказа от наследства с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи, видеоидентификации и ЕИС нотариата при сохранении базовых гарантий защиты прав наследников и кредиторов.

Abstract. The article examines the renunciation of inheritance in Russian law in the context of notarial digitalization. It analyzes the requirements of Articles 1157–1159 of the Civil Code of the Russian Federation and the Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notariate regarding the form, time limits and legal consequences of renunciation, as well as the impact of electronic document flow and the Unified Information System of Notariate on the possibilities of remote formalization of inheritance declarations. It is shown that the current model still relies on in-person interaction between the heir and the notary, but already allows for the transmission of applications and the use of electronic documents. Building on the conclusions of E.V. Kozina on the so-called “digital notariate law”, the article proposes a phased introduction of remote renunciation of inheritance based on a qualified electronic signature, video identification and the Unified Information System of Notariate, while preserving the basic guarantees of protection of heirs’ and creditors’ rights.

Ключевые слова: отказ от наследства, принятие наследства, дистанционный отказ, электронная подпись, электронный документ, нотариат, ЕИС нотариата, цифровой нотариат.

Keywords: renunciation of inheritance, acceptance of inheritance, remote renunciation,

electronic signature, electronic document, notariate, Unified Information System of Notariate, digital notariate.

Russian inheritance law allows an heir not only to accept an inheritance but also to renounce it. Article 1157 of the Civil Code of the Russian Federation establishes: "An heir has the right to renounce an inheritance in favor of other persons (Article 1158 of this Code) or without indicating the persons in whose favor he renounces the inherited property." Renunciation is strictly tied to the deadline for accepting the inheritance: "An heir has the right to renounce the inheritance within the period established for acceptance of the inheritance (Article 1154 of this Code), including in the case when he has already accepted the inheritance" (clause 2 of Article 1157 of the Civil Code of the Russian Federation), and "cannot be subsequently changed or withdrawn" (clause 3 of Article 1157 of the Civil Code of the Russian Federation) [1].

The form of renunciation is detailed in Article 1159 of the Civil Code of the Russian Federation: "Renunciation of an inheritance is made by submitting, at the place of opening of the inheritance, to a notary ... a declaration by the heir of renunciation of the inheritance." At the same time, representation is allowed if there is a power of attorney with a specifically stipulated authority, as well as sending the application by mail or through another notary with the heir's signature being witnessed. In essence, the law describes not only the classic model of a personal visit to the notary but already allows the heir to act remotely – through certification of the signature and forwarding the application.

The Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation "On Notariate" concentrate the key elements of the procedure with the notary at the place of opening of the inheritance [2]. Article 36 of the Fundamentals indicates that it is this notary who "accepts applications from heirs for the acceptance of inheritance or renunciation of inheritance," and Article 35 enshrines the principle of personal performance of notarial acts. Methodological recommendations on registration of inheritance rights, approved by the Board of the Federal Notarial Chamber in 2019, separately stipulate that an application from an heir may be received in the form of an electronic document and is attached to the inheritance file in printed form, indicating the file data and the storage location of the electronic original. Thus, electronic document flow is already integrated into inheritance cases, but a special model for remote renunciation has not been described by the legislator.

The legal nature of renunciation of inheritance is traditionally interpreted as a unilateral transaction, terminating the subjective inheritance right of a specific heir. This opens up the possibility of applying general provisions on the invalidity of transactions to renunciation, including on grounds of delusion, fraud, threat, or extreme necessity. In the context of digitalization, this characteristic gains particular weight: even with a formally impeccable electronic form, renunciation can be contested if it is proven that the heir's will was formed under the influence of a defect.

The transition to a remote notariate cannot be considered in isolation from the already implemented reform of the notarial system. As E.V. Kozina emphasizes, analyzing Federal Law No. 480-FZ of December 27, 2019, it is informally called the "digital notariate law" in professional circles, and this designation fully corresponds to its purpose and content. This law was adopted as part of the implementation of the "Digital Economy" program direction and was aimed at modernizing notarial activities, increasing the accessibility and demand for notarial protection of the rights of citizens and legal entities in the context of the formation of a digital society [3]. The researcher rightly notes that this act systematically established new formats for performing notarial acts, provided technical mechanisms for digitalization of notarial registers and databases, and also significantly expanded the possibilities of interdepartmental electronic interaction. In essence, it was this reform that created the infrastructural basis without which a full-fledged remote format for notarial services would have been impossible, or would have been fragmentary and experimental in nature.

A special role in the establishment of remote notarial acts was played by Federal Law No. 480-FZ, which for the first time directly enshrined the possibility of remote access to a notary. Starting from December 29, 2020, as noted by E.V. Kozina, citizens and organizations received a real tool for performing a number of notarial acts without personal appearance: one can certify the accuracy of a translation, transfer documents to another person, deposit funds and securities with a notary, make an executory endorsement, transfer documents for safekeeping, request an extract from the register of notifications of pledge of movable property, as well as certify the equivalence of an electronic document generated by a notary. In essence, this marked a transition from the traditional "paper" notariate to full-fledged electronic forms of notarial activity.

The technological architecture of the remote notariate is built in such a way as not to reduce the level of trust in the identity of the applicant and the legal force of the actions

performed. The applicant or his representative generates an application for remote notarial action, signs it with an enhanced qualified electronic signature, and sends it through the unified information system of the notariate, including using the public services portal, to the address of the Federal Notarial Chamber. The Chamber automatically redistributes the received application to a notary who has declared readiness to work in a remote format, and the notary receives the necessary information about the identity and status of the applicant through the Unified Identification and Authentication System (ESIA) and the unified biometric system. As a result, remote interaction with a notary is combined with a traditionally high level of identification and verification, and notarial acts performed online retain the same legal significance as in the case of in-person application.

Characterizing these innovations, Kozina rightly sees in them a transition from a "paper" notariate to a model in which the remote format becomes a normal way of performing a number of actions, rather than an exception. For renunciation of inheritance, this means that the infrastructure for remote circulation of legally significant applications has already been created, even if renunciation itself is not yet directly included in the list of remotely performed notarial acts.

Considering this, it seems that the phased introduction of remote renunciation of inheritance can rely on the already existing mechanisms of the digital notariate. At the first stage, it is possible to clearly stipulate in Part Three of the Civil Code of the Russian Federation and the Fundamentals on Notariate that renunciation of inheritance may be made by sending to the notary at the place of opening of the inheritance an application in electronic form, signed by the heir's enhanced qualified electronic signature, through the Unified Information System of the Notariate or integrated state services. At the second stage – to establish mandatory video identification of the heir and recording of the notary's clarifications: a recording of the session, during which the notary identifies the heir (including using the unified biometric system), explains the consequences of renunciation and receives confirmation of its voluntary nature, should be stored in the Unified Information System and attached to the inheritance file along with the electronic application.

At the same time, the limits of admissibility of remote renunciation should be outlined quite strictly. First, remote renunciation must be made only within the six-month period established by Article 1154 of the Civil Code of the Russian Federation, with the time of registration of the electronic application in the Unified Information System of the Notariate

considered the legally significant moment. Second, it is necessary to directly determine the distribution of risks in case of compromise of electronic signature means: the formal existence of a certificate should not automatically shift all consequences onto the heir if violations by the certification center or other participants in the infrastructure are established. Third, at least at the initial stage, it is possible to limit the application of remote renunciation in relation to the most vulnerable categories of heirs, primarily recipients of the compulsory share, for whom renunciation is traditionally perceived as an exception to the social function of inheritance law.

Taken together, the analysis shows that the current regulation already contains elements of a remote model – forwarding of applications, use of electronic documents, functioning of the Unified Information System and mechanisms for remote access to notarial acts, described in detail by E.V. Kozina. At the same time, the absence of a special structure for remote renunciation of inheritance in the Civil Code of the Russian Federation and the Fundamentals on Notariate leads to the fact that such solutions are implemented piecemeal and mainly at the level of practice, relying on general norms. Under these conditions, further development of the "digital notariate law" in the inheritance block seems justified: legislative consolidation of remote renunciation of inheritance as a separate procedure, relying on an enhanced qualified electronic signature, the Unified Information System of the Notariate and video identification tools, will make it possible to combine convenience for heirs with maintaining strict guarantees of legal certainty and protection of creditors' interests.

Литература:

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 26.11.2001 № 146-ФЗ (часть третья) (в ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2001 г., № 49, ст. 4552.

2. Основы законодательства Российской Федерации «О нотариате» от 11.02.1993 № 4462 I (ред. от 03.03.2026) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 10. – Ст. 357.

3. Козина Е. В. Закон о цифровом нотариате: удаленная работа нотариусов, бесконтактные сделки, цифровизация данных // Гарант.ру. 28.12.2020. URL: https://www.garant.ru/ia/opinion/author/kozina/1428623/. (дата обращения: 12.05.2026).

Камакина Татьяна Алексеевна
Kamakina Tatiana Alekseevna
магистрант
ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»
e-mail: tatinakamakina0201@mail.ru

Шенько Радомир Сергеевич
Shenko Radomir Sergeevich
магистрант
ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»
e-mail: radomirsenko@gmail.com

научный руководитель
Фесенко Олеся Павловна
Fesenko Olesya Pavlovna
доцент кафедры управления и технологий в туризме и рекреации
ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»
e-mail: Olesenka2002@mail.ru

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ВЛИЯНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ НА КАЧЕСТВО ДЕЛОВОГО ТУРИЗМА

METHODS FOR ASSESSING THE IMPACT OF EDUCATIONAL COMPONENTS ON THE QUALITY OF BUSINESS TOURISM

Аннотация. В статье исследуются современные методы оценки влияния образовательных компонентов на качество развития делового туризма. Анализируются подходы, позволяющие количественно и качественно определить эффективность образовательных программ, международных обменов, научных конференций и других образовательных инициатив в формировании имиджа региона и повышении его привлекательности как делового центра. Рассматриваются основные параметры и методики мониторинга, а также предлагаются рекомендации по их оптимизации для повышения точности оценки и стратегического управления развитием делового туризма на основе образовательных факторов. Полученные результаты способствуют углублению понимания роли образования в формировании конкурентных преимуществ региона и определению путей повышения эффективности делового туризма через образовательные компоненты.

Abstract. The article examines modern methods of assessing the impact of educational components on the quality of business tourism development. The approaches that allow quantifying and qualitatively determining the effectiveness of educational programs, international exchanges, scientific conferences and other educational initiatives in shaping the region's image and increasing its attractiveness as a business center are analyzed. The main parameters and methods of monitoring are considered, as well as recommendations for their optimization are proposed to improve the accuracy of assessment and strategic management of business tourism development based on educational factors. The results obtained contribute to a deeper understanding of the role of education in shaping the competitive advantages of the region and identify ways to increase the effectiveness of business tourism through

educational components.

Ключевые слова: образовательные компоненты, оценка качества, деловой туризм, методы оценки, влияние образования, туристический имидж, развитие делового туризма, мониторинг эффективности, образовательные программы, региональное развитие.

Keywords: educational components, quality assessment, business tourism, assessment methods, impact of education, tourism image, business tourism development, performance monitoring, educational programs, regional development.

Введение

Деловой туризм является важнейшей сферой инфраструктуры региона, способствующей не только экономическому росту, но и формированию позитивного имиджа на международной арене. В последнее время особое значение приобретает роль образовательных компонентов, таких как международные конференции, научные обмены, образовательные программы и мастер-классы, которые способствуют повышению профессионального уровня участников и укреплению деловых связей. Оценка влияния этих компонентов на качество делового туризма — актуальная задача для стратегического развития регионов. Несмотря на важность, существует недостаточно разработанных универсальных методов и критериев оценки эффективности образовательных элементов делового туризма. В данной статье рассматриваются современные подходы к оценке влияния образовательных программ и инициатив, а также предлагаются рекомендации по их совершенствованию для повышения качества делового туризма. Для получения объективных данных о том, насколько образовательные инициативы способствуют развитию делового туризма, используют разнообразные методы оценки. Каждый из них обладает своими преимуществами и недостатками.

Таблица 1. Методы оценки влияния образовательных компонентов на деловой туризм (составлено автором)

Метод оценки	Описание	Преимущества	Недостатки
Количественный анализ показателей	Анализ статистических данных: число участников, рост числа мероприятий	Обеспечивает объективные показатели и тренды	Не отражает качественные аспекты влияния
Оценка удовлетворенности участников	Опросы, интервью, анкеты	Позволяет понять восприятие участников и уровень их удовлетворенности	Субъективность ответов, возможная искаженность данных

Кейс-стади и экспертные оценки	Анализ конкретных кейсов, экспертное судейство	Обеспечивает глубокое понимание влияния образовательных инициатив	Субъектность оценки, низкая воспроизводимость
Методы индикаторов эффективности	Разработка KPI: качество организации, уровень взаимодействия	Позволяет систематизировать оценку	Требует постоянного мониторинга и обновления критериев
Модель многофакторного анализа	Совмещение разных методов для комплексной оценки	Позволяет получить более полную картину	Высокая сложность реализации, затратность

Количественный анализ показателей включает сбор и анализ статистических данных, таких как число участников образовательных мероприятий, рост количества деловых встреч и конференций, а также увеличение числа туристов, приезжающих на мероприятие. Этот метод позволяет выявить общие тренды и количественные изменения, связанные с образовательными программами. Его преимущество — простота и наглядность, однако он не дает понимания о качестве и восприятии участия.

Оценка удовлетворенности участников проводится через опросы, интервью и анкеты. Эти методы помогают понять, насколько участники считают мероприятия полезными, что они получают от участия и как оценивают уровень организации. Минус в том, что отзывы могут быть субъективными и искаженными, что требует аккуратной обработки данных.

Кейс-стади и экспертные оценки предусматривают анализ конкретных успешных или проблемных примеров внедрения образовательных программ, а также экспертное судейство по их результатам. Такой подход дает углубленное понимание конкретных кейсов, однако он субъективен и трудоемок.

Методы индикаторов эффективности предполагают разработку ключевых показателей (KPI), таких как качество организации, уровень профессиональной подготовки участников, уровень взаимодействия между ними. Эти показатели позволяют систематизировать оценку результативности, однако требуют постоянного мониторинга и корректировки.

Наконец, модель многофакторного анализа сочетает все вышеперечисленные методы для получения более комплексной оценки. Она более точна, но и сложна в реализации — требует много ресурсов и времени.

Для повышения эффективности оценки влияния образовательных компонентов рекомендуется использовать комплексный подход, объединяющий различные методы. Это обеспечивает более полную картину и повышает точность анализа. Внедрение стандартных критериев — ещё один важный аспект, поскольку позволяет сравнивать результаты разных программ, обеспечивая их объективность.

Таблица 2. Практические рекомендации по улучшению методов оценки (составлено автором)

Рекомендация	Описание	Ожидаемый эффект
Внедрение комплексных систем оценки	Использование комбинации методов, включающих количественные и качественные показатели	Повышение точности и обоснованности оценки
Разработка стандартных критериев	Унифицированные показатели для сравнения результатов	Обеспечение сравнимости данных и более объективных решений
Использование современных технологий	Внедрение платформ для онлайн-оценки, аналитических систем	Ускорение процесса сбора данных и анализа
Постоянное обновление методов	Адаптация к новым форматам образовательных программ и сферам влияния	Повышение актуальности и достоверности оценки

Современные технологии, такие как онлайн-платформы для оценки и аналитические системы, значительно ускоряют сбор и обработку данных, делают мониторинг более оперативным. Также важно постоянно обновлять методы оценки в соответствии с развитием образовательных форматов и особенностями влияния новых инициатив, что обеспечивает их актуальность и достоверность.

Для конкретных видов образовательных инициатив, таких как международные конференции или программы стажировок, создана следующая система оценки. Она включает основные показатели, позволяющие судить о результативности.

Таблица 3. Эффективность образовательных компонентов в деловом туризме (составлено автором)

Образовательный компонент	Основной показатель оценки	Значение и эффект	Методы оценки
Международные конференции и форумы	Число участников, уровень их профессиональной подготовки	Повышение имиджа региона как центра делового и научного обмена	Статистика, опросы, кейс-стади

Образовательные программы и стажировки	Уровень профессиональных навыков участников	Улучшение качества делового взаимодействия	Оценка компетенций, обратная связь
Научные и образовательные обмены	Количество совместных проектов, публикаций	Формирование позитивного образа региона как центра инноваций	Аналитика, экспертные оценки
Онлайн платформы и виртуальные мероприятия	Количество участников, вовлеченность	Расширение географии участников, повышение узнаваемости региона	Веб-аналитика, статистика использования

Например, международные конференции и форумы оцениваются по количеству участников и их профессиональному уровню. Чем больше и профессиональнее участников, тем выше уровень мероприятия и его вклад в имидж региона. В качестве методов оценки используют статистику посещаемости, опросы участников и анализ кейсов.

Образовательные программы и стажировки помогают улучшить компетенции участников, что отражается в их профессиональных навыках и дальнейшем карьерном росте. Для оценки используют тестирование, обратную связь и компетентные оценки.

Научные и образовательные обмены способствуют развитию инновационного потенциала региона через совместные проекты и публикации. Аналитические показатели сюда включают число совместных проектов, публикаций и участие в международных исследованиях.

Онлайн платформы и виртуальные мероприятия позволяют масштабировать образовательный эффект за счет привлечения удалённых участников. Здесь важными метриками являются количество зарегистрированных пользователей, участники вебинаров и уровень их вовлеченности, зафиксированный через веб-аналитику.

Заключение

В ходе исследования было выявлено, что образовательные компоненты играют важнейшую роль в формировании высокого качества делового туризма и способны значительно способствовать развитию региональной инфраструктуры и имиджа. Однако для эффективного управления этим процессом необходимо использовать комплексные и точные методы оценки влияния образовательных инициатив.

Анализ существующих методов показал, что ни один из них не обеспечивает

полной картины без применения сочетания различных подходов. Количественный анализ позволяет отслеживать общие тренды и динамику, тогда как качественные оценки — выявить восприятие участников и глубинные изменения. Внедрение системных показателей (KPI), кейс-стади и экспертных оценок делает результаты более объективными и репрезентативными.

Практическая реализация рекомендаций, таких как использование технологий, стандартных критериев и постоянное обновление методов, способствует повышению точности и эффективности оценки. Это позволяет не только определить текущий уровень влияния образовательных программ, но и своевременно корректировать стратегию развития, чтобы сделать деловой туризм более привлекательным и конкурентоспособным.

Результаты данного исследования подчеркивают необходимость системного подхода к оценке образовательных компонентов, являющихся важнейшими факторами формирования имиджа региона и его туристического потенциала. Внедрение современных методов оценки и мониторинга позволит регионам оптимизировать свои образовательные инициативы, повысить их качество и укрепить позицию на международной арене делового туризма.

В целом, совершенствование методов оценки влияет не только на эффективность образовательных программ, но и на стратегическое развитие делового туризма, что в перспективе способствует устойчивому развитию регионов и повышению их конкурентных преимуществ.

Литература:

1. Агешкина, Н. А. Основы турагентской и туроператорской деятельности: учебное пособие / Н.А. Агешкина. – Москва: ИНФРА-М, 2021. – 567 с.

2. Андреев, В. Д. Организация и методика риск-ориентированного аудита в туризме: учебное пособие / В. Д. Андреев. – Москва: Магистр: ИНФРА-М, 2021. – 392 с.

3. Багдасарян, В. Э. История туризма: учебное пособие / В.Э. Багдасарян, И.Б. Орлов, А.Д. Попов. – Москва: ИНФРА-М, 2021. – 190 с.

4. Баранов, А. С. Информационно-экскурсионная деятельность на предприятиях туризма: учебник / А.С. Баранов, И.А. Бисько; под ред. Е.И. Богданова. – Москва: ИНФРА-М, 2021. – 383 с.

5. Бизнес-планирование в туризме: учебник для студентов бакалавриата, обучающихся по направлению подготовки 43.03.02 «Туризм» / под общ. ред. Т. В. Харитоновой, А. В. Шарковой. – 4-е изд. – Москва: Дашков и К, 2021. – 310 с.

6. Боголюбов, В. С. Финансовый менеджмент в туризме и гостиничном хозяйстве: учебник для среднего профессионального образования / В. С. Боголюбов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 293 с.

7. Грошев, И. В. Туризм для лиц пожилого возраста: монография / И.В. Грошев, Е.П. Корчагин. — Москва: ИНФРА-М, 2021. – 303 с.

8. Игнатьева, И. Ф. Организация туристской деятельности: учебник для вузов / И. Ф. Игнатьева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 392 с.

9. Орловская, В. П. Технология и организация предприятия туризма: учебник / В.П. Орловская; под ред. Е.И. Богданова. – Москва: ИНФРА-М, 2021. – 176 с.

10. Шубаева, В. Г. Маркетинг в туристской индустрии: учебник и практикум для вузов / В. Г. Шубаева, И. О. Сердобольская. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 120 с.

Чувилина Дарья Александровна
Chuvilina Darya Alexandrovna
студент
Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: solna.10-09@yandex.ru

научный руководитель
Филимонцева Елена Михайловна
Filimontseva Elena Mikhailovna
кандидат экономических наук
Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ПЛАНОВО-ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ И РЫНОЧНОЙ БАНКОВСКИМИ СИСТЕМАМИ

DIFFERENCE BETWEEN PLAN-CENTRALIZED AND MARKET-BASED BANKING SYSTEMS

Аннотация. В данной статье рассмотрены два типа банковских систем. Проанализированы их характеристики и функции. Также проведён сравнительный анализ.

Abstract. This article discusses two types of banking systems. It analyzes their characteristics and functions. A comparative analysis is also conducted.

Ключевые слова: банковская система, банк, деньги, физические лица, юридические лица, коммерческие банки, Центральны банк.

Keywords: banking system, bank, money, individuals, legal entities, commercial banks, Central Bank.

Сегодня в экономической науке выделяют два типа банковских систем, а именно: командно-административную и рыночную банковскую систему.

Под банковской системой понимается совокупность элементов, обеспечивающих такое устойчивое развитие. Как совокупность элементов ее можно представить в виде блоков и их элементов.

В экономической науке выделяют 3 блока, формирующих банковскую систему:

1. фундаментальный;
2. организационный;
3. регулирующий.

Каждый из выше перечисленных блоков включается в себя несколько элементов.

Таким образом, основой первого блока служат общие правила банковской сферы. Второй блок основывается на различных видах банков и небанковских кредитных организаций. В состав регулирующего блока входят различные нормативно – правовые акты.

Совокупность блоков и их элементов формирует единую банковскую систему и ее свойства.

К признакам банковской системы относят:

- Наличие элементов, которые объединены общим свойством и отвечают единым целям;
- действует как единое целое;
- динамичность;
- саморегуляция;
- управляемость.

Банковская система представляет собой совокупность структурных элементов. Важно, чтобы все субъекты имели общую цель, именно поэтому в банковскую систему можно включить не каждый элемент.

Определение банковской системы складывается из определения ее элементов. Сегодня в экономической науке выделяют два типа банковских систем, а именно: командно-административную и рыночную банковские системы. Различия между ними представлены в таблице ниже. (табл. 1)

	Распределительная (централизованная) банковская система	Рыночная банковская система
Тип собственности	Государство - единственный собственник банков	Многообразие форм собственности на банки
Степень монополизации	Монополия государства на формирование банков	Монополия государства отсутствует
Уровни системы	Одноуровневая банковская система	Двухуровневая банковская система
Характер управления	Вертикальная схема управления	Горизонтальная схема управления
Характер банковской политики	Политика единого банка	Политика множества банков
Характер взаимоотношений банков с государством	Государство отвечает по обязательствам банков	Государство не отвечает по обязательствам банков

Характер подчинения	Банки подчиняются правительству	Центральный банк подотчетен парламенту, коммерческие банки подотчетны своим акционерам
Выполнение эмиссионной и кредитной операций	Все банки выполняют идентичные функции	Центральный банк выполняет эмиссионную функцию, а также кредитование коммерческих банков. Вторые обслуживают физические и юридические лица.
Способ назначения руководителей банков	Руководитель банка назначается центральной властью	Руководитель банка утверждается парламентом.

Распределительная (централизованная) банковская система – это банковская система, при которой государство полностью регулирует банковскую деятельность. Характерные черты:

- единственный собственник - государство;
- руководитель банка назначается центральной или местной властью;
- одноуровневая структура;
- все банки равны между собой;
- банки выполняют идентичные функции.
- государство отвечает по обязательствам банков;
- все банки подчиняются исключительно правительству и зависят от его оперативной деятельности.

Противоположностью распределительной банковской системы - рыночная. Её основными характеристиками являются:

- наличие банковской конкуренции;
- кредитные операции и эмиссия денег распределены между коммерческим и центральным банком.
- Центральный банк выполняет эмиссионную функцию и кредитование коммерческих банков;
- коммерческие банки работают с физическими и юридическими лицами;
- коммерческие банки не отвечают по обязательствам государства;

- государство не отвечает по обязательствам коммерческих банков.

Современная банковская система Российской Федерации - система переходного периода. Практически по всем своим характеристикам она соответствует признакам банковской системы. В банковской системе Российской Федерации два яруса: первый охватывает учреждения Центрального банка, второй – коммерческие банки. Банковская система Российской Федерации по большей части содержит элементы именно рыночной банковской системы, однако их взаимодействие недостаточно развито, поэтому экономисты считают, что банковская система России находится на переходном этапе.

Отдельные части банковской системы взаимозаменяемые. Это означат, что при ликвидации оного банка, его место может занять другой.

Банковская система является динамичной. Это связан с тем, что она постоянно модернизируется, постоянно возникают новые связи. Взаимосвязи образуется как между центральным банком и коммерческими банками, коммерческими банками, физическими и юридическими лицами, а также только между коммерческими банками.

Банковская система является системой "закрытого" типа. Многие экономисты утверждают, что сегодня банковскую систему нельзя назвать закрытой, однако из-за существования банковской тайны, которую нельзя разглашать её считают системой «закрытого» типа.

Банковская система является самоорганизующейся, т. е. саморегулируемой. Это подтверждается тем, что во в случае экономического спада (кризиса) банковская система уменьшает количество долгосрочных инвестиций в производство и сроки кредитования. В случае экономического подъема - активизирует работу как по кредитованию, так и по инвестированию

Все эти признаки свойственны любой банковской системе. Сегодня банковская система постоянно модернизируется, вводятся новые нормативно – правовые акты.

Подводя итог, рассмотрим сравнительную таблицу, а также недостатки и преимущества каждого типа систем.

Критерий	Плановая система	Рыночная система
Главная цель	Выполнение показателей государственного плана	Максимизация прибыли
Мотивация к риску	Отсутствует (за ошибки отвечает бюджет)	Высокая (риск потерять лицензию и капитал)
Результат для клиента	«Скрипучее» обслуживание, очереди, дефицит услуг	Изобилие услуг, но дорогие комиссии за сервис

В плановой системе банк не зарабатывает деньги. Он распределяет ресурсы. Эффективность измеряется тем, сколько тонн стали или гектаров пшеницы профинансировано. В рыночной системе прибыль — единственный критерий оценки работы банкира.

Плюсы плановой системы:

- Абсолютная стабильность: Банкротств банков нет (кризис ликвидности невозможен — государство даст денег всегда).
- Дешевизна кредитов: Практически беспроцентное финансирование промышленности.
- Нулевые риски для вкладчика: Сберкассы гарантировали возврат любой суммы (при стабильной политической системе).

Минусы плановой системы:

- «Мертвые души»: Кредиты неэффективным заводам, производящим ненужную продукцию.
- Техническая отсталость: Отсутствие пластиковых карт, интернет-банков, овердрафта для населения.
- Тотальный дефицит услуг: Невозможно получить ипотеку или кредит на открытие частного бизнеса.

Плюсы рыночной системы:

- Эффективность: Деньги уходят туда, где быстрее окупятся.
- Доступность для всех: Ипотека, автокредиты, потребительские займы, кредитки.
- Скорость и сервис: Онлайн-переводы, мобильные приложения, банкоматы.

Минусы рыночной системы:

- Кризисы: Регулярные банковские паники, волны банкротств (2008, 2014, 2020).
- Социальное расслоение: Ростовщический процент может довести должника до нищеты.
- Цикличность: Сжатие кредита (кредитное сжатие) ведет к рецессии в экономике.

Таким образом, банковская система является частью общей экономической системы, которая тесно взаимодействует с окружающей средой. Являясь частью общего, банковская система функционирует в рамках банковских законов, как частных, так и общих. Она подчинена общим юридическим нормам общества; ее акты выражают особенности банковского сектора, но также входят в общую систему.

В реальной жизни редко встречаются чистые модели. В некоторых странах (современный Китай, Беларусь, Венесуэла) существуют гибридные системы. Признаки плановой системы в рыночной среде:

- Государственные «банки развития» (например, ВЭБ.РФ), которые выдают дешевые кредиты по политическому, а не экономическому решению.
- Административные ограничения ставок (микрозаймов, ипотеки), которые искажают реальную стоимость риска.
- Санация через «бэил-ин» (списание долгов за счет вкладчиков по воле ЦБ) — элемент директивного управления.

Плановая банковская система эффективно решает задачи тотального контроля и централизованного финансирования крупных проектов в неконкурентной среде, но не способна эффективно оценивать риски и стимулировать инновации. Она ведет к подавленному спросу на деньги и хроническому дефициту инвестиций.

Рыночная система рождает цикличность (бумы и крахи), но именно она создает капитал для роста малого бизнеса, ипотеку, потребительское кредитование и высокую скорость оборота денег. Переход от плана к рынку (постсоветские реформы 1990-х) показал, что замена моно-системы многобанковской структурой — это не техническое изменение, а глубокая трансформация всех экономических отношений.

Литература:

1. Авагян Г.Л., Вешкин Ю.Г.: «Банковские системы зарубежных стран: Курс лекций», – М.: изд-во “Экономистъ”, 2020 г. – 400 с.;

2. Бартенев С.А. «Экономическая история», – М.: изд-во “Экономистъ”, 2024 г. – 442 с.

3. Брокгауз Ф.А., Ефрон И. А.: «Банки: Энциклопедический словарь», – М.: издательство АО «Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон» – СПб., 1890– 1907 г. – 86 т. (82 т. и 4 доп.).

4. Жуков Е.Ф., Зеленкова Н.М., Литвиненко Л.Т. «Деньги. Кредит. Банки: Учебник для вузов», – М.: издательство “Юнити-Дана”, 2021 г. – 704 с.

5. Камаев В.Д. «Экономическая теория – Учебник», м– М.: издательство “ВЛАДОС”, 2022 г. – 640 с.

6. Лозовский Л.Ш., Райзберг Б.А., Стародубцева Е.Б.: «Современный экономический словарь», – М.: издательство “ИНФРА-М”, 2020 г. – 512 с.

7. Тимошина Т.М. «Экономическая история зарубежных стран», – М.: издательство “Юстицинформ”, 2021 г. – 488 с.

Жидкова Ангелина Витальевна
Zhidkova Angelina Vitalyevna
студент кафедры уголовного права и процесса
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
e-mail: zhidkova05@mail.ru

научный руководитель
Габрилян Роман Русланович
Gabrilyan Roman Ruslanovich,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
e-mail: rgabrilian@ncfu.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ КОРРУПЦИЯ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ КАК УГРОЗА КАДРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

INSTITUTIONAL CORRUPTION IN HIGHER EDUCATION AS A THREAT TO RUSSIA'S PERSONNEL SECURITY

Аннотация. В статье рассматривается институциональная коррупция в системе высшего образования сквозь призму угроз кадровой безопасности Российской Федерации. На основе анализа существующих в научной литературе подходов и классификаций обосновывается положение, согласно которому коррупционные практики в университетской среде выступают деструктивным фактором, подрывающим качество воспроизводства профессиональных кадров и, как следствие, создающим риски для устойчивости социально-экономического и управленческого потенциала государства. Особое внимание уделяется скрытым формам коррупции, в том числе коррупционному репетиторству, которые формируют долгосрочные угрозы для кадрового потенциала страны. В работе обосновывается необходимость системного изучения видов коррупции в образовании и совершенствования мер по их предупреждению в рамках реализации национальной антикоррупционной политики.

Abstract. The article examines institutional corruption in the higher education system through the lens of threats to the personnel security of the Russian Federation. Based on the analysis of approaches and classifications existing in the scientific literature, the study substantiates the proposition that corrupt practices in the university environment act as a destructive factor undermining the quality of professional personnel reproduction and, consequently, creating risks for the sustainability of the socio-economic and managerial potential of the state. Special attention is paid to latent forms of corruption, including corrupt tutoring, which pose long-term threats to the country's personnel potential. The paper substantiates the need for a systematic study of the types of corruption in education and the improvement of measures for their prevention within the framework of implementing the national anti-corruption policy.

Ключевые слова: институциональная коррупция, высшее образование, национальная безопасность, кадровая безопасность, кадровый потенциал, коррупционное репетиторство, противодействие коррупции.

Keywords: institutional corruption, higher education, national security, personnel security, personnel potential, corrupt tutoring, anti-corruption.

В современной системе стратегического планирования развития Российской Федерации противодействие коррупции занимает одно из ключевых мест. Как справедливо отмечается в Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400, искоренение коррупционных проявлений представляет собой один из приоритетных национальных интересов государства. [4, п. 25] Данное положение носит не декларативный, а сущностный характер, поскольку коррупция, проникая в различные сферы общественной жизни, способна подрывать основы функционирования государственных институтов и социальной системы в целом. Особую тревогу вызывает распространение коррупционных практик в сфере высшего образования.

Базовые принципы реализации права на образование находят своё закрепление в Конституции Российской Федерации, где провозглашается, что каждый гражданин вправе рассчитывать на получение образования, а также устанавливается гарантия общедоступности и безвозмездности ряда уровней образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях [1, ст. 43]. Указанные конституционные положения получили развитие в Федеральном законе от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», в соответствии с которым право на образование не может быть ограничено по таким основаниям, как пол, расовая или национальная принадлежность, язык, место жительства, социальное или имущественное положение, а также иные обстоятельства, способные привести к дискриминации при доступе к получению образования [2, ст. 5].

По общему правилу образовательные услуги предоставляются бесплатно в соответствии с требованиями законодательства об образовании. Вместе с тем законодатель предусматривает возможность оказания платных образовательных услуг. Порядок их предоставления регламентируется постановлением Правительства Российской Федерации от 15 сентября 2020 года № 1441 «Об утверждении Правил оказания платных образовательных услуг». Согласно указанному нормативному акту, платные образовательные услуги представляют собой реализацию образовательной деятельности по заказу и за счет средств физических или юридических лиц на основе соответствующих договоров, заключаемых при приеме на обучение. [5, п. 2]

Ключевое значение для настоящего исследования имеет Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». В части 1 статьи 1

данного закона содержится легальное определение коррупции, под которой понимается «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [3]. Данное определение носит достаточно широкий характер и охватывает разнообразные формы коррупционного поведения, что позволяет применять его при анализе коррупционных проявлений в различных сферах общественной жизни, включая систему высшего образования.

В научной литературе традиционно выделяются два основных подхода к пониманию коррупции. Т.А. Кузнецова обращает внимание на то, что при узком подходе к определению коррупции акцент делается на продажности государственных служащих и на противоправных сделках, связанных с дачей и принятием взяток со стороны представителей властных структур. [7, с. 19] Такой подход концентрируется преимущественно на уголовно-правовых аспектах данного явления и связывает коррупцию исключительно с незаконным вознаграждением должностных лиц. В противовес этому представители широкого подхода рассматривают коррупцию как любое корыстное поведение должностного лица, выходящее за рамки законных интересов общества и государства. В рамках данной концепции коррупция понимается не только как незаконная сделка между представителем власти и частным лицом, но и как более сложное социальное явление, включающее в себя злоупотребление служебным положением, использование должностного статуса в личных целях, конфликт интересов и иные формы противоправного либо аморального поведения. Применительно к сфере высшего образования широкий подход представляется более продуктивным, поскольку он позволяет охватить не только очевидные формы коррупции, но и латентные, завуалированные проявления.

Коррупция в сфере высшего образования обладает рядом специфических черт, отличающих ее от коррупционных проявлений в иных областях общественной жизни. К.В. Олехнович обоснованно указывает, что коррупционные практики в высшей школе чаще всего обнаруживают себя в ключевых точках образовательного цикла. К их числу

относятся: зачисление абитуриентов в вузы, изменение статуса обучающегося (переход с платного отделения на бюджетное, смена направления подготовки или образовательной организации), прекращение обучения по инициативе студента либо по решению администрации, выполнение и защита курсовых и дипломных проектов, а также прохождение промежуточной и итоговой аттестации в форме зачётов и экзаменов. [9, с. 27] Каждый из перечисленных этапов образовательного процесса создает потенциальные возможности для возникновения коррупционных отношений.

Одной из ключевых характеристик коррупции в сфере высшего образования выступает возможность разграничения двух сфер отношений, которые, хотя и являются взаимосвязанными, обладают относительной самостоятельностью. Первая касается управленческой деятельности в системе образования и находится в ведении федеральных и региональных органов исполнительной власти, наделённых полномочиями по координации работы образовательных учреждений. Вторая же относится к внутренней организации учебного процесса непосредственно в университетах и иных образовательных организациях. Как подчёркивается в научных источниках, именно коррупционные практики второй группы заслуживают особого внимания исследователей, поскольку они складываются в ходе повседневного взаимодействия между участниками учебного процесса и напрямую сказываются на уровне профессиональной подготовки будущих специалистов [9, с. 28].

Ещё одной значимой чертой коррупции в высшей школе выступает особый состав участников коррупционных взаимодействий. В криминологической доктрине и теории противодействия коррупции принято выделять две стороны подобных отношений - ту, которая принимает незаконное вознаграждение, и ту, которая его предоставляет. Применительно к образовательной среде к первой категории относятся работники образовательных организаций, а ко второй - лица, передающие им выгоды различного рода. Причём круг последних не исчерпывается студентами: сюда могут входить родители или законные представители обучающихся, а также другие сотрудники образовательного учреждения, заинтересованные в получении определённых преференций. Столь широкий и разнородный круг участников существенно затрудняет обнаружение и пресечение коррупционных действий.

Что касается мотивов участников коррупционных отношений, здесь также обнаруживается своя специфика. Для принимающей стороны традиционной целью

выступает извлечение материальных либо нематериальных благ. Для передающей же стороны характерны иные устремления, тесно связанные с учебным процессом: успешное прохождение аттестационных процедур, обретение преимуществ при переходе с платного отделения на бюджетное, создание благоприятных условий со стороны преподавателя и тому подобное.

Отдельного рассмотрения заслуживает явление коррупционной составляющей в репетиторской деятельности, которое оценивается как одна из самых опасных форм коррупции в университетской среде. В самом общем виде репетиторство можно определить как деятельность по предоставлению образовательных услуг одному или нескольким заказчикам, осуществляемую по их запросу образовательной организацией, индивидуальным предпринимателем либо самим педагогом [6, с. 25]. Такая деятельность возможна как на безвозмездной основе, так и за плату, причём последний вариант может быть как законным (при соблюдении установленных правил оказания образовательных услуг), так и выходить за рамки правового поля. О коррупционном характере репетиторства можно говорить в тех ситуациях, когда педагог, используя своё служебное положение, вынуждает обучающихся прибегать к платным занятиям под угрозой негативных последствий в ходе учебного процесса.

Как отмечает И.А. Дамм, типичным примером такой ситуации является создание преподавателем, принимающим зачеты или экзамены, условий, при которых студент вынужден обращаться к нему за платными репетиторскими занятиями под угрозой неудовлетворительной оценки или иных негативных последствий. [6, с. 27] При этом опасность данного явления усугубляется тем, что за внешне благотворной формой дополнительных занятий скрывается корыстная цель со стороны педагогического работника, а не реальное стремление повысить уровень знаний обучающегося.

Вопрос о причинах, обусловливающих распространение коррупционных практик в системе высшего образования, является одним из наиболее дискуссионных в научной литературе. Среди факторов, которые чаще всего называют в качестве первопричины коррупционных правонарушений со стороны университетских преподавателей, фигурирует невысокий размер оплаты их труда. Вместе с тем, как обоснованно подчёркивают Н.А. Любкина и Р.А. Лубский, возлагать основную ответственность за коррупционную ситуацию в вузах именно на педагогических работников было бы не только неверно с научной точки зрения, но и некорректно по этическим соображениям

[8, с. 66]. Эмпирические данные, полученные в ходе социологических исследований, показывают, что подавляющее большинство студентов не подтверждают фактов вымогательства со стороны преподавателей. Более того, сами обучающиеся, объясняя своё участие в коррупционных схемах, называют иные причины: на первом месте здесь оказывается нежелание прилагать усилия к систематическому освоению учебного материала, затем идёт невозможность по тем или иным обстоятельствам качественно подготовиться к аттестационным испытаниям, а также отсутствие интереса к изучению отдельных дисциплин, включённых в учебный план. Перечисленные обстоятельства свидетельствуют о том, что коррупция в высшей школе имеет сложную, многосоставную природу, и сводить её исключительно к недостаточному уровню материального обеспечения преподавателей было бы упрощением.

Существенную роль в поддержании коррупционных настроений играет и постепенное размывание традиций фундаментального классического образования, следствием чего становится индифферентное отношение граждан к тому, насколько качественно реализуется образовательный процесс. Именно равнодушие к уровню получаемых знаний и формируемых компетенций выступает одним из ключевых условий, обеспечивающих устойчивость коррупционных практик в университетской среде. Параллельно с этим происходит обесценивание этических ориентиров, что в совокупности с безразличием к содержательной стороне обучения порождает сугубо потребительское восприятие высшего образования, при котором значимым признаётся лишь итоговый результат - получение диплома установленного образца, а сам процесс приобретения знаний и навыков утрачивает ценность в глазах многих участников образовательных отношений [8, с. 67].

Коррупционные явления в системе высшего образования создают реальную опасность для национальной безопасности Российской Федерации. Степень этой опасности определяется тем влиянием, которое образование оказывает на все остальные сферы общественной жизни. Ежегодно из стен университетов выходят специалисты, пополняющие кадровый состав здравоохранения, промышленного сектора, образовательных учреждений, органов безопасности и иных критически значимых отраслей. В этих условиях распространение коррупционных механизмов способно привести к существенному снижению качества кадрового обеспечения. Если коррупция приобретает системный характер, учебный процесс неизбежно деформируется, а само

обучение фактически сводится к формальной сделке, в рамках которой значение приобретает лишь выгода, получаемая сотрудниками образовательных организаций, тогда как реальные знания и навыки выпускников остаются за пределами такого взаимодействия. Иными словами, образование превращается в инструмент приобретения диплома, а уровень профессиональной подготовки оказывается вне сферы этой противоправной сделки. Помимо указанного последствия, в условиях повсеместной распространённости коррупции в образовательной среде возникает ещё один серьёзный риск - деформация правосознания молодёжи. Обучающиеся, столкнувшиеся с подобными практиками в период своей студенческой жизни, впоследствии могут воспринимать их как допустимый образец поведения и сами воспроизводить коррупционные модели уже в своей профессиональной деятельности [9, с. 27]. Тем самым формируется устойчивый механизм воспроизводства коррупционных отношений, выходящий далеко за пределы образовательной системы.

Эффективное противодействие коррупции в системе высшего образования требует реализации комплекса мер. Мероприятия, связанные с противодействием коррупции в высших учебных заведениях, могут осуществляться на двух основных уровнях: государственном, или макроуровне, и внутривузовском, или микроуровне. На государственном уровне важнейшим направлением антикоррупционной политики выступает обеспечение реального, а не декларативного повышения заработной платы профессорско-преподавательского состава. В условиях, когда педагогические работники будут получать достаточное материальное вознаграждение, риск потери соответствующего социального статуса или занимаемой должности может перевесить потенциальную материальную выгоду от коррупционных практик. Кроме того, необходимы изменения в подходах к организации образовательного процесса, в том числе внедрение независимых форм оценки качества подготовки выпускников, аналогичных единому государственному экзамену на уровне школьного образования.

Важнейшим условием эффективного противодействия коррупции в университетах выступает последовательная и открытая позиция руководства образовательного учреждения, которая должна быть закреплена не только декларативно, но и подкреплена конкретными управленческими решениями. К числу таких решений относится систематический мониторинг профессиональной деятельности преподавателей, включающий, в частности, техническое оснащение аудиторий, где

проходят экзаменационные и зачётные мероприятия, средствами видеофиксации. Подобная мера позволяет существенно повысить уровень открытости оценочных процедур и снизить риски необъективного отношения к студентам. Помимо этого, внедрение в экзаменационную практику современных информационно-коммуникационных инструментов, прежде всего систем электронного тестирования, способствует минимизации субъективного фактора со стороны принимающих экзамены и обеспечивает более справедливую оценку уровня знаний. Среди других значимых направлений предупреждения коррупционных рисков можно выделить разработку и внедрение внутривузовских кодексов профессиональной этики с обязательным ознакомлением с ними всех сотрудников, а также включение в трудовые контракты преподавателей и административных работников положений, устанавливающих антикоррупционные ограничения и обязанности. Не менее важным элементом является формирование надёжных каналов обратной связи между обучающимися и администрацией: создание горячих линий, анонимных форм информирования и иных способов передачи сведений о возможных фактах давления, вымогательства или иных противоправных действиях со стороны персонала.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что институциональная коррупция, укореняющаяся в системе высшего образования, превращается в один из системных факторов, угрожающих кадровой безопасности России. Поскольку именно университеты выступают основным поставщиком кадров для всех секторов экономики, социальной сферы и государственного управления, любые деформации в этой области напрямую отражаются на устойчивости национальной системы обеспечения безопасности. В этой связи противодействие коррупции в высшей школе не может рассматриваться как сугубо ведомственная или локальная задача - оно должно быть встроено в общегосударственную стратегию защиты кадрового суверенитета страны, предполагающую согласованные усилия законодательной, исполнительной власти, самих образовательных организаций и гражданского общества.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // КонсультантПлюс. –

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 12.05.2026).

2. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 12.05.2026).

3. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 12.05.2026).

4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 12.05.2026).

5. Об утверждении Правил оказания платных образовательных услуг: Постановление Правительства РФ от 15 сентября 2020 г. № 1441 // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_362652/ (дата обращения: 12.05.2026).

6. Дамм И.А. Коррупционное репетиторство и его предупреждение // NB: Административное право и практика администрирования. — 2018. — №1. — С. 24 – 32.

7. Кузнецова Т. А. Понятие «коррупция»: подходы к определению и недостатки понятийного аппарата // Образование, наука, технологии: современные парадигмы и практические разработки: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 12 октября 2022 г. Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ). — 2022. — С. 18-22.

8. Любкина Н.А., Лубский Р.А. Коррупция в сфере высшего образования: основные проблемы и способы их разрешения в современном российском обществе // Юристъ-Правоведъ. — 2018. — №3 (86). — С. 64 - 69.

9. Олехнович К. В. Коррупция в системе высшего образования Российской Федерации // Международный научно-исследовательский журнал. — 2021. — №11-4 (113). — С. 27 – 29.

Юха Даниил Сергеевич
Yukha Daniil Sergeevich
студент
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Кондрин Игорь Денисович
Kondrin Igor Denisovich
студент
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

научный руководитель
Габрилян Роман Русланович
Gabrilyan Roman Ruslanovich,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
e-mail: rgabrilian@ncfu.ru

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ (YOUTUBE, TELEGRAM, DISCROD) КАК КАНАЛЫ ИНФИЛЬТРАЦИИ ДЕСТРУКТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ: МЕТОДИКИ ВЫЯВЛЕНИЯ УГРОЗ

DIGITAL PLATFORMS (YOUTUBE, TELEGRAM, DISCORD) AS INFILTRATION CHANNELS FOR DESTRUCTIVE IDEOLOGY: METHODS FOR IDENTIFYING THREATS

Аннотация. В статье проводится анализ механизмов инфильтрации деструктивных идеологий в молодёжную среду через популярные цифровые платформы. Были рассмотрены специфические черты «YouTube», «Telegram» и «Discord» как площадок распространения радикальных, суицидальных и экстремистских материалов. На основе проанализированной научной литературы и эмпирических исследований предлагается методика выявления угроз. Доказывается, что в целях повышения эффективности противодействия экстремизму и иным деструктивным идеологиями необходимо принимать меры, сочетающие в себе целый комплекс профилактических работ.

Abstract. This article analyzes the mechanisms by which destructive ideologies infiltrate young people through popular digital platforms. The specific features of YouTube, Telegram, and Discord as platforms for disseminating radical, suicidal, and extremist materials are examined. Based on the reviewed scientific literature and empirical research, a threat identification methodology is proposed. It is demonstrated that, in order to increase the effectiveness of countering extremism and other destructive ideologies, measures combining a comprehensive range of preventive measures are necessary.

Ключевые слова: деструктивная идеология, противодействие экстремизму, информационная безопасность, «YouTube», «Telegram», «Discord».

Keywords: destructive ideology, countering extremism, information security, YouTube, Telegram, Discord.

Коммуникативная сфера жизни общества постоянно цифровизируется, вследствие чего меняются угрозы, возникающие перед государством, одной из таких угроз является распространение деструктивных идеологий. Деструктивная идеология в рамках настоящего исследования понимается как система взглядов, установок и поведенческих моделей, направленных на подрыв социальной стабильности, разрушение институтов семьи и иных ценностных ориентиров, легитимацию насилия, подрыв национальной безопасности и информационного суверенитета страны. Рассматриваемые платформы позволяют обеспечивать доставку деструктивного контента бесконтактно, анонимно, высоко таргетированно непосредственно в информационное пространство пользователя, наиболее часто молодым людям [1].

В качестве цели настоящего исследования ставится выявление специфических особенностей таких платформ, как «YouTube», «Telegram» и «Discord» как каналов распространения деструктивных идеологий и систематизация методик выявления угроз.

Деструктивный медиаконтент по своей сути крайне разнообразен, поскольку охватывает широкий спектр материалов: от завуалированных форм психологических манипуляций, которые формируют суицидальные мысли, агрессию, социальную изоляцию или же искаженное восприятие мира до прямых призывов к экстремизму или насилию. При этом цифровой среде характерны такие черты, как мультимедийность и интерактивность, то есть способов подачи такого материала целое множество. К таким способам относятся различные «мемы», короткие видеоролики, «стримы» и множество других способов.

Технологии распространения экстремистских идеологий, идеологий терроризма тоже разнообразны, так как используются алгоритмические рекомендации, лингвистические манипуляции, визуальные триггеры, то есть позволяют влиять на различные поколения, которым свойственны разные формы мышления. Также был выработан феномен, так называемого «информационного терроризма», под которым понимается целенаправленное воздействие на сознание огромной массы людей, интенцией которого является создание атмосферы страха и паники. Цифровые платформы, обладающие многомиллиардными охватами, становятся идеальной средой для развития болезненной для государства деструктивной идеологии [2].

Сами угрозы тоже не стоят на месте, поскольку форма открытой пропаганды сменилась на завуалированные деструктивные смыслы в абсолютно законном контенте. Ранее экстремистские мотивы и материалы напрямую призывали к антиобщественному поведению, сегодня радикальные нарративы стали маскироваться за образовательным контентом, игровыми видеороликами и так далее, распознание которых становится практически невозможным без совершенно новых эффективных методик.

«YouTube» представляет собой самый популярный видеохостинг, основой которого является таргетированная рекомендательная система. Проведенные исследования показывают, что благодаря видеоблогам у аудитории формируются ложные причинно-следственные связи, продвигаются экстремистские настроения, то есть проводится самая настоящая когнитивная война. При этом «YouTube» обладает высоким протестным потенциалом среди молодежи, имея в себе целую кучу готовых шаблонов выражения своего недовольства, превращая временные фрустрации в политизированные деструктивные идеологии, что для государства становится настоящей угрозой. Алгоритмы платформы построены таким образом, что непреднамеренно могут порекомендовать к просмотру пользователю, просматривающего нейтральный контент через небольшую цепочку видеороликов крайне радикализованный экстремистский контент [3].

«Telegram» совмещает в себе и публичные каналы, которые по своей сути представляют собой нерегулируемые СМИ, а также приватные чаты, доступ к которым практически невозможно получить. Отсутствие встроенной модерации, сквозное шифрование делают данную платформу крайне удобной и интересной для экстремистов и террористов, поскольку можно безнаказанно и анонимно распространять деструктивный контент в огромные массы. Зачастую пропагандистские мемы, которые представляют собой просто «шутку» благодаря юмору могут транслировать радикальные идеи, незаметно для пользователя уничтожая его критическое мышление [4].

«Discord», который был создан как удобная платформа для игровых сообществ и обычных «геймеров» стал также удобен для распространения деструктивного контента. Закрытая серверная архитектура, которая направлена на голосовое общение и обмен сообщениями создает настоящий вакуум для рекрутинга в экстремистские сообщества. Выявление и раскрытие преступлений в России показывает, что «Discord» стал

площадкой, в которой координируются незаконные действия, в том числе вербовка молодых людей в радикально-настроенные деструктивно-идеологические группы [5].

Особого внимания заслуживает механизм анонимного финансирования через крипто кошельки, которые встроены в системы «Telegram» и «Discord». В рассматриваемых цифровых платформах создаются сервера или каналы, которые имеют деструктивную направленность активно распространяются ссылки для пожертвования криптовалюты (USDT, Bitcoin), а также технологии ботов, через которых осуществляются микро платёжные операции. По итогу создается устойчивый канал поступления денежных средств от представителей международных экстремистских структур, а также финансирования их деятельности в продвижении идеологий терроризма, насилия и так далее.

Все вышеописанное подтверждается огромным количеством случаев. Так, например администратор канала «Голос Хорасана» через «Telegram» публиковал крипто кошелёк «Tronscan» с целью сбора денежных средств. Через данный кошелек прошла часть суммы, которую обещали боевикам, совершившим теракт в «Крокус Сити Холл», в итоге канал был заблокирован [6]. Жителя Владимирской области задержали по подозрению в финансировании терроризма через рассмотренную схему. По версии следствия данное лицо в декабре 2024 года переводил криптовалюту на финансирование террористов, на которых был подписан в мессенджере «Telegram» с целью сбора средств на покупки специальной техники, вооружения и дронов против Российской Федерации [7]. Федеральная служба безопасности Российской Федерации совместно со Следственным комитетом Российской Федерации провели масштабную операцию в октябре 2025 года в 78 субъектах страны в отношении 252 участников экстремистских интернет-сообществ. В результате данных оперативно-розыскных мероприятий было задержано 39 радикалов среди представителей молодежи. Следствием было установлено, что данные лица получали инструкции и координировались кураторами украинских спецслужб через платформу «Discord», получали финансирование по рассмотренной схеме [8]. Таким образом, рассмотренные случаи подтверждают, что с первого взгляда безобидные интернет-платформы, которые обрели высокую популярность среди молодежи становятся средствами как вербовки, так и финансирования экстремистской деятельности.

Эффективное противодействие инфильтрации деструктивной идеологии возможно, для этого требуется адаптировать инструментарий, который будет подходить к особенностям каждой платформы.

Для «Telegram» был актуален автоматизированный парсинг и NLP-анализ, это метод, основанный на обходе графа связанных каналов и последующей классификации текстов с использованием нейросетей. Парсинг «Telegram-каналов» позволяет отслеживать появление каналов с радикальной идеологией, оценивать сообщения предмет экстремизма. При этом дополнительный анализ визуальной составляющей, а именно «мемов» и изображений даст возможность выявлять деструктивную пропаганду.

К «YouTube» применителен алгоритмический аудит, то есть необходимо создать пустые пользовательские аккаунты и последовательно отслеживать траекторию рекомендаций. Данная процедура позволит выявить цепочки видеороликов, в которых уровень экстремистских настроений и радикальных взглядов возрастает. Благодаря этому станет возможным задокументировать системные риски платформы и потребовать у разработчиков изменить алгоритмы применительно к населению Российской Федерации.

К «Discord» в силу закрытости серверов эффективным каналом обнаружения может стать мониторинг пригласительных ссылок. Существует множество иных площадок, таких как «TikTok», «Twitch», «Reddit», на данных площадках размещаются приглашения на серверы, методика подразумевает под собой использование пустых аккаунтов для захода на такие сервера и фиксацию деструктивных активностей. Использование современных технологий ботов-сканеров позволило бы автоматизировать этот процесс.

Помимо вышеперечисленных мер необходимо также осуществлять профилактику информационно-мировоззренческих угроз, которые не могут ограничиться лишь технологическим мониторингом. Для обеспечения информационного суверенитета и информационной безопасности необходимо также развивать инфраструктуру психологической помощи лицам, которые попали под негативное влияние преступных сообществ. Проводить уроки в школах и мероприятия в высших учебных заведениях, направленных на обучение цифровому поведению, а также осуществлять

международное сотрудничество правоохранительных органов с дружественными государствами в сфере экстремистской киберпреступности.

Технологическую гонку с лицами, распространяющими деструктивный контент невозможно выиграть, так как государство реагируют лишь на уже возникшие угрозы. Исходя из этого следует, что помимо технологий, которые создаются для противодействия распространению экстремизма, а также запретительные меры не могут быть эффективными, если не проводятся профилактические работы с населением, особенно с молодежью, поэтому необходимо также укреплять ценностные ориентиры и традиционные институты. Профилактические меры должны стать приоритетным направлением противодействия.

Эффективной формой профилактики становится альтернативный позитивный контент. Уже во многих субъектах Российской Федерации сложилась практика создания положительной альтернативы, а именно блогеры Кизилюрта из Республики Дагестан, победители грантов Росмолодежи в Ярославской области, специалисты из Карачаево-Черкесской Республики, а также авторы проекта «Конструктивный диалог» в Республике Татарстан, в рамках которого было проведено уже более сотни мероприятий. Исходя из этого практика созидания правильного контента становится инструментом обеспечения информационного суверенитета и реализации стратегии информационной безопасности.

В Карачаево-Черкессии по инициативе Правительства субъекта были подготовлены антитеррористические видеоматериалы, задачей которых выступает не просто предупреждение об опасности, но и предложение правильной конструктивной альтернативы, которая мотивирует граждан к созидательной деятельности и межкультурному диалогу [9].

В Республики Дагестан, как уже было сказано произошло довольно интересное объединение властей и блогеров с целью системного наполнения информационной сети «Интернет» качественным, правильным и просветительским контентом с целью предложения местной молодежи живой и актуальной альтернативы деструктивным формам пропаганды [10].

Проект «Контент PROтив» в Ярославской области стал победителем областного грантового конкурса для НКО, который был направлен на создание молодежного контента с целью противодействия терроризму и экстремизму [11].

В Республике Татарстан также проводится системная работа, реализуются масштабные общественно-полезные проекты с различной целевой аудиторией. Одним из таких примеров служит проект «Конструктивный диалог» охваты которого достигают ошеломительное количество участников. Данная инициатива, как и вышеперечисленные проекты направлены на профилактику экстремизма, формирование критического мышления у молодых людей, родителей, педагогов [12].

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что интернет-платформы «YouTube», «Telegram» и «Discord», которые изначально были позиционированы как удобные средства коммуникации, обмена информацией и проведения досуга, в условиях современного мира преобразились в определенном аспекте в каналы инфильтрации деструктивных идеологий в молодежную среду. Архитектурные особенности платформ заключаются в таргетированных рекомендательных алгоритмах («YouTube»), отсутствии встроенной модерации, сложное сквозное шифрование («Telegram»), закрытая архитектура серверов с голосовыми чатами («Discrod») – стали наиболее благоприятными условиями для развития радикальных движений, экстремистских идеологий, суицидально-направленного контента с возможностью доставить его до пользователей платформ анонимно и быстро.

В ходе проведённого анализа было установлено, что формы деструктивной пропаганды эволюционируют от открытых призывов к антиобщественному поведению до сильно замаскированных, завуалированных форм – «мемы», короткие видеоролики.

Предложенные настоящим исследованием методики могли бы стать эффективным средством противодействия нарастающей угрозе, поскольку учитывают специфику архитектуры каждой рассмотренной платформы. Для Telegram автоматизированный парсинг, NLP-анализ крайне совместимы с данной платформой, поскольку позволят отслеживать появление каналов с явно радикальной и экстремистской направленностью, анализируя текстовые и визуальные источники информации. Для самого популярного видеохостинга алгоритмический аудит через создание пустых аккаунтов с последующим отслеживанием цепочки рекомендаций, которая приводит к экстремистскому контенту наиболее совместим. Для «Discord», учитывая закрытый характер платформы, наиболее перспективное направление –

мониторинг пригласительных ссылок на различных смежных площадках, упомянутых в исследовании с использованием технологий OSINT и ботов-сканеров.

Как итог, технологические и запретительные меры недостаточно эффективны, так как не борются с самим корнем проблемы. Поэтому ещё в качестве одного из приоритетных направлений выступает информационно-мировоззренческая профилактика, которая позволит сформировать у молодежи устойчивость к деструктивной манипуляции.

Таким образом, общий вывод исследования заключается в том, что противодействие инфильтрации деструктивного контента в рассматриваемых платформах должно строиться на передовых технологиях выявления, системной профилактической работе с населением (особенно с наиболее уязвимыми социальными группами) и создании общественно-полезного контента. Сочетание данных мер позволит обеспечить информационный суверенитет нашего государства.

Литература:

1. Овчинский А.С., Борзунов К.К. Деструктивные идеологии как угроза антикриминальной безопасности в мире цифровых технологий // Криминологический журнал. 2023. №4. С. 225-233.

2. Люев Т.Х., Информационный терроризм - как один из видов террористических угроз в условиях глобализации информационного пространства // Пробелы в российском законодательстве. 2019. №5. С. 247-249.

3. Чернявская Е.А., Фокина Н.Н. YouTube как среда формирования протестного потенциала молодёжи // СГН. 2021. №1 (5). С. 123-132.

4. Горбатов Д.С., Гурушкин П.Ю. Приемы пропаганды в новостных интернет-мемах мессенджера телеграм // Власть. 2021. №3. С. 26-35.

5. Хачидогов Р.А. Экстремизм и терроризм в киберпространстве: проблемы выявления и предупреждения // Журнал прикладных исследований. 2023. №8. С. 119-122.

6. В Telegram удалён канал, где могли собирать деньги для террористов из "Крокуса" [Электронный ресурс] // Life.ru: сайт. — 2024. — 1 апр. — Режим доступа: https://life.ru/p/1649991 (дата обращения: 18.05.2026)

7. Жителя Владимирской области заподозрили в финансировании терроризма [Электронный ресурс] // Вести.ru: сайт. — 2025. — 18 дек. — Режим доступа: https://www.vesti.ru/article/4835626 (дата обращения: 18.05.2026).

8. Пламенев И. ФСБ заявила о рейдах в 78 регионах и задержании «проукраинских радикалов» [Электронный ресурс] / И. Пламенев // РБК. — 2024. — 1 окт. — Режим доступа: https://www.rbc.ru/society/01/10/2024/66fbd86b9a7947c5bb710e7b (дата обращения: 18.05.2026).

9. По инициативе Правительства Карачаево-Черкесской Республики подготовлены антитеррористические видеоролики [Электронный ресурс] // Официальный сайт городского округа Нальчик Кабардино-Балкарской Республики. Режим доступа: https://admnalchik.ru/news/novosti-atk-news/po-iniciative-pravitelstva-karachaevo-cherkesskoj-respubliki-podgotovleny-antiterroristicheskie-videoroliki/ (дата обращения: 18.05.2026).

10. В Кизилюрте открыли «цифровой фронт»: блогеры и чиновники объединились против террора в сети [Электронный ресурс] // Официальный сайт городского округа «город Кизилюрт». — 2026. — 16 марта. — Режим доступа: https://mo-kizilurt.ru/press-sluzhba/novosti/v-kiziljurte-otkryli-cifrovoj-front-blogery-i-chinovniki-obedinilis-protiv-terrora-v-seti/ (дата обращения: 18.05.2026).

11. Открытие проекта «Контент ПРОтив» в ЯрГУ [Электронный ресурс] // Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова: официальный сайт. — 2026. — 23 марта. — Режим доступа: https://www.uniyar.ac.ru/pressroom/tsentr-universitetskogo-televideniya/?ELEMENT_ID=66203 (дата обращения: 18.05.2026).

12. Во всех районах Татарстана пройдут развивающие мероприятия в сфере безопасности для подростков, молодёжи, а также их родителей и педагогов [Электронный ресурс] // Министерство по делам молодёжи Республики Татарстан: официальный сайт. — 2026. — 11 марта. — Режим доступа: https://minmol.tatarstan.ru/index.htm/news/2501009.htm (дата обращения: 18.05.2026).

Дряева Амина Алановна
Dryaeva Amina Alanovna
магистрант кафедры частно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

Газзаева Мадина Тотрбековна
Gazzaeva Madina Totrbekovna
кандидат педагогических наук, доцент кафедры частно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE REGULATORY FRAMEWORK FOR THE SUPPORT OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу нормативно-правового регулирования малого и среднего предпринимательства (МСП) в Российской Федерации. Рассматривается иерархия правовых актов по юридической силе: от Конституции РФ до локальных актов органов местного самоуправления. Детально анализируется роль Гражданского кодекса РФ, Налогового кодекса РФ и Федерального закона № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Описаны критерии отнесения субъектов к МСП (выручка, численность сотрудников, доля участия), а также специальные налоговые режимы и государственные программы поддержки. Отдельное внимание уделено деятельности Корпорации МСП и механизмам цифровизации взаимодействия бизнеса и государства (включая Единый реестр субъектов МСП и платформу «МСП.РФ»). В заключении обобщаются проблемы и перспективы развития нормативной базы в условиях санкционного давления и структурной трансформации экономики.

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the legal and regulatory framework governing small and medium-sized enterprises (SMEs) in the Russian Federation. The hierarchy of legal acts by their juridical force is examined, ranging from the Constitution of the Russian Federation to local acts of municipal authorities. The author analyzes in detail the role of the Civil Code, the Tax Code, and Federal Law No. 209-FZ “On the Development of Small and Medium-Sized Enterprises in the Russian Federation”. The criteria for classifying entities as SMEs (revenue, number of employees, ownership structure), as well as special tax regimes and state support programs, are described. Special attention is given to the activities of the SME Corporation and digitalization mechanisms for business-state interaction (including the Unified Register of SME Entities and the “SME.RF” digital platform). The conclusion summarizes the challenges and prospects for the development of the regulatory framework under sanctions pressure and structural economic transformation.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, МСП, нормативно-правовая база, государственная поддержка, Гражданский кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ, Федеральный закон № 209-ФЗ, Корпорация МСП, налоговые льготы, региональное законодательство.

Keywords: small and medium-sized enterprises, SMEs, legal and regulatory

framework, state support, Civil Code of the Russian Federation, Tax Code of the Russian Federation, Federal Law No. 209-FZ, SME Corporation, tax incentives, regional legislation.

Современное состояние экономики Российской Федерации характеризуется возрастанием роли малого и среднего предпринимательства (МСП) как одного из ключевых драйверов экономической стабильности, особенно в условиях внешних и внутренних кризисных явлений (санкционное давление, последствия пандемии COVID-19, рыночная волатильность, нарушение логистических цепочек). По данным Федеральной налоговой службы (ФНС России) и Минэкономразвития России, по состоянию на начало 2025 года в Едином реестре субъектов МСП зарегистрировано более 6,2 млн юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, что подтверждает значимость данного сектора для обеспечения занятости и формирования ВВП.

Вместе с тем предприятия данного сектора обладают повышенной уязвимостью: ограниченность материальных и кадровых ресурсов, дефицит квалифицированных кадров, высокая конкуренция и чувствительность к изменению экономической конъюнктуры требуют последовательной и централизованной поддержки со стороны государства. Именно нормативно-правовая база выступает тем фундаментом, который определяет «правила игры» для субъектов МСП, а также механизмы и объемы государственной помощи.

В этой связи комплексное исследование нормативно-правовой основы регулирования и поддержки МСП приобретает как теоретическое, так и прикладное значение. Цель настоящей работы — систематизировать правовые акты, регулирующие деятельность субъектов МСП в России, классифицировать их по юридической силе и содержанию, определить роль основных кодифицированных актов в обеспечении прав предпринимателей, а также проанализировать современные механизмы институциональной и цифровой поддержки.

1. Иерархия нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность МСП

Нормативно-правовая основа малого и среднего предпринимательства в России представляет собой совокупность законов, подзаконных актов, государственных программ и инициатив, реализуемых на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Классификация правовых актов, регулирующих деятельность МСП,

необходима для понимания иерархии источников права и механизмов управления в данной сфере. Критериями классификации выступают юридическая сила, способ принятия, содержание и сфера действия.

По юридической силе правовые акты, регулирующие отношения в сфере МСП, подразделяются на следующие виды:

Конституция Российской Федерации — акт высшей юридической силы. Статья 8 гарантирует единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности. Статья 34 закрепляет право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

Федеральные конституционные законы и федеральные законы. Ключевым среди них является Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее — Закон № 209-ФЗ), который устанавливает:

— категории субъектов МСП (юридические лица, индивидуальные предприниматели, крестьянские (фермерские) хозяйства, производственные кооперативы, хозяйственные партнерства);

— критерии отнесения к МСП (предельные значения дохода и численности работников, доля участия других лиц);

— формы, условия и порядок поддержки (финансовая, имущественная, информационная, консультационная, образовательная, поддержка инноваций и импортозамещения). Нормативные указы Президента Российской Федерации, определяющие стратегические направления государственной политики (например, Указ от 21.01.2020 № 21 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», где установлена цель увеличения доли МСП в ВВП).

Постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, конкретизирующие меры по реализации законодательства (утверждение государственных программ, порядков предоставления субсидий, правил ведения реестров). Пример: Постановление Правительства РФ от 30.12.2018 № 1764 «Об утверждении государственной программы “Развитие малого и среднего предпринимательства”».

Нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти (приказы Минэкономразвития России, ФНС России, Минфина России, Минпромторга России), устанавливающие административные регламенты, формы отчетности, методики расчета показателей.

Законы и иные нормативные акты субъектов Российской Федерации, которые могут вводить дополнительные меры поддержки, пониженные налоговые ставки по УСН (до 1% для объекта «доходы» и до 5% для объекта «доходы минус расходы»), «налоговые каникулы» для впервые зарегистрированных ИП в производственной, социальной и научной сферах.

Муниципальные правовые акты, регулирующие вопросы предоставления в аренду муниципального имущества на льготных условиях, размещения нестационарных торговых объектов, выделения земельных участков.

Все указанные акты должны соответствовать Конституции Российской Федерации, которая закрепляет основополагающие принципы предпринимательской деятельности: свободу экономической деятельности, право частной собственности, законность, свободу конкуренции и равенство всех субъектов перед законом.

2. Критерии отнесения к субъектам МСП (по Закону № 209-ФЗ)

Для целей применения мер государственной поддержки Закон № 209-ФЗ (в ред. от 04.08.2023) устанавливает три основных критерия:

Критерий	Предельное значение
Доля участия РФ, субъектов РФ, муниципальных образований, общественных и религиозных организаций, благотворительных и иных фондов в уставном (складочном) капитале ООО	не более 25%
Доля участия других юридических лиц, не являющихся субъектами МСП	не более 49%
Среднесписочная численность работников за предшествующий календарный год	для малых предприятий — до 100 человек; для микропредприятий — до 15 человек
Доход (выручка + внереализационные доходы) за предшествующий календарный год	для микропредприятий — до 120 млн руб.; для малых — до 800 млн руб.; для средних — до 2 млрд руб.

Данные критерии проверяются налоговыми органами автоматически при формировании Единого реестра субъектов МСП (ведется с 01.08.2016).

3. Роль Гражданского кодекса РФ в регулировании предпринимательской деятельности

Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая, вторая, третья и четвертая) выступает базовым законодательным актом, регулирующим правовое положение участников предпринимательской деятельности, договорные отношения, организационно-правовые формы юридических лиц (ООО, АО, хозяйственные товарищества, производственные кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства), а также устанавливающим гарантии защиты прав предпринимателей. Именно ГК РФ формирует фундамент для государственной политики в сфере поддержки МСП посредством:

- легального определения предпринимательской деятельности (ст. 2 ГК РФ — самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли);
- закрепления принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ);
- установления пределов ограничения прав (ст. 1 ГК РФ — ограничения возможны только федеральным законом и в конституционно значимых целях).

4. Налоговый кодекс РФ как инструмент стимулирования МСП

Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая и вторая) определяет особенности налогообложения субъектов МСП. К числу ключевых преференций относятся:

1. Специальные налоговые режимы (гл. 26.2, 26.3, 26.5, 26.4, 26.5-1 НК РФ):

— Упрощенная система налогообложения (УСН) с объектами «доходы» (6% или ниже по закону субъекта РФ) или «доходы минус расходы» (15% или ниже).

— Патентная система налогообложения (ПСН) — только для ИП, потенциально возможный доход устанавливается регионом.

— Автоматизированная упрощенная система налогообложения (АУСН) — для микропредприятий с численностью до 5 человек и доходом до 60 млн руб. (эксперимент в ряде регионов).

— Единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН) для сельхозтоваропроизводителей.

2. Налоговые каникулы (ст. 346.20 НК РФ) — для впервые зарегистрированных ИП в производственной, социальной и научной сферах: ставка 0% до двух налоговых периодов.

3. Пониженные страховые взносы (ст. 427 НК РФ) — для субъектов МСП с выплат работникам свыше МРОТ применяется тариф 15% вместо стандартных 30%.

4. Инвестиционный налоговый вычет и ускоренная амортизация для малых предприятий.

НК РФ регулирует налоговые отношения между государством и предпринимателями, предоставляя последним возможность оптимизировать налоговую нагрузку при соблюдении установленных ограничений (по доходам, численности, остаточной стоимости основных средств).

5. Институциональные механизмы поддержки: Корпорация МСП и цифровые платформы

Федеральным законом от 29.12.2014 № 451-ФЗ создана Акционерное общество «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства» (Корпорация МСП), которая выполняет функции института развития. Основные направления деятельности Корпорации:

- предоставление поручительств и гарантий по кредитам субъектам МСП (в рамках программы «зонтичных» поручительств через платформу «МСП.РФ»);
- координация закупок крупнейших заказчиков (по 223-ФЗ) и обеспечение минимальной доли закупок у МСП — 25% от годового объема;
- аккредитация субъектов МСП (постановка на специальный реестр для участия в закупках);
- сопровождение экспортно ориентированных МСП через Российский экспортный центр (РЭЦ).

Цифровая платформа «МСП.РФ» (запущена в 2021 году, оператор — Корпорация МСП) объединяет:

- маркетплейс мер поддержки (более 400 региональных и федеральных инструментов);
- сервис подбора помещений и земельных участков;
- сервис «Цифровой профиль МСП» (на основе данных ФНС, ФТС, Росреестра, ЕГРН, СФР);

- возможность онлайн-получения микрозаймов и банковских гарантий.

6. Региональные и муниципальные аспекты поддержки МСП

В каждом субъекте Российской Федерации действует региональный закон о развитии малого и среднего предпринимательства (например, Закон г. Москвы от 26.11.2008 № 60 «О поддержке и развитии малого и среднего предпринимательства в городе Москве», Закон Санкт-Петербурга от 04.07.2007 № 345-58 «О содействии развитию малого и среднего предпринимательства в Санкт-Петербурге»). Регионы вправе:

- устанавливать пониженные ставки по УСН и ПСН;
- предоставлять субсидии на возмещение части затрат по лизингу, кредитам, участию в выставках;
- создавать гарантийные фонды (региональные гарантийные организации — РГО) и микрофинансовые организации (МФО) для МСП;
- утверждать инвестиционные налоговые вычеты по региональной части налога на прибыль;
- предоставлять земельные участки без торгов для масштабных инвестиционных проектов МСП.

На муниципальном уровне наиболее распространенными мерами являются: льготная аренда муниципального недвижимого имущества (зачастую по ставке 40% от рыночной для социально значимых видов деятельности), размещение нестационарных торговых объектов (НТО) на льготных условиях, а также информационное сопровождение (создание центров «Мой бизнес» в рамках нацпроекта «Малое и среднее предпринимательство»).

7. Влияние кризисных факторов и адаптация правового регулирования

В условиях кризисов, вызванных как внутренними, так и внешними негативными факторами (пандемия COVID-19, международные санкции 2022 года и последующих периодов, нарушение логистических цепочек), законодатель оперативно вводил антикризисные меры, в числе которых:

- мораторий на проверки малого и среднего бизнеса (Постановление Правительства РФ № 336 от 10.03.2022, неоднократно продлевался);
- кредитные каникулы и реструктуризация кредитов (Федеральный закон от 03.04.2020 № 106-ФЗ, затем № 154-ФЗ);

- отсрочка по уплате налогов и страховых взносов;
- субсидии на сохранение занятости (постановления Правительства РФ № 422, № 434 и др.);
- льготные кредитные программы (ФОТ 2.0, ФОТ 3.0, «ПСК» — программа стимулирования кредитования под 3–4,5% годовых).

Данные меры закреплялись на уровне федеральных законов и актов Правительства, что подтверждает гибкость нормативно-правовой системы и ее способность адаптироваться к шокам.

Заключение

Таким образом, на малое и среднее предпринимательство в Российской Федерации распространяется действие правовых актов всех уровней — от Конституции РФ до муниципальных правовых актов, что образует сложную многоуровневую систему регулирования. Конституция РФ закрепляет фундаментальные права предпринимателей. Федеральные органы власти формируют правовое поле, определяя меры государственной поддержки и допустимые ограничения. Гражданский кодекс РФ предоставляет правовую базу для развития предпринимательской деятельности и защиты прав ее субъектов, а Налоговый кодекс РФ устанавливает налоговые льготы и преференции, регулируя фискальные отношения.

Федеральный закон № 209-ФЗ выступает системообразующим актом, закрепляющим критерии МСП, формы поддержки и компетенцию органов власти. Корпорация МСП и цифровая платформа «МСП.РФ» обеспечивают практическую реализацию государственной политики. В зависимости от региона и муниципального образования объем и формы государственной поддержки могут различаться, что требует от предпринимателей учета всех уровней действующего законодательства.

В условиях санкционного давления и структурной трансформации экономики особую значимость приобретает дальнейшее совершенствование нормативной базы: упрощение доступа к финансовым ресурсам, снижение административных барьеров, расширение инструментов имущественной поддержки и развитие механизмов «регуляторной гильотины» для устаревших обязательных требований. Совокупность указанных регуляторов создает то правовое пространство, в котором осуществляется деятельность субъектов МСП, и эффективность их функционирования напрямую зависит от качества, согласованности и предсказуемости данной нормативной основы.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 01.07.2020.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.

4. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 31. – Ст. 4006.

5. Федеральный закон от 29.12.2014 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации”» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 1. – Ст. 18.

6. Постановление Правительства РФ от 30.12.2018 № 1764 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Экономическое развитие и инновационная экономика”» (раздел «Развитие малого и среднего предпринимательства») // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 2. – Ст. 189.

7. Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru. (дата обращения: 12.05.2026).

8. Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 21 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 4. – Ст. 385.

Сангурова Ольга Олеговна
Sangurova Olga Olegovna
студент
Волгоградский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

научный руководитель
Могутин Роман Иванович
Mogutin Roman Ivanovich
кандидат технических наук,
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики)
Волгоградский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

ТАКТИКА ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СОВРЕМЕННЫЕ НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ

TACTICS OF INTERROGATION OF MINORS IN CRIMINAL PROCEEDINGS: MODERN SCIENTIFIC APPROACHES

Аннотация. В статье рассматриваются современные научные подходы к тактике допроса несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства. На основе анализа работ российских ученых-криминалистов (А.А. Алексеевой, К.А. Толкачевой, П.А. Эдиловой, А.О. Варловой, И.А. Киряниной, Л.В. Бертовского, С.А. Сулеймановой) исследуются возрастные психологические особенности несовершеннолетних, тактические приёмы установления психологического контакта, дифференциация тактики допроса в зависимости от процессуального статуса допрашиваемого, а также современные тенденции использования специальных знаний и технических средств при производстве данного следственного действия.

Abstract. This scientific article explores the relationship between mental health and crime at the level of society. The role of mental well-being in crime prevention is identified, which involves analyzing the impact of various mental disorders on deviant behavior. In recent years, there has been an increase in the number of offences related to mental disorders, underscoring the importance of developing effective prevention programs. The problem is that mental health has not been sufficiently integrated into crime prevention strategies, which requires more research and practical recommendations to address it.

Ключевые слова: допрос несовершеннолетних, тактика допроса, психологический контакт, возрастные особенности, криминалистика, уголовный процесс.

Keywords: delinquency, crime, mental health, person, prevention, public safety, deviant behavior, prevention.

Актуальность статьи: Допрос несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства представляет собой одно из наиболее сложных следственных действий, требующих от следователя не только профессиональных юридических

знаний, но и глубокого понимания возрастной психологии и владения специальными тактическими приёмами. Актуальность темы обусловлена устойчивым ростом числа несовершеннолетних, вовлекаемых в уголовное судопроизводство в различных процессуальных статусах. По данным статистики, ежегодно потерпевшими от преступлений признаются десятки тысяч несовершеннолетних, тысячи подростков совершают преступления, и значительное количество детей допрашиваются в качестве свидетелей.

Особый интерес представляют научные разработки последних лет, в которых тактика допроса несовершеннолетних рассматривается комплексно. Цель настоящей статьи – систематизировать современные научные подходы к тактике допроса несовершеннолетних, представленные в работах ведущих российских специалистов, а также разработка рекомендаций для повышения эффективности тактики допроса при условии сохранения стабильного психологического состояния несовершеннолетних.

Фундаментальным положением, разделяемым всеми исследователями, является необходимость учёта возрастных психологических особенностей несовершеннолетних при выборе тактических приёмов допроса. Как справедливо отмечает К.А. Толкачева, период несовершеннолетия неоднороден и подразделяется психологами на несколько возрастных групп, каждая из которых обладает специфическими характеристиками [1].

Некоторые учёные подчёркивают, что при проведении допроса несовершеннолетних следователи часто не учитывают психологические черты подростка и умственные особенности.

Дети дошкольного возраста (3-7 лет) отличаются несосредоточенностью, быстрым переключением внимания, отсутствием процессов организованного запоминания. Их память преимущественно содержит яркие, но логически не связанные эпизоды. В процессе допроса целесообразно использование игровых элементов.

Дети младшего школьного возраста (7-11 лет) уже обладают навыками логического рассуждения, однако недостаток жизненного опыта компенсируется воображением, что требует от следователя умения отличать реальные воспоминания от фантазий.

Подростки среднего школьного возраста (11-14 лет) характеризуются развитием самосознания, но при этом не всегда правильно воспринимают поступки людей, могут одобрять отрицательные действия некоторых лиц, которых считают авторитетными.

Старший школьный возраст (14-18 лет) отличается интенсивной психофизиологической перестройкой, когда подростки не всегда способны адекватно различать положительные и отрицательные явления.

Л.В. Бертовский в своих работах предлагает рассматривать особенности допроса несовершеннолетних в контексте современных представлений о работе памяти, с учётом последних изменений психологии [2; 3]. Автор обосновывает применение методик активации памяти, разработанных зарубежными учёными, включая методику когнитивного интервью, адаптированную для работы с несовершеннолетними.

Установление психологического контакта рассматривается исследователями как необходимое условие успешного допроса несовершеннолетнего. Учёные подчёркивают, что от правильно избранной тактики следователя и знаний психологии во многом зависит успех расследования уголовного дела.

Для застенчивых детей предлагается приём «необращения внимания», когда следователь занимается своими делами, позволяя ребёнку освоиться и самому проявить инициативу к общению.

В работе Л.В. Бертовского подробно рассматриваются технологии установления психологического контакта с несовершеннолетними потерпевшими, особенно по делам о преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности. Автор подчёркивает необходимость специальной подготовки следователей к допросу данной категории лиц и выработки индивидуального алгоритма действий, направленного на установление именно доверительных отношений.

Исследователи единодушны в том, что тактика допроса должна различаться не только по возрасту, но и по процессуальному статусу несовершеннолетнего, то есть является ли он свидетелем, потерпевшим, подозреваемым или обвиняемым.

Для несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых характерна повышенная внушаемость, склонность к подражанию и, конечно, недостаточный уровень правосознания, что требует от следователя особой осторожности в применении тактических приёмов.

При допросе несовершеннолетних потерпевших, особенно потерпевших от насильственных преступлений, важнейшее значение приобретает создание психологически безопасной среды.

Важным направлением современных научных исследований является

совершенствование криминалистического обеспечения участия несовершеннолетних в вербальных следственных действиях. В работе А.А. Алексеевой рассматриваются правовые и тактические аспекты применения видеозаписи при допросе несовершеннолетних [4]. Видеофиксация позволяет не только зафиксировать ход и результаты допроса, но и впоследствии оценить психологическое состояние ребёнка, его реакции, что имеет значение для оценки достоверности показаний.

Анализ научных работ многих учёных позволяет выделить ключевые положения современной тактики допроса несовершеннолетних, а также рекомендации и предложения для улучшения эффективности тактики допроса.

Традиционная тактика допроса несовершеннолетних исторически сложилась как «кабинетная», то есть следователь вызывает ребёнка в официальное учреждение. Это обусловлено удобством, таким как фиксация хода допроса стационарной аппаратурой и возможность быстро привлечь специалистов. Однако исследования в области нейробиологии стресса показывают, что для ребёнка младшего и среднего возраста само по себе нахождение в официальном учреждении запускает множество стрессовых реакций:

1. Коридоры с посторонними людьми в форме, замкнутое пространство, что мозг ребёнка интерпретирует как потенциальную угрозу.

2. Хроническое (даже кратковременное) повышение уровня кортизола ухудшает доступ к эпизодической памяти. Таким образом, ребёнок в стрессе помнит хуже, чем в спокойном состоянии.

3. В кабинете следователя ребёнок невольно переходит на ожидаемые ответы и теряет спонтанность.

Существующие рекомендации (адаптировать обстановку, дать игрушки, посадить рядом родителя) лишь частично компенсируют этот эффект, но не устраняют главного, само место остаётся чужим.

Под естественной средой понимается пространство, в котором ребёнок проводит значительную часть времени и чувствует себя психологически безопасно. Варианты различаются по возрасту и типу активности:

Дошкольники (3–6 лет). Это может быть игровая комната детского сада в знакомой группе в отсутствие других детей, либо своя комната дома.

Младшие школьники (7–10 лет). Безопасным местом может двор у дома, либо

также своя комната.

Подростки (11–15 лет). Нейтральная, но неофициальная среда, например, скамейка в школьном дворе, кафе. В этом возрасти важно отсутствие давления авторитетных взрослых

Для подростков с ПТСР следуют особые правила для безопасной среды: только по заключению психолога, среда, не вызывающая триггеров.

Для внедрения выездных допросов требуется разработка регламента взаимодействия между следственными органами и учреждениями. Следователю стоит связаться с администрацией учреждения или родителями и получить разрешение на использование помещения. Определяется помещение, максимально изолированное от посторонних. Согласуется присутствие штатного психолога или педагога учреждения. Из помещения удаляются все посторонние предметы, которые могут отвлекать или пугать. Организуется место для фиксации допроса, это портативная камера на штативе, диктофон. Пространство организуется «по кругу», это значит, что следователь, ребёнок, специалист сидят на одном уровне и важно отсутствие барьера в виде стола. Ребёнка приводит знакомый взрослый, который объясняет и настраивает на разговор. Следователь находится в помещении, но занимает максимально неопасную позицию.

В отличие от стационарного кабинета, выездной допрос требует автономного оборудования: портативная видеокамера с возможностью записи высокого разрешения, петличные микрофоны, переносной осветительный прибор с мягким светом, ноутбук для оперативного протоколирования.

Главное возражение против выездных допросов – это сложность обеспечения процессуальных гарантий, то есть участие законных представителей, адвокатов. Однако адвокат может присутствовать физически или участвовать по ВКС: с 2025 года согласно ст. 189.1 УПК РФ допускается дистанционное участие [5]. Законный представитель находится рядом или в соседнем помещении с открытой дверью. В протоколе и на видео фиксируется отсутствие посторонних лиц и добровольность согласия ребёнка на разговор в данном месте. Для детей до 10 лет и подростков с признаками психологической травмы кабинетный допрос должен быть запрещён как метод, наносящий вред. Законодательное закрепление возможности выездного допроса, однако как обязанность, позволит выбирать место, уменьшающую стресс и увеличивающую достоверность.

Таким образом, дальнейшие научные исследования в этой области должны быть направлены на разработку частных методик допроса несовершеннолетних с учётом категорий преступлений, индивидуальных особенностей личности, а также на совершенствование правового регулирования и криминалистического обеспечения данного следственного действия.

Литература:

1. Толкачева К.А., Стахеева В.А. Особенности тактики допроса несовершеннолетних / К.А. Толкачева, В.А. Стахеева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 2 (145). – С. 140–146.

2. Бертовский Л.В. Искусство допроса: монография / Л.В. Бертовский. – Москва: Проспект, 2024. – 320 с.

3. Бертовский Л.В. Допрос. Тактика и технологии / Л.В. Бертовский. – Москва: Экзамен, 2015. – 304 с.

4. Алексеева А.А. Правовое регулирование применения видеозаписи в ходе допроса несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства / А.А. Алексеева // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 4. – С. 112–118.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

6. Варлова А.О., Гнетова Л.В. Особенности допроса несовершеннолетних / А.О. Варлова, Л.В. Гнетова // Юридическая наука и практика. – 2021. – № 3. – С. 45–52.

7. Кирянина И.А., Мишенина А.А. Актуальные вопросы тактики допроса несовершеннолетних участников уголовного процесса / И.А. Кирянина, А.А. Мишенина // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 4 (54). – С. 78–84.

8. Эдилова П.А., Сулейманова С.А. Криминалистическое обеспечение участия несовершеннолетних в вербальных следственных действиях / П.А. Эдилова, С.А. Сулейманова // Российский следователь. – 2023. – № 5. – С. 13–16.

9. Кирянина Н.А. Обеспечение прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Кирянина Наталья Александровна. – Нижний Новгород, 2010. – 202 с.

10. Агафонов В.В., Филиппов А.Г. Криминалистика: учебник для среднего

профессионального образования / В.В. Агафонов, А.Г. Филиппов. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 184 с. – (Профессиональное образование). – ISBN 978-5-9916-7701-1. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/598496 (дата обращения: 10.03.2026).

Байбородова Арина Григорьевна
Bayborodova Arina Grigorievna
студент
Волгоградский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
email: abayborodova-23@ranepa.ru

Винниченко Александр Сергеевич
Vinnichenko Alexsander Sergeevich
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Волгоградский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: vinnichenko.sashuta@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ ОТ ПРЕДМЕТОВ ХОЗЯЙСТВЕННО-БЫТОВОГО НАЗНАЧЕНИЯ

PROBLEMS OF DISTINGUISHING BLADED WEAPONS FROM HOUSEHOLD ITEMS

Аннотация. В статье анализируются теоретические и практические проблемы, возникающие при разграничении холодного оружия и конструктивно сходных с ним предметов хозяйственно-бытового назначения в процессе судебно-экспертной деятельности. Рассматриваются причины неоднозначности экспертных выводов, включая несовершенство законодательной терминологии, противоречия между ведомственными методиками и отсутствие единых критериев оценки поражающей способности изделий. Особое внимание уделяется анализу судебной практики, связанной с оспариванием результатов экспертиз. На основе выявленных проблем формулируются предложения по унификации подходов к отграничению холодного оружия от сходных предметов бытового назначения.

Abstract. The article analyzes the theoretical and practical problems that arise in the differentiation of cold steel and structurally similar household items in the process of forensic expertise. The reasons for the ambiguity of expert conclusions are considered, including the imperfection of legislative terminology, contradictions between departmental methods and the lack of uniform criteria for assessing the damaging ability of products. Special attention is paid to the analysis of judicial practice related to challenging the results of expert examinations. Based on the identified problems, proposals are formulated to unify approaches to distinguishing cold steel from similar household items.

Ключевые слова: холодное оружие, предметы хозяйственно-бытового назначения, судебная экспертиза, конструктивная схожесть, поражающая способность, судебная практика, отграничение.

Keywords: cold steel, household items, forensic examination, constructive similarity, destructive ability, judicial practice, differentiation.

Главная проблема при расследовании дел о незаконном обороте холодного

оружия – это сложность отличить собственно оружие от внешне похожих на него бытовых предметов. Кухонные, охотничьи, туристические ножи, сувенирные кастеты, метаемые изделия, кинжалы-открывалки – все это может быть признано как обычной хозяйственной вещью, так и холодным оружием. Законодательство не дает четких критериев для такого разграничения, экспертные методики содержат спорные и субъективные признаки, а судебная практика по этим делам противоречива.

Главная сложность в разграничении холодного оружия и хозяйственно-бытовых предметов заложена уже в самом законе. Статья 1 Федерального закона от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» определяет холодное оружие как оружие, предназначенное для поражения цели при помощи мускульной силы человека при непосредственном контакте с объектом поражения [1]. Закон использует расплывчатые понятия – «предназначенность», «поражение цели», у которых нет чётких числовых или качественных критериев. Понять, для чего на самом деле предназначен предмет, непросто: внешнее сходство с оружием ещё не означает, что им действительно можно нанести серьёзное повреждение.

Кроме того, в законе отсутствует легальное определение «предметов хозяйственно-бытового назначения, конструктивно сходных с холодным оружием». Статья 1 ФЗ № 150-ФЗ лишь указывает, что такие предметы не относятся к оружию при условии их сертификации в качестве хозяйственно-бытовых, но сам критерий «конструктивной схожести» в законе не определён, что создаёт трудности для экспертов и правоприменителей.

Путаницу добавляет и соотношение закона с подзаконными актами. ГОСТ Р 51215-98 «Оружие холодное. Термины и определения» был принят ещё в 1998 году и дает конкретную и обширную систему понятий. Согласно аннотации к нему, стандарт распространяется «на холодное оружие, а также на виды изделий хозяйственно-бытового назначения, конструктивно сходные с холодным оружием, но оружием не являющиеся». ГОСТ делит холодное оружие по принципу действия на клинковое, ударно-раздробляющее и метательное, при этом относит к холодному оружию метательные предметы – ножи для метания, сюрикены и стрелы. Федеральный закон прямого указания на это не содержит. Возникает противоречие: формально закон обладает высшей юридической силой, но экспертам приходится в своей работе обращаться к ГОСТу, потому что он предоставляет определенные рамки для терминов.

На практике это приводит к ситуации, когда одни и те же предметы (например, спортивные метательные ножи) в одних случаях признаются метательным оружием, а в других — нет. Аналогичная коллизия возникает при оценке ножей с ограничителем: закон не запрещает его наличие на хозяйственных ножах, но эксперты часто считают ограничитель признаком оружия, хотя такие же элементы есть у многих туристических ножей с сертификацией хозяйственно-бытовых изделий.

Основной рабочий документ для экспертов-криминалистов – Методические рекомендации ЭКЦ МВД России «Криминалистическое исследование холодного и метательного оружия» (2020) [7]. В нем перечислены критерии, которым должен соответствовать предмет, чтобы его признали холодным оружием: поражающая способность, достаточная прочность конструкции, травмобезопасность рукояти и соответствие конструктивным признакам (наличие острия, лезвия, ограничителя и т.д.). Однако на практике применение этих критериев вызывает серьезные сложности.

Особую сложность представляет оценка травмобезопасности рукояти. Согласно методике, рукоять не должна травмировать руку владельца при нанесении ударов. Но такие современные материалы как, например, термоэластичные полимеры, эргономичные накладки и конструктивные элементы (подпальцевые упоры) не были предусмотрены разработчиками методики. Вопросы о том, является ли эргономичная выемка нарушением травмобезопасности и как влияет на надежность удержания оружия, остаются в методике 2020 года нерешенным.

Проблемы субъективности критериев подтверждаются данными из исследований. В 2025 году были представлены результаты анализа 413 экспертных заключений, которые были выполнены в 2024 году [8]. Анализ экспертной практики, который отразился в специальной литературе, показывает наличие существенных проблем в оценке однотипных изделий. Как отмечают авторы учебных и методических работ, по ряду категорий предметов нередки случаи, когда эксперты приходят к противоположным выводам [4]. Наиболее спорными категориями называются складные ножи с фиксатором клинка, а также ножи, имеющие ограничитель и сертифицированные как туристические [6]. Основными причинами разногласий, по мнению исследователей, являются несовершенство критериев оценки травмобезопасности рукояти и недостаточная чёткость требований к прочности конструкции [7]. Кроме того, в судебной практике встречаются случаи, когда суды не

принимают заключения первичных экспертиз и назначают повторные, что также указывает на наличие проблем в данной сфере.

Отдельного внимания заслуживает проблема новых материалов и технологий. Существующие методики разрабатывались с расчетом на традиционные материалы – сталь, дерево, кожу. В настоящее время все чаще встречаются образцы как холодного оружия, так и имитирующих его предметов, изготовленных с применением 3D-печати, из композитных материалов и высокопрочных пластиков [10]. Методика 2020 года не содержит рекомендаций по оценке прочности и поражающей способности таких изделий, а вопросы о 3D-печатных ножах и пластиковых кастетах остаются без нормативного ответа и требуют дополнительных научных исследований.

Анализ экспертной и судебной практики позволяет выделить несколько категорий предметов, которые наиболее часто становятся объектами споров при отграничении холодного оружия от хозяйственно-бытовых аналогов.

Складные ножи являются одной из самых проблемных категорий. Основной критерий для отнесения складного ножа к холодному оружию – наличие фиксации клинка в боевом (открытом) положении. Методические рекомендации ЭКЦ МВД России (2020) не устанавливают четких требований к конструкции фиксатора, поэтому один и тот же нож-бабочка или складной нож с боковым фиксатором может быть признан холодным оружием в одном регионе и хозяйственно-бытовым предметом – в другом.

Охотничьи и туристические ножи с ограничителем также вызывают много споров. Наличие ограничителя (упора для пальцев) и подпальцевых выемок часто расценивается экспертами как признак холодного оружия, хотя эти же конструктивные элементы присутствуют на многих туристических ножах, сертифицированных как хозяйственно-бытовые изделия. Технические требования к охотничьим ножам установлены ГОСТ Р 51500-99 «Ножи и кинжалы охотничьи. Общие технические условия», но этот стандарт не решает вопрос об отграничении от холодного оружия [3].

Сувенирные и коллекционные изделия – декоративные ножи с затупленным лезвием, кастеты-пепельницы, кинжалы-открывалки, миниатюрные копии исторического оружия – внешне имитируют холодное оружие, но конструктивно не предназначены для поражения цели. Проблема в том, что методика требует проверки поражающей способности путем эксперимента, и если эксперимент показывает, что

сувенирным ножом при определённом усилии можно нанести колото-резаное повреждение, предмет может быть признан холодным оружием. В экспертной практике нередки случаи, когда предметы, приобретенные гражданами в сувенирных магазинах как декоративные изделия, признавались холодным оружием, что влекло уголовную ответственность [10].

Спортивные метательные ножи и сюрикены часто сертифицируются как спортивный инвентарь, но конструктивно не отличаются от боевых аналогов. Эксперты вынуждены руководствоваться разными нормативными документами, что порождает противоречивые заключения. В судебной практике известны случаи, когда метательные ножи, приобретенные гражданами для спортивных тренировок, признавались холодным оружием, что влекло уголовную ответственность по ст. 222.4 УК РФ [11].

Ударно-раздробляющие предметы (например кастеты, кистени, нунчаки) практически всегда признаются холодным оружием, потому что их конструкция с высокой степенью вероятности предполагает использование для нанесения травм. Но и здесь встречаются спорные ситуации: на рынке присутствуют сувенирные кастеты из алюминия или пластика, которые разрушаются при первом ударе. Методика требует оценки прочности, но каких-то конкретных пороговых значений не содержит, поэтому решение остаётся на субъективное усмотрение эксперта. При исследовании ударно-раздробляющего оружия особое значение приобретает оценка массы и формы предмета, однако методика не дает ответа на вопрос, при каких именно значениях эти параметры указывают на то, что это может быть оружием [9].

Предметы с двойным назначением такие как кинжалы-открывалки, ножи-брелоки, ручки-ножи изначально спроектированы как бытовые предметы (открывалка, брелок, письменная ручка), но содержат в своей конструкции клинок или иной поражающий элемент. Владельцы часто не осознают потенциальной опасности и не имеют умысла на использование в качестве оружия. Экспертная оценка таких предметов затруднена, поскольку методика не учитывает двойное назначение конструкции. На практике решение зависит от того, насколько легко извлечь клинок из корпуса и насколько он пригоден для нанесения повреждений [10]. Таким образом, наиболее спорными категориями предметов являются складные ножи с фиксатором, ножи с ограничителем, сувенирные изделия, метательные предметы, ударно-раздробляющие конструкции и предметы с двойным назначением. Для каждой из этих

категорий требуется выработка дополнительных методических рекомендаций, учитывающих конструктивные особенности и целевое назначение изделий.

Пути решения указанных проблем могут быть следующими. На законодательном уровне стоило уточнить некоторые понятия видов оружия в Федеральном законе «Об оружии», закрепив перечень основных родов холодного оружия и внести конкретику в понятие предметов хозяйственно-бытового назначения.

В методическом обеспечении требуется дополнить «Методические рекомендации» иллюстрациями (фототаблицы типовых конструкций). Стоит разработать единые количественные критерии прочности для разных материалов, включая современные полимеры и композиты. Также следует урегулировать вопрос оценки эргономичных выступов рукояти, установив определенные признаки, при которых эти элементы считаются нарушением травмобезопасности, а при которых – нет.

Научная разработка проблемы предполагает проведение дополнительных экспериментальных исследований по установлению минимальной прочности для разных типов холодного оружия с учетом современных материалов. Особого внимания требуют изделия, изготовленные с применением 3D-печати. Необходимо определить, при каких параметрах печати (толщина слоя, процент заполнения, тип пластика) 3D-печатное изделие может быть признано холодным оружием, а при каких – нет.

Реализация указанных предложений позволит снизить число экспертных ошибок, обеспечить единообразие судебной практики и повысить эффективность противодействия незаконному обороту холодного оружия.

Проведенное исследование позволило сделать несколько выводов. Проблемы отграничения холодного оружия от предметов хозяйственно-бытового назначения носят системный характер. На законодательном уровне основными проблемами являются оценочный характер дефиниций в Федеральном законе «Об оружии» и коллизии между законом и ГОСТ Р 51215-98. На методическом уровне выявлены субъективность критериев оценки прочности, поражающей способности и травмобезопасности, а также отсутствие учета новых материалов (3D-печать, композиты, пластики). Данные показывают, что разброс экспертных мнений по однотипным изделиям бывает внушительным.

Наиболее спорными категориями предметов являются складные ножи с

фиксатором, ножи с ограничителем, сувенирные изделия, метательные предметы, ударно-раздробляющие конструкции и предметы с двойным назначением.

В качестве основных предложений рекомендуется: уточнить понятия видов оружия в ФЗ «Об оружии», дополнить ведомственные методики иллюстративным материалом и количественными критериями (относительно различных материалов для 3D-печати). Реализация этих предложений позволит снизить число экспертных ошибок и обеспечить единообразие судебной практики.

Литература:

1. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 51. – Ст. 5681. – URL: https://base.garant.ru/10128024/ (дата обращения: 14.05.2026).

2. ГОСТ Р 51215-98. Оружие холодное. Термины и определения. – М.: Стандартинформ, 1999. – URL: https://meganorm.ru/Index/27/27631.htm (дата обращения: 14.05.2026).

3. ГОСТ Р 51500-99. Ножи и кинжалы охотничьи. Общие технические условия. – М.: Госстандарт России, 1999. – URL: https://files.stroyinf.ru/Index/275/27581.htm (дата обращения: 14.05.2026).

4. Гриневич К.В. Судебная экспертиза холодного и метательного оружия: учебное пособие / К.В. Гриневич, Н.А. Косолапова. – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2024. – 99 с. – ISBN 978-5-9571-3650-7.

5. Казанцев С.Я., Шайдуллин Р.Ф., Ващенко Б.М. Проблемы криминалистической экспертизы ударно-раздробляющего холодного оружия и пути их решения // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2023. – № 3 (27). – С. 70–76.

6. Кокин, А. В. О понимании, предмете, задачах и объектах рассматривают экспертизы холодного и метательного оружия / А. В. Кокин // Теория и практика различных экспертиз. – 2017. – Т. 12, № 4. – С. 48-52. – ЭДН ИЛХХСТ.

7. Методические рекомендации по криминалистическому исследованию холодного и метательного оружия / В.Н. Шведко, Е.Ю. Синицин, О.Б. Антропова, П.А. Родионов. – М.: ЭКЦ МВД России, 2020. – 88 с.

8. Рыбников В. В., Харченко И. В. О некоторых проблемных вопросах производства экспертиз холодного и метательного оружия // Криминалистика: вчера,

сегодня, завтра. 2025. №. 2. С. 153-165. URL:https://vestnikesiirk.ru/ru/nauka/article/100977/view (дата обращения: 14.05.2026).

9. Слепнева Л.И. Некоторые проблемные аспекты судебно-экспертного исследования холодного ударно-раздробляющего оружия // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 2 (90). – С. 98–105. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemnye-aspekty-sudebno-ekspertnogo-issledovaniya-holodnogo-udarno-razdroblyayuschego-oruzhiya (дата обращения: 14.05.2026).

10. Степанова Е.Е., Агафонов А.С., Канузель А.Е. Некоторые вопросы судебной экспертизы холодного и метательного оружия // Baikal Research Journal. – 2025. – Т. 16, № 2. – С. 581–588. – URL: https://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=27312 (дата обращения: 14.05.2026).

11. Шайдуллин Р.Ф., Хайруллова Э.Т. Экспертиза холодного, метательного и метаемого оружия: сложности на практике // Уголовный процесс. – 2024. – URL: https://m.e.ugpr.ru/1091835 (дата обращения: 14.05.2026).

Волкова Александра Романовна
Volkova Alexandra Romanovna
студентка юридического факультета
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

КОММЕРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

COMMERCIAL ACTIVITIES OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Аннотация. В статье рассматриваются гражданско-правовые особенности осуществления некоммерческими организациями деятельности, приносящей доход. Отмечается, что термин «коммерческая деятельность НКО» не является полностью точным, поскольку некоммерческая организация не создается для извлечения прибыли как основной цели. Вместе с тем закон допускает получение дохода НКО при условии, что такая деятельность предусмотрена уставом, соответствует целям организации и служит их достижению.

Abstract. This article examines the civil law aspects of non-profit organizations' income-generating activities. It is noted that the term "commercial activities of NPOs" is not entirely accurate, as a non-profit organization is not created with profit as its primary objective. However, the law allows NPOs to generate income, provided that such activities are provided for in the charter, are consistent with the organization's goals, and serve to achieve them.

Ключевые слова: некоммерческая организация, гражданское право, приносящая доход деятельность, уставные цели, прибыль, юридическое лицо.

Keywords: non-profit organization, civil law, income-generating activities, statutory goals, profit, legal entity.

Вопрос о возможности осуществления некоммерческими организациями коммерческой деятельности является одним из спорных вопросов гражданского права. С одной стороны, сама природа некоммерческой организации предполагает отсутствие цели извлечения прибыли. С другой стороны, современная некоммерческая организация (далее по тексту НКО) не может существовать только за счет пожертвований, грантов или членских взносов. Для выполнения уставных задач ей часто необходимы дополнительные источники финансирования.

В связи с этим в гражданском законодательстве используется более точный термин — «приносящая доход деятельность»**,** а не «коммерческая деятельность». Это важно, поскольку НКО не становится коммерческой организацией только потому, что получает доход. Главное отличие состоит в том, что коммерческая организация извлекает прибыль как основную цель своей деятельности, а некоммерческая организация может получать доход только как средство достижения уставных целей. Согласно статье 50 ГК РФ, некоммерческие организации не имеют извлечение прибыли

в качестве основной цели и не распределяют полученную прибыль между участниками[1]. При этом они могут осуществлять приносящую доход деятельность, если она предусмотрена уставом, служит достижению целей организации и соответствует этим целям.

Гражданское законодательство не запрещает НКО участвовать в имущественном обороте. Она может заключать договоры, оказывать платные услуги, выполнять работы, приобретать имущество, участвовать в хозяйственных обществах. Однако такая деятельность не должна превращаться в самостоятельную предпринимательскую цель. Именно здесь возникает главная проблема: закон разрешает НКО получать доход, но не всегда достаточно ясно определяет границу между допустимой доходной деятельностью и фактическим ведением бизнеса под видом некоммерческой организации[2].

Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» также закрепляет, что НКО вправе осуществлять один или несколько видов деятельности, не запрещенных законом и соответствующих целям, указанным в уставе. Приносящая доход деятельность допускается только тогда, когда она служит достижению целей, ради которых организация создана, соответствует этим целям и прямо указана в уставе. Закон относит к такой деятельности производство товаров, выполнение работ, оказание услуг, приобретение и реализацию ценных бумаг, имущественных и неимущественных прав, а также участие в хозяйственных обществах[3].

Однако на практике данное регулирование нельзя признать полностью удачным. Формулировка о соответствии деятельности уставным целям является слишком общей. Например, НКО может указать в уставе широкую цель — «развитие культуры», «поддержка образования», «социальная помощь» — и под эту цель включить большое количество платных услуг. Формально такая деятельность может выглядеть законной, но фактически организация может начать действовать как обычный субъект бизнеса.

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
[2] Селюнин П. С. Понятие и признаки приносящей доход деятельности некоммерческих организаций // Гражданское право. 2023. № 3. С. 36.
[3] Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 145.

Это создает риск злоупотреблений и размывает границу между коммерческим и некоммерческим сектором[4].

Еще одна проблема связана с тем, что устав НКО часто становится формальным документом. На практике в него включают максимально широкий перечень видов деятельности, чтобы в дальнейшем организация могла заниматься почти любыми платными проектами. В результате устав перестает выполнять ограничительную функцию. Между тем именно устав должен определять пределы правоспособности НКО и показывать, ради каких целей она создана[5].

С гражданско-правовой точки зрения особенно важно, что НКО, осуществляющая приносящую доход деятельность, становится полноценным участником имущественного оборота. Она вступает в договорные отношения, принимает на себя обязательства и должна отвечать за их нарушение по общим правилам гражданского законодательства. Нельзя оправдывать ненадлежащее исполнение договора тем, что организация является некоммерческой. Если НКО оказывает платные услуги, она должна отвечать перед контрагентами так же добросовестно, как и любой другой участник гражданского оборота.

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» подчеркивает значение добросовестности участников гражданских правоотношений. Суд указывает, что при осуществлении и защите гражданских прав участники оборота должны действовать добросовестно, а никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. Это положение имеет прямое значение и для НКО, которые ведут приносящую доход деятельность. Такая организация не должна использовать свой некоммерческий статус как способ ухода от ответственности или получения необоснованных преимуществ[6].

Показательным является решение Верховного Суда Российской Федерации от 12.07.2017 № АКПИ17-525 по административному делу о ликвидации Ассоциации общественных объединений «Международная конфедерация союзов художников». С административным иском обратилось Министерство юстиции Российской Федерации,

[4] Белов В. А. Гражданское право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2026. С. 32.
[5] Разумовская Е. В. Гражданское право. Общая часть: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2025. С. 65.
[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 140.

указав на неоднократные и грубые нарушения законодательства и устава со стороны Ассоциации. Одним из нарушений суд признал осуществление Ассоциацией приносящей доход деятельности, не соответствующей её уставным целям. В материалах дела было установлено, что источником дохода Ассоциации являлась сдача помещений в аренду коммерческим организациям, в том числе банку, обществам с ограниченной ответственностью и частному охранному предприятию. При этом цели Ассоциации были связаны с развитием изобразительного искусства, сохранением творческих связей художников, развитием образования, гуманитарной деятельности и созданием условий для обмена произведениями искусства. Верховный Суд пришёл к выводу, что сдача помещений в аренду указанным юридическим лицам не соответствует таким уставным целям.[7]

Критики заслуживает и вопрос контроля за использованием доходов НКО. Закон запрещает распределять прибыль между участниками, однако на практике возможны скрытые формы вывода средств: завышенные выплаты руководству, договоры с аффилированными лицами, необоснованные расходы на управление, фиктивные услуги. Формально прибыль не распределяется, но фактически доход может использоваться не на общественно полезные цели, а в интересах ограниченного круга лиц. Поэтому одного запрета на распределение прибыли недостаточно. Необходимы прозрачный учет, отчетность и проверка реальной связи расходов с уставными задачами.

Также следует учитывать имущественные гарантии. ГК РФ предусматривает, что НКО, уставом которой предусмотрена приносящая доход деятельность, за исключением казенных и частных учреждений, должна иметь имущество, достаточное для осуществления такой деятельности, не менее минимального размера уставного капитала общества с ограниченной ответственностью. Данная норма направлена на защиту кредиторов, однако ее практическое значение ограничено. Минимальный размер уставного капитала ООО невелик, поэтому такая имущественная база не всегда реально обеспечивает интересы контрагентов НКО.

[7] Решение Верховного Суда Российской Федерации от 12.07.2017 № АКПИ17-525 по административному делу по административному исковому заявлению Министерства юстиции Российской Федерации о ликвидации Ассоциации общественных объединений «Международная конфедерация союзов художников» [Электронный ресурс] // ЮИС «Легалакт». URL: https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-12072017-n-akpi17-525/ (дата обращения: 16.05.2026).

Наиболее правильным направлением развития законодательства является не запрет доходной деятельности НКО, а более точное определение ее пределов. Полный запрет был бы неразумным, поскольку многие социальные, образовательные, культурные и благотворительные проекты не смогут существовать без платных услуг. Однако и полная свобода недопустима, потому что она может привести к превращению НКО в скрытую коммерческую структуру[8].

Представляется целесообразным закрепить в законодательстве более четкие критерии допустимости приносящей доход деятельности. Во-первых, такая деятельность должна быть прямо связана с уставными целями, а не просто формально указана в уставе. Во-вторых, доход должен направляться на реализацию основных задач НКО. В-третьих, организация должна вести раздельный учет доходов и расходов по основной и приносящей доход деятельности.

Кроме того, следует ограничить чрезмерно широкие уставные формулировки. Если НКО указывает в уставе слишком общий перечень видов деятельности, это позволяет ей фактически заниматься любыми платными услугами. Поэтому при регистрации и последующем контроле необходимо оценивать, насколько заявленные виды деятельности действительно связаны с целями создания организации.

Отдельного внимания требует участие НКО в хозяйственных обществах. Закон допускает такую возможность, но она также должна быть подчинена уставным целям. Участие в коммерческой организации не должно превращаться в способ обхода запрета на распределение прибыли. Если НКО создает хозяйственное общество, полученный доход также должен использоваться для достижения ее некоммерческих целей.

Таким образом, приносящая доход деятельность НКО является допустимой и необходимой частью гражданского оборота. Однако она должна рассматриваться как вспомогательная, а не основная деятельность. Главная проблема действующего регулирования состоит не в самом факте получения дохода, а в недостаточной определенности границ такой деятельности. Законодательство должно не запрещать НКО зарабатывать средства, а обеспечивать, чтобы эти средства действительно направлялись на уставные цели.

[8] Дороганова А. С. Правовая природа приносящей доход деятельности некоммерческих организаций // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 1. С. 110–117.

Вместе с тем действующее регулирование нуждается в совершенствовании. Главный недостаток заключается в том, что закон не всегда позволяет четко отличить допустимую доходную деятельность от фактической коммерциализации НКО. Из-за этого возможны злоупотребления, когда некоммерческая форма используется для ведения бизнеса, получения льгот или ухода от более строгих требований, применяемых к коммерческим организациям.

Для решения этих проблем необходимо уточнить критерии связи доходной деятельности с уставными целями, усилить контроль за использованием полученных средств, ограничить чрезмерно широкие уставные формулировки и обеспечить реальный раздельный учет доходов и расходов. Такой подход позволит сохранить баланс: с одной стороны, НКО смогут получать средства для выполнения общественно полезных задач, с другой — некоммерческий статус не будет использоваться как прикрытие обычной предпринимательской деятельности.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 145.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 140.

4. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 12.07.2017 № АКПИ17-525 по административному делу по административному исковому заявлению Министерства юстиции Российской Федерации о ликвидации Ассоциации общественных объединений «Международная конфедерация союзов художников» [Электронный ресурс] // ЮИС «Легалакт». URL: https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-12072017-n-akpi17-525/ (дата обращения: 16.05.2026).

5. Белов В. А. Гражданское право: в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2026. С. 32.

6. Дороганова А. С. Правовая природа приносящей доход деятельности некоммерческих организаций // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 1. С. 110–117.

7. Разумовская Е. В. Гражданское право. Общая часть: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2025. С. 65.

8. Селюнин П. С. Понятие и признаки приносящей доход деятельности некоммерческих организаций // Гражданское право. 2023. № 3. С. 35–38.

Филонова Вероника Алексеевна
Filonova Veronika Alekseevna
студент
Волгоградский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: veronikafilonova06@mail.ru

АЛИБИ. ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЛОЖНОГО АЛИБИ

ALIBI. TACTICAL TECHNIQUES FOR OVERCOMING FALSE ALIBI

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию ложного алиби как одного из ключевых элементов механизма противодействия расследованию преступлений. Актуальность темы обусловлена высокой распространённостью использования ложного алиби в современной преступной практике, а также недостаточной разработанностью тактических приёмов его разоблачения в условиях цифровизации. Основная цель работы заключается в систематизации тактических приёмов выявления, проверки и преодоления ложного алиби. На основе анализа УПК РФ и трудов ученых-криминалистов (Сафроновой, Туркиной, Виноградовой) рассматривается понятие, правовая природа и сущность алиби. Методологическую основу исследования составляют формально – юридический и логико – психологический методы. Основное внимание уделяется классическим тактическим приемам выявления, проверки и разоблачения ложного алиби, включая предложение о введении «карты перемещений» как обязательного элемента фиксации алиби, а также особенностям допроса заявителя алиби.

Abstract. This article examines false alibis as a key element in countering criminal investigations. The relevance of this topic stems from the widespread use of false alibis in modern criminal activity, as well as the insufficient development of tactics for exposing them in the context of digitalization. The main goal of this work is to systematize tactics for identifying, verifying, and overcoming false alibis. Based on an analysis of the Russian Criminal Procedure Code and the works of forensic scientists (Safronova, Turkina, and Vinogradova), this article examines the concept, legal nature, and essence of an alibi. The methodological basis of the study is comprised of formal-legal and logical-psychological methods. The focus is on classic tactical techniques for identifying, verifying, and exposing false alibis, including the proposal to introduce a "movement map" as a mandatory element of alibi recording, as well as the specifics of interrogating the alibi claimant.

Ключевые слова: алиби, ложное алиби, тактические приемы, допрос, проверка показаний, противодействие расследованию, субъекты алиби, детализация показаний, следственная ситуация.

Keywords: alibi, false alibi, tactical techniques, interrogation, testimony verification, obstruction of the investigation, alibi subjects, testimony detailing, investigative situation.

Понятие «алиби» получило официальное закрепление в российском уголовно-процессуальном законодательстве [1] относительно недавно — с принятием УПК РФ в 2002 году. Как справедливо отмечают Сафронова Е.В. и Туркина Д.А., «в УПК РСФСР

феномен "алиби" был оставлен без внимания» [2, с. 473]. Это привело к тому, что на протяжении долгого времени отсутствовал единый подход к пониманию сущности данного явления.

С точки зрения законодателя (ст. 5 УПК РФ) [1], алиби — это нахождение подозреваемого или обвиняемого в момент совершения преступления в другом месте. Однако с позиции криминалистики это определение является узким. Сафронова и Туркина верно подмечают, что «некоторые исследователи считают, что понятие алиби, которое дано в УПК РФ [1], не раскрывает всех свойств, которые присущи данному понятию». Алиби — это не просто факт нахождения, а аргумент защиты, который автоматически не является фактом невиновности. Это гипотеза, которую необходимо проверить.

С точки зрения уголовно-процессуального закона (УПК РФ) [1], алиби существует в двух формах:

1. Заявление алиби — субъективное мнение лица, которое подлежит проверке.

2. Проверенное алиби — установленный следствием факт, подтвержденный доказательствами.

Традиционно считается, что алиби — это прерогатива подозреваемого или обвиняемого. Иногда выделяют в качестве субъекта алиби также свидетеля, а в некоторых случаях — даже подстрекателя, пособника или организатора.

По логике алиби должно работать только на исполнителя, который «физически находился» на месте. Но Сафронова и Туркина верно указывают, что «алиби не работает для организаторов, пособников, подстрекателей... Однако они могут вместе с исполнителем подготавливать ложное алиби еще на стадии планирования преступного деяния» [2, с. 474], например преступная группа договаривается о совершении кражи. Исполнитель лезет в окно (он будет нуждаться в алиби), а организатор в это время сидит в кафе и создает себе подтверждение «Я был занят» (ложное алиби). Для организатора алиби — это не отсутствие на месте, а подтверждение его занятости на другом объекте.

Следует разграничивать алиби и простое отрицание вины. Как пишет О.П. Виноградова, «алиби в уголовно-процессуальном смысле значение имеет как средство защиты обвиняемым лицом своих прав и свобод» [3, с. 65].

Криминалистическая наука, в свою очередь, предлагает более подробную классификацию:

· Объективное алиби: Это неопровержимый факт, установленный следователем (например, справка с места работы, показания камер видеонаблюдения), исключающий нахождение на месте преступления.

· Субъективное алиби: Основано на физиологических особенностях лица. В пример можно привести ситуацию, когда подозреваемый не мог совершить удар ногой, так как другая нога у него была сломана и находилась в гипсе.

Здесь встает серьезная проблема: УПК РФ [1] закрепляет «узкий» взгляд на алиби (только нахождение в другом месте), в то время как криминалистика требует учета функционального состояния лица. Если человек лежит в больнице в коме, он не может совершить преступление, но формально это также «нахождение в другом месте».

Анализ судебной практики и научной литературы позволяет выделить несколько ключевых проблем.

Первая проблема — это инерция мышления следователя. Многие следователи воспринимают заявление алиби как «препятствие» или «оговорку», а не как объект проверки.

Вторая проблема — недооценка вероятности ложного алиби у сообщников. По данным исследований, приведенным Сафроновой и Туркиной [2, с. 474], в 85,51% случаев ложное алиби обосновывается (т.е. создается искусственная доказательственная база), и лишь в 14,49% — выдвигается голословно. Это означает, что большинство преступников готовятся к допросу заранее, и просто «надавить на психику» недостаточно.

Особую опасность представляет неполная проверка алиби. При неполной проверке алиби могут возникнуть неблагоприятные последствия, а именно: осуждение невиновных лиц либо прекращение дела за недостаточностью доказательств. В пример можно взять прецедент из истории «Витебское дело» [2, с. 475], когда из-за неполноты проверки алиби к смертной казни были приговорены около 14 невиновных лиц, признавших себя виновными под пытками.

Теперь перейдем к главному — тактике. Как «разбить» ложное алиби?

Прием №1. Детализация и развертывание показаний:

Тактический прием, который является основой выявления лжи. Следователь должен перевести «общие» показания в «конкретные». Если подозреваемый говорит: «Я был на работе», то следователь задает ему много уточняющих вопросов: «В каком

кабинете? С кем именно? Что конкретно вы делали в 12:30? Кто вас видел? Что вы ели на обед? Во что были одеты?».

Сафронова и Туркина прямо указывают, что «обоснование алиби входят действия по созданию искусственных доказательств якобы существующего алиби... Подготовка "подставных свидетелей"» [2, с. 474]. Детализация помогает выявить «дыры». Если подозреваемый скажет: «Я был на работе, но на обед не ходил», это логично. Если он скажет: «Я был на работе и обедал», но при проверке выяснится, что он уволился месяц назад — ложь раскрыта.

Прием №2. Метод «повторного допроса» с сокращением времени:

Этот прием заключается в том, что следователь через короткое время (например, через час после первого допроса) вызывает подозреваемого и просит его еще раз рассказать алиби. Человек, который придумал ложь, может либо запутаться в деталях, либо, наоборот, выдать ранее неизвестные ему факты, которые не существуют в реальности. Как говорили Сафронова и Туркина: «К признакам ложного алиби можно отнести... детальное воспроизведение обвиняемым показаний о событиях, которые произошли задолго до допроса» [2, с. 474], что выглядит неестественно.

Прием №3. Метод «оставление заявителя в неведении»:

Тактический прием, который работает как способ проверки, при котором следователь не раскрывает всех карт. На первоначальном допросе следователь не говорит об уже имеющихся доказательствах, давая заявителю возможность «изложить ложную версию». После чего, при проведении очной ставки или повторного допроса, следователь предъявляет неопровержимые свидетельства (например, справку о форме одежды или показания независимого свидетеля), и подозреваемый уже не может отказаться от своих слов.

Прием №4. Использование «промежутков времени»:

Особое внимание стоит уделить погрешности во времени [4, с. 131]. Многие преступники заявляют: «Я был там-то с 10 до 12». Однако следователь должен выяснить, а где был подозреваемый с 9.50 до 10.00 или с 12.00 до 12.15. Эти «микро-промежутки» часто становятся «слабым звеном». Человек, подготовивший алиби на основной отрезок времени, забывает продумать логистику до и после.

Современная реальность требует новых подходов. Развитие компьютерных и мобильных технологий породило новый вид доказательств и способов противодействия

– «цифровое алиби» [5, с. 156]. Его суть в том, что подозреваемый ссылается на данные компьютера или гаджета о том, что в момент преступления он находился в другом месте или работал в сети.

Тактические приемы проверки:

1. Изучение сетевой активности: Только проверки IP-адреса недостаточно. Необходимо установить, что в момент «цифровой активности» (например, входа в соцсеть) за компьютером сидел именно подозреваемый, а не его сообщник.

2. Назначение компьютерно-технической экспертизы: Это ключевой момент. Как замечает Коринь А.В. [4, с. 130], специалист может выявить факты фальсификации: изменение системного времени, модификацию журнала событий, использование специальных программ для «запуска» действий автоматически.

3. Конфликтная ситуация: Следователь должен изучить компьютер подозреваемого. Если подозреваемый ссылается на Wi-Fi сеть (например, кафе), но экспертиза показывает соединение через мобильный интернет (3G/4G) с геолокацией на месте преступления — это прямое опровержение.

Анализ эффективности и предложения по улучшению:

Что работает хорошо:

1. «Детализация» и «Метод повторного допроса» — самые эффективные инструменты. Они не требуют сложной техники, только логики.

2. Работа с «подставными свидетелями» [6, с. 138] — выявление аффилированности (родственных связей, коррупционных связей) через базы данных.

Что работает плохо:

1. Метод «неожиданного вопроса» (на грани запугивания). Иногда следователи, пытаясь «разбить» алиби, начинают угрожать или использовать психологическое давление [7, с. 24]. Это приводит к тому, что подозреваемый просто уходит в «отказ» (ст. 51 Конституции) [8] и перестает говорить вообще. От этого метода лучше отказаться.

2. Слабость при проверке алиби для организаторов. Как уже указывалось ранее, для организатора алиби — это не местонахождение, а «занятость». Нужно уточнить УПК [1], чтобы под алиби понималась обоснованная невозможность выполнения указанных действий, а не только «нахождение в другом месте».

3. Устаревшая подготовка кадров, за счет нехватки у следователей знаний в IT-

сфере [5, с. 158]. Следователь может грамотно провести очную ставку, но растеряется при виде «цифрового алиби». Требуется узкая специализация — «следователь-киберкриминалист».

Я считаю, что нужно ввести стадию «обязательной карты перемещений». Во время допроса, если заявлено алиби, следователь должен предложить подозреваемому (подозреваемой) «нарисовать карту». Не просто рассказать, а нарисовать на бумаге или в электронном виде схему своего маршрута: откуда вышел, каким видом транспорта ехал, во сколько зашел в магазин и т.д.

Почему это эффективно? Карта — это визуальная информация, которая закрепляет ложное алиби, делая его жестким. Если подозреваемый нарисует карту, где путь занимает 10 минут, а потом выяснится, что это расстояние преодолевается за 40 минут — это прямое доказательство лжи. Пока такая практика является лишь тактической рекомендацией, а не законом. Ее закрепление в УПК [1] или ведомственных инструкциях позволит избежать ситуаций повторения «Витебского дела», где поверхностная проверка алиби привела к чудовищным ошибкам.

Таким образом, ложное алиби — это серьезный элемент противодействия расследованию. Как верно заметили Сафронова и Туркина, «при несовпадении тактических моделей... следователю необходимо установить характер расхождения» [2, с. 476]. Борьба с ложным алиби — это не просто «наказать лгуна», это процесс установления истины. Только комплексное применение тактических приемов (детализация, повторный допрос, очная ставка, карта перемещений) позволит отсеять ложь и реально продвинуться в раскрытии преступления.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Российская газета. – 2001. – № 249.

2. Сафронова, Е.В. Тактика проверки и разоблачения ложного алиби / Е.В. Сафронова, Д.А. Туркина // Вопросы Российской юстиции. – 2023. – № 27. – С. 472-477.

3. Виноградова, О.П. Криминалистические особенности исследования «цифрового алиби» / О.П. Виноградова // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2023. – № 2. – С. 64-70.

4. Коринь, А.В. Пространственно-временные факторы в процессе расследования

преступлений / А.В. Коринь // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2024. – № 2. – С. 128-136.

5. Малык, А.В. Цифровое алиби: понятие, сущность, проверка / А.В. Малык // Юридический вестник ДГУ. – 2024. – № 3. – С. 155-161.

6. Иванова, А.Д. Тактика допроса подозреваемого, не признающим себя виновным / А.Д. Иванова, Л.В. Масленникова // Эпомен. – 2021. – № 65. – С. 135-141.

7. Андроник, Н.А. Логико-психологические приемы нейтрализации противодействия при допросе и очной ставке / Н.А. Андроник // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2025. – № 1. – С. 21-29.

8. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (ред. от 23.03.2026) // Российская газета. – 1993. – № 237.

Бигвава М.Г.
Bigvava M.G.
студент
Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

научный руководитель
Филимонцева Е.М.
Filimontseva E.M.
андидат экономических наук,
доцент кафедры экономики, финансов и природопользования
Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

РАЗВИТЫЕ И РАЗВИВАЮЩИЕСЯ БАНКОВСКИЕ СИСТЕМЫ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ, УРОВНИ УСТОЙЧИВОСТИ И ТРАЕКТОРИИ ТРАНСФОРМАЦИИ

DEVELOPED AND DEVELOPING BANKING SYSTEMS: INSTITUTIONAL DIFFERENCES, LEVELS OF RESILIENCE AND TRANSFORMATION PATHWAYS

Аннотация. В статье рассматриваются структурные и функциональные различия между банковскими системами развитых экономик (США, Еврозона, Япония) и развивающихся рынков (БРИКС, Турция, Вьетнам). Анализируются критерии зрелости банковского сектора: глубина проникновения (отношение банковских активов к ВВП), уровень монетизации, а также роль центральных банков. Особое внимание уделено влиянию глобальных шоков на устойчивость двух типов систем. Выявлено, что развивающиеся системы демонстрируют более высокие темпы роста, но страдают от волатильности и институциональных "узких мест", в то время как развитые системы консервативны, но подвержены системным рискам неолиберальной модели.

Abstract. In this article, the credit system is considered as a key element of the market economy infrastructure. The structural levels of the credit system (banking, parabanking, and state-owned) are analyzed, as well as its main functions, such as accumulation, transformation of savings into investments, issuance, and regulation. The article examines the role of lending in overcoming the contradiction between the temporary availability of free resources for some entities and the need for them for others. In conclusion, it is emphasized that the efficiency of the national economy is directly proportional to the development and stability of the credit system.

Ключевые слова: кредитная система, национальная экономика, инвестиции, ликвидность, Центральный банк, финансовое посредничество.

Keywords: credit system, national economy, investment, liquidity, Central Bank, financial intermediation.

Современная национальная экономика представляет собой сложнейший

организм, жизнеспособность которого зависит от бесперебойного движения денежных и товарных потоков.

Финансовая система является основой кредитной системы по сравнению с системой трансфертов: она циркулирует капитал, распределяя ресурсы между отраслями, регионами и хозяйствующими субъектами. Без развитой кредитной системы невозможно существование таких атрибутов рыночной экономики, как инвестиции, инновации, расширенное воспроизводство и передача предприятиям первичных оборотных средств.

Актуальность исследования роли кредитной системы многократно возрастает в периоды экономической турбулентности. Как показал мировой финансовый кризис 2008 года и постковидные шоки 2020–2022 годов, сбои в работе кредитного механизма приводят к лавинообразному спаду производства, росту безработицы и деградации потребительского спроса. Цель данной работы — системно проанализировать, какую именно роль играет кредитная система в обеспечении устойчивого роста национальной экономики, выделив ее институциональную структуру и ключевые функции.

Структура национальной экономики как базовое условие функциональности.

Прежде чем мы поговорим о ролях, необходимо определить содержание понятия "кредитная система" В экономической теории существует два аспекта: функциональный (совокупность кредитных отношений и форм кредитования) и институциональный (совокупность учреждений, осуществляющих кредитные операции). Нас интересует второе определение, поскольку институты выступают проводниками экономической политики

Институциональная структура банковской системы включает совокупность институтов-организаций (центральные банки, коммерческие банки, банковские группы, холдинги) и институтов-правил (нормативно-правовая база, правила регулирования). В разных странах институциональная архитектура может отличаться. Например, в России банковская система имеет двухуровневую структуру, тогда как в некоторых странах с федеративным устройством (США, Германия) используется трёхуровневая модель. Первый уровень представлен Центральным банком (Банк России, Федеральная резервная система США и Европейский центральный банк). Это "кредитор последней инстанции" и главный регулирующий орган. Центральный банк не имеет дела с

конечными заемщиками, такими как физические лица и предприятия, но он задает стоимость денег через ключевую ставку, управляет нормой обязательных резервов и осуществляет эмиссию наличных денег. Его роль в кредитной системе является как системообразующей, так и надзорной.

Первый уровень представлен Центральным банком (Банк России, Федеральная резервная система США и Европейский центральный банк). Это "кредитор последней инстанции" и главный регулирующий орган. Центральный банк не имеет дела с конечными заемщиками, такими как физические лица и предприятия, но он задает стоимость денег через ключевую ставку, управляет нормой обязательных резервов и осуществляет эмиссию наличных денег. Его роль в кредитной системе является как системообразующей, так и надзорной.

На втором уровне находится банковский сектор, включающий прежде всего коммерческие банки, которые составляют ядро кредитной системы. Универсальные коммерческие банки аккумулируют депозиты населения и предприятий и выдают кредиты. Именно на этом уровне возникает знаменитый эффект мультипликатора, когда депозит может воспроизвести несколько кредитов, увеличивая денежную массу. Коммерческие банки являются основными проводниками денежно-кредитной политики Центрального банка в реальную экономику.

Третий уровень образует парабанковский сектор, включающий в себя пенсионные фонды, страховые компании, инвестиционные фонды, кредитные кооперативы и ломбарды. Эти институты выполняют более узкие специализированные функции. В странах с развитой экономикой на долю парабанковского сектора приходится до 30-40 % всех кредитных операций, что существенно снижает нагрузку на банковскую систему, повышая гибкость кредитования.

Это трехуровневая структура позволяет системе быть гибкой: если банк отказывается предоставлять кредиты начинающей компании из-за отсутствия залога, в дело могут вмешаться венчурные фонды или кредитные кооперативы.

Институциональная матрица банковской системы — это сформировавшийся в процессе эволюции комплекс формальных и неформальных институтов, определяющий функционирование банков и банковской системы в целом. Взаимодействие формальных правил (законы, инструкции) и неформальных ограничений (этические нормы, общепринятые практики) формирует практику банковской деятельности.

Институциональные различия могут приводить к образованию институциональной ренты — доходов, получаемых за счёт рентоориентированного поведения. В банковском секторе это может закреплять преимущества крупных игроков и создавать структурные ловушки, сдерживающие рост.

Таким образом, структура кредитной системы напрямую определяет ее способность удовлетворять разнообразные потребности национальной экономики в заемных средствах.

Основные макроэкономические функции кредитной системы

Роль кредитной системы наиболее полно раскрывается через её макроэкономические функции. На практике выделяют четыре ключевые функции.

Первая функция — аккумуляция временно свободных денежных средств. В любой экономике одновременно существуют субъекты с профицитом бюджета и субъекты с дефицитом. Кредитная система решает проблему несовпадения интересов. Банки и фонды собирают мелкие сбережения миллионов вкладчиков, которые по отдельности не могут быть инвестированы в крупное производство, и превращают их в крупные инвестиционные ресурсы. Без этой функции огромные массы денег лежали бы без движения, не принося экономической отдачи.

Вторая функция — трансформация сбережений в инвестиции. Это главная роль кредитной системы для реального сектора экономики. Сбережения домашних хозяйств, хранящиеся «под подушкой» или на текущих счетах без начисления процентов, не работают на экономику. Попадая в кредитную систему, они превращаются в кредиты, выданные заводу для покупки нового оборудования, или в ипотечные кредиты, стимулирующие строительную отрасль. Как подчеркивал известный экономист Йозеф Шумпетер, кредит является тем «маслом», которое смазывает механизм инновационного развития — без кредита предприниматель не может профинансировать внедрение нового продукта или технологии. Таким образом, кредитная система выступает мостом между пассивными сбережениями и активными инвестициями.

Третья функция — эмиссионная и мультипликативная. В отличие от прямого выпуска наличных денег (монет и банкнот), современная безналичная денежная масса создается именно кредитной системой. Механизм здесь следующий. Коммерческий банк выдал кредит на один миллион рублей. Заемщик потратил эти деньги на приобретение материалов, а продавец положил полученную выручку в свой банк. Этот

второй банк, оставив часть средств в обязательном резерве, снова может выдать кредит. В результате первоначальный миллион может превратиться в четыре-пять миллионов безналичных денег. Таким образом, кредитная система напрямую управляет объемом ликвидности в стране, а Центральный банк через нормативы резервирования регулирует «силу» этого мультипликатора.

Четвертая функция — контрольно-стимулирующая. Выдавая кредит, банк не просто предоставляет деньги, он начинает мониторить финансовое состояние заемщика: проверяет отчетность, требует целевого использования средств, оценивает кредитоспособность. Это дисциплинирует предприятия, заставляя их работать рентабельно и эффективно. Кроме того, дифференциация процентных ставок (льготные ставки для приоритетных отраслей и высокие ставки для проблемных заемщиков) служит мощным стимулом для структурной перестройки экономики. Предприятия, которые не могут подтвердить свою надежность, сталкиваются с дорогим кредитом, что побуждает их к повышению эффективности.

Каналы влияния кредитной системы на экономический рост

Влияние кредитной системы на национальную экономику не является односторонним и простым. Однако при нормальном функционировании (то есть при отсутствии так называемых кредитных ловушек) можно выделить три прямых канала влияния на валовой внутренний продукт и благосостояние населения.

Первый канал — это канал потребительского спроса. Розничное кредитование, включая ипотеку, автокредиты и потребительские займы, увеличивает текущий спрос населения. Покупая холодильник или квартиру в кредит, домохозяйства стимулируют выпуск товаров длительного пользования и строительство нового жилья. Это запускает мультипликатор занятости: рост производства ведет к росту заработных плат, который, в свою очередь, создает новый виток спроса. Однако здесь существует и опасность: чрезмерная закредитованность населения, как это было в США в 2007 году, превращает этот канал из фактора роста в дестабилизирующий фактор, ведущий к массовым дефолтам и кризису.

Второй канал — это канал инвестиционного предложения. Кредиты для бизнеса позволяют сокращать разрыв между моментом закупки оборудования и моментом получения выручки от продаж. Без кредита предприятие вынуждено копить прибыль годами, теряя конкурентоспособность и упуская рыночные возможности. Кредитная

система ускоряет оборачиваемость капитала, что напрямую увеличивает массу прибыли и валовой внутренний продукт в расчете на единицу времени. Особенно важны инвестиционные кредиты для обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства, где производственный цикл длителен.

Третий канал — это канал межотраслевого перелива капитала. В рыночной экономике капитал движется туда, где норма прибыли выше. Кредитная система является самым быстрым и эффективным каналом для этого перелива. Если в нефтегазовом секторе доходность снижается, банки начинают охотнее кредитовать IT-сектор, сельское хозяйство или обрабатывающую промышленность, ускоряя структурную перестройку экономики без прямого административного вмешательства государства. Конечно, государственное регулирование здесь присутствует, но оно носит косвенный, стимулирующий характер.

Сравнивая различные экономические модели, можно отметить, что в либеральной рыночной экономике главной целью кредита является максимизация прибыли и скорости оборота, роль Центрального банка минимальна и сводится в основном к таргетированию инфляции, а доля государственных банков невысока. В смешанной социально-ориентированной экономике, напротив, акцент делается на стабильность и доступность кредита для реального сектора, Центральный банк активно рефинансирует приоритетные отрасли, а доля государственных банков может быть весьма значительной (например, в России она превышает шестьдесят процентов активов банковского сектора). У каждой модели есть свои преимущества и риски, но общий принцип остается неизменным: чем более развита кредитная система, тем выше эластичность национальной экономики к внешним шокам.

4. Современные проблемы и противоречия

Говоря о позитивной роли кредитной системы, нельзя игнорировать системные риски, которые она в себе несет. Кредитная система является главным проводником финансовых кризисов. Почему это происходит?

Первая проблема — асимметрия информации. Банк никогда не знает о реальных рисках заемщика столько, сколько знает сам заемщик. Это ведет к проблеме неблагоприятного отбора: кредиты чаще получают те, кто готов скрыть истинные риски или завысить свои возможности. Кроме того, возникает проблема морального риска: получив кредит, бизнес может пойти на более рискованные операции, чем было

оговорено изначально, поскольку в случае успеха прибыль получит заемщик, а в случае неудачи часть убытков понесет банк. Результатом этих проблем становится рост невозвратов кредитов, которые затем ложатся на всю экономику через сокращение кредитного предложения и повышение процентных ставок.

Вторая проблема — проциклличность кредитной системы. В период экономического подъема банки чрезмерно наращивают кредитование, рассуждая примерно так: «всем даем, всё растет». Это приводит к раздуванию «пузырей» на рынках активов — будь то недвижимость, ценные бумаги или сырьевые товары. Однако при наступлении спада банки резко сворачивают выдачу кредитов, наступает так называемый кредитный голод, который многократно усугубляет рецессию. Эта проциклличность является главным вызовом для макроэкономических регуляторов, которые пытаются сгладить кредитные циклы с помощью контрциклических мер.

Третья проблема имеет особое значение для российской экономики. Это высокая доля краткосрочного кредитования (до одного года) при острой потребности реального сектора в длинных деньгах (на срок пять-семь лет и более). Большинство российских банков не могут выдавать долгосрочные кредиты по доступным ставкам, потому что сами привлекают ресурсы на короткие сроки (депозиты населения в основном краткосрочны). Это структурное несоответствие сдерживает модернизацию промышленности, инновационное развитие и реализацию крупных инфраструктурных проектов. Без решения проблемы «длинных денег» национальная экономика не может перейти к устойчивому инвестиционному росту.

Подводя итог, можно с уверенностью утверждать: роль кредитной системы в национальной экономике является системообразующей и фундаментальной. Она не сводится лишь к простому посредничеству в платежах. Именно кредитная система превращает разрозненные сбережения миллионов граждан в мощный инвестиционный поток, управляет денежным предложением через механизм банковского мультипликатора, дисциплинирует заемщиков через контроль за их финансовым состоянием и в конечном счете обеспечивает положительную макроэкономическую динамику.

Однако, как показывает исторический опыт, кредитная система подобна мощному лекарству: в терапевтических дозах она исцеляет экономику, стимулируя рост и развитие; в передозировке — убивает её финансовыми кризисами, как это было в 2008

году и в другие кризисные периоды. Задача государства и центрального банка заключается в постоянном мониторинге индикаторов кредитного цикла — долговой нагрузки населения и бизнеса, темпов прироста кредитов относительно валового внутреннего продукта, доли просроченной задолженности — и в своевременном применении контрциклических мер, таких как макропруденциальные буферы и «охлаждение» перегретых сегментов кредитного рынка.

Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на поиск оптимальной модели взаимодействия банковского и парабанковского секторов, а также на оценку влияния цифровых валют центральных банков на традиционную кредитную систему. В эпоху цифровой трансформации экономики и развития финансовых технологий роль кредита не снижается — она трансформируется, приобретая новые формы, но оставаясь фундаментом национального хозяйства. Без здоровой и эффективной кредитной системы невозможно представить себе современную конкурентоспособную экономику, способную к устойчивому долгосрочному росту.

Литература:

1. Лаврушин О.И. Банковское дело: современная система кредитования. — М.: КНОРУС, 2024. — 368 с.

2. Мишкин Ф.С. Экономическая теория денег, банковского дела и финансовых рынков. 7-е издание: Пер. с англ. - М.: О О О "И.Д. Вильяме", 2006. - 880 с: ил. -Парал. тит. англ.

3. Центральный банк РФ. Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2023 году. — М.: ЦБ РФ, 2024.

Тертышникова Е.А.
Tertyshnikova E.A.
студент
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина»

Бочкова Т.А.
Bochkova T.A.
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина»
e-mail tertishhhhhkl@mail.ru

ДЕФИЦИТ КАДРОВ ПРИ НИЗКОЙ БЕЗРАБОТИЦЕ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

PERSONNEL SHORTAGE AMID LOW UNEMPLOYMENT: CAUSES AND CONSEQUENCES FOR THE RUSSIAN ECONOMY

Аннотация. В статье рассматривается парадокс российского рынка труда: рекордно низкая безработица сопровождается острым дефицитом работников. Структурный дисбаланс, вызванный демографическим сжатием и региональными диспропорциями, привел к вертикальному сдвигу кривой Бевериджа. Ситуация усугубляется развитием неустойчивой занятости. Макроэкономические последствия выражаются в жестких ресурсных ограничениях и перегреве экономики.

Abstract. The article examines the paradox of the Russian labor market: record low unemployment is accompanied by an acute shortage of workers. The aim is to identify key factors of structural imbalance and assess macroeconomic consequences. The methodology is based on the analysis of statistical data and the concept of the Beveridge curve. It has been established that the main reasons are demographic compression, qualification mismatch, and the flow of employed persons into the platform sector. The conclusion is drawn about the need for measures to increase labor productivity and adapt the personnel training system.

Ключевые слова: рынок труда, безработица, кадровый дефицит, структурные дисбалансы, платформенная занятость, производительность труда.

Keywords: labor market, unemployment, personnel shortage, structural imbalances, platform employment, labor productivity.

По официальным статистическим данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата), в начале 2026 года уровень безработицы в Российской Федерации опустился до беспрецедентной отметки в 2,2% [7]. Данный показатель представляет собой абсолютный исторический минимум за весь период наблюдений [7]. С теоретической точки зрения, подобные эмпирические значения традиционно трактуются макроэкономистами как признак исключительного благополучия национальной экономической системы, свидетельствующий о достижении состояния

полной занятости и оптимального использования имеющихся трудовых ресурсов [1]. Внешние контуры макроэкономической картины в стране демонстрируют стабильность, высокую степень вовлеченности населения в производственные процессы и отсутствие видимых барьеров для экономического роста.

Однако глубокий мониторинг реального сектора выявляет совершенно противоположную и весьма тревожную тенденцию. Систематические конъюнктурные опросы отечественных промышленных предприятий, а также регулярные детальные региональные обзоры, подготавливаемые специалистами Центрального банка Российской Федерации, фиксируют нарастание выраженных деструктивных процессов на рынке [6]. Российские работодатели повсеместно заявляют об острейшей нехватке персонала [6]. В различных отраслях экономики наблюдается лавинообразный рост числа незаполненных вакансий, при этом сроки поиска, подбора и окончательного закрытия позиций существенно удлиняются [6].

Методологический фундамент данной научной работы базируется на системном и всестороннем анализе ключевых статистических показателей, характеризующих состояние и динамику российского рынка труда в период с 2023 по 2026 годы. Для глубокого теоретического осмысления происходящих процессов была привлечена классическая макроэкономическая концепция кривой Бевериджа. Данная модель позволяет наглядно описать и интерпретировать обратную взаимосвязь между уровнем безработицы в стране и удельным количеством открытых вакансий. В рамках нормального циклического развития экономики движение вдоль кривой Бевериджа отражает стандартные фазы спада или подъема. Однако в рассматриваемый период фиксируется аномальное вертикальное смещение данной кривой вправо-вверх.

Такое специфическое смещение графика служит важнейшим макроэкономическим сигналом, свидетельствующим о резком росте и укоренении глубоких структурных несоответствий внутри самой системы. В условиях, когда уровень безработицы остается на стабильно низком или неизменном уровне, совокупное количество незаполненных вакансий продолжает стремительно увеличиваться. Это наглядно доказывает, что механизмы рыночного саморегулирования сталкиваются с серьезными внутренними барьерами.

Для детального выявления и верификации конкретных факторов, спровоцировавших подобное тектоническое смещение кривой Бевериджа, в статье

были привлечены и обобщены разнообразные эмпирические материалы. К ним относятся:

1. Первичные данные комплексных обследований рабочей силы, проводимых органами государственной статистики;

2. Аналитические региональные обзоры и комментарии Главных управлений Банка России;

3. Фундаментальные академические исследования ведущих отечественных экономистов и экспертов в области современной демографии и проблем занятости населения.

Проведенный междисциплинарный анализ позволил с высокой степенью точности выделить три ключевых детерминирующих фактора, сочетанное действие которых и порождает парадоксальный дефицит кадров на фоне рекордно низкой безработицы.

Демографический фактор. Первым и наиболее инерционным фактором выступает демографическое сжатие. В настоящее время российская экономика столкнулась со следствиями глубокого демографического кризиса прошлых десятилетий. В активный трудоспособный возраст сегодня вступают крайне малочисленные поколения граждан, рожденных в нестабильные 1990-е годы. Одновременно с этим процессом происходит массовый выход на пенсию многочисленных возрастных когорт, родившихся в послевоенный период советской истории.

Согласно авторитетным оценкам и расчетам известного экономиста В.Е. Гимпельсона, данный возрастной дисбаланс формирует устойчивое, долгосрочное сокращение общего предложения труда в стране [3]. Исследователь обоснованно доказывает, что этот масштабный объективный процесс невозможно в полной мере компенсировать ни за счет привлечения внешних миграционных потоков, ни посредством реализации мер по повышению официального пенсионного возраста [3]. Экономика сталкивается с физическим уменьшением численности экономически активного населения, что накладывает жесткие ограничения на возможности экстенсивного роста бизнеса.

Структурное несоответствие квалификаций. Современная российская экономика предъявляет колоссальный и постоянно растущий спрос на инженерно-

технические кадры, ИТ-специалистов, а также на высококвалифицированные рабочие специальности. В то же время отечественная система образования продолжает функционировать по инерционным лекалам, ежегодно выпуская на рынок труда избыточное количество специалистов гуманитарного профиля - преимущественно экономистов и юристов.

Ситуация усугубляется тем, что многие выпускники высших учебных заведений зачастую не обладают необходимыми прикладными компетенциями и практическими навыками, которые критически важны для современных работодателей в новых экономических условиях [4]. Это существенно снижает общую эффективность мэтчинга (процесса сопоставления и стыковки) между соискателями и рабочими местами на рынке труда [4]. В итоге разрыв между реальной структурой открытых вакансий и фактическим профессиональным профилем ищущих работу граждан становится практически непреодолимым, еще сильнее сдвигая кривую Бевериджа вправо-вверх.

Переток в платформенную занятость. Современные цифровые сервисы экспресс-доставки, агрегаторы такси и крупнейшие маркетплейсы сформировали мощный сектор так называемой платформенной занятости [2]. Данный сегмент привлекает миллионы граждан за счет предложения максимально гибкого графика работы и возможности получения быстрого дохода [2].

С одной стороны, активное вовлечение населения в платформенный сектор формально способствует снижению показателей официальной безработицы [2]. С другой стороны, этот процесс оборачивается масштабным негативным эффектом: он буквально оттягивает трудовые ресурсы из критически важных базовых секторов национальной экономики - из промышленности, строительства и других секторов реальной экономики [2]. При этом, находясь в системе платформенной занятости, работники постепенно утрачивают свои прежние узкоспециализированные профессиональные компетенции. Происходит постепенная деквалификация человеческого капитала, что консервирует кадровый голод в традиционных отраслях [2].

Совокупное воздействие описанных демографических, квалификационных и платформенных факторов приводит к выраженному ухудшению параметров функционирования рынка труда. Прямым следствием этого становится падение

эффективности сопоставления свободных работников и открытых вакансий. На фоне общего дефицита кадров разворачивается масштабная структурная перестройка самих рабочих мест, которая выражается в резком увеличении доли нестандартных и гибких форм занятости населения [2]. Это вносит дополнительный элемент нестабильности и существенно усиливает общую волатильность траектории кривой Бевериджа [2].

Макроэкономические последствия данных процессов носят крайне жесткий характер для всей российской экономики и финансовой системы государства [5]:

- Жесткие ресурсные ограничения: Динамика кривой Бевериджа к 2026 году наглядно свидетельствует о том, что отечественная экономика перешла в состояние жестких ресурсных ограничений по сугубо дефицитному фактору труда [7]. Свободные трудовые резервы внутри страны практически полностью исчерпаны.
- Перегрев экономики и инфляционное давление: Острая конкуренция между работодателями за персонал вынуждает предприятия стремительно разгонять заработные платы. Проблема заключается в том, что темпы роста оплаты труда начинают существенно опережать реальные темпы роста производительности труда. В результате формируется классический перегрев экономики, создающий мощное проинфляционное давление и подрывающий финансовую стабильность [5].
- Ограничение потенциала роста: Хроническая нехватка квалифицированных кадров в реальном секторе в сочетании с деквалификацией рабочей силы существенно ограничивает долгосрочный потенциал экономического роста и сдерживает процессы модернизации [5].

Следствием действия указанных факторов становится смещение кривой Бевериджа, что создаёт проинфляционное давление и ограничивает потенциал экономического роста [5]. Проблема усугубляется несоответствием между квалификацией выпускников вузов и реальными запросами работодателей в новых экономических условиях [4]. Это снижает эффективность мэтчинга (стыковки) на рынке [4]. На фоне общего дефицита кадров происходит структурная перестройка самих рабочих мест, выраженная в увеличении доли нестандартных и гибких форм занятости. Это дополнительно усиливает волатильность траектории кривой Бевериджа [2].

Таким образом, парадоксальное сочетание исторически минимальной безработицы и глубокого кадрового голода в России начала 2026 года представляет

собой серьезный структурный вызов. Проведенный анализ показывает, что экстенсивные методы пополнения рынка труда полностью исчерпали свой потенциал.

Ключевыми направлениями государственной политики и корпоративного управления должны стать, во-первых, масштабное внедрение бережливых технологий и автоматизации для кардинального повышения производительности труда в реальном секторе экономики. Во-вторых, необходима глубокая адаптация всей национальной системы подготовки и обучения кадров к меняющимся технологическим условиям и реальным, актуальным запросам современных работодателей.

Только качественная трансформация человеческого капитала позволит преодолеть ограничения кривой Бевериджа и обеспечить устойчивое развитие экономики.

Литература:

1. Агапова Т.А., Серегина С.Ф. Макроэкономика: учебник. - 12-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2025. - 564 с.

2. Бобков В.Н. (ред.) Неустойчивая занятость в Российской Федерации: масштабы, динамика и последствия. - М.: КНОРУС, 2025. - 398 с.

3. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. (под ред.) Российский рынок труда через призму демографии: монография. - М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. - 436, [4] с.

4. Емелина Н.К., Рожкова К.В., Рощин С.Ю., Солнцев С.А., Травкин П.В. Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы: доклад. - М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. — 160 с.

5. Финансовая экономика: Учебник в 2-х томах / В. В. Иванов, Н. А. Львова, А. Ю. Андрианов [и др.). Том I. - Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект" 2022. - 784 с. - ISBN 978-5-392-35765-9. - EDN GRMVG.

6. Банк России. Региональная экономика: комментарии ГУ Банка России. - 2026. - Вып. I квартал. - URL: https://cbr.ru (дата обращения: 01.04.2026).

7. Федеральная служба государственной статистики. Уровень безработицы по методологии МОТ (январь 2026 г.) [Электронный ресурс]. - URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 01.04.2026).

Яншин Дмитрий Николаевич
Yanshin Dmitry Nikolaevich
студент
факультет экономики, финансов и информационных технологий
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

HUMAN CAPITAL AS A COMPONENT OF THE RESOURCE POTENTIAL OF THE GLOBAL ECONOMY

Аннотация. статья посвящена исследованию человеческого капитала как центрального элемента ресурсного потенциала мирового хозяйства в условиях перехода к постиндустриальной и цифровой экономике. Рассматривается эволюция теоретических подходов и специфика человеческого капитала. Отличительной чертой является его способность к самовозрастанию через накопление знаний и компетенций. Целью работы является комплексный анализ эволюции теоретических подходов к понятию человеческого капитала, и оценка его современной роли в структуре ресурсного потенциала мирового хозяйства. В работе использованы данные Всемирного банка, ООН и аналитические отчеты за 2023-2025 гг. Применялись методы сравнительного анализа, индексный метод и оценка корреляции между ИЧР и уровнем ВНД на душу населения. Систематизированы ключевые подходы к измерению капитала. Установлена прямая зависимость качества человеческого развития и экономического благосостояния страны. Выявлены и декомпозированы институциональные, структурные и технологические барьеры, препятствующие эффективному раскрытию потенциала отечественных специалистов на мировом рынке. Практическая значимость заключается в возможности использования предложенного инструментария и выводов государственными органами и корпоративным сектором для устранения барьеров в развитии человеческого капитала. Результаты говорят о необходимости перехода от линейного управления персоналом к адаптивным экосистемам и синергии человеческого интеллекта с нейросетями. Доказано, что стратегическая устойчивость национальных экономик в долгосрочной перспективе будет определяться человеческим интеллектом совместно с генеративными нейросетями и ИИ.

Abstract. This article examines human capital as a central element of the global economy's resource potential amidst the transition to a post-industrial and digital economy. The study reviews the evolution of theoretical approaches to human capital and explores its specific characteristics. A defining feature of human capital is its capacity for self-expansion through the accumulation of knowledge and competencies. The objective of this study is to conduct a comprehensive analysis of the evolution of theoretical approaches to the concept of human capital and to assess its contemporary role within the resource structure of the global economy. The research draws upon data from the World Bank and the United Nations, as well as analytical reports covering the period from 2023 to 2025. The methodologies employed include comparative analysis, index-based analysis, and an assessment of the correlation between the Human Development Index (HDI) and the level of Gross National Income (GNI) per capita. Key approaches to measuring capital are systematically categorized. A direct

correlation is established between the quality of human development and a country's economic well-being. Furthermore, institutional, structural, and technological barriers hindering the effective realization of the potential of domestic specialists in the global market are identified and deconstructed. The practical significance of this study lies in the potential for government agencies and the corporate sector to utilize the proposed analytical tools and findings to address and eliminate barriers to human capital development. The results underscore the necessity of transitioning from linear personnel management models to adaptive ecosystems that foster synergy between human intellect and neural networks. It is demonstrated that, in the long term, the strategic resilience of national economies will be determined by the interplay of human intellect with generative neural networks and artificial intelligence.
Ключевые слова: человеческий капитал, мировое хозяйство, ресурсный потенциал, инновационная экономика, цифровая среда, экономический рост, индекс человеческого развития.

Keywords: human capital, global economy, resource potential, innovation economy, digital environment, economic growth, Human Development Index.

Современная мировая экономика переживает глубокую трансформацию, связанную с переходом к постиндустриальному и инновационному типу развития. В этих условиях человеческий капитал утвердился не просто как один из факторов производства, а как системообразующий элемент ресурсного потенциала, который определяет направление и качество экономического роста. Его специфическая особенность – способность к самовозрастанию: знания и навыки не расходуются при использовании, а, напротив, создают основу для формирования новых компетенций.

В зависимости от уровня анализа меняются как цели оценки, так и набор индикаторов, отражающих структуру человеческого капитала.

– Микроуровень (индивид, организация): здесь человеческий капитал рассматривается через призму знаний, компетенций, профессионального опыта, здоровья и мотивации конкретных работников.

– Мезоуровень (регион, крупная корпорация): оценка человеческого капитала применяется для анализа региональных диспропорций, эффективности социальной политики, а также как компонент оценки интеллектуальных активов корпораций.

– Макро- и мегауровень (страна, мир): на этом уровне человеческий капитал включается в систему национального богатства.

Многообразие методов оценки человеческого капитала можно систематизировать в несколько ключевых подходов.

1. Затратный (ресурсный) подход

Затратная методология рассматривает человеческий капитал как сумму всех

прошлых инвестиций в его формирование – расходов государства, фирм и домохозяйств на образование, здоровье, профессиональную подготовку. На уровне организации этот подход реализуется через учет прямых затрат: фонд оплаты труда, расходы на обучение, охрану здоровья, профессиональную адаптацию. Значимый вклад в развитие затратных моделей внес Э. Флэмхольц, предложивший различать первоначальные (набор, обучение) и восстановительные (увольнение, замена персонала) издержки [3].

Преимущества: метод опирается на доступные данные и отличается простотой расчета.

Недостатки: отсутствует связь между масштабом инвестиций и их результативностью – большие затраты могут сочетаться с низкой эффективностью.

2. Доходный (результативный) подход

Доходная методология трактует человеческий капитал как актив, создающий будущие доходы. Поэтому основной задачей является оценка текущей стоимости будущих выгод от владения человеческим капиталом. Наиболее распространенные методы:

– капитализация будущих заработков – стоимость человеческого капитала индивида равна дисконтированной сумме будущих доходов;

– метод чистой текущей стоимости (NPV) – определение окупаемости инвестиций в образование или обучение;

– метод остаточной стоимости (Всемирный банк) – оценка человеческого капитала страны как разницы между общим национальным богатством и стоимостью физического и природного капитала;

– метод управленческой добавленной стоимости (УДС) – используется для оценки вклада управленческих кадров в создание добавленной стоимости предприятия.

Преимущества: метод отражает экономическую сущность человеческого капитала как источника дохода.

Недостатки: чувствительность к допущениям – прогнозирование доходов и выбор ставки дисконтирования несут риски неточности.

3. Методы, основанные на индексах человеческого развития

Всемирный банк разработал Индекс человеческого капитала (ИЧК), который фокусируется на продуктивности следующего поколения. Он оценивает продуктивность будущего поколения, учитывая выживаемость детей, ожидаемую

продолжительность обучения с поправкой на качество.

Рассмотрим позиции России и других стран по данным ИЧР за 2023 год.

Таблица 1. Сравнительные показатели человеческого развития России и выбранных стран, 2023 г. [4]

Страна	HDI Rank	ИЧР*	Ожид.продол жительность жизни (лет)	Ожид.продол жительность обучения (лет)	Сред.продол жительность обучения (лет)	ВНД на душу населения (ППС, $)
Швейцария	2	0,970	84,0	16,7	13,9	81 949
США	19	0,938	79,3	15,9	13,9	73 650
Япония	23	0,925	84,7	15,5	12,7	47 775
Россия	64	0,832	73,2	13,2	12,4	39 222
Китай	78	0,797	78,0	15,5	8,0	22 029
Бразилия	84	0,786	75,8	15,8	8,4	18 011
Индия	130	0,685	72,0	13,0	6,9	9 047

*ИЧР – индекс человеческого развития

Динамика показателей наглядно представлена на рисунке 1.

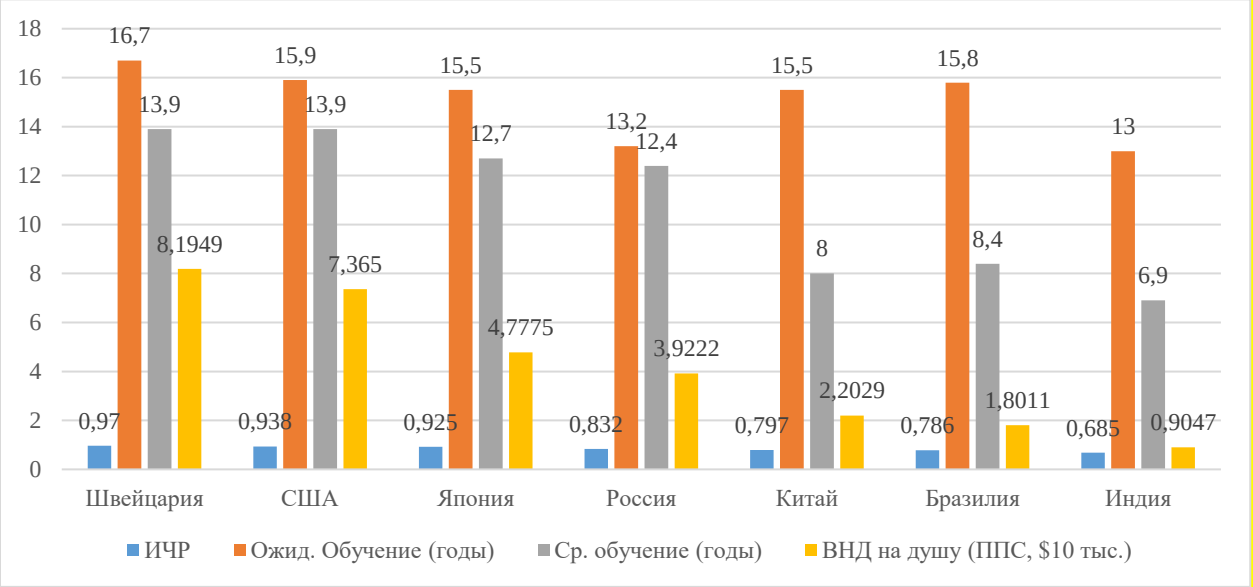


Рисунок 1. Динамика показателей человеческого развития России и выбранных стран, 2023 г. [4]

Анализ данных показывает, что Россия входит в группу стран с высоким уровнем человеческого развития, опережая Китай и Бразилию, но уступая развитым экономикам по качественным показателям здоровья и продолжительности жизни. Высокие образовательные показатели подтверждают значительный интеллектуальный потенциал населения. Однако сокращенная ожидаемая продолжительность жизни и сравнительно низкая ожидаемая продолжительность обучения свидетельствуют о структурных проблемах в системах здравоохранения и образования.

Как справедливо отмечает М.Е. Николаев, «капитал в традиционном смысле перестает быть ключевым источником стоимости; его место занимают интеллектуальные ресурсы» [10]. Это соответствует современным эмпирическим оценкам: до 80% прироста ВВП развитых стран обусловлено созданием и внедрением новых знаний, технологий и организационных решений.

Согласно исследованию Deloitte (2025), организации, рассматривающие человеческий капитал как центральный элемент стратегии в 1,8 раза чаще демонстрируют лучшие финансовые результаты, а бизнес-модели, ориентированные на благополучие сотрудников, становятся драйверами инновационной устойчивости [4].

В глобальной повестке Всемирный банк и ОЭСР рассматривают человеческий капитал как фундамент адаптации экономик к технологическим и структурным изменениям.

Для подтверждения зависимости между уровнем человеческого капитала и результатами экономического развития рассмотрим соотношение Индекса человеческого развития (ИЧР) и валового национального дохода (ВНД) на душу населения.

Таблица 2. Взаимосвязь человеческого развития и экономического благосостояния в выбранных странах, 2023 г. [4]

Страна	ИЧР	ВНД на душу населения (ППС, $)	Уровень конкурентоспособности
Швейцария	0,970	81 949	Очень высокий
США	0,938	73 650	Очень высокий
Япония	0,925	47 775	Высокий
Россия	0,832	39 222	Средний
Китай	0,797	22 029	Растущий
Бразилия	0,786	18 011	Средний
Индия	0,685	9 047	Развивающийся

Анализ показывает ярко выраженную положительную корреляцию: страны с ИЧР выше 0,900 обладают ВНД на душу населения выше 47 000 долларов, в то время как государства с ИЧР ниже 0,800 – существенно ниже 23 000 долларов.

Говоря про РФ важно упомянуть создание эффективных механизмов использование человеческого капитала. Это может быть достигнуто посредством интеграции науки в культурный код, улучшения образования и бизнеса, развитие инновационной инфраструктуры и улучшения институциональной среды [12].

В международной практике присутствует движение от традиционных линейных моделей управления в корпорации к экосистемам. В первую очередь это обусловлено нарастающим противоречием между ожиданиями работников и стратегическими установками бизнеса.

Однако присутствует и ряд проблем, в частности: кризис вовлеченности и выгорания, дефицит опыта, неравенство образования.

Мировая экономика требует сочетания технических, предпринимательских и креативных компетенций, однако системы образования акцентируют внимание на базовых профессиональных навыках.

Для России характерно сочетание высоких формальных показателей человеческого капитала с невысокими темпами инновационного развития.

Для преодоления проблем необходимы системные изменения:

– инвестиции в качество образования – критическое мышление, цифровая грамотность и способность к непрерывному обучению становятся важнее формального времени, затраченного на учебу;

– развитие гибкого лидерства – компании, внедряющие модели руководства, ориентированные на ответственность и поддержку благополучия сотрудников, демонстрируют более высокие финансовые результаты.

– государственная стратегия в области инноваций;

– формирование целостного человеческого капитала.

Современные тенденции формируют новые требования к компетенциям и структуре занятости. На практике это означает: потребность в гибкости, в умении учиться всю жизнь, в перенастройке традиционных моделей труда и т.д.

Для России в этой картине особенно актуальны следующие задачи: преодолеть региональные диспропорции, усилить связь образования с реальным сектором и повысить эффективность использования уже имеющегося человеческого капитала. Отдельно отметим, что к 2030 году возникнет острая необходимость в создании новых форм ученичества и виртуальных тренажеров для наработки опыта.

Литература:

1. Аникин В. А. Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // Экономическая социология. 2017. №4. URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-stanovlenie-kontseptsii-i-osnovnye-traktovki (дата обращения: 23.05.2026).

2. Алпеева, Е. А. К обоснованию новой парадигмы взаимосвязи человеческого капитала и экономического роста в инновационной экономике [Электронный ресурс] / Е. А. Алпеева, Е. А. Окунькова // Экономика промышленности. – 2020. – Т. 13. – № 4. – Режим доступа: https://ecoprom.misis.ru/jour/article/view/882/740 (дата обращения: 16.05.2026).

3. Булина, А. О. Человеческий капитал в теории экономического роста [Электронный ресурс] / А. О. Булина, К. А. Мозговая, М. А. Пахнин. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2020. – Режим доступа: https://api.dspace.spbu.ru/server/api/core/bitstreams/19d753eb-552f-4a6b-9898-a2ba239b23c3/content (дата обращения: 16.05.2026).

4. Габдуллин, Н. М. Современные подходы и методы измерения человеческого капитала [Электронный ресурс] / Н. М. Габдуллин // Экономика: теория и практика. – 2025. – Режим доступа: https://1economic.ru/lib/39709 (дата обращения: 16.05.2026).

5. Гладышев, Ю. В. Человеческий капитал как фактор воспроизводства национального богатства [Электронный ресурс] / Ю. В. Гладышев // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2013. – Т. 2. – № 1. – Режим доступа: https://naukaru.ru/ru/nauka/article/102/view (дата обращения: 16.05.2026).

6. Дусаев, Х. Б. Концептуальные основы человеческого капитала [Электронный ресурс] / Х. Б. Дусаев, А. Х. Дусаева // Russian Journal of Management. – 2024. – Т. 12. – № 1. – Режим доступа: https://rusjm.ru/ru/storage/viewWindow/225684 (дата обращения: 16.05.2026).

7. Кастрюлина, Ю. М. Анализ методов оценки величины человеческого капитала хозяйствующих субъектов [Электронный ресурс] / Ю. М. Кастрюлина // Вестник НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». – 2013. – № 1. – Режим доступа: https://economics.ihbt.ifmo.ru/file/article/19.pdf (дата обращения: 16.05.2026).

8. Лютова, М. Человеческий капитал: как образование и здоровье влияют на производительность [Электронный ресурс] / М. Лютова // Экономический словарь NES. – 2022. – Режим доступа: https://guru.nes.ru/slovar/ekonomicheskij-slovar/chelovecheskij-kapital-kak-obrazovanie-i-zdorove-vliyayut-na-proizvoditelnost.html (дата обращения: 15.05.2026).

9. Маркс, К. Капитал. Т. 1 [Электронный ресурс] / К. Маркс. – Москва: Политиздат, 1960. – Режим доступа: https://www.marxists.org/russkij/marx/1867/capital_vol1/index.htm (дата обращения: 16.05.2026).

10. Николаев, М. Е. Человеческий капитал и инновационная экономика [Электронный ресурс] / М. Е. Николаев // Российское предпринимательство. – 2008. – № 5. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-i-innovatsionnaya-ekonomika (дата обращения: 13.02.2026).

11. Плячкайтене, И. М. Становление и развитие теории человеческого капитала [Электронный ресурс] / И. М. Плячкайтене // Молодой ученый. – 2011. – № 6. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/30/3421 (дата обращения: 16.05.2026).

12. Яншин, Д. Н. Научно-техническое сотрудничество России с восточными партнерами как ответ на западные санкции / Д. Н. Яншин // Россия и мир в условиях стратегической неопределенности: Материалы Международной научно-практической конференции, Иркутск, 27–28 ноября 2024 года. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2025. – С. 333-341.

Сабирзянов Рустам Ильдусович
Sabirzyanov Rustam Ildusovich
слушатель
ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России»

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА СТРУКТУРЫ КАДРОВОГО СОСТАВА ФГКУ «СИБИРСКИЙ СПАСАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР МЧС РОССИИ»

EXPERT ASSESSMENT OF THE STAFFING STRUCTURE OF THE FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION "SIBERIAN RESCUE CENTER OF THE RUSSIAN FEDERATION EMERCOM"

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы оценки структуры кадрового состава Федерального государственного казённого учреждения «Сибирский спасательный центр МЧС России» как одного из ключевых подразделений ведомства в Сибирском федеральном округе. На основе анализа нормативно-правовой базы, научной литературы и статистических данных о численности и специализации личного состава центра проведена классификация кадровых элементов. С использованием методов экспертного опроса и расчёта коэффициента конкордации Кендалла выявлены приоритетные направления развития кадровой структуры. Высокая согласованность мнений экспертов ($W = 0,82$, $p < 0,01$) подтверждает достоверность полученных оценок. Наиболее значимым направлением признано развитие специализированных подразделений (робототехника и беспилотная авиация), за которым следуют совершенствование системы профессиональной подготовки и усиление мотивации персонала. Сформулированы практические рекомендации по оптимизации кадрового состава.

Abstract. This article examines the assessment of the staffing structure of the Federal State Budgetary Institution "Siberian Rescue Center of the Russian EMERCOM" as one of the agency's key divisions in the Siberian Federal District. Based on an analysis of the regulatory framework, scientific literature, and statistical data on the size and specialization of the center's personnel, a classification of personnel elements is conducted. Using expert survey methods and the calculation of the Kendall concordance coefficient, priority areas for staffing structure development are identified. The high agreement of expert opinions ($W = 0.82$, $p < 0.01$) confirms the reliability of the obtained assessments. The development of specialized units (robotics and unmanned aircraft) is recognized as the most significant area, followed by improvements in professional training and increased staff motivation. Practical recommendations for staffing optimization are formulated.

Ключевые слова: МЧС России, Сибирский спасательный центр МЧС России, кадровый состав, экспертная оценка, коэффициент конкордации Кендалла, спасательные подразделения, беспилотная авиация, менеджмент, управление, текучесть кадров.

Keywords: EMERCOM of Russia, Siberian Rescue Center of EMERCOM of Russia, personnel, expert assessment, Kendall's coefficient of concordance, rescue units, unmanned aircraft, management, administration, staff turnover.

Эффективность функционирования системы предупреждения и ликвидации

чрезвычайных ситуаций в Российской Федерации в значительной мере определяется качеством кадрового состава спасательных подразделений. МЧС России, объединяющее более 7 тысяч военнослужащих в составе 10 спасательных отрядов, предъявляет повышенные требования к профессионализму, психофизиологической подготовке и специализированным навыкам личного состава. В условиях возрастающей сложности техногенных и природных угроз, а также расширения спектра выполняемых задач возникает объективная необходимость в системном анализе и оптимизации кадровой структуры спасательных центров [1].

Федеральное государственное казённое учреждение «Сибирский спасательный центр МЧС России» (далее — Сибирский СЦ) является одним из крупнейших и наиболее готовых к быстрому применению подразделений МЧС России, предназначенным для защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Расположенный в Коченёвском районе Новосибирской области, центр осуществляет реагирование на широкий спектр происшествий — от паводков и ландшафтных пожаров до землетрясений и аварий на промышленных объектах - на территориях от Омской области до Дальнего Востока.

Сибирский СЦ ведёт свою историю с 1962 года, когда на основании директивы начальника гражданской обороны СССР маршала В.И. Чуйкова был сформирован 296-й отдельный инженерный батальон гражданской обороны. В 1999 году подразделение было переформировано в 653-й спасательный центр МЧС России, а с 2014 года получило современное наименование [2].

В настоящее время в Сибирском СЦ проходят службу свыше 500 человек личного состава. Основу кадрового состава составляют спасатели, дополненные специализированными подразделениями: пиротехники, осуществляющие гуманитарное разминирование и обезвреживание взрывоопасных предметов времён Великой Отечественной войны; специалисты радиационной, химической и биологической защиты; два аттестованных кинологических расчёта; подразделение беспилотной авиации, использующее летательные системы вертолётного и самолётного типа; инженерное подразделение, обеспечивающее эксплуатацию более 200 единиц специализированной техники [3].

На счету спасателей центра более 5000 спасённых жизней. За прошедший год сотрудники центра реагировали 182 раза на различного рода происшествия, а в 2021

году личный состав привлекался к ликвидации четырёх чрезвычайных ситуаций и более 240 происшествий [4].

В основу исследования положен комплекс методов, включающий анализ нормативно-правовых документов, изучение научной литературы, а также экспертный опрос. Для оценки согласованности мнений экспертов использован коэффициент конкордации Кендалла, широко применяемый в научных исследованиях при ранжировании проблемных факторов.

В экспертном опросе приняли участие 9 экспертов, представляющих различные профессиональные группы:

- Э1 — начальник спасательного отряда (стаж работы в системе МЧС — 17 лет);
- Э2 — заместитель начальника центра по кадровой работе (стаж — 14 лет);
- Э3 — начальник отдела специальной подготовки (стаж — 11 лет);
- Э4 — старший спасатель международного класса (стаж — 13 лет);
- Э5 — начальник службы РХБ защиты (стаж — 9 лет);
- Э6 — начальник группы беспилотной авиации (стаж — 7 лет);
- Э7 — преподаватель учебно-методического центра (стаж — 12 лет);
- Э8 — представитель Главного управления МЧС по кадровым вопросам (стаж — 15 лет);
- Э9 — руководитель кинологической службы (стаж — 10 лет).

Экспертам предлагалось проранжировать 6 ключевых направлений развития кадрового состава по степени их приоритетности (ранг 1 — наивысший приоритет, ранг 6 — наименьший приоритет).

Таблица 1. Перечень направлений развития кадрового состава Сибирского спасательного центра

Код	Наименование направления
D1	Развитие специализированных подразделений (робототехника, БПЛА, РХБ защита)
D2	Совершенствование системы профессиональной подготовки и повышения квалификации
D3	Усиление мотивации и социальной защиты личного состава
D4	Оптимизация штатной структуры и численности

Код	Наименование направления
D5	Развитие кадрового резерва и работа с молодыми специалистами
D6	Укрепление психологической службы и профилактика профессионального выгорания

Таблица 2. Матрица рангов (эксперты — строки, направления — столбцы)

Эксперт	D1	D2	D3	D4	D5	D6
Э1	1	2	3	5	4	6
Э2	2	1	3	6	4	5
Э3	1	2	4	5	3	6
Э4	2	3	1	6	4	5
Э5	1	2	3	5	4	6
Э6	1	3	2	6	5	4
Э7	2	1	3	5	4	6
Э8	1	3	2	6	5	4
Э9	2	2	3	5	4	6
Сумма рангов (Rj)	13	19	24	49	37	48
Средний ранг	1,44	2,11	2,67	5,44	4,11	5,33

Расчёт коэффициента конкордации Кендалла

Сумма рангов по всем направлениям: $\Sigma Rj = 13+19+24+49+37+48 = 190$

Средняя сумма рангов для одного направления: $Rcp = 190 / 6 = 31,667$

Таблица 3. Отклонения сумм рангов от среднего значения и их квадраты

Направление	Rj	Rj – Rcp	$(Rj – Rcp)^2$
D1	13	-18,667	348,45
D2	19	-12,667	160,45
D3	24	-7,667	58,78
D4	49	17,333	300,44
D5	37	5,333	28,44

Направление	Rj	Rj – Rcp	$(Rj – Rcp)^2$
D6	48	16,333	266,78
Сумма	—	—	1163,34

Коэффициент конкордации Кендалла рассчитывается по формуле:

$W=12\cdot\sum d_j^2/m^2\cdot(n^3-n)$

где m = 9 (количество экспертов), n = 6 (количество направлений развития).

Подставляя в формулу расчётные значения, получаем W=0,8207

Проверка статистической значимости:

$\chi^2 = m \cdot (n - 1) \cdot W = 9 \cdot 5 \cdot 0,8207 = 36,93$

Табличное значение χ^2 для числа степеней свободы df = n - 1 = 5 при уровне значимости $\alpha = 0,05$ составляет 11,07. Поскольку расчётное значение (36,93) превышает табличное, согласованность мнений экспертов является статистически значимой на уровне $p < 0,01$ [5].

Результаты экспертной оценки и их анализ

Экспертный опрос показал, что наиболее высокий приоритет эксперты единогласно отдают развитию специализированных подразделений — робототехники, беспилотных летательных аппаратов и радиационной, химической и биологической защиты (D1). Сумма рангов 13 при среднем ранге 1,44 подтверждает, что данное направление рассматривается как ключевое для повышения оперативных возможностей центра. Этот результат не случаен: как отмечается в современных исследованиях, одним из перспективных направлений повышения эффективности применения спасательных воинских формирований МЧС России является приведение их организационно-штатной структуры в соответствие объёму и характеру задач. В Сибирском СЦ уже сформировано новое направление – это беспилотная авиация, включающая летательные системы вертолётного и самолётного типа, однако, по оценкам экспертов, его развитие требует дальнейшего ресурсного и кадрового укрепления [4].

Вторым по значимости направлением признано совершенствование системы профессиональной подготовки и повышения квалификации личного состава (D2). Сумма рангов составила 19 при среднем ранге 2,11. Это подтверждается данными о том, что уровень подготовки и система мотивации и продвижения являются ключевыми факторами обеспечения безопасности населения и территорий. Анализ кадровых

характеристик пожарно-спасательных подразделений показывает, что процесс выбывания из подразделений личного состава, не имеющего высшего и среднего пожарно-технического образования, идёт быстрее, чем процесс замены их профессионалами с профильным образованием, в результате чего образуется некомплект личного состава.

Третье место эксперты отдали усилению мотивации и социальной защиты личного состава (D3). Общая кадровая ситуация в МЧС России характеризуется существенным дефицитом кадров: по данным главы МЧС России Александра Куренкова, некомплект личного состава в ряде регионов превышает 30%, причём увольнения связаны в первую очередь с низкими зарплатами и отсутствием перспектив получения служебного жилья [3].

Наименее приоритетными экспертами признаны оптимизация штатной структуры и численности (D4) с суммой рангов 49 (средний ранг 5,44), а также укрепление психологической службы и профилактика профессионального выгорания (D6) с суммой рангов 48 (средний ранг 5,33). Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что экспертное сообщение считает текущую штатную структуру в целом соответствующей решаемым задачам, а внимание должно быть сосредоточено на качественных параметрах — уровне подготовки, специализации и мотивации кадров [5].

Проблемы и направления совершенствования кадрового состава

Проведённый анализ позволяет выделить ключевые проблемные зоны, требующие первоочередного решения.

Во-первых, развитие специализированных подразделений требует не только закупки техники, но и подготовки кадров соответствующей квалификации. Появление новых направлений работы — беспилотной авиации, робототехнических средств — ставит задачу формирования системы профессиональной переподготовки спасателей, сочетающей теоретическую подготовку и практические навыки эксплуатации сложного оборудования.

Во-вторых, система профессиональной подготовки нуждается в модернизации с учётом современных требований. Процесс комплектования кадров пожарно-спасательных подразделений осложнён рядом обстоятельств: депопуляция трудоспособного населения, ухудшение его здоровья, падение трудовой морали и

этики, а также сложность и опасность самой профессии. В этих условиях требуется пересмотр подходов к отбору кандидатов и их последующей подготовке.

В-третьих, необходимы системные меры по усилению мотивации личного состава, включающие не только повышение уровня материального обеспечения, но и развитие нематериальных стимулов — профессионального признания, карьерного роста, социальных гарантий.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Кадровый состав Сибирского спасательного центра МЧС России представляет собой многопрофильную структуру, включающую спасателей, специалистов РХБ защиты, пиротехников, кинологов, операторов беспилотных авиационных систем и инженерный персонал. При общей численности свыше 500 человек центр обеспечивает реагирование на чрезвычайные ситуации на территориях нескольких субъектов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов.

2. По результатам экспертного опроса наиболее приоритетными направлениями развития кадрового состава признаны: развитие специализированных подразделений (робототехника, БПЛА, РХБ защита), совершенствование системы профессиональной подготовки и усиление мотивации личного состава.

3. Коэффициент конкордации Кендалла (W = 0,821) подтвердил высокую степень согласованности мнений экспертов, что свидетельствует об объективности и достоверности полученных оценок.

4. Выявленные проблемные зоны — кадровый дефицит, недостаточная скорость замещения выбывающих специалистов, сложности с удержанием квалифицированных кадров — характерны не только для Сибирского СЦ, но и для системы МЧС России в целом, что подтверждается данными о кадровой ситуации в других регионах.

5. Перспективными направлениями дальнейших исследований могут стать разработка методики количественной оценки эффективности различных моделей кадровой структуры спасательных центров, а также анализ зарубежного опыта комплектования и подготовки специалистов экстренных служб.

Литература:

1. Зенина, Т. Ю. Кадровое обеспечение Главного управления МЧС России по Московской области: оценка состояния / Т. Ю. Зенина, Ж. Ю. Данкова // Аналитика в органах государственной власти и местного самоуправления (по тематике проектного управления): сборник трудов секции № 18 XXX Международной научно-практической конференции, Химки, 19 марта 2020 года / Академия гражданской защиты МЧС России. – Химки: Академия гражданской защиты МЧС России, 2020. – С. 294-301. – EDN VBQRVC.

2. Анализ факторов, влияющих на численность инспекторского состава подразделений надзорной деятельности МЧС России / С. В. Репин, Г. Н. Лахвицкий, М. Д. Павликова, К. Г. Бурлаченко // Прикладная математика и вопросы управления. – 2022. – № 4. – С. 140-158. – DOI 10.15593/2499-9873/2022.4.08. – EDN OOZWTS.

3. Обзор особенностей кадровой политики в системе МЧС Российской Федерации / М. Г. Гриник, П. В. Бочков, Л. Ю. Шемятихина, Л. А. Захарова // Альманах Крым. – 2025. – № 51. – С. 34-42. – EDN QYYNSM.

4. Акимов, А. А. Цифровая трансформация в области подготовки пожарно-спасательных подразделений: анализ нормативно-правовой базы и современной проблематики / А. А. Акимов, В. А. Максимкин, Р. С. Рожков // Безопасность в современном мире. – 2025. – № 3(8). – С. SMW20250303. – DOI 10.25629/SMW.2025.03.03. – EDN QHTOZT.

5. Рожков, Р. С. Современная проблематика оценки и возмещения экономического ущерба от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (на примере Орска и Оренбурга) / Р. С. Рожков, Н. А. Пименов // Российский экономический интернет-журнал. – 2024. – № 2. – EDN BQMAFQ.

Баштовой Сергей Вячеславович
Bashtovoy Sergey Vyacheslavovich
ассистент кафедры гражданского права и процесса
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
e-mail: svbashtovoy@mail.sevsu.ru

Берсенева Анна Андреевна
Berseneva Anna Andreevna
магистратрант юридического института
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
e-mail: svbashtovoy@mail.sevsu.ru

УСЛОВНЫЕ ЗАВЕЩАНИЯ В ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВЕ: ОСОБЕННОСТИ ТОЛКОВАНИЯ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

CONDITIONAL WILLS IN FOREIGN LAW: INTERPRETATION FEATURES AND JUDICIAL PRACTICE

Аннотация. Целью статьи является анализ проблемы, возникающей при интерпретации двусмысленных и нечетких завещательных формулировок, которые создают предпосылки для нескольких альтернативных вариантов смыслового толкования. Актуальность темы обусловлена отсутствием в российском гражданском законодательстве специального регулирования условных завещательных распоряжений, что переносит центр тяжести правоприменения в область судебного толкования. Ключевая дилемма состоит в разграничении юридического условия и мотива. На основе анализа англо-американской судебной практики и доктринальных источников выявлены критерии, позволяющие судам отличить правовое условие от простого пояснения: характер распределения имущества, наличие мотивировочных частей, поведение завещателя после оформления документа, а также принцип сохранения юридической силы завещания. Показана эволюция зарубежных подходов от буквального формализма к разумному толкованию, направленному на установление действительной воли наследодателя. Для российской цивилистики предлагается система ориентиров оценки условных оговорок, основанная на критериях ясности, исполнимости, законности, связи с общей структурой распоряжения и недопустимости обхода формальных требований к отмене завещания. Обосновывается вывод, что условная оговорка должна признаваться юридически значимой лишь при наличии в тексте и сопутствующих обстоятельствах достаточно очевидного намерения завещателя придать ей именно правовое, а не описательное или эмоционально-мотивационное значение.

Abstract. The purpose of this article is to analyze the interpretive problems caused by vague and equivocal testamentary formulations, which are capable of supporting multiple alternative constructions. The relevance of the topic is due to the lack of special regulation of conditional testamentary dispositions in Russian civil legislation, which shifts the center of gravity of law enforcement to the field of judicial interpretation. The key dilemma is to distinguish between a legal condition and a motive. Based on the analysis of English and American judicial practice and doctrinal sources, criteria have been identified that allow courts to distinguish a legal condition from a simple explanation: the nature of the distribution of

property, the presence of motivational parts, the behavior of the testator after the document was drawn up, as well as the principle of preserving the legal force of the will. The evolution of foreign approaches from literal formalism to a reasonable interpretation aimed at establishing the real will of the testator is shown. For Russian civil law, a system of guidelines for evaluating conditional clauses is proposed, based on the criteria of clarity, enforceability, legality, connection with the general structure of the order and the inadmissibility of circumventing the formal requirements for the cancellation of a will. The conclusion is substantiated that a conditional clause should be recognized as legally significant only if there is a sufficiently obvious intention of the testator in the text and related circumstances to give it a legal rather than descriptive or emotional-motivational meaning.
Ключевые слова: толкование завещания, условное завещательное распоряжение, условие и мотив, свобода завещания, английское наследственное право, американское наследственное право, односторонняя сделка, наследственный спор.

Keywords: interpretation of a will, conditional testamentary disposition, condition and motive, testamentary freedom, English inheritance law, American inheritance law, unilateral transaction, inheritance dispute.

Проблема толкования завещания обычно выходит на первый план именно тогда, когда внешне простой текст начинает допускать несколько смысловых прочтений. Пока распоряжение сформулировано ясно, вопрос о подлинной воле наследодателя почти не возникает: нотариус, наследники и суд исходят из буквального содержания документа. Иная ситуация складывается при наличии условных оборотов, оговорок, мотивировочных пояснений или фраз, которые можно понять двояко. Здесь уже недостаточно просто прочитать завещание «по словам» — необходимо установить, хотел ли наследодатель действительно поставить судьбу имущества в зависимость от определённого события либо лишь описывал обстоятельства, при которых документ был составлен. В зарубежной практике подобные споры не являются редкостью: в американской литературе отмечалось, что в первой половине XX века примерно от 15 до 20 % наследственных конфликтов, связанных с завещаниями, возникали из-за неясности используемых формулировок [7, с. 1049–1050; 8, с. 465].

Для российского права эта тема имеет особое значение. Гражданское законодательство рассматривает завещание как одностороннюю сделку, юридическое действие которой начинается после открытия наследства. В основе такой конструкции лежит свобода завещания: гражданин вправе определить судьбу принадлежащего ему имущества по своему усмотрению [1]. Однако специального регулирования условных завещательных распоряжений в российском праве до сих пор нет. Из-за этого центр тяжести смещается в область толкования: суду приходится опираться на буквальный

смысл текста, а если он не позволяет прийти к однозначному выводу — учитывать содержание документа в целом, его внутреннюю логику и предполагаемый замысел наследодателя [2; 5, с. 192–196]. Можно заметить, что такая модель оставляет значительное пространство для судебного усмотрения, особенно когда одна и та же фраза способна восприниматься и как условие, и как обычное пояснение.

При этом далеко не всякая неясность в завещании связана именно с условными распоряжениями. В практике встречаются случаи, когда наследодатель ошибается в имени, неточно указывает имущество, допускает пропуск или использует неудачную формулировку. Подобные дефекты сами по себе ещё не превращают распоряжение в спорную условную конструкцию. Если из общего содержания документа можно восстановить намерение лица, задача суда сводится к аккуратной реконструкции воли, выраженной пусть и несовершенно, но достаточно определённо [2; 7, с. 1050–1051]. Гораздо сложнее обстоит дело тогда, когда в тексте прямо появляется зависимость от будущего или предполагаемого события: «если», «в случае», «при условии», «если со мной произойдёт» и сходные обороты. Именно здесь возникает вопрос о юридической природе такой фразы.

Главная трудность состоит в разграничении условия и мотива. Наследодатель может использовать условную формулу как полноценный правовой механизм: например, распорядиться имуществом только на случай наступления определённого обстоятельства либо связать получение наследства с поведением конкретного лица. Но та же грамматическая конструкция может выполнять лишь объяснительную функцию. В таком случае она показывает, почему человек решил составить завещание, но не ограничивает действие самого распоряжения. На практике эта граница оказывается подвижной. В одном правопорядке суд может увидеть в спорной фразе обязательное условие, в другом — всего лишь указание на мотив, не влияющий на действительность документа [7, с. 1049–1053; 9, с. 485–486; 13, с. 350–357].

Показательны ситуации, когда условная формулировка используется как своеобразная попытка прекратить действие завещания. В американской литературе приводятся примеры, когда наследодатель связывал судьбу распоряжения с последующим вступлением в брак или иным изменением личного статуса. Такие конструкции воспринимались судами осторожно: отмена завещания должна происходить в установленной законом форме, а не через косвенную оговорку,

встроенную в текст документа [7, с. 1051–1053; 14, с. 60–62]. Эта позиция хорошо показывает общий подход: условные фразы не должны превращаться в способ обхода формальных требований, предусмотренных для изменения или отмены последней воли.

В то же время сама идея условного завещания зарубежной практикой не отвергается. Если оговорка выражена ясно, не противоречит закону и позволяет определить правовые последствия, она может быть признана допустимой. Условие способно охватывать всё завещание целиком либо относиться только к отдельному распоряжению. Например, наследодатель может предусмотреть, что имущество перейдёт определённому лицу лишь при наступлении конкретного события, сохранении семейного статуса, выполнении обязанности по уходу или ином поведении, имеющем значение для завещателя [7, с. 1051–1053; 13, с. 350–351; 14, с. 60–63]. В ряде случаев подобные распоряжения сближаются с договорными моделями, особенно когда фактически отражают ожидание содержания, помощи или заботы со стороны будущего наследника.

Российская цивилистика по этому вопросу не пришла к единому подходу. Одни авторы подчёркивают риски неопределённости: условие может быть сформулировано расплывчато, зависеть от субъективной оценки или оказаться практически неисполнимым. В результате наследники получают не устойчивое право, а источник нового конфликта [4; 6, с. 20–22]. Другие исследователи, напротив, обращают внимание на то, что чрезмерно жёсткий запрет условных распоряжений неоправданно сужает свободу завещания. Если гражданин вправе лишить наследства любого наследника, изменить доли, назначить подназначенного наследника и установить завещательный отказ, то полное игнорирование условий выглядит не вполне последовательным [3; 5, с. 192–196]. Более взвешенной представляется позиция, при которой допустимость таких оговорок оценивается не абстрактно, а через их ясность, законность и возможность исполнения.

Отдельный пласт вопросов связан с передачей третьему лицу права влиять на содержание завещательных распоряжений. В зарубежной литературе описываются случаи, когда завещатель предоставлял супругу или иному доверенному лицу возможность корректировать отдельные элементы распоряжения [7, с. 1052–1053; 11, с. 329–331]. Подобные конструкции выглядят необычно для континентального правового сознания, поскольку завещание традиционно воспринимается как строго личный акт.

Однако англо-американская практика иногда допускает более гибкие решения, если из текста видно, что наследодатель сознательно предоставил такому лицу определённую роль, а пределы этой роли можно установить без произвольного расширения [13, с. 357–359].

Важно учитывать и обратную ситуацию: не каждое условное выражение действительно создаёт условие в юридическом смысле. Формулы вроде «если я умру до рассвета» или «если со мной что-нибудь случится в дороге» могут быть не правовой оговоркой, а способом объяснить тревожные обстоятельства, подтолкнувшие человека к составлению завещания. Наследодатель в таких случаях не всегда стремится ограничить действие документа только конкретной поездкой, болезнью или опасной ситуацией. Нередко он просто фиксирует повод, который заставил его оформить последнюю волю [7, с. 1053–1054; 10, с. 215–216; 14, с. 60–62]. На практике именно такие фразы становятся самыми конфликтными: внешне они похожи на условие, но по смыслу могут не иметь ограничительного характера.

Английская судебная практика прошла в этом вопросе заметную эволюцию. На раннем этапе суды чаще придерживались буквального подхода и придавали решающее значение самой условной формуле. В зарубежных трактатах в качестве классического примера обычно приводится Parsons v. Lanoe, где условная оговорка была воспринята как обстоятельство, определяющее судьбу распоряжения [7, с. 1054–1055; 12; 13, с. 352–353]. Позднее чрезмерный формализм начал ослабевать. В делах, известных в литературе как Thorne, Dobson и Spratt, суды уже пытались отделить настоящее юридическое условие от простой ссылки на мотив. Особое значение придавалось тому, была ли фраза связана с реальной ситуацией риска и можно ли считать, что наследодатель хотел ограничить действие завещания именно этим событием [7, с. 1055–1057; 13, с. 352–354; 14, с. 60–61].

В современной английской традиции заметно стремление сохранить завещание, если текст допускает разумное толкование в пользу его действительности. Суд, как правило, не спешит уничтожать распоряжение только потому, что оно содержит неудачную или эмоционально окрашенную формулу. Такая логика соответствует более широкой тенденции наследственного права: последняя воля должна исполняться, если для этого есть правовые основания и если её содержание не вступает в противоречие с законом [11, с. 329–331; 13, с. 350–357; 14, с. 60–62]. По существу, приоритет отдаётся

не формальной безупречности текста, а возможности установить действительное намерение лица.

Американская практика выглядит менее однородной. В первой половине XX века в ряде штатов преобладал достаточно строгий подход: если завещатель использовал условные слова, суды были склонны воспринимать их буквально. Позднее позиции начали расходиться. Одни юрисдикции стали чаще игнорировать условие, если оно явно не имело решающего значения для распоряжения имуществом. Другие сохранили приверженность буквальному прочтению [7, с. 1058–1061; 8, с. 465–467; 14, с. 60–62]. Поэтому исход наследственного спора в США во многом зависит не только от текста завещания, но и от того, право какого штата применяется. Для федеративной системы с самостоятельным наследственным регулированием это закономерно, но с точки зрения предсказуемости оборота такая разнородность создаёт заметные сложности.

Из судебной практики, описанной в зарубежной литературе, можно выделить несколько обстоятельств, которые обычно влияют на интерпретацию условных формулировок. Первое — характер распределения имущества. Если завещание построено по привычной семейной модели, например имущество передаётся супругу, детям или ближайшим родственникам, суды чаще склонны воспринимать спорную фразу как объяснение мотива, а не как строгое условие. В деле Eaton v. Brown, которое подробно рассматривается в американских работах о завещаниях, именно естественность распределения имущества стала одним из аргументов в пользу сохранения распоряжения [7, с. 1061–1062; 14, с. 60–61]. Логика здесь понятна: если содержание завещания соответствует обычным ожиданиям наследодателя, менее вероятно, что он хотел связать его действие с узким и случайным обстоятельством.

Второе значение имеют пояснения самого завещателя. Иногда текст содержит фразы, из которых видно, что лицо считало своё решение окончательным и не связывало его исключительно с конкретной ситуацией. Однако такие пояснения не всегда оказываются решающими. В зарубежной доктрине указывается, что даже наличие объяснительных элементов не всегда мешало судам признавать распоряжения условными, если общий смысл документа свидетельствовал о зависимости его действия от определённого события [7, с. 1061–1063; 8, с. 465–467; 14, с. 60–62]. Это показывает, что мотивировочная часть документа оценивается не изолированно, а вместе с общей структурой завещания, используемыми словами и обстоятельствами его составления.

Третьим фактором становится поведение наследодателя после оформления документа. Если завещание было сохранено, передано на хранение, подтверждено в последующих разговорах или не отменялось в течение длительного времени, это может указывать на намерение придать ему самостоятельную и окончательную силу. Например, сохранение документа на протяжении нескольких лет после исчезновения первоначального риска способно ослабить довод о том, что распоряжение действовало только в связи с этим риском [7, с. 1063–1064; 13, с. 356–357; 14, с. 61–62]. В практическом плане такие обстоятельства выполняют роль косвенных доказательств, позволяющих суду выйти за пределы сугубо грамматического анализа.

Особое значение имеет принцип сохранения юридической силы завещания. Если спорная фраза допускает два объяснения — одно ведёт к недействительности или неприменимости распоряжения, другое позволяет исполнить последнюю волю, — суды во многих правопорядках всё чаще выбирают второе [10, с. 215–216; 11, с. 329–331; 13, с. 350–357]. Этот подход нельзя понимать как игнорирование текста. Речь скорее идёт о презумпции разумности завещателя: предполагается, что человек, оформляя документ, хотел добиться правового результата, а не создать акт, который утратит значение из-за неточной формулировки. В наследственных спорах такая презумпция особенно важна, поскольку сам автор текста уже не может пояснить свои намерения.

Наиболее сложные споры возникают тогда, когда указанное в завещании событие не наступило. В одних системах документ всё равно может быть принят как завещание, а вопрос о значении ненаступившего условия передаётся на рассмотрение суда. В других — подобные акты не получают дальнейшего движения, если из текста очевидно, что распоряжение было рассчитано только на конкретную ситуацию, которая фактически не произошла [7, с. 1064–1067; 13, с. 352–357; 14, с. 60–62]. Различия здесь объясняются не только материальным правом, но и процессуальными правилами: где-то суд по наследственным делам обладает широкими полномочиями по толкованию, а где-то первоначальная оценка допустимости документа проводится значительно строже.

Для российского права зарубежный опыт представляет не теоретический, а вполне практический интерес. Отсутствие прямых норм об условных завещательных распоряжениях не устраняет проблему, а лишь переносит её в плоскость судебной интерпретации. Наследодатели продолжают использовать условные фразы, связывать

распоряжения с семейными обстоятельствами, уходом, браком, поведением наследников или наступлением определённых событий [4; 5, с. 192–196; 6, с. 20–22]. Поэтому правоприменителю необходимы понятные ориентиры. К числу таких ориентиров можно отнести ясность формулировки, исполнимость условия, его соответствие закону, связь с распределением имущества, последующее поведение завещателя и общий принцип сохранения последней воли [7, с. 1068–1070; 13, с. 350–357; 14, с. 60–63].

Представляется, что наиболее оправданным был бы подход, при котором условная оговорка признаётся юридически значимой только тогда, когда из текста завещания и сопутствующих обстоятельств достаточно ясно следует намерение наследодателя придать ей именно правовое значение. Если же спорная фраза лишь объясняет причину составления документа, отражает эмоциональное состояние или описывает жизненную ситуацию, она не должна разрушать распоряжение. Такой критерий позволил бы избежать двух крайностей: с одной стороны, полного отрицания условных завещаний, с другой — чрезмерного буквального толкования любой неосторожной фразы [3; 4; 5, с. 192–196; 7, с. 1068–1070]. Для наследственного права, где цена ошибки часто выражается не только в имущественном споре, но и в длительном семейном конфликте, подобная гибкость имеет принципиальное значение.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья: Федеральный закон от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ: принят Государственной Думой 1 ноября 2001 г.: одобрен Советом Федерации 14 ноября 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 49. — Ст. 4552.

2. О судебной практике по делам о наследовании: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2012. — № 7.

3. Вакулина, Г. А. Завещание как категория наследственного права / Г. А. Вакулина // Нотариус. — 2025. — № 4. — С. 43–47. — DOI: 10.18572/1813-1204-2025-4-43-47.

4. Стромоногова, С. А. О противоречивости условных завещаний и способах ее устранения / С. А. Стромоногова // Правовой альманах. — 2024. — URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/o-protivorechivosti-uslovnyh-zaveschaniy-i-sposobah-eyo-ustraneniya (дата обращения: 26.04.2026). — Текст: электронный.

5. Улезько, А. Ю. Завещание под условием: отдельные аспекты / А. Ю. Улезько, Т. Р. Алексеенко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2022. — Т. 8 (74), № 3. — С. 192–196.

6. Атаев, У. А. Условные завещания и их недопустимость в российском наследственном праве / У. А. Атаев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 4 (30), ч. 3. — С. 20–22.

7. Evans, A. E. Conditional Wills / A. E. Evans // Michigan Law Review. — 1937. — Vol. 35, № 7. — P. 1049–1070.

8. Rosenthal, R. Wills — Construction — Conditional Wills / R. Rosenthal // Michigan Law Review. — 1957. — Vol. 55, № 3. — P. 465–467.

9. Wills — Construction — Conditional Wills // Harvard Law Review. — 1920. — Vol. 33, № 3. — P. 485–486.

10. Wills — Contingent Wills — When Construed Unconditional // West Virginia Law Quarterly. — 1932. — Vol. 38. — P. 215–218.

11. Wills — Construction — Absolute or Contingent // University of Miami Law Review. — 1953. — Vol. 7. — P. 329–331.

12. Jarman, T. A Treatise on Wills: in 3 vols. / T. Jarman; 7th ed. by C. P. Sanger; assisted by I. C. Willis. — London: Sweet & Maxwell, 1930.

13. Schouler, J. Law of Wills, Executors and Administrators: in 2 vols. Vol. 1. Wills / J. Schouler. — 5th ed. — Albany, N. Y.: Matthew Bender & Company, 1915.

14. Gardner, G. E. Handbook of the Law of Wills / G. E. Gardner; 2nd ed. by W. T. Dunmore. — St. Paul: West Publishing Co., 1916.

Мусатов Максим Александрович
Musatov Maxim Aleksandrovich
студент
ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»

ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ - РАЗВИТИЕ МЕДИАЦИИ И СУДЕБНОГО ПРИМИРЕНИЯ

CONCILIATION PROCEDURES IN ARBITRATION: DEVELOPMENT OF MEDIATION AND JUDICIAL CONCILIATION

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу института примирительных процедур в арбитражном процессе Российской Федерации. Исследуются теоретические и практические аспекты развития медиации и судебного примирения, их правовая природа, место в системе альтернативного разрешения экономических споров, а также проблемы правоприменительной практики. Особое внимание уделяется соотношению медиации и судебного примирения, а также перспективам дальнейшего совершенствования данных институтов в условиях модернизации судебной системы Российской Федерации.

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the institution of conciliation procedures in the arbitration process of the Russian Federation. It examines the theoretical and practical aspects of the development of mediation and judicial conciliation, their legal nature, and their place within the system of alternative dispute resolution for economic disputes, as well as challenges in law enforcement practice. Particular attention is given to the relationship between mediation and judicial conciliation, along with prospects for further improvement of these institutions in the context of modernising the judicial system of the Russian Federation.

Ключевые слова: арбитражный процесс, примирительные процедуры, медиация, судебное примирение, мировое соглашение, альтернативное разрешение споров, судебная реформа.

Keywords: arbitration process, conciliation procedures, mediation, judicial conciliation, settlement agreement, alternative dispute resolution, judicial reform.

Современный этап развития арбитражного процесса в Российской Федерации характеризуется устойчивым расширением применения примирительных процедур, что обусловлено необходимостью повышения эффективности судебной защиты прав и законных интересов участников экономического оборота.

Увеличение количества экономических споров, усложнение хозяйственных отношений и рост нагрузки на судебную систему объективно требуют внедрения более гибких и эффективных механизмов урегулирования конфликтов. В этой связи особое значение приобретают альтернативные способы разрешения споров, позволяющие сторонам урегулировать конфликт без вынесения судебного решения по существу дела. Законодательное закрепление примирительных процедур в Арбитражном

процессуальном кодексе Российской Федерации (АПК РФ) свидетельствует о системной трансформации модели правосудия в сторону её гуманизации и повышения эффективности [1]. Значимую роль в развитии данного института играет Федеральный закон № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [3], который заложил нормативные основы функционирования медиации в российской правовой системе. Как отмечает В.М. Лебедев, современная модель правосудия должна быть направлена не только на формальное разрешение правового конфликта, но и на достижение реального социального мира между сторонами, что невозможно без развития примирительных механизмов [10, с. 105]. По нашему мнению, цель развития примирительных процедур состоит не просто в сокращении количества судебных разбирательств, а в формировании культуры мирного урегулирования разногласий, что особенно важно для стабильного развития экономических отношений. Примирительные процедуры в арбитражном процессе представляют собой урегулированные нормами права способы разрешения экономического спора, основанные на добровольном волеизъявлении сторон и направленные на достижение взаимоприемлемого результата без вынесения судебного решения по существу спора. В соответствии с положениями АПК РФ арбитражный суд обязан содействовать примирению сторон на всех стадиях судебного разбирательства [1]. Данное положение отражает современный подход к правосудию, предполагающий не только разрешение спора, но и восстановление нарушенных экономических связей, что способствует укреплению делового оборота и снижению общей конфликтности в предпринимательской среде.

Т.В. Алексеева отмечает, что институт альтернативного разрешения споров является самостоятельным элементом процессуальной системы, направленным на снижение конфликтности и повышение эффективности правосудия [6, с. 56]. И.Л. Бурова и А.В. Никитова подчёркивают, что развитие примирительных процедур обусловлено необходимостью адаптации судебной системы к современным условиям экономического оборота и снижением нагрузки на арбитражные суды [8, с. 284]. Успешное внедрение примирительных механизмов способно не только разгрузить судебную систему, но и повысить доверие бизнеса к правосудию в целом. К числу основных признаков примирительных процедур относятся добровольность участия сторон, равноправие участников, диспозитивный характер, ориентация на компромисс

и отсутствие властного решения со стороны третьего лица. Примирительные процедуры включают в себя переговоры, посредничество, медиацию, судебное примирение, а также заключение мирового соглашения [1]. Их общая цель заключается в достижении взаимоприемлемого результата при минимальном вмешательстве государства, что соответствует современным тенденциям гуманизации права и расширения диспозитивных начал в процессуальном законодательстве. Медиация является одной из основных форм альтернативного разрешения споров и регулируется специальным федеральным законом [3]. Она представляет собой процедуру урегулирования конфликта при содействии независимого посредника - медиатора, не обладающего полномочиями по вынесению обязательного решения. Основными принципами медиации являются добровольность, конфиденциальность, независимость медиатора, равноправие сторон и сотрудничество участников процедуры [3]. Именно эти принципы делают медиацию особенно привлекательной для участников экономических споров, поскольку позволяют сохранить деловые отношения и избежать публичной огласки разногласий. Н.И. Распопова рассматривает медиацию как эффективный инструмент урегулирования коммерческих и корпоративных споров, позволяющий сохранить деловые отношения между сторонами конфликта [13, с. 47].

В.В. Амосова отмечает, что развитие медиации способствует снижению уровня конфликтности в предпринимательской среде и формированию культуры мирного разрешения споров [7, с. 16]. Несмотря на очевидные преимущества, практика применения медиации в Российской Федерации остаётся ограниченной. По мнению Т.В. Алексеевой, это связано с низким уровнем правовой культуры участников экономических отношений, недостаточной информированностью о преимуществах процедуры и отсутствием устойчивой практики обращения к медиаторам [6, с. 131]. Для преодоления этих барьеров требуется активная просветительская работа со стороны профессиональных сообществ и государственных органов. Существенной проблемой является недостаточная институционализация профессии медиатора и отсутствие единых стандартов профессиональной подготовки. В зарубежных правопорядках медиация широко применяется и часто носит обязательный досудебный характер, что способствует снижению судебной нагрузки. Российская модель медиации основана на принципе добровольности, что, с одной стороны, обеспечивает свободу сторон, а с другой - ограничивает её распространение. Частичная обязательность медиации по

отдельным категориям экономических споров могла бы стать разумным компромиссом, стимулирующим использование этой процедуры. Судебное примирение представляет собой относительно новый институт арбитражного процесса, направленный на урегулирование спора при содействии судебного примирителя [1]. Его введение стало результатом реформирования процессуального законодательства. Судебным примирителем, как правило, выступает судья в отставке, обладающий значительным профессиональным опытом и авторитетом. Е.В. Михайлова отмечает, что судебное примирение занимает промежуточное положение между классической медиацией и судебным разбирательством [12, с. 25].

И.С. Моторина рассматривает данный институт как особую форму «судебной медиации», сочетающую элементы добровольного урегулирования и судебного влияния [11, с. 36].

Такая гибридная природа судебного примирения делает его особенно эффективным в случаях, когда стороны нуждаются в авторитетном посреднике, способном оценить перспективы судебного разбирательства. В.О. Ватаманюк подчёркивает необходимость дальнейшего нормативного уточнения статуса судебных примирителей и процедуры их деятельности [9, с. 114]. К преимуществам судебного примирения относятся высокий уровень доверия сторон, профессионализм посредника и возможность учёта судебной перспективы спора. Однако развитие данного института сопровождается рядом проблем, включая ограниченное число судебных примирителей, недостаточную практику применения и слабую информированность участников процесса. По нашему мнению, расширение сети судебных примирителей и их активная интеграция в работу арбитражных судов могли бы существенно повысить эффективность этой процедуры. Медиация и судебное примирение имеют общую цель - урегулирование спора без вынесения судебного решения, однако существенно различаются по своей правовой природе. Различие заключается в степени вовлечённости судебной системы: медиация осуществляется независимым посредником вне судебной системы и основана на автономии воли сторон [3], тогда как судебное примирение встроено в судебный процесс и осуществляется судебным примирителем. И.С. Моторина отмечает, что судебное примирение представляет собой гибридную форму альтернативного разрешения споров [11, с. 36]. Несмотря на различия, оба института направлены на достижение компромисса, снижение

конфликтности и сохранение экономических отношений между сторонами. А.П. Тресков подчёркивает, что развитие примирительных процедур способствует реализации принципов судебной власти и повышению эффективности правосудия [14, с. 48]. Несмотря на законодательное развитие, институт примирительных процедур в России сталкивается с рядом проблем. К числу основных проблем относится низкий уровень правовой культуры участников гражданского оборота, недостаточная информированность о возможностях альтернативного урегулирования споров и ограниченная практика применения медиации.

Т.В. Алексеева отмечает, что данные проблемы обусловлены недостаточным уровнем доверия к альтернативным процедурам [6, с. 161]. Как отмечают Д.Г. Фильченко и Е.А. Евтухович, проблемы разграничения обязательного досудебного порядка и добровольных примирительных процедур [15, с. 284]. Решение этих проблем требует комплексного подхода, включающего как совершенствование законодательства, так и просветительскую работу среди предпринимателей.

Перспективными направлениями являются совершенствование законодательства (уточнение статуса посредников, регламентация их деятельности), повышение квалификации медиаторов и примирителей (разработка единых стандартов подготовки), пропаганда примирительных процедур (информирование бизнеса о преимуществах медиации и судебного примирения) и стимулирование их применения (например, через снижение размера госпошлины при успешном примирении). Развитие медиации и судебного примирения свидетельствует о трансформации судебной системы в сторону большей гибкости и ориентации на достижение согласия сторон. Несмотря на существующие проблемы, данные институты обладают значительным потенциалом и способны существенно повысить эффективность разрешения экономических споров. По нашему мнению, дальнейшее развитие требует комплексного совершенствования законодательства, повышения уровня правовой культуры и развития профессиональных стандартов посредников, что в конечном итоге будет способствовать укреплению стабильности экономического оборота и доверия к правосудию.

Предложения по совершенствованию института примирительных процедур позволили сформировать целостную стратегию развития этого направления:

- сфере законодательства необходимо ввести частичную обязательность медиации по отдельным категориям дел, чётко закрепить гарантии конфиденциальности, предусмотреть возможность приостановления процессуальных сроков на период примирения:

- в институциональном плане целесообразно создать единую базу данных примирителей, сформировать при арбитражных судах специализированные службы содействия примирению, учредить координационный совет при Верховном Суде РФ;

- в части экономических стимулов следует установить дифференцированное снижение госпошлины, предусмотреть возмещение части издержек при успешном примирении, ввести налоговые льготы для организаций, систематически использующих примирительные механизмы;

- образовательной и просветительской работе важно включить курсы по медиации в юридические программы, организовать регулярные обучающие семинары для судей, адвокатов и корпоративных юристов, запустить масштабную информационную кампанию для бизнес-сообщества с разъяснением преимуществ медиации и судебного примирения, а также публиковать ежегодные отчёты с анализом успешных кейсов применения примирительных процедур;

- в области технологического развития требуется интегрировать платформы онлайн-медиации с системой «Мой арбитр», разработать специализированное программное обеспечение для фиксации хода примирительных процедур и формирования проектов мировых соглашений, внедрить системы видеоконференцсвязи с возможностью разделения участников на «комнаты» для проведения кокусов;

- для мониторинга и оценки эффективности необходимо ввести обязательную статистическую отчётность арбитражных судов по применению примирительных процедур с детализацией по категориям дел и результатам, проводить регулярные социологические исследования среди участников экономических споров об уровне доверия к примирительным механизмам, организовать экспертный совет для анализа правоприменительной практики и выработки предложений по совершенствованию законодательства.

Таким образом, системное развитие примирительных процедур станет важным шагом в модернизации российской судебной системы, способствуя её большей ориентации на потребности бизнеса и общества в целом. Последовательная реализация

концепции «правосудия, ориентированного на примирение» позволит создать более гармоничную и эффективную систему разрешения экономических споров в Российской Федерации. Это не только оптимизирует работу судебной системы, но и будет способствовать формированию культуры мирного урегулирования конфликтов - основного элемента зрелого правового общества.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 01.01.2026)// Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - № 30. - Ст. 3012.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 03.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. - Ст. 4532.

3. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федеральный закон от 27 июля 2010 г. N 193-ФЗ (в ред. от 25.10.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. - № 31. – Ст. 4162.

4. О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза: федеральный закон от 08.06.2020 № 171-ФЗ// Собрание законодательства Российской Федерации. - 2020. - № 24. – Ст. 3745.

5. Альтернативные механизмы разрешения споров как инструмент формирования благоприятной среды для предпринимательской деятельности (опыт России и зарубежных стран): монография / Н.И. Гайдаенко Шер; отв. ред. Н.Г. Семилютина. - М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2022. - 248 с.

6. Алексеева Т.В. Институты альтернативного разрешения споров в России: проблемы и перспективы развития: дис. ... канд. юрид. Наук/ Т.В. Алексеева. - Москва. - 2020. - 201 с.

7. Амосова, В.В. Медиация как вид примирительных процедур в арбитражном процессе/ В.В. Амосова// Юридические науки. – 2020. - № 12-3 (51). – С. 13- 16.

8. Бурова, И.Л., Никитова, А.В. Изменения в законодательстве Российской Федерации о примирительных процедурах в арбитражном процессе/ И.Л. Бурова, А.В. Никитова// Теория и практика правового регулирования общественных отношений. - 2021. - № 4. - С. 282–298.

9. Ватаманюк, В.О. Мировое соглашение в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. Наук/ В.О. Витаманюк. - Москва. - 2022. - 291 с.

10. Лебедев, В.М. Научные основы современной российской модели правосудия / В.М. Лебедев // Журнал российского права. - 2023. - № 5. - С. 103–115.

11. Моторина, И.С. Формулировка дефиниции «судебная медиация»: собирательный подход к толкованию термина/ И.С. Моторина//Арбитражный и гражданский процесс. – 2025. - № 05. – С. 34-38.

12. Михайлова, Е.В. Медиация и судебное примирение: проблема соотношения / Е.В. Михайлова // Арбитражный и гражданский процесс. - 2023. - № 8. - С. 23–28.

13. Распопова, Н.И. Медиация: учебное пособие для вузов / Н.И. Распопова. - Москва: Издательство Юрайт, 2023. - 222 с.

14. Тресков, А.П. Медиация как альтернативная гарантия реализации принципов судебной власти / А.П. Тресков // Российский судья. - 2021. - № 11. - С. 47–51.

15. Фильченко, Д.Г., Евтухович, Е.А. К вопросу о понятии и содержании «иного порядка досудебного урегулирования споров, установленного договором»/ Д..Г. Фильченко, Е.А. Евтухович // Вестник гражданского процесса. - 2021. - № 4. - С. 282–298.

Чайко Кристина Викторовна
Chaiko Kristina Viktorovna
магистрант
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет»
e-mail: kris.key.k@mail.ru

ДОСУДЕБНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПОРОВ: ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ПРЕДЕЛЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ПРЕТЕНЗИОННОЙ ПРОЦЕДУРЫ

PRE-TRIAL REGULATION OF ECONOMIC DISPUTES: PROCEDURAL SIGNIFICANCE AND LIMITS OF THE MANDATORY CLAIM PROCEDURE

Аннотация. В статье рассматривается досудебное регулирование экономических споров как самостоятельный элемент механизма защиты прав субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности. Обосновывается, что претензионный порядок не должен пониматься только как формальная предпосылка обращения в арбитражный суд: его правовое значение проявляется в фиксации предмета конфликта, проверке добросовестности сторон, уточнении доказательственной базы и снижении процессуальных издержек. Одновременно выявляются риски чрезмерной формализации процедуры, когда несоблюдение отдельных требований к претензии превращается в препятствие для судебной защиты. Предлагается рассматривать эффективность досудебного регулирования через баланс доступности правосудия, автономии сторон и реальной возможности добровольного исполнения требования.

Abstract. The article examines pre-trial regulation of economic disputes as an independent element of the mechanism for protecting the rights of business entities. The claim procedure is substantiated not merely as a formal prerequisite for applying to a commercial court, but as a legal instrument that specifies the subject matter of the conflict, verifies the parties' good faith, clarifies the evidentiary basis and reduces procedural costs. At the same time, the article identifies the risks of excessive formalization, when non-compliance with individual claim requirements becomes an obstacle to judicial protection. The effectiveness of pre-trial regulation is assessed through the balance between access to justice, party autonomy and the real possibility of voluntary performance.

Ключевые слова: досудебное регулирование, экономические споры, претензионный порядок, арбитражный процесс, доступ к правосудию, судебная защита, добросовестность сторон.

Keywords: pre-trial regulation, economic disputes, claim procedure, commercial procedure, access to justice, judicial protection, good faith of the parties.

Досудебное регулирование экономических споров занимает промежуточное положение между автономным разрешением конфликта и государственным правосудием. Для субъектов предпринимательской деятельности оно имеет не только процедурное, но и экономико-организационное значение: спор еще не переведен в

публичную судебную плоскость, однако уже требует юридической квалификации требования, оценки доказательств, расчета задолженности, анализа договорного основания и выбора модели поведения. Поэтому претензия не сводится к письму контрагенту о наличии долга. В экономическом обороте она выполняет функцию правовой диагностики конфликта, позволяя определить, является ли спор результатом недобросовестного уклонения от исполнения, ошибки в документообороте, расхождения в толковании договора либо объективной невозможности своевременного исполнения обязательства.

В арбитражном процессе досудебный порядок приобрел значение специального фильтра, который должен отделять действительно неразрешимый конфликт от ситуации, где судебное вмешательство преждевременно. При этом важно подчеркнуть: такая конструкция оправдана только при условии, что она не блокирует право на судебную защиту, а создает для сторон реальную возможность урегулировать разногласие до возбуждения дела. Следовательно, досудебный порядок не должен превращаться в формальное препятствие. Более того, его применение обязано быть разумным и соразмерным целям правосудия. Научная дискуссия показывает, что досудебное урегулирование является комплексным институтом: его материально-правовой аспект связан с добровольным исполнением обязанности, а процессуальный аспект — с допустимостью последующего обращения в суд и проверкой соблюдения, установленной законом или договором процедуры [1].

Ключевая проблема состоит в том, что обязательность претензионного порядка сама по себе не гарантирует примирительного результата. Если должник заранее не намерен исполнять обязательство, претензия превращается в формальный временной интервал перед иском. Если кредитор использует ее лишь как техническое приложение к будущему заявлению, процедура теряет переговорный потенциал. Следовательно, эффективность досудебного регулирования должна оцениваться не количеством направленных претензий, а тем, способствует ли оно уточнению позиции сторон, частичному признанию требований, реструктуризации долга, заключению соглашения либо сокращению предмета будущего спора.

Правовая природа досудебного урегулирования раскрывается через соотношение частной автономии и публичного контроля. С одной стороны, спор возникает из гражданско-правового отношения, в котором стороны вправе определить способ

коммуникации, сроки ответа, форму обмена документами и допустимость переговоров. С другой стороны, когда законодатель связывает соблюдение претензионного порядка с правом на обращение в арбитражный суд, частная процедура получает публично-процессуальное значение. В этом проявляется внутреннее напряжение института: чем жестче суд оценивает содержание претензии, тем выше риск превращения досудебного порядка в формальный барьер; чем свободнее подход, тем больше вероятность фиктивного соблюдения процедуры.

Особое значение имеет вопрос о правовых последствиях достигнутого сторонами внесудебного результата. Если соглашение, заключенное по итогам переговоров, не обеспечивает достаточной исполнимости, участники оборота могут предпочесть судебный акт даже при наличии возможности договориться. Поэтому востребованность досудебного урегулирования зависит от гарантий результата: сторона должна понимать, что достигнутое соглашение не останется только моральным обязательством и может быть защищено эффективными юридическими средствами [2].

Для экономических споров принципиально важно тождество между претензией и будущим иском. Контрагент должен получить до суда информацию, позволяющую оценить основание, предмет и размер требования. При этом тождество не должно толковаться механически. В предпринимательском обороте сумма требований может изменяться из-за начисления неустойки, процентов, корректировки актов сверки, частичной оплаты или уточнения периода задолженности. Более взвешенным является подход, при котором оценивается, мог ли адресат претензии понять существо предъявленного требования и принять меры к его добровольному исполнению.

Судебная практика формирует содержание досудебного порядка не меньше, чем закон. Именно через судебные позиции конкретизируются требования к направлению претензии, адресату, доказательствам отправки, сроку ожидания ответа, допустимости изменения исковых требований и последствиям выявленного нарушения после принятия иска. В научной литературе обоснованно отмечается, что после реформирования арбитражного процесса накопился значительный массив противоречивых подходов, поскольку суды одновременно стремятся обеспечить процессуальную дисциплину и не допустить чрезмерного ограничения доступа к правосудию [3].

Практическая сложность усиливается цифровизацией хозяйственного оборота.

Претензии все чаще направляются по электронной почте, через электронный документооборот, личные кабинеты информационных систем и корпоративные порталы, если такие способы согласованы сторонами или фактически использовались в их деловой коммуникации. Очевидно, что сущность досудебного урегулирования не должна привязываться к конкретному материальному носителю. Для суда важен не технологический канал сам по себе, а возможность достоверно установить отправителя, адресата, дату направления, содержание требования и факт получения либо доступности сообщения. Поэтому доказательство соблюдения претензионного порядка становится частью общей доказательственной стратегии.

Содержание претензии должно быть достаточным, но не избыточным. Минимально необходимыми элементами выступают указание на нарушенное обязательство, описание фактических обстоятельств, правовое основание требования, расчет суммы, срок и способ добровольного исполнения, а также предупреждение о возможном обращении в суд. Однако требование включить в претензию весь объем будущей процессуальной аргументации не соответствует назначению досудебной стадии. Ее задача — предоставить контрагенту достаточную информацию для добровольного урегулирования и зафиксировать разумную попытку избежать судебного спора. Важно помнить и о роли информации. В ходе претензионной переписки стороны делятся своими взглядами и предоставляют доказательства. Это дает каждому участнику возможность более реалистично оценить, как может развиваться дело, и какие расходы могут возникнуть в суде.

Значение претензионного порядка проявляется также в доказывании добросовестности. Кредитор, направляя мотивированное требование и предоставляя разумный срок для ответа, демонстрирует готовность к внесудебному разрешению конфликта. Должник, который игнорирует претензию, уклоняется от получения корреспонденции или дает формальный ответ без анализа предъявленного требования, создает для себя неблагоприятный процессуальный фон. В этом смысле досудебное регулирование влияет на оценку поведения сторон, распределение судебных расходов, перспективы примирения и восприятие судом последующих процессуальных действий [4].

Вместе с тем нельзя абсолютизировать разгрузочную функцию института. Снижение количества судебных дел является важным, но вторичным результатом.

Первичная цель состоит в обеспечении более рациональной защиты нарушенного права. Если обязательная претензия лишь откладывает обращение в суд, она увеличивает стоимость защиты. Если же она позволяет уточнить долг, получить признание части обязательства, согласовать график платежей или исключить из будущего иска бесспорные обстоятельства, процедура выполняет самостоятельную правовую функцию.

Перспективы развития досудебного регулирования экономических споров связаны с нормативной определенностью и гибкостью одновременно. Закон должен закреплять базовые требования к претензии, срокам и доказательствам направления, но не должен подменять деловой оборот чрезмерно детализированной формой. Для разных категорий экономических споров требуется различная интенсивность досудебной процедуры: взыскание денежной задолженности по договору нуждается в одном наборе требований, сложный корпоративный или инвестиционный конфликт — в ином, а спор с публичным элементом — в специальной административной процедуре [5].

Таким образом, досудебное регулирование экономических споров следует рассматривать как правовой механизм, соединяющий превентивную, доказательственную, коммуникативную и процессуальную функции. Его ценность проявляется тогда, когда он помогает сторонам осознанно проверить спор до суда, зафиксировать предмет разногласий и использовать возможность добровольного исполнения. Опасность возникает при превращении претензионного порядка в формальный пропуск к арбитражному суду. Оптимальная модель должна сохранять обязательность там, где она действительно стимулирует урегулирование, и исключать чрезмерный формализм там, где процедура становится препятствием для судебной защиты.

Литература:

1. Фокин Е.А. Досудебное урегулирование споров в арбитражном процессе: эволюция и противоречия подходов судебной практики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 13, № 4. С. 124–151. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.4.124.151.

2. Михайлова Е.В. Досудебный порядок урегулирования спора в системе защиты гражданских прав // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15, № 1. С. 80–95. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.1.80.95.

3. Баринов А.В., Ананьин П.А., Новичкова Ю.Г. Особенности осуществления претензионного порядка урегулирования спора в арбитражном процессе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 2. С. 96–99.

4. Новиков А.В. К вопросу о досудебном порядке урегулирования экономических споров // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 1А–2А. С. 240–246. DOI: 10.34670/AR.2023.61.66.031.

5. Тихомирова Я.О., Кот М.К. Концепция законодательства о досудебном урегулировании экономических споров // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 6-4 (93). С. 169–172.

Горохов Иван Сергеевич
Gorokhov Ivan Sergeevich
магистрант
ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет»

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

LEGAL REGULATION OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS: CURRENT STATE AND PROSPECTS

Аннотация. В статье рассмотрено состояние правового регулирования технологий искусственного интеллекта в российском образовании. На основе анализа действующего регулирования и публично описанных кейсов использования ИИ в российских вузах выявлены проблемные зоны в сфере защиты данных обучающихся, авторства учебных работ и распределения ответственности за алгоритмические решения. Предложены направления развития отраслевого регулирования.

Abstract. The article examines the state of legal regulation of artificial intelligence technologies in Russian education. Using specific cases from Russian universities, gaps in legislation concerning the protection of students' data, copyright in generated content, and the distribution of liability for harm caused by algorithmic decisions are identified. Directions for the development of sectoral regulation are proposed.

Ключевые слова: искусственный интеллект, образовательный процесс, правовое регулирование, персональные данные, авторское право, генеративные нейросети, цифровизация образования.

Keywords: artificial intelligence, educational process, legal regulation, personal data, copyright, generative neural networks, digitalization of education.

История с выпускником РГГУ Александром Жаданом, защитившим в начале 2023 г. дипломную работу, написанную с помощью ChatGPT, обнажила проблему, которую российское законодательство до сих пор обходит стороной [9]. В дальнейшем отношение к таким инструментам стало меняться: по сообщению ТАСС от 4 августа 2025 г., 11 вузов — участников проекта «Яндекса» и НИУ ВШЭ — поддержали использование ИИ при подготовке выпускных квалификационных работ [10]. Таким образом, применение ИИ в образовательном процессе постепенно переходит из зоны неформальных практик в сферу институционального признания, тогда как его нормативное регулирование остаётся фрагментарным.

Цель статьи — определить основные правовые проблемы, возникающие при использовании технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе, и предложить возможные направления их регулирования. Для этого анализируются нормы российского законодательства об образовании, персональных данных, информации и авторском праве, а также публичные кейсы применения генеративных нейросетей в российских вузах. В работе используются формально-юридический метод, анализ нормативных актов и материалов открытых источников.

Конституция Российской Федерации в ст. 43 гарантирует доступность и качество

образования [2]. Федеральный закон № 273-ФЗ регулирует применение электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, однако специальных норм об использовании систем искусственного интеллекта в образовательном процессе не содержит. [3]. Стратегические ориентиры заданы Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (в редакции 2024 года), утвердившим Национальную стратегию развития ИИ до 2030 года; образование в ней названо приоритетной отраслью внедрения [4]. Опосредованно отношения с участием ИИ-систем регулируют Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [5], Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [6], а также Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники [7]. Дополняет картину Кодекс этики в сфере ИИ 2021 г. — документ добровольного характера.

Персональные данные обучающихся. Системы прокторинга и адаптивного обучения собирают не только успеваемость, но и мимику, голос, время реакции, движения глаз. Согласно ст. 11 Федерального закона № 152-ФЗ к биометрическим относятся данные, позволяющие установить личность [5]. Однако вывод нейросети о том, что школьник «демотивирован» или «нервничает», под это определение формально не подпадает — хотя, по сути, это и есть профилирование. С. Я. Давудова и К. Т. Рагимханова отмечают, что согласие на такую обработку обычно «зашито» в общий пользовательский договор и фактически не читается ни учеником, ни родителем [8, с. 16]. Применительно к несовершеннолетним такая ситуация требует отдельного регулирования — с обязательным выделением психоэмоциональных данных в категорию чувствительных.

Авторство. Статья 1259 Гражданского кодекса РФ признаёт объектом авторского права результат творческого труда человека [1]. Российская модель авторского права исходит из связи охраняемого результата с творческим трудом человека. В этой связи использование генеративной модели при подготовке учебной работы ставит вопрос не столько о правоспособности ИИ как автора, сколько о степени самостоятельного творческого вклада обучающегося.

Случай Жадана показал: если работа формально проходит проверку, диплом выдаётся, и ни одна норма федерального законодательства не предписывает иного. Сегодня вузы вводят правила маркировки доли ИИ-контента локальными актами — каждый по-своему. В НИУ ВШЭ с 2024 г. действует регламент, разрешающий использование нейросетей при условии указания на это в работе [10]; в ряде других университетов сохраняется фактический запрет. Такая «лоскутная» практика не обеспечивает единообразия и порождает вопросы при апелляциях. По мнению автора, на федеральном уровне следовало бы рассмотреть возможность закрепления категории учебной или научной работы, созданной с использованием ИИ-инструментов, с указанием характера и объёма такого использования: генерация текста, редактирование, перевод, поиск источников, структурирование материала и тому подобное.

Ответственность за вред. Если адаптивная платформа на основе анализа эмоций ошибочно определила у школьника «низкую мотивацию» и автоматически перевела его на упрощённую программу, кто отвечает за упущенные знания? Возможные основания — деликт (ст. 1064 ГК РФ), Закон РФ «О защите прав потребителей» при платных услугах, договор между вузом и обучающимся. Проблема в том, что разработчик, как правило, защищён пользовательским соглашением, а образовательная организация ссылается на сертифицированную систему. Студент остаётся один на один с

алгоритмом. Впрочем, следует оговориться: механизм солидарной ответственности в образовательной сфере пока слабо проработан даже на теоретическом уровне, и его практическая реализация потребовала бы дополнительных исследований.

Этический аспект. Массовое применение генеративных моделей при подготовке учебных работ снижает мотивацию к самостоятельной деятельности и навыки критического мышления — то самое, что ст. 2 Федерального закона № 273-ФЗ относит к целям образования [3]. К. В. Лапутько прямо пишет: без чётких правил применения нейросетей вуз рискует выпускать специалистов, формально соответствующих ФГОС, но не владеющих реальными компетенциями [11, с. 16–17]. Парадокс ситуации в том, что одни вузы за использование ChatGPT отчисляют, другие — выдают доступ к корпоративной подписке на YandexGPT. Без федерального регулирования эта вилка будет только расти.

Что можно сделать уже сейчас? Начать, вероятно, стоит с точечных изменений в Федеральный закон № 273-ФЗ — добавить отдельную главу, посвящённую алгоритмическим и цифровым технологиям, с требованиями к сертификации и прозрачности. Параллельно — разработать на уровне Минпросвещения и Минобрнауки единые методические рекомендации по применению генеративных нейросетей, иначе каждый вуз так и будет создавать собственные правила, порой противоречащие друг другу. Отдельного внимания заслуживает вопрос о психоэмоциональных данных — здесь нужны поправки в Федеральный закон № 152-ФЗ, выводящие такие данные в особую категорию, особенно для несовершеннолетних. Полезной мерой могла бы стать и обязательная этическая экспертиза образовательных ИИ-решений с участием независимых экспертов. Что касается ФГОС, то компетенция работы с ИИ, вероятно, должна стать такой же базовой, как сегодня — компьютерная грамотность, хотя этот тезис требует отдельной проработки.

Целесообразно ввести обязательную независимую этическую экспертизу ИИ-систем в образовании. Она должна оценивать влияние на психическое здоровье обучающихся, критическое мышление и равенство возможностей, опираясь на опыт ЕС в рамках AI Act.

Также необходимо развивать повышение квалификации педагогов по применению генеративных нейросетей. Без методической поддержки преподаватели рискуют либо запретить ИИ, снижая конкурентоспособность выпускников, либо допустить бесконтрольное использование, ведущее к девальвации знаний. Разработка типовых модулей и реестра сертифицированных решений повысит прозрачность и доверие к технологиям в образовании.

Разумеется, предложенные меры не являются исчерпывающими и потребуют адаптации под конкретные уровни образования и типы образовательных организаций.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что правовое регулирование ИИ в российском образовании существенно отстаёт от практики его применения. Случай Жадана и проект 11 вузов показывают: технология уже стала частью образовательной реальности, и продолжать её игнорировать на федеральном уровне нельзя. По мнению автора, переход от рамочного регулирования к комплексному отраслевому, с одновременным усилением этической составляющей, позволит превратить искусственный интеллект из источника правовых коллизий в инструмент модернизации российской школы и высшей школы.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : федер. закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5496.

2. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

3. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.

4. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 10 окт. 2019 г. № 490 (в ред. от 15 февр. 2024 г. № 124) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.

5. О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3451.

6. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3448.

7. Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 19 авг. 2020 г. № 2129-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – № 34. – Ст. 5605.

8. Давудова С. Я. Правовое регулирование искусственного интеллекта в образовании / С. Я. Давудова, К. Т. Рагимханова // Закон и право. – 2025. – № 3. – С. 57–62. – DOI 10.24412/2073-3313-2025-3-57-62.

9. Выпускник РГГУ получил диплом, который он написал с помощью ChatGPT // Фонтанка.ру. – 2023. – 14 марта. – URL: https://www.fontanka.ru/2023/03/14/72132572/ (дата обращения: 10.04.2026).

10. Применение ИИ для подготовки дипломов поддержали 11 вузов // ТАСС. – 2025. – 4 авг. – URL: https://tass.ru/obschestvo/24699917 (дата обращения: 10.04.2026).

11. Лапутько К. В. Этические и правовые аспекты использования искусственного интеллекта в образовательных цифровых платформах для молодежи / К. В. Лапутько // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 4 (15). – С. 14–20. – DOI 10.17072/2949-5601-2025-4-14-20.

Бенчук Екатерина Андреевна
Benchuk Ekaterina Andreevna
студент
ФГАОУ ВО «федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛЬНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ МЕЖПАРЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕИ СНГ В СФЕРЕ ПОГРАНИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

SPECIFICS OF THE IMPLEMENTATION OF MODEL LEGISLATIVE ACTS OF THE CIS INTERPARLIAMENTARY ASSEMBLY IN THE FIELD OF BORDER SECURITY

Аннотация. Целью данной статьи является комплексный анализ особенностей реализации и имплементации модельных законодательных актов Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых государств в сфере обеспечения пограничной безопасности, выявление существующих правовых и организационных барьеров на пути их внедрения в национальные законодательства, а также разработка научно обоснованных рекомендаций по повышению эффективности гармонизации пограничной политики на пространстве Содружества. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания (системный анализ, синтез, обобщение нормативного материала) и специальные юридические методы, включая сравнительно-правовой метод, формально-юридический подход и метод правового моделирования. В результате проведённого анализа систематизированы ключевые положения базовых модельных законов в пограничной сфере: «О государственной границе», «О пограничной безопасности», «О пограничных ведомствах (силах)». Исследована география и глубина их имплементации в национальное законодательство стран Содружества, а также классифицированы государства по степени внедрения данных стандартов. Определены терминологические неточности действующих актов и предложены конкретные практические инструменты повышения эффективности модельного законотворчества, такие как создание Экспертно-аналитического центра мониторинга при МПА СНГ, модернизация понятийного аппарата и необходимость связи имплементации с программами материально-технического сотрудничества.

Abstract. The purpose of this article is a comprehensive analysis of the specifics of the implementation and implementation of model legislative acts of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States in the field of border security, identification of existing legal and organizational barriers to their implementation in national legislation, as well as the development of scientifically sound recommendations to improve the effectiveness of harmonization of border policy in the Commonwealth. The methodological basis of the research was made up of general scientific methods of cognition (system analysis, synthesis, generalization of normative material) and special legal methods, including the comparative legal method, the formal legal approach and the method of legal modeling.. As a result of the analysis, the key provisions of the basic model laws in the border area are systematized.: "On the State Border", "On border security", "On border agencies

(forces)". The geography and depth of their implementation in the national legislation of the Commonwealth countries are studied, and states are classified according to the degree of implementation of these standards. The terminological inaccuracies of the current acts are identified and specific practical tools for improving the effectiveness of model lawmaking are proposed, such as the creation of an Expert and Analytical Monitoring Center at the IPA CIS, the modernization of the conceptual framework and the need to link implementation with logistical cooperation programs.

Ключевые слова: модельное законодательство, пограничная безопасность, имплементация, трансграничные угрозы, Содружество Независимых Государств.

Keywords: model legislation, border security, implementation, cross-border threats, the Commonwealth of Independent States.

Введение. Обеспечение стабильности и суверенной целостности государств-участников Содружества Независимых Государств в условиях динамично меняющихся геополитических вызовов неразрывно связано с эффективным правовым регулированием отношений в пограничном пространстве.

Пограничная безопасность выступает в качестве важнейшей составной части национальной безопасности каждого государства, представляя собой состояние защищенности его политических, экономических, информационных, гуманитарных и иных интересов на государственной границе и в приграничной территории [4]. Сложный характер трансграничных угроз обусловливает объективную необходимость координации оборонно-правовой политики государств СНГ. Ведущим институтом, обеспечивающим гармонизацию и унификацию правовых систем в данной сфере, является Межпарламентская Ассамблея государств — участников СНГ, чья модельная законотворческая деятельность направлена на создание единых стандартов правового регулирования.

Стратегической целью согласованной пограничной политики, реализуемой в том числе посредством модельного нормотворчества, является надёжная защита общих и национальных интересов государств СНГ, обеспечение безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних пограничных угроз.

Модельные законы МПА СНГ выполняют функцию нормативно-ориентирующих стандартов, которые, не обладая прямым юридическим действием, задают единый вектор развития национального права, способствуя преодолению правовой асимметрии на постсоветском пространстве.

Исторические предпосылки и причинно-следственные связи разработки пограничного законодательства. Развитие модельного законодательства СНГ в пограничной сфере носило реактивный характер, выступая прямым следствием геополитических трансформаций конца 20 века.

Распад СССР привёл к превращению административных границ бывших союзных республик в межгосударственные рубежи, большинство из которых не имели надлежащего международно-правового оформления, не были делимитированы и демаркированы. Это создало масштабный правовой вакуум, который на фоне прозрачности внутренних границ СНГ способствовал резкому росту трансграничных угроз.

В 1990-х и 2000-х годах государства Содружества столкнулись с беспрецедентной активизацией транснациональной организованной преступности, контрабанды оружия, масштабного наркотрафика, нелегальной миграции и трансграничной торговли людьми. Особую опасность представляли риски проникновения международного терроризма и религиозного экстремизма через внешние границы СНГ.

Локальные пограничные ведомства молодых суверенных государств оказались институционально и нормативно не готовы противостоять столь агрессивной внешней среде в одиночку. Это сформировало устойчивую причинно-следственную связь между возникновением системных угроз и необходимостью выработки коллективных международно-правовых инструментов их нейтрализации.

Реагируя на данные вызовы, государства СНГ перешли от разрозненных двусторонних соглашений к формированию многосторонней нормативной базы. Политико-правовым стимулом для разработки базовых модельных законов послужили долгосрочные межгосударственные программы сотрудничества в укреплении пограничной безопасности на внешних границах [10]. В рамках реализации данных программ Постоянная комиссия МПА СНГ по вопросам обороны и безопасности совместно с Советом командующих Пограничными войсками инициировала создание триады модельных законов [9].

Для решения проблемы отсутствия чётких правил демаркации и охраны рубежей был разработан модельный закон «О государственной границе», для формирования единой доктрины защиты национальных интересов - модельный закон «О пограничной

безопасности», а для стандартизации полномочий силовых структур - модельный закон «О пограничных ведомствах (силах)».

Таким образом, создание каждого модельного акта являлось прямым ответом на конкретную практическую проблему в сфере коллективной безопасности СНГ.

Материал и методы исследования. Для выявления особенностей реализации и имплементации модельных законодательных актов Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых государств в сфере обеспечения пограничной безопасности необходимо провести анализ содержания трёх основных модельных законов, которые детально регламентируют различные аспекты пограничной деятельности и создают комплексный правовой механизм защиты внешних рубежей Содружества, а также принятых на их основе национальных законов государств Содружества.

Модельный закон «О государственной границе», принятый постановлением МПА СНГ от 28 октября 2010 года № 35-9, устанавливает основы государственной политики в сфере обустройства и содержания межгосударственных рубежей.

Закон детально регламентирует процедуры установления пограничного режима, режима в пунктах пропуска, а также правила пересечения границы лицами, транспортными средствами и грузами. Ключевым инструментом, предлагаемым данным законом, является стандартизация мер контроля, что позволяет минимизировать риски возникновения территориальных споров и упростить транзит при соблюдении национальных интересов государств-участников [5].

Модельный закон «О пограничной безопасности», принятый постановлением МПА СНГ от 28 октября 2010 года № 35-10 (в редакции постановления от 28 октября 2022 года № 54-6), концептуализирует понятие пограничной безопасности как динамического состояния защищенности интересов личности, общества и государства.

Закон определяет источники и характер угроз в пограничном пространстве, разграничивает полномочия органов государственной власти и вводит систему специальных правовых ограничений и запретов. Документ предлагает инструменты мониторинга рисков, а его обновлённая редакция учитывает современные аспекты информационной и кибернетической безопасности в приграничной зоне [6].

Модельный закон «О пограничных ведомствах (силах)», принятый постановлением МПА СНГ от 17 мая 2012 года № 37-10, определяет правовой статус,

организационные основы деятельности и полномочия специализированных государственных органов, осуществляющих охрану границ.

В законе закреплены нормы, регламентирующие боевое обеспечение охраны границ, порядок применения физической силы, специальных средств, оружия и боевой техники. Особое значение имеет наделение пограничных сил полномочиями по ведению оперативно-розыскной деятельности, что позволяет им эффективно бороться с трансграничной преступностью, включая незаконный оборот наркотиков и торговлю людьми [7].

Проведённый сравнительно-правовой анализ показывает, что глубина и масштабы интеграции модельных стандартов МПА СНГ в национальные правовые системы существенно различаются в зависимости от уровня интеграции конкретного государства и характера стоящих перед ним вызовов.

По степени имплементации пограничного законодательства МПА СНГ государства-участники могут быть условно разделены на три основные группы.

К первой группе — государствам с глубокой степенью имплементации — относятся Российская Федерация и Республика Беларусь, формирующие общее оборонное пространство в рамках Союзного государства.

В Российской Федерации положения модельных законов «О государственной границе» и «О пограничной безопасности» нашли прямое отражение в Законе РФ «О Государственной границе Российской Федерации» [2], а также в концептуальных положениях Стратегии национальной безопасности РФ [12].

В Республике Беларусь нормы модельного законодательства МПА СНГ практически полностью имплементированы в Закон Республики Беларусь «О Государственной границе Республики Беларусь» [1] и национальную Концепцию пограничной безопасности [11]. Для этих стран модельные акты послужили основой для синхронизации режимов охраны внешних границ Союзного государства.

Вторую группу составляют государства Центральной Азии — Республика Таджикистан, Кыргызская Республика и Республика Казахстан.

Находясь на передовой противодействия наркотрафику по «северному маршруту» и религиозному экстремизму, эти страны проявили высокую заинтересованность в унификации правовых стандартов.

В Таджикистане и Кыргызстане модельный закон «О пограничных ведомствах (силах)» использовался как нормативный шаблон при реформировании пограничных войск и наделении их оперативно-розыскными полномочиями [8].

Законодательство Казахстана о государственной границе также в значительной степени заимствовало терминологию и подходы, выработанные экспертами МПА СНГ.

Третью группу представляют страны с умеренной и селективной имплементацией, такие как Азербайджанская Республика и Республика Армения.

Эти государства предпочитают опираться на собственные правовые системы, сформированные ещё в начале 1990-х годов. Так, базовый Закон Азербайджана «О Государственной границе Азербайджанской Республики» был принят в 1991 году. Тем не менее, данные страны активно используют точечные рекомендации МПА СНГ, например, в сфере противодействия трансграничной преступности, торговле людьми и унификации подходов к определению незаконного оборота наркотических средств.

В то же время государства, выбравшие вектор на интеграцию с европейскими и евроатлантическими структурами (Молдова, а также вышедшие из СНГ Грузия и Украина), полностью проигнорировали модельное законодательство СНГ в пограничной сфере.

Результаты исследования. Несмотря на значительный интеграционный потенциал модельных актов МПА СНГ, их практическая реализация сталкивается с комплексом взаимосвязанных проблем, снижающих эффективность гармонизации правового пространства Содружества.

Главной юридической проблемой является рекомендательный характер актов МПА СНГ. Модельный закон по своей природе лишён императивности и прямого действия, выступая лишь ориентиром для национальных законодателей. В условиях отсутствия наднациональных механизмов контроля и ответственности за невыполнение рекомендаций МПА СНГ, степень интеграции модельных норм в национальное право остаётся крайне неравномерной и во многом зависит от сиюминутных политических приоритетов конкретной страны.

Существенным барьером являются доктринальные и терминологические расхождения. Как отмечает исследователь проблем безопасности в пограничном пространстве А. Н. Калдышев, три основных модельных закона СНГ («О

государственной границе», «О пограничных ведомствах (силах)» и «О пограничной безопасности») содержат ряд внутренних противоречий и понятийных неточностей.

В частности, в модельном законодательстве отсутствует чёткое правовое определение понятия «кризисные ситуации» на внешних границах и не проведено его отграничение от смежных правовых режимов, таких как чрезвычайное или военное положение.

Кроме того, в действующих нормах не закреплены прямые полномочия глав государств СНГ по оперативному реагированию на резкие изменения обстановки на внешних границах Содружества, требующие совместного применения сил и средств [3].

Организационно-финансовые диспропорции также препятствуют полной имплементации модельных стандартов. Модельные акты ориентируют государства на создание высокотехнологичной пограничной инфраструктуры и систем электронного контроля. Однако уровень экономического развития и финансовые возможности стран СНГ существенно различаются.

В то время как Россия и Казахстан способны инвестировать значительные средства в модернизацию рубежей, другие государства-участники вынуждены внедрять модельные рекомендации лишь частично из-за дефицита бюджетных средств.

Выводы. Для преодоления существующих барьеров и повышения уровня внедрения модельного законодательства МПА СНГ в пограничной сфере представляется целесообразным реализовать комплекс мер правового, институционального и организационного характера.

С точки зрения совершенствования нормативной базы, необходимо поддержать предложения научного сообщества, в частности А. Н. Калдышева, по модернизации понятийного аппарата модельных законов. Требуется законодательно закрепить и уточнить понятие «кризисные ситуации» на внешних границах Содружества, выделив его в качестве самостоятельного правового режима [3].

В рамках этого режима необходимо чётко регламентировать полномочия глав государств — участников СНГ по оперативному совместному реагированию на угрозы, включая задействование коллективных сил пограничных ведомств.

На институциональном уровне целесообразно создать при МПА СНГ постоянно действующий Экспертно-аналитический центр мониторинга имплементации модельного законодательства. Данный орган должен осуществлять регулярный аудит

национальных законов государств Содружества на предмет их соответствия стандартам МПА СНГ, готовить ежегодные доклады и разрабатывать адресные рекомендации для национальных парламентов по устранению выявленных правовых пробелов.

Финансово-организационный механизм должен предусматривать тесную увязку процессов модельного законотворчества с реализацией Программ сотрудничества государств-участников СНГ в укреплении пограничной безопасности на внешних границах.

Оказание технической и финансовой помощи менее экономически развитым странам Содружества для обустройства их границ должно быть обусловлено обязательствами по имплементации соответствующих модельных законов в их национальное законодательство.

Заключение. Подводя итог проведённому исследованию, необходимо подчеркнуть, что модельное законодательство МПА СНГ в сфере пограничной безопасности выступает уникальным и незаменимым инструментом гармонизации правового пространства на постсоветском пространстве.

Разработанный комплекс модельных законов позволил сформировать единый концептуальный базис для защиты внешних рубежей Содружества в условиях обострения трансграничных угроз.

Несмотря на наличие объективных препятствий, связанных с рекомендательным характером актов и финансовыми диспропорциями государств, потенциал модельного законотворчества далеко не исчерпан. Дальнейшая модернизация понятийного аппарата, усиление институционального мониторинга и интеграция правовых стандартов с программами материально-технического сотрудничества позволят существенно повысить уровень безопасности личности, общества и государств — участников СНГ в пограничном пространстве.

Литература:

1. Закон Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. № 419-З «О Государственной границе Республики Беларусь» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2008. № 184. 2/1506.

2. Закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 17. Ст. 594.

3. Калдышев А. Н. Совершенствование модельного законодательства в области обеспечения безопасности в пограничном пространстве // Международное право. 2019. №2 С. 34-41

4. Медведев М. А. Осуществление режимно-пропускной деятельности пограничными органами в условиях реализации государственной пограничной политики: новеллы и перспективы // Право и практика. 2018. №3 С. 51-55

5. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств от 28 октября 2010 г. №35-9 «О модельном законе "О государственной границе"»

6. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств —участников Содружества Независимых Государств от 28 октября 2010 года №35-10 «О модельном законе „О пограничной безопасности“»

7. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 17 мая 2012 года №37-10 «О модельном законе „О пограничных ведомствах (силах)“»

8. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 22 ноября 2024 года №57-13 «О Рекомендациях по совершенствованию правового регулирования деятельности пограничных ведомств государств-участников СНГ в сфере противодействия терроризму»

9. Решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 26 августа 2005 года «О Концепции согласованной пограничной политики государств — участников Содружества Независимых Государств» // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств.

10. Решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 18 декабря 2020 года «О Программе сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств в укреплении пограничной безопасности на внешних границах на 2021–2025 годы» // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств.

11. Указ Президента Республики Беларусь от 16 октября 2018 г. № 410 «Об утверждении Концепции обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь

на 2018–2022 годы» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2018. № 1/17987

12. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

Научное издание

Коллектив авторов

Научный журнал «Человек. Социум. Общество»

Москва 2026